

**ДВАДЦАТЬ
ЛЕТ СПУСТЯ**

**ИГОТЪ ДЪНОМЪ
АЛЕКСАНДРЪ ДЮМЪ**

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

ТОМ 1

ТКО «АСТ»

А
Д
Е
Ж
З
И
К
Л
М
Н
О
П
Р
С
Т
У
Ф
Х
Ц
Ч
Ш
Щ
Ъ
Ы
Ь
Э
Ю
Я

И (Фр)
Д 96

Составитель серии *Акиг Е Р*

Худ. оформление обложки
Огрызко Л., Гусева В.

Иллюстрации *Гальдяева В. Л.*

При художественном оформлении книги
были использованы материалы
из коллекции *Козлова В. Т.*

Книга издана ТКО «АСТ»
совместно с издательством «Детская литература»
и фирмой «Орион» ЛТД

**ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ**

Глава 1

ТЕНЬ РИШЕЛЬЕ

одном из покоев уже знакомого нам кардинальского дворца, за столом с позолоченными углами, заваленным бумагами и книгами, сидел мужчина, подперев обеими руками голову.

Позади него в огромном камине горел яркий огонь, и пылающие головни с треском обваливались на вызолоченную решетку. Свет очага падал сзади на великолепное одеяние задумавшегося человека, а лицо его освещало пламя свечей, зажженных в канделябрах.

И красная сутана, отделанная богатыми кружевами, и бледный лоб, омраченный тяжелой думой, и уединенный кабинет, и тишина пустых соседних зал, и мерные шаги часовых на площадке лестницы — все наводило на мысль, что это тень кардинала Ришелье оставалась еще в своем прежнем жилище.

Увы, это была действительно только тень великого человека! Ослабевшая Франция, пошатнувшаяся власть короля, вновь собравшееся с силами буйное дворянство и неприятель, переступивший границу, свидетельствовали о том, что Ришелье здесь больше нет.

Но еще больше утверждало в мысли, что красная сутана принадлежала вовсе не старому кардиналу, одиночество, в котором пребывала эта фигура, тоже более подобавшее призраку, чем живому человеку: в пустых коридорах не толпились придворные, зато дворы были полны стражи; с улицы к окнам кардинала летели насмешки всего города, объединившегося в бурной ненависти к нему; наконец, издали то и дело доносилась ружейная пальба, которая, правда, пока велась впустую, с единственной целью показать караулу, швейцарским наемникам, мушкетерам и солдатам, окружающим Пале-Рояль (теперь и самый кардинальский дворец сменил имя), что у народа тоже есть оружие.

Этой тенью Ришелье был Мазарини.

Он чувствовал себя одиноким и бессильным.

— Иностранец! — шептал он. — Итальянец! Вот их излюбленные слова. С этими словами они убили, повесили, истребили Кончини¹. Если бы я дал им волю, они бы и меня убили, повесили, истребили. А какое я им сделал зло? Только прижал их немного налогами. Ду-

¹ Итальянец-авантюрист, бывший фаворитом королевы Марии Медичи, министром Людовика XIII, убит в 1617 г.

рачь! Они не понимают, что враг их совсем не итальянец, плохо говорящий по-французски, а разные краснобаи, с чистейшим парижским выговором, разглагольствующие перед ними. Да, да,— бормотал министр с тонкой улыбкой, казавшейся сейчас неуместной на его бледных губах,— да, ваш ропот напоминает мне, как прочна судьба временщика; но если вы это знаете, то знайте же, что я-то не простой временщик! У графа Эссекса был великолепный перстень с алмазами, который подарила ему царственная любовница¹; а у меня простое кольцо с вензелем и числом, но это кольцо освящено в церкви Палерояля². Им не сломить меня, сколько они ни грозятся. Они не замечают, что, хоть они и кричат вечно: «Долой Мазарини!», я заставлю их кричать также: «Да здравствует герцог Бофор!», «Да здравствует принц Конде!» или «Да здравствует парламент!» И вот герцог де Бофор в Венсене, принц не сегодня-завтра угодит туда же, а парламент... (Тут улыбка кардинала превратилась в гримасу такой ненависти, какой никогда не видали на его ласковом лице.) Парламент... посмотрим еще, что сделать с парламентом; за нас Орлеан и Монтаржи. О, я спешить не стану, но те, кто начал криком: «Долой Мазарини!», в конце концов будут кричать «долой» всем этим людям, каждому по очереди. Кардиналу Ришелье, которого они ненавидели, пока он был жив, и о котором только и говорят с тех пор, как он умер, приходилось хуже меня — ведь его несколько раз прогоняли, и очень часто он боялся быть выгнанным. Меня же королева никогда не прогонит, и если я буду вынужден уступить народу, то она уступит вместе со мной; если мне придется бежать, она убежит вместе со мной, и тогда посмотрим, как бунтовщики обойдутся без своей королевы и короля. Ах, не будь я иностранец, будь я француз, будь я дворянин!..

И он снова впал в задумчивость.

Действительно, положение было трудное, а истекший день усложнил его еще более. Мазарини, вечно подстрекаемый своей гнусной жадностью, давил народ налогами, и народ, у которого, как говорил прокурор Талон, оставалась одна душа в теле, и то потому, что ее не продашь с публичных торгов,— этот народ, которому громом военных побед хотели заткнуть глотку и который убедился, что лаврами он сыт не будет,— давно уже роптал.

Но это было еще не все. Пока ропщет один только народ, двор, отделенный от него буржуазией и дворянством, не слышит его ропота; но Мазарини имел неосторожность затронуть судебное ведомство: он продал двенадцать патентов на должность парламентских докладчиков! Между тем чиновники платили за свои места очень дорого, а так как появление двенадцати новых собратьев должно было снизить цену, то прежние чины соединились и поклялись на евангелии ни под каким видом не допускать новых докладчиков и сопротивляться всем притеснениям двора; они обязались, в случае если бы один

¹ Королева Елизавета Английская.

² Имеются сведения, что Мазарини, не дававший обета безбрачия, вступил в тайный брак с Анной Австрийской.

из них за неповиновение потерял свою должность, сложиться и воз-
вратить ему стоимость патента.

Вот такие действия были предприняты с обеих сторон.

Седьмого января около восьмисот парижских купцов собрались, возмущенные новыми налогами на домовладельцев, и, избрав десять депутатов, отправили их к герцогу Орлеанскому, который, по своему старому обычаю, заигрывал с народом. Герцог Орлеанский принял их, и они заявили ему, что решили не платить нового налога, хотя бы им пришлось защищаться против королевских сборщиков с оружием в руках. Герцог Орлеанский выслушал их очень благосклонно, обнадежил, посулил поговорить об уменьшении налога с королевой и напутствовал их, как и полагается принцу, обещанием: «Посмотрим».

Со своей стороны, парламентские докладчики девятого числа явились к кардиналу, и один из них от лица всех остальных говорил так решительно и смело, что кардинал был изумлен; он отпустил их, сказав, как и герцог Орлеанский: «Посмотрим».

И вот, чтобы посмотреть, был создан совет; послали за управляющим финансами д'Эмери.

Народ ненавидел этого д'Эмери: во-первых, потому, что он управлял финансами, а управляющего финансами всегда ненавидят, во-вторых, надо признаться, он этого в самом деле заслуживал.

Это был сын лионского банкира Партичелли, который после банкротства переменял фамилию и стал называться д'Эмери. Кардинал Ришелье, заметив в нем большие финансовые способности, представил его Людовику XIII под именем д'Эмери, и, желая назначить его управляющим финансами, расхвалил его.

— Чудесно! — ответил король. — Я очень рад, что вы предлагаете д'Эмери на это место, где нужен человек честный. Мне говорили, что вы покровительствуете мошеннику Партичелли, и я боялся, что вы заставите меня взять его.

— Государь, — ответил кардинал, — будьте покойны: Партичелли, о котором угодно было вспомнить вашему величеству, уже повешен.

— А, тем лучше! — воскликнул король. — Значит, не напрасно называют меня Людовиком Справедливым.

И он подписал назначение д'Эмери.

Этот самый д'Эмери и был теперь управляющим финансами.

За ним послали от имени министра. Он прибежал бледный, перепуганный и рассказал, что его сына чуть не убили сегодня на дворцовой площади: его узнали, окружили и стали поносить за роскошь, в которой жила его жена, — ее покои были обиты красным бархатом с золотой бахромой. Она была дочерью Николя Ле-Камю, секретаря с 1617 года, который пришел в Париж с двадцатью ливрами в кармане, а недавно, оставив для себя сорок тысяч ливров ренты, разделил между своими детьми девять миллионов.

Сына д'Эмери едва не задушили. Один из бунтовщиков предлагал мять его до тех пор, пока из него не выжмут награбленного золота.

Управляющий финансами был слишком взволнован происшествием с сыном, чтобы рассуждать спокойно, и совет ничего не решил в этот день.

На следующий день первый президент парламента Матье Моле, смелость которого в подобных обстоятельствах, по словам кардинала де Реца, равнялась храбрости герцога де Бофора и принца Конде, иначе говоря, двух лиц, считавшихся самыми отважными во всей Франции, — этот первый президент на другой день тоже подвергся нападению: народ угрожал раздаться с ним за все учиненное зло. Однако первый президент ответил со своим обычным спокойствием, не волнуясь и не выказывая удивления, что если смутьяны не подчинятся воле короля, то он велит поставить на площадях виселицы и тотчас же вздернет на них самых буйных. На это ему сказали, что виселицы давно пора поставить: они пригодятся, чтобы вздернуть на них судей-лихоимцев, покупающих себе милость двора ценой народной нищеты.

Но и это было еще не все. Одиннадцатого числа, когда королева направлялась к обедне в собор Парижской богоматери, что она делала неизменно каждую субботу, за ней двинулось больше двухсот женщин, крича и требуя справедливости. Впрочем, у них не было дурных намерений: они хотели только стать на колени перед королевой и пробудить в ней сострадание. Но конвой не допустил их, а королева прошла надменно и гордо, не слушая жалоб.

После полудня был снова собран совет, и на нем решено было поддержать авторитет короля; для этой цели на следующий день, двенадцатого числа, было назначено заседание парламента.

В тот день, с вечера которого мы и начинаем наш рассказ, десятилетний король, только что выздоровевший от ветряной оспы, ходил благодарить за свое исцеление Парижскую богоматерь. Под этим предлогом по королевскому приказу были собраны все гвардейцы, швейцарцы, мушкетеры и выстроены вокруг Пале-Рояля, вдоль набережных и Нового моста. Прослушав обедню, король отправился в парламента, где таким образом неожиданно состоялось «королевское заседание», и не только подтвердил свои прежние эдикты, но огласил еще пять или шесть новых, один разорительнее другого, по словам кардинала де Реца. И теперь даже первый президент, который, как мы видели, держал раньше сторону двора, решительно выступил против того, чтобы короля приводили в парламента для стеснения свободы депутатов.

Но особенно дерзко восстали против новых налогов президент Бланмениль и советник Брюсель.

Огласив эдикты, король вернулся в Пале-Рояль. Народ толпился на его пути. Все знали, что он возвращается из парламента, но неизвестно было, ходил ли он туда, чтобы защитить народ, или для того, чтобы сильнее притеснить его. Вот почему на всем пути его не раздалось ни одного радостного крика, ни одного приветствия по случаю его выздоровления. Лица горожан, напротив, были мрачны и беспокойны; на некоторых выражалась даже угроза.

¹ Речь идет о так называемом Lit de justice — торжественном заседании парламента, где король лично объявлял свою «монаршую волю».

Хотя король вернулся во дворец, войска остались на своих местах, — боялись, как бы не вспыхнул мятеж, когда станут известны результаты заседания парламента. И правда, едва лишь разнесся слух, что король, вместо того чтобы облегчить налоги, еще более их увеличил, люди сейчас же стали собираться кучками, слышались громкие жалобы и крики: «Долой Мазарини! Да здравствует Брюсель! Да здравствует Бланмениль!»

Народ знал, что Брюсель и Бланмениль говорили в его пользу, и хотя их красноречие пропало даром, он тем не менее был им благодарен.

Толпу хотели разогнать, хотели заставить ее замолчать, но, как всегда бывает в таких случаях, она только разрасталась и крики усиливались.

Королевским гвардейцам и швейцарцам был отдан приказ не только сдерживать толпу, но и выслать патрули на улицу Сен-Дени и Сен-Мартен, где сборища казались особенно многочисленными и возбужденными; тут в Пале-Рояле доложили о приезде купеческого старшины.

Он немедленно был принят и объявил, что если правительство не прекратит своих враждебных действий, то через два часа весь Париж возьмется за оружие.

Еще спорили о том, какие следует принять меры, когда вошел гвардейский лейтенант Коменж. Лицо его было в крови, платье изодрано. Увидев его, королева вскрикнула от изумления и спросила, что с ним случилось.

А случилось то, что предвидел купеческий старшина: народ раздражило появление солдат. Со всех колоколен ударили в набат. Коменж не растерялся, арестовал какого-то человека, который оказался ему одним из главных бунтарей, и велел, для примера, повесить его на кресте посреди площади Трауар; солдаты схватили его и потащили, чтобы выполнить приказ. Но около рынка на них напала толпа: посыпались камни и удары алебард. Мятежник воспользовался минутой, добежал до улицы Менял и скрылся в доме, двери которого солдаты тотчас же выломали.

Однако это грубое насилие оказалось напрасным: виновного нигде не могли найти. Коменж поставил караул около дома, а сам с остальными солдатами вернулся во дворец, чтобы доложить обо всем королеве. По всему пути их преследовали крики и угрозы; несколько человек из его отряда были поранены пиками и алебардами, и самому ему камнем рассекли бровь.

Рассказ Коменжа подтвердил заявление старшины; дело пахло серьезным восстанием, а к нему не были подготовлены. Поэтому кардинал велел распустить в народе слух, что войска выстроены на набережных и на Новом мосту только по случаю церемонии и сейчас удалятся. Действительно, к четырем часам дня они все были стянуты ко дворцу Пале-Рояль; поставили пост у заставы Сержантов, другой — у Трехсот Слепых, третий — на холме св. Рока. Во дворах и нижних этажах дворца собрали швейцарцев и мушкетеров и стали ждать.

Вот в каком положении были дела, когда мы ввели читателя в кабинет кардинала Мазарини, бывший прежде кабинетом Ришелье. Мы видели, в каком расположении духа был кардинал, прислушиваясь к доносившемуся до него народному ропоту и к далеким ружейным выстрелам.

Вдруг он поднял голову, нахмурил брови, как человек, на что-то решившийся, взглянул на огромные стенные часы, которые сейчас должны были пробить десять, взял со стола бывший у него всегда под руками золоченый свиток и свистнул два раза.

Бесшумно отворилась скрытая под стенной обивкой дверь; из нее тихо вышел человек, одетый в черное, и стал за его креслом.

— Бернуин, — сказал кардинал, даже не оглянувшись, так как знал, что на два свистка должен явиться камердинер, — что за мушкетеры дежурят во дворце?

— Черные мушкетеры, монсеньер.

— Какой роты?

— Господина де Тревиля.

— Есть кто-нибудь из офицеров этой роты в передней?

— Лейтенант д'Артаньян.

— Надежный, надеюсь?

— Да, монсеньер.

— Поддай мне мушкетерский мундир и помоги одеться.

Камердинер вышел так же беззвучно, как вошел, и через минуту вернулся с платьем.

В молчаливой задумчивости Мазарини стал снимать свое парадное облачение, которое надел, чтобы присутствовать на заседании парламента: затем натянул военный мундир, который он носил с известной непринужденностью еще в итальянских походах. Одевшись, он сказал:

— Позови сюда д'Артаньяна.

Камердинер вышел, на этот раз в среднюю дверь, по-прежнему безмолвный, словно тень.

Оставшись один, кардинал с удовлетворением посмотрел на себя в зеркало. Он был еще молод, — ему только что минуло сорок шесть лет, — хорошо сложен, роста чуть ниже среднего; у него был прекрасный, свежий цвет лица, глаза, полные огня; большой, но красивый нос, широкий, гордый лоб, русые, слегка курчавые волосы; борода, темнее волос на голове, была всегда тщательно завита, что очень шло к нему.

Кардинал надел перевязь со шпагой, самодовольно оглядел свои красивые и выхоленные руки и, отбросив грубые замшевые перчатки, полагающиеся по форме, надел обыкновенные — шелковые.

В эту минуту дверь отворилась.

— Лейтенант д'Артаньян, — доложил камердинер.

Вошел офицер.

Это был мужчина лет тридцати девяти или сорока, небольшого роста, но стройный, худой, с живыми умными глазами, с черной бородой, но с проседью на голове, что часто бывает у людей, которые прожили жизнь слишком весело или слишком печально, — в особенности если волосы у них темные.

Д'Артаньян, войдя в комнату, сразу же узнал кабинет кардинала Ришелье, где ему пришлось побывать однажды. Видя, что здесь никого нет, кроме мушкетера его роты, он внимательно посмотрел на этого человека и под одеждой мушкетера сразу же узнал кардинала.

Д'Артаньян остановился в позе почтительной, но полной достоинства, как подобает человеку из общества, привыкшему часто встречаться с вельможами.

Кардинал устремил на него взгляд, скорее острый, нежели глубокий, рассмотрел его внимательно и после нескольких секунд молчания спросил:

— Вы господин д'Артаньян?

— Так точно, монсеньер, — ответил офицер.

Кардинал еще раз посмотрел на умную голову, на лицо, чрезвычайную подвижность которого обуздали годы и опытность. Д'Артаньян выдержал испытание: на него смотрели некогда глаза поострее тех, что подвергали его исследованию сейчас.

— Вы поедете со мной, сударь, — сказал кардинал, — или, вернее, я поеду с вами.

— Я к вашим услугам, монсеньер, — ответил д'Артаньян.

— Я хотел бы лично осмотреть посты у Пале-Рояля. Как вы думаете, это опасно?

— Опасно, монсеньер? — удивился д'Артаньян. — Почему же?

— Говорят, народ совсем взбунтовался.

— Мундир королевских мушкетеров пользуется большим уважением, монсеньер, и, в случае надобности, я с тремя товарищами берусь разогнать сотню этих бездельников.

— Но вы знаете, что случилось с Коменжем?

— Господин Коменж — гвардеец, а не мушкетер, — ответил д'Артаньян.

— Вы хотите сказать, — заметил кардинал, улыбаясь, — что мушкетеры лучшие солдаты, чем гвардейцы?

— Каждый гордится своим мундиром, монсеньер.

— Только не я, — рассмеялся Мазарини. — Вы видите, я променял его на ваш.

— Черт побери! — воскликнул д'Артаньян. — Вы это говорите из скромности, монсеньер! Что до меня, то будь у меня мундир вашего пресвященства, я удовлетвовался бы им и позаботился бы о том, чтобы никогда не надевать другого.

— Да, только для сегодняшней прогулки он, пожалуй, не очень надежен. Бернуин, шляпу!

Слуга подал форменную шляпу с широкими полями. Кардинал надел ее, лихо заломив набок, и обернулся к д'Артаньяну:

— У вас в конюшне есть оседланные лошади?

— Есть, монсеньер.

— Так едем.

— Сколько человек прикажете взять с собою, монсеньер?

— Вы сказали, что вчетвером справитесь с сотней бездельников; так как мы можем встретить их две сотни, возьмите восьмерых.

— Как прикажете.

— Идите, я следую за вами. Или нет, стойте, лучше пройдем здесь. Бернуин, посвети нам.

Слуга взял свечу, а кардинал взял со стола маленький вырезной ключ, и, выйдя по потайной лестнице, они через минуту очутились во дворе Пале-Рояля.

Глава 2

НОЧНОЙ ДОЗОР

Десять минут спустя маленький отряд выехал на улицу Добрых Ребят, обогнув театр, построенный кардиналом Ришелье для первого представления «Мирам»¹; теперь здесь, по воле кардинала Мазарини, предпочитавшего литературе музыку, шли первые во Франции оперные спектакли.

Все в городе свидетельствовало о народном волнении. Многочисленные толпы двигались по улицам и, вопреки тому, что говорил д'Артаньян, люди останавливались и смотрели на солдат дерзко и с угрозой. По всему видно было, что у горожан обычное добродушие сменилось более воинственным настроением. Время от времени со стороны рынка доносился гул голосов. На улице Сен-Дени стреляли из ружей, и по временам где-то внезапно и неизвестно для чего, единственно по прихоти толпы, начинали бить в колокол.

Д'Артаньян ехал с беззаботностью человека, для которого такие пустяки ничего не значат. Если толпа загоразживала дорогу, он направлял на нее своего коня, даже не кривнув «берегись!»; и, как бы понимая, с каким человеком она имеет дело, толпа расступалась и давала всаднику дорогу. Кардинал завидовал этому спокойствию; и хотя оно объяснялось, по его мнению, только привычкой к опасностям, он чувствовал к офицеру, под начальством которого вдруг очутился, то невольное уважение, в котором благоразумие не может отказать беспечной смелости.

Когда они приблизились к посту у заставы Сержантов, их окликнул часовой:

— Кто идет?

Д'Артаньян отозвался и, спросив у кардинала пароль, подъехал к караулу. Пароль был: Людовик и Рокруа.

После обмена условными словами д'Артаньян спросил, не лейтенант ли Коменж командует караулом.

Часовой указал ему на офицера, который стоя разговаривал с каким-то всадником, положив руку на шею лошади. Это был тот, кого искал д'Артаньян.

¹ Трагедия, принадлежащая перу самого Ришелье.

— Господин де Коменж здесь,— сказал д'Артаньян, вернувшись к кардиналу.

Мазарини подъехал к нему, между тем как д'Артаньян из скромности остался в стороне; по манере, с какой оба офицера, пеший и конный, сняли свои шляпы, он видел, что они узнали кардинала.

— Bravo, Гито,— сказал кардинал всаднику,— я вижу, что, несмотря на свои шестьдесят четыре года, вы по-прежнему бдительны и преданы. Что вы говорили этому молодому человеку?

— Монсеньер,— отвечал Гито,— я говорил ему, что мы переживаем странные времена и что сегодняшний день очень напоминает дни Лиги, о которой я столько наслышался в молодости. Знаете, сегодня на улицах Сен-Дени и Сен-Мартен речь шла не более не менее как о баррикадах!

— И что же ответил вам Коменж, мой дорогой Гито?

— Монсеньер,— сказал Коменж,— я ответил, что для Лиги им кое-чего недостает, хоть, по-моему, и немало,— а именно герцога де Гиза; да такие вещи и не повторяются.

— Это верно, но зато они готовят Фронду¹, как они выражаются,— заметил Гито.

— Что такое Фронда? — спросил Мазарини.

— Они так называют свою партию, монсеньер.

— Откуда это название?

— Кажется, несколько дней тому назад советник Башомон сказал в парламенте, что все мятежники похожи на парижских школьников, которые сидят по канавам с пращей и швыряют камнями; чуть завидят полицейского — разбегаются, но как только он пройдет, опять принимаются за прежнее. Они подхватили это слово и стали называть себя фрондерами, как брюссельские оборванцы зовут себя гезами. За эти два дня все стало «по-фрондерски» — булки, шляпы, перчатки, муфты, веера; да вот, послушайте сами.

Действительно, в эту минуту распахнулось какое-то окно, в него высунулся мужчина и запел:

Слышен ветра шепот,
Слышен свист порой,
Это Фронды ропот:
«Мазарини долой!»

— Наглец,— проворчал Гито.

— Монсеньер,— сказал Коменж, который из-за полученных побоев был в дурном настроении и искал случая в отместку за свою шишку нанести рану,— разрешите послать пулю этому бездельнику, чтобы научить его не петь в другой раз так фальшиво?

И он уже протянул руку к кобуре на дядюшкином седле.

— Нет, нет! — воскликнул Мазарини.— Diavolo², мой милый друг, вы все дело испортите, а оно пока идет чудесно. Я знаю всех ваших французов, от первого до последнего: поют, значит — будут платить.

¹ La fronde — праща (франц.)

² Черт (итал.)

Во времена Лиги, о которой вспоминал сейчас Гито, распевали только мессы, ну и было очень плохо. Едем, Гито, едем, посмотрим, так ли хорош караул у Трехсот Слепых, как у заставы Сержантов.

И, махнув Коменжу рукой, он подъехал к д'Артаньяну, который снова занял место во главе своего маленького отряда. Следом за ним ехали кардиналы и Гито, а немного поодаль остальные.

— Это правда, — проворчал Коменж, глядя вслед удаляющемуся кардиналу. — Я и забыл: платить да платить, больше ему ничего не надо.

Теперь они ехали по улице Сент-Оноре, беспрестанно рассеивая по пути кучки народа. В толпе только и разговору было, что о новых эдиктах; жалели юного короля, который, сам того не зная, разоряет народ; всю вину сваливали на Мазарини; поговаривали о том, чтобы обратиться к герцогу Орлеанскому и к принцу Конде; восторженно повторяли имена Бланмениля и Брюсея.

Д'Артаньян беспечно ехал среди народа, как будто он сам и его лошади были из железа; Мазарини и Гито разговаривали; мушкетеры, наконец узнавшие кардинала, хранили молчание.

Когда по улице св. Фомы они подъехали к посту Трехсот Слепых, Гито вызвал младшего офицера. Тот подошел с рапортом.

— Ну, как дела? — спросил Гито.

— Капитан, — ответил офицер, — все обстоит благополучно; только в этом дворце что-то неладно, на мой взгляд.

И он показал рукой на великолепный дворец, стоявший там, где позже построили театр Водевиль.

— В этом доме? — спросил Гито. — Да ведь это особняк Рамбулье.

— Не знаю, Рамбулье или нет, но только я видел своими глазами, как туда входило множество подозрительных лиц.

— Вот оно что! — расхохотался Гито. — Да ведь это поэты!

— Эй, Гито, — сказал Мазарини, — не отзывайся так непочтительно об этих господах. Я сам в юности был поэтом и писал стихи на манер Бенсерада¹.

— Вы, монсеньер?

— Да, я. Хочешь, продекламирую?

— Это меня не убедит. Я не понимаю по-итальянски.

— Зато когда с тобой говорят по-французски, ты понимаешь, мой славный и храбрый Гито, — продолжал Мазарини, дружески кладя руку ему на плечо, — и какое бы ни дали тебе приказание на этом языке, ты его исполнишь?

— Без сомнения, монсеньер, как всегда, если, конечно, приказание будет от королевы.

— Да, да! — сказал Мазарини, закусывая губу. — Я знаю, ты всецело ей предан.

— Уж двадцать лет я состою капитаном гвардии ее величества.

— В путь д'Артаньян, — сказал кардинал, — здесь все в порядке.

¹ Французский поэт XVII в.

Д'Артаньян, не сказав ни слова, занял свое место во главе колонны с тем слепым повиновением, которое составляет отличительную черту солдата.

Они проехали по улицам Ришелье и Вильдо к третьему посту на холме св. Рока. Этот пост, расположенный почти у самой крепостной стены, был самым уединенным, и прилегающая к нему часть города была мало населена.

— Кто командует этим постом? — спросил кардинал.

— Вилькье, — ответил Гито.

— Черт! — выругался Мазарини. — Поговорите с ним сами. Вы знаете, мы с ним не в ладах с тех пор, как вам поручено было арестовать герцога де Бофора: он в обиде, что ему, капитану королевской гвардии, не доверили эту честь.

— Знаю и сто раз доказывал ему, что он неправ, потому что король, которому было тогда четыре года, не мог ему дать такого приказания.

— Да, но зато я мог его дать, Гито; однако я предпочел вас. Гито, ничего не отвечая, пришпорил лошадь и, обменявшись паролем с часовым, вызвал Вилькье.

Тот подошел к нему.

— А, это вы, Гито! — проговорил он ворчливо, по своему обыкновению. — Какого черта вы сюда явились?

— Приехал узнать, что у вас нового.

— А чего вы хотите? Кричат: «Да здравствует король!» и «Долой Мазарини!» Ведь это уже не новость: за последнее время мы привыкли к таким крикам.

— И сами им вторите? — смеясь, спросил Гито.

— По правде сказать, иной раз хочется! По-моему, они правы, Гито; и я охотно бы отдал все невыплаченное мне за пять лет жалованье, лишь бы король был теперь на пять лет старше!

— Вот как! А что было бы, если бы король был на пять лет старше?

— Было бы вот что: король, будь он совершеннолетним, стал бы сам отдавать приказания, а гораздо приятнее повиноваться внуку Генриха Четвертого, чем сыну Пьетро Мазарини. За короля, черт возьми, я умру с удовольствием; но сложить голову за Мазарини, как это чуть не случилось сегодня с вашим племянником!.. Никакой рай меня в этом не утешит, какую бы должность мне там ни дали.

— Хорошо, хорошо, капитан Вилькье, — сказал Мазарини, — будьте покойны, я доложу королю о вашей преданности.

И, обернувшись к своим спутникам, прибавил:

— Едем, господа, все в порядке.

— Вот так штука! — воскликнул Вилькье. — Сам Мазарини здесь! Тем лучше: меня уже давно подмывало сказать ему в глаза, что я о нем думаю. Вы доставили мне подходящий случай, Гито, и хотя у вас вряд ли были добрые намерения, я все же благодарю вас.

Он повернулся на каблуках и ушел в караульню, насвистывая фрондерскую песенку.

Весь обратный путь Мазарини ехал в раздумье: все услышанное им от Коменжа, Гито и Вилькье убеждало его, что в трудную минуту за него никто не постоит, кроме королевы; а королева так часто бросала своих друзей, что поддержка ее казалась иногда министру, несмотря на все принятые им меры, очень ненадежной и сомнительной.

В продолжение своей ночной поездки, длившейся около часа, кардинал, расспрашивая Коменжа, Гито и Вилькье, не переставал наблюдать одного человека. Этот мушкетер, который сохранял спокойствие перед народными угрозами и даже бровью не повел ни на шутки Мазарини, ни на те насмешки, предметом которых был сам кардинал, казался ему человеком необычайным и достаточно закаленным для происходящих событий, а еще больше для надвигающихся в будущем.

К тому же имя д'Артаньяна не было ему совсем незнакомо, и хотя он, Мазарини, явился во Францию только в 1634 или 1635 году, то есть лет через семь-восемь после происшествий, описанных нами в предыдущей книге, он все-таки где-то слышал, что так звали человека, проявившего однажды (он уже позабыл, при каких именно обстоятельствах) чудеса ловкости, смелости и преданности.

Эта мысль настолько занимала его, что он решил немедленно разобраться в этом деле, но за сведениями о д'Артаньяне не к д'Артаньяну же было обращаться! По некоторым словам, произнесенным лейтенантом мушкетеров, кардинал признал в нем гасконца; а итальянцы и гасконцы слишком схожи и слишком хорошо понимают друг друга, чтобы относиться с доверием к тому, что каждый из них может наговорить о самом себе. Поэтому, когда они подъехали к стене, окружавшей сад Пале-Рояля, кардинал постучался в калитку (примерно в том месте, где сейчас находится кафе Фуа), поблагодарил д'Артаньяна и, попросив его обождать во дворе, сделал знак Гито следовать за собой. Оба сошли с лошадей, бросили поводья лакею, отворившему калитку, и исчезли в саду.

— Дорогой Гито, — сказал кардинал, беря под руку старого гвардейского капитана, — вы мне напомнили недавно, что уже более двадцати лет состоите на службе королевы.

— Да, это так, — ответил Гито.

— Так вот, мой милый Гито, — продолжал кардинал, — я заметил, что вы, кроме вашей храбрости, которая не подлежит никакому сомнению, и много раз доказанной верности, отличаетесь еще и превосходной памятью.

— Вы это заметили, монсеньер? — сказал гвардейский капитан. — Черт, тем хуже для меня.

— Почему?

— Без сомнения, одно из главных достоинств придворного — это умение забывать.

— Но вы, Гито, не придворный, вы — храбрый солдат, один из тех славных воинов, которые еще остались от времен Генриха Четвертого и, к сожалению, скоро совсем переведутся.

— Черт побери, монсеньер! Уж не пригласили ли вы меня сюда для того, чтобы составить мой гороскоп?

— Нет,— ответил Мазарини, смеясь,— я пригласил вас, чтобы спросить, обратили ли вы внимание на нашего лейтенанта мушкетеров?

— Д'Артаньяна?

— Да.

— Мне не к чему было обращать на него внимание, монсеньер: я уже давно его знаю.

— Что же это за человек?

— Что за человек? — воскликнул Гито, удивленный вопросом.— Гасконец.

— Это я знаю; но я хотел спросить: можно ли ему вполне довериться?

— Господин де Тревиль относится к нему с большим уважением, а господин де Тревиль, как вы знаете, один из лучших друзей королевы.

— Я хотел бы знать, показал ли он себя на деле...

— Храбрым солдатом? На это я могу ответить вам сразу. Мне говорили, что при осаде Ла-Рошели, под Сузой, под Перпиньяном он совершил больше, чем требовал его долг.

— Но вы знаете, милый Гито, мы, бедные министры, нуждаемся часто и в другого рода людях, не только в храбрецах. Мы нуждаемся в ловких людях. Д'Артаньян при покойном кардинале, кажется, был замешан в крупную интригу, из которой, по слухам, выпутался очень умело?

— Монсеньер, по этому поводу,— сказал Гито, который понял, что кардинал хочет заставить его проговориться,— я должен сказать, что мало верю всяким слухам и выдумкам. Сам я никогда не путаюсь ни в какие интриги, а если меня и посвящают в чужие, то ведь это не моя тайна, и ваше преосвященство одобрит меня за то, что я храню ее ради того, кто мне доверился.

Мазарини покачал головой.

— Ах,— сказал он,— честное слово, бывают же счастливы министры, которые узнают все, что хотят узнать.

— Монсеньер,— ответил Гито,— такие министры не меряют всех людей на один аршин: для военных дел они используются военными людьми, для интриг — интриганями. Обратитесь к какому-нибудь интригану тех времен, о которых вы говорите, и от него вы узнаете, что захотите... за плату, разумеется.

— Хорошо,— поморщился Мазарини, как всегда бывало, когда речь заходила о деньгах в том смысле, как про них упомянул Гито,— заплатим... если иначе нельзя.

— Вы действительно желаете, чтобы я указал вам человека, участвовавшего во всех кознях того времени?

— Пер Вассо!¹ — воскликнул Мазарини, начиная терять терпение.— Уже целый час я толкую вам об этом, упрямая голова!

— Есть человек, по-моему, вполне подходящий, но только согласится ли он говорить?

— Уж об этом позабочусь я.

¹ Клянусь Вакхом! (итал.)

— Ах, монсеньер, не всегда легко заставить говорить человека, предпочитающего молчать.

— Ба! Терпением можно всего добиться. Итак, кто он?

— Граф де Рошфор.

— Граф де Рошфор?

— Да, но, к несчастью, он исчез года четыре назад, и я не знаю, что с ним случилось.

— Я-то знаю, Гито, — сказал Мазарини.

— Так почему же вы сейчас жаловались, ваше преосвященство, что ничего не знаете?

— Так вы думаете, — сказал Мазарини, — что это Рошфор...

— Он был предан кардиналу телом и душой, монсеньер. Но, предупреждаю, это будет вам дорого стоить: покойный кардинал был щедр со своими любимцами.

— Да, да, Гито, — сказал Мазарини, — кардинал был великий человек, но этот-то недостаток у него был. Благодарю вас, Гито, я воспользуюсь вашим советом, и притом сегодня же.

Оба собеседника подошли в это время ко двору Пале-Рояля; кардинал движением руки отпустил Гито и, заметив офицера, шагавшего взад и вперед по двору, подошел к нему.

Это был д'Артаньян, ожидавший кардинала по его приказанию.

— Пойдемте ко мне, господин д'Артаньян, — проговорил Мазарини самым приятным голосом, — у меня есть для вас поручение.

Д'Артаньян поклонился, прошел вслед за кардиналом по потайной лестнице и через минуту очутился в кабинете, где побывал в этот вечер.

Кардинал сел за письменный стол и набросал несколько строк на листке бумаги.

Д'Артаньян стоял и ждал бесстрастно, без нетерпения и любопытства, словно военный автомат, готовый к действию или, вернее, к выполнению чужой воли.

Кардинал сложил свою записку и запечатал ее своей печатью.

— Господин д'Артаньян, — сказал он, — доставьте немедленно этот ордер в Бастилию и привезите оттуда человека, о котором здесь говорится. Возьмите карету и конвой да хорошенько смотрите за узником.

Д'Артаньян взял письмо, отдал честь, повернулся налево кругом, не хуже любого сержанта на ученье, вышел из кабинета, и через мгновение послышался его отрывистый и спокойный голос:

— Четырех конвойных, карету, мою лошадь.

Через пять минут колеса кареты и подковы лошадей застучали по мостовой.

Глава 3

ДВА СТАРИННЫХ ВРАГА

Когда д'Артаньян подъехал к Бастилии, пробило половину девятого.

Он велел доложить о себе коменданту тюрьмы, который, узнав, что офицер приехал с приказом от кардинала и по его повелению, вышел встречать посланца на крыльцо.

Комендантом Бастилии был в то время г-н дю Трамбле, брат грозного любимца Ришелье, знаменитого капуцина Жозефа, прозванного «серым кардиналом».

Когда во времена заключения в Бастилии маршала Бассомпьера, просидевшего ровно двенадцать лет, его товарищи по несчастью, мечта о свободе, говорили, бывало, друг другу: «Я выйду тогда-то», «А я тогда-то», — Бассомпьер заявлял: «А я, господа, выйду тогда, когда выйдет и господин дю Трамбле». Он намекал на то, что после смерти кардинала, дю Трамбле неминуемо потеряет свое место в Бастилии, тогда как он, Бассомпьер, займет свое — при дворе.

Его предсказание едва не исполнилось, только в другом смысле, чем он думал; после смерти кардинала, вопреки общему ожиданию, все осталось по-прежнему: г-н дю Трамбле не ушел, и Бассомпьер тоже чуть не просидел в Бастилии до конца своей жизни.

Г-н дю Трамбле все еще был комендантом Бастилии, когда д'Артаньян явился туда, чтобы выполнить приказ министра. Он принял его с изысканной вежливостью; и так как он собирался как раз сесть за стол, то пригласил и д'Артаньяна отужинать вместе.

— Я и рад бы, — сказал д'Артаньян, — но, если не ошибаюсь, на конверте стоит надпись: «очень спешное».

— Это правда, — сказал дю Трамбле. — Эй, майор, пусть приведут номер двести пятьдесят шесть.

Вступая в Бастилию, узник переставал быть человеком и становился номером.

Д'Артаньян невольно вздрогнул, услышав звон ключей; ему не захотелось даже сойти с лошади, увидев вблизи забранные решетками окна и гигантские стены, на которые он глядел раньше только с той стороны рва и которые однажды так напугали его лет двадцать тому назад.

Раздался удар колокола,

— Я должен вас оставить, — сказал ему дю Трамбле, — меня зовут подписать пропуск заключенному. До свидания, господин д'Артаньян.

— Черт меня побери, если я захочу еще раз с тобой свидеться! — проворчал д'Артаньян, сопровождая это проклятие самой сладкой улыбкой. — Довольно пробыть в этом дворе пять минут, чтобы заболеть. Я согласен лучше умереть на соломе, что, вероятно, и случится со мной, чем получить десять тысяч ливров и быть комендантом Бастилии.

Едва он закончил этот монолог, как появился узник. Увидев его, д'Артаньян невольно вздрогнул от удивления, но тотчас же подавил свои чувства. Узник сел в карету, видимо не узнав д'Артаньяна.

— Господа,— сказал д'Артаньян четверем мушкетерам,— мне предписан строжайший надзор за узником, а так как дверцы кареты без замков, то я сяду с ним рядом. Лильбон, окажите любезность, поведите мою лошадь на поводу.

— Охотно, лейтенант,— ответил тот, к кому он обратился.

Д'Артаньян спешил, отдал повод мушкетеру, сел рядом с узником, и голосом, в котором нельзя было расслышать ни малейшего волнения, приказал:

— В Пале-Рояль, да рысью.

Как только карета тронулась, д'Артаньян, пользуясь темнотой, царившей под сводами, где они проезжали, бросился на шею пленнику.

— Рошфор! — воскликнул он.— Вы! Это действительно вы! Я не ошибаюсь!

— Д'Артаньян! — удивленно воскликнул Рошфор.

— Ах, мой бедный друг! — продолжал д'Артаньян.— Не видя вас пятый год, я думал, что вы умерли.

— По-моему,— ответил Рошфор,— мало разницы между мертвыми и погребенными, а меня уже похоронили или все равно что похоронили.

— За какое же преступление вы в Бастилии?

— Сказать вам правду?

— Да.

— Ну так вот: я не знаю.

— Вы мне не доверяете, Рошфор!

— Да нет же, клянусь честью! Ведь невозможно, чтобы я действительно сидел за то, в чем меня обвиняют.

— В чем же?

— В ночном грабеже.

— Вы — ночной грабитель! Рошфор, вы шутите.

— Я вас понимаю. Это требует пояснения, не правда ли?

— Признаюсь.

— Дело было так: однажды вечером, после попойки у Рейнара, в Тюильри, с Фонтраллем, де Рие и другими, герцог д'Аркур предложил пойти на Новый мост срывать плащи с прохожих; это развлечение, как вы знаете, вошло в большую моду с легкой руки герцога Орлеанского.

— В ваши-то годы! Да вы с ума сошли, Рошфор!

— Нет, попросту я был пьян; но все же эту забаву я счел для себя негожей и предложил шевалье де Рие быть вместе со мной зрителем, а не актером и, чтобы видеть спектакль как из ложи,— влезть на конную статую. Сказано — сделано. Благодаря шпорам бронзового всадника, послужившим нам стременами, мы мигом взобрались на круп, устроились отлично и видели все превосходно. Уж пять плащей было сдернуто, и так ловко, что никто даже пикнуть не посмел, как вдруг один менее покладистый дуралей вздумал закричать: «Караул!» — и патруль стрелков тут как тут. Герцог д'Аркур, Фонтралль и другие убежали; де Рие тоже хотел ударить. Я его стал удерживать; говорю, что никто нас здесь не заметит; не тут-то было, не слушает, стал слезать, ступил на шпору, шпора пополам, он свалился, сломав себе ногу, и, вместо того чтобы молчать, стал вопить благим матом.

уж и я соскочил, но было поздно. Я попал в руки стрелков, которые отвезли меня в Шатле, где я заснул преспокойно в полной уверенности, что назавтра выйду оттуда. Но миновал день, другой, целая неделя. Пишу кардиналу. Тотчас за мной приходят, отвозят в Бастилию, и вот я здесь пять лет. За что? Должно быть, за дерзость, за то, что сел на коня позади Генриха Четвертого, как вы думаете?

— Нет, вы правы, мой дорогой Рошфор, конечно, не за это. Но вы, по всей вероятности, сейчас узнаете, за что вас посадили.

— Да, кстати, я и забыл спросить вас: куда вы меня везете?

— К кардиналу.

— Что ему от меня нужно?

— Не знаю, я даже не знал, что меня послали именно за вами.

— Вы — фаворит кардинала? Нет, это невозможно!

— Я — фаворит! — воскликнул д'Артаньян. — Ах, мой несчастный граф! Я и теперь такой же неимущий гасконец, как двадцать два года тому назад, когда, помните, мы встретились в Менге.

Тяжелый вздох dokonчил его фразу.

— Однако же вам дано поручение...

— Потому что я случайно оказался в передней, и кардинал обратился ко мне, как обратился бы ко всякому другому; нет, я все же лейтенант мушкетеров, и, если не ошибаюсь, уже двадцать первый год.

— Однако с вами не случилось никакой беды; это не так-то мало.

— А какая беда могла бы со мной случиться? Есть латинский стих (я его забыл, да, пожалуй, никогда и не знал твердо): «молния не ударяет в долины». А я — долина, дорогой Рошфор, и одна из самых низких.

— Значит, Мазарини по-прежнему Мазарини?

— Больше чем когда-либо, мой милый; говорят, он муж королевы.

— Муж!

— Если он не муж ее, то уж наверное любовник.

— Устоять против Бекингэма и сдать Мазарини!

— Таковы женщины! — философски заметил д'Артаньян.

— Женщины — пусть их; но королевы!..

— Ах, бог ты мой, в этом отношении королевы — женщины вдвойне.

— А герцог де Бофор все еще в тюрьме?

— По-прежнему. Почему вы об этом спрашиваете?

— Потому что он был хорош со мной и мог бы мне помочь.

— Вы-то, вероятно, сейчас ближе к свободе; скорее вы поможете ему.

— Значит, война?

— Будет.

— С Испанией?

— Нет, с Парижем.

— Что вы хотите сказать?

— Слышите ружейные выстрелы?

— Да. Так что же?

— Это мирные горожане тешатся в ожидании серьезного дела.

— Вы думаете, они на что-нибудь способны?

— Они подают надежды, и если бы у них был предводитель, который бы их объединил...

— Какое несчастье быть взаперти!

— Бог ты мой! Да не отчаивайтесь. Уж если Мазарини послал за вами, значит, он в вас нуждается, а если он в вас нуждается, — то смею вас поздравить. Вот во мне, например, уже давно никто не нуждается, и сами видите, до какого положения это меня довело.

— Вот еще, вздумал жаловаться!

— Слушайте, Рошфор, заключим договор...

— Какой?

— Вы знаете, что мы хорошие друзья.

— Черт возьми! Эта дружба оставила следы на моем теле: три удара шпаги.

— Ну, так если вы опять будете в милости, не забудьте меня.

— Честное слово Рошфора, но с тем, что и вы сделаете то же.

— Непременно, вот вам моя рука.

— Итак, как только вам представится случай поговорить обо мне...

— Я поговорю. А вы?

— Я тоже. А ваши друзья, о них тоже нужно позаботиться?

— Какие друзья?

— Атос, Портос, и Арамис. Разве вы забыли о них?

— Почти.

— Что с ними случилось?

— Совсем не знаю.

— Неужели?

— Клянусь, что так. Как вы знаете, мы расстались. Они живы — вот все, что мне известно. Иногда получаю от них вести стороной. Но где они, хоть убейте, не могу вам сказать. Честное слово! Из всех моих друзей остались только вы, Рошфор.

— А знаменитый... как его звали, того малого, которого я произвел в сержанты Пьемонтского полка?

— Планше?

— Вот, вот! Что же случилось со знаменитым Планше?

— Он женился на хозяйке кондитерской с улицы Меньял; он всегда любил сласти; и так как он сейчас парижский буржуа, то, по всей вероятности, участвует в бунте. Вы увидите, что этот плут будет городским старшиной раньше, чем я капитаном.

— Полноте, милый д'Артаньян, не унывайте! Как раз в тот миг, когда находишься в самом низу, колесо поворачивается и подымает тебя вверх. Может быть, с сегодняшнего же вечера ваша судьба изменится.

— Аминь! — сказал д'Артаньян и остановил карету.

— Что вы делаете? — спросил Рошфор.

— Мы приехали, а я не хочу, чтобы видели, как я выхожу из кареты: мы с вами незнакомы.

— Вы правы. Прощайте.

— До свиданья; помните ваше обещание.

Д'Артаньян вскочил на лошадь и поскакал впереди. Минут пять спустя они въехали во двор Пале-Рояля.

Д'Артаньян повел узника по большой лестнице через приемную и коридор. Дойдя до дверей кабинета Мазарини, он уже хотел вельть доложить о себе, когда Рошфор положил ему руку на плечо.

— Д'Артаньян,— сказал Рошфор, улыбаясь,— признаться вам, о чем я думал всю дорогу, когда мы проезжали среди толпы горожан, бросавших злобные взгляды на вас и ваших четырех солдат?

— Скажите,— ответил д'Артаньян.

— Я думал, что мне стоило только крикнуть: «Помогите!», и вы с вашим конвоем были бы разорваны в клочья, а я был бы на свободе.

— Почему же вы этого не сделали? — сказал д'Артаньян.

— Да что вы! — возразил Рошфор.— А наша клятва и дружба? Если бы не вы, а кто-нибудь другой вез меня, тогда...

Д'Артаньян опустил голову.

«Неужели Рошфор стал лучше меня?» — подумал он и велел доложить о себе министру.

— Введите господина де Рошфора,— раздался нетерпеливый голос Мазарини, едва эти два имени были названы,— и попросите лейтенанта д'Артаньяна подождать: он мне еще нужен.

Д'Артаньян просиял от этих слов. Как он только что говорил, он уже давно никому не был нужен, и приказ Мазарини показался ему добрым предзнаменованием.

Что до Рошфора, то его эти слова заставили насторожиться. Он вошел в кабинет и увидел Мазарини за письменным столом, в скромном платье, почти таком же, как у аббатов того времени,— только чулки и плащ были фиолетовые.

Дверь снова закрылась. Рошфор искоса взглянул на Мазарини, и их взгляды встретились.

Министр был все такой же, причесанный, завитой, надушенный, и благодаря своему кокетству казался моложе своих лет. Этого нельзя было сказать о Рошфоре: пять лет, проведенные в тюрьме, состарили достойного друга Ришелье; его черные волосы совсем побелели, а бронзовый цвет лица сменился почти болезненной бледностью — так он был изнурен. При виде его Мазарини слегка покачал головой, словно желая сказать: «Вот человек, который, кажется, уже больше ни на что не пригоден». После довольно продолжительного молчания, которое Рошфору показалось бесконечным, Мазарини вытащил из пачки бумаг развернутое письмо и показал его Рошфору.

— Я нашел здесь это письмо, в котором вы просите возвратить вам свободу. Разве вы в тюрьме?

Рошфор вздрогнул от гнева.

— Мне кажется, вашему преосвященству это известно лучше, чем кому бы то ни было другому,— ответил он.

— Мне? Нисколько! В Бастилии множество людей, которых посадили еще при кардинале Ришелье и даже имена которых мне не известны.

— Но со мной дело другое, монсеньер, мое-то имя вы знали, ведь именно по приказу вашего преосвященства я был переведен из Шатле в Бастилию.

— Вы так полагаете?

— Я знаю наверное.

— Да, припоминаю, действительно. Не отказались ли вы некогда съездить в Брюссель по делу королевы?

— А! — сказал Рошфор. — Так вот настоящая причина? А я пять лет ломал себе голову. Какой же я глупец, что не догадался!

— Но я вовсе не говорю, что это причина вашего ареста. Поймите меня, — я спрашиваю вас, только и всего: не отказались ли вы ехать в Брюссель по делу королевы, тогда как раньше согласились ехать туда по делу покойного кардинала?

— Как раз по той причине, что я ездил туда по делам покойного кардинала, я не мог поехать туда же по делам королевы. Я был в Брюсселе в тяжелую минуту. Это было во время заговора Шале¹. Я должен был перехватить переписку Шале с эрцгерцогом, и меня, узнав там, чуть не разорвали на куски. Как же я мог туда вернуться? Я погубил бы королеву, вместо того чтобы оказать ей услугу.

— Ну вот видите, как иногда лучшие намерения истолковываются в дурную сторону, мой дорогой Рошфор! Королева увидела в вашем отказе только отказ, простой и ясный: ее величество имела много причин быть вами недовольной при покойном кардинале!

Рошфор презрительно улыбнулся.

— Вы могли бы понять, монсеньер, что раз я хорошо служил Ришелье против королевы, то именно поэтому я мог бы отлично служить вам против всего света после смерти кардинала.

— Нет, Рошфор, — сказал Мазарини, — я не таков, как Ришелье, стремившийся к единовластию: я простой министр, который не нуждается в слугах, будучи сам слугой королевы. Вы знаете, что ее величество очень обидчива: услышав о вашем отказе, она прочла в нем объяснение войны и, помня, какой вы сильный, а значит, и опасный человек, мой дорогой Рошфор, она приказала мне обезвредить вас. Вот каким образом вы очутились в Бастилии.

— Ну что ж, монсеньер, мне кажется, — сказал Рошфор, — что если я попал в Бастилию по недоразумению...

— Да, да, — перебил Мазарини, — все еще можно исправить; вы человек, способный понять известные дела и, разобравшись в этих делах, с успехом довести их до конца.

— Такого мнения держался кардинал Ришелье, и мое восхищение этим великим человеком еще увеличивается оттого, что вы разделяете его мнение.

— Это правда, — продолжал Мазарини, — кардинал был прежде всего политик, и в этом он имел большое преимущество передо мной. А я человек простой, прямодушный и этим очень вружу себе; у меня чисто французская откровенность.

Рошфор закусил губу, чтобы не улыбнуться.

¹ Любимец Людовика XIII; участвовал в заговоре против кардинала Ришелье и был казнен.

— Итак, прямо к делу! Мне нужны добрые друзья, верные слуги; жогда я говорю: мне нужны, это значит, что они нужны королеве. Я все делаю только по приказу королевы, вы понимаете, а не так, как кардинал Ришелье, который действовал по собственной прихоти. Поэтому-то я никогда не стану великим человеком, как он, но зато я добрый человек, Рошфор, и, надеюсь, докажу вам это.

Рошфор хорошо знал этот бархатный голос, в котором по временам слышалось шипение гадюки.

— Готов вам поверить, монсеньер, — сказал он, — хотя по личному опыту мало знаком с той добротой, о которой угодно было упомянуть вашему преосвященству. Не забудьте, монсеньер, — продолжал Рошфор, заметив движение, от которого не удержался министр, — не забудьте, что я пять лет провел в Бастилии, и ничто так не искажает взгляд на вещи, как тюремная решетка.

— Ах, господин де Рошфор, ведь я сказал вам, что я не повинен в вашем заключении. Все это королева... Гнев женщины и принцессы, понимаете сами! Но он быстро проходит, и тогда все забывается...

— Охотно верю, что она все забыла, проведя пять лет в Пале-Рояле, среди празднеств и придворных, но я-то провел их в Бастилии...

— Ах, боже мой, дорогой господин де Рошфор, не воображайте, будто жизнь в Пале-Рояле такая уж веселая. Нет, что вы, что вы! У нас здесь тоже, уверяю вас, немало бывает неприятностей. Но довольно об этом. Я веду чистую игру, как всегда. Скажите: вы на нашей стороне, Рошфор?

— Разумеется, монсеньер, и ничего лучшего и не желаю, но ведь я ничего не знаю о том, что делается. В Бастилии о политике приходится разговаривать лишь с солдатами да тюремщиками, а вы не представляете себе, монсеньер, как плохо эти люди осведомлены о событиях. О том, что происходило, я знаю только со слов Бассомпьера. Кстати, он все еще один из семнадцати вельмож?

— Он умер, сударь, и это большая потеря. Он был предан королеве, а преданные люди редки.

— Еще бы, — сказал Рошфор, — если и сыщутся, вы их сажаете в Бастилию.

— Но, с другой стороны, — сказал Мазарини, — чем можно доказать преданность?

— Делом! — ответил Рошфор.

— Да, да, делом! — задумчиво проговорил министр. — Но где же найти людей дела?

Рошфор тряхнул головой.

— В них никогда нет недостатка, монсеньер, — только вы плохо ищете.

— Плохо ищете? Что вы хотите сказать этим, дорогой господин де Рошфор? Поучите меня. Вас должна была многому научить дружба с покойным кардиналом. Ах, какой это был великий человек!

— Вы не рассердитесь на меня за маленькое нравоучение?

— Я? Никогда! Вы знаете, мне все можно говорить в лицо. Я стараюсь, чтобы меня любили, а не боялись.

— Монсеньер, в моей камере нацарапана гвоздем на стене одна поговорка.

— Какая же это поговорка? — спросил Мазарини.

— Вот она: каков господин...

— Знаю, знаю: таков лакей.

— Нет: таков слуга. Эту скромную поправку преданные люди, о которых я только что вам говорил, внесли для своего личного удовлетворения.

— Что означает эта поговорка?

— Она означает, что Ришелье умел находить преданных слуг, и целыми дюжинами.

— Он? Да на него со всех сторон были направлены кинжалы! Он всю жизнь только и занимался тем, что отражал наносимые ему удары.

— Но он все же отражал их, хотя иногда это были жестокие удары. У него были злейшие враги, но были зато и преданные друзья.

— Вот их-то мне и нужно.

— Я знал людей, — продолжал Рошфор, подумав, что настала минута сдержать слово, данное д'Артаньяну, — я знал людей, которые были так ловки, что раз сто провели пронизательного кардинала; были так храбры, что одолели всех его гвардейцев и шпионов; которые без гроша, одни, без всякой помощи, сберегли корону на голове одной коронованной особы и заставили кардинала просить пощады.

— Но ведь люди, о которых вы говорите, — сказал Мазарини, усмехаясь про себя, потому что Рошфор сам заговорил о том, к чему клонил итальянец, — совсем не были преданы кардиналу, раз они боролись против него.

— Нет, потому что иначе они были бы лучше вознаграждены; к несчастью, они были преданы той самой королеве, для которой вы сейчас ищете верных слуг.

— Но откуда вы все это знаете?

— Я знаю все это потому, что эти люди в то время были моими врагами; потому что они боролись против меня; потому что я причинил им столько зла, сколько был в состоянии сделать; потому что они с избытком платили мне тем же; потому что один из них, с которым у меня были особые дела, нанес мне удар шпагой лет семь тому назад, — это был уже третий удар, полученный мною от той же руки. Этим мы закончили наконец старые счета.

— Ах, — с восхитительным простодушием вздохнул Мазарини, — как мне нужны подобные люди!

— Ну, монсеньер, один из них уже более шести лет у вас под рукой, и вы все шесть лет считали его ни на что не пригодным.

— Кто же это?

— Господин д'Артаньян.

— Этот гасконец? — воскликнул Мазарини с превосходно разыгранным удивлением.

— Этот гасконец как-то спас одну королеву и заставил самого Ришелье признать себя в делах хитрости, ловкости и изворотливости только подмастерьем.

— Неужели?

— Все так, как я сказал вашему преосвященству.

— Расскажите мне поподробней, дорогой господин де Рошфор.

— Это очень трудно, монсеньер, — ответил тот с улыбкой.

— Ну, так он сам мне расскажет.

— Сомневаюсь, монсеньер.

— Почему?

— Потому что это чужая тайна; потому что, как я сказал вам, это тайна могущественной королевы.

— И он один совершил этот подвиг?

— Нет, монсеньер, с ним были трое друзей, три храбреца, помогавших ему, три храбреца именно таких, каких вы разыскиваете...

— И эти люди были тесно связаны между собой, говорите вы?

— Связаны так, словно эти четыре человека составляли одного, словно их четыре сердца бились в одной груди. Зато чего только не натворили они вчетвером!

— Мой дорогой господин де Рошфор, вы до крайности раздражили мое любопытство. Неужели вы не можете рассказать мне эту историю?

— Нет, но я могу рассказать вам сказку, чудесную сказку, монсеньер.

— О, расскажите же, господин де Рошфор. Я ужасно люблю сказки.

— Вы этого хотите, монсеньер? — сказал Рошфор, стараясь прочесть истинные намерения на этом хитром, лукавом лице.

— Да.

— В таком случае — извольте. Жила-была королева... могущественная королева, владеющая одним из величайших в мире государств. Один великий министр хотел ей сделать очень много зла, потому что прежде слишком желал ей добра. Не трудитесь, монсеньер, вы все равно не угадаете имен. Все это происходило задолго до того, как вы явились в государство, где царствовала эта королева. И вот является ко двору посланник, такой красивый, богатый, изящный, что все женщины сходили по нем с ума, и даже сама королева имела неосторожность подарить ему, — без сомнения, на память о том, как он исполнял свои дипломатические поручения, — такое замечательное украшение, которое ничем нельзя было заменить. Так как оно было подарено ей королем, то министр внушил последнему, чтобы он приказал королеве явиться на ближайший бал в этом украшении. Ну, монсеньер, министр, конечно, знал из достоверных источников, что украшение было у посланника, а сам посланник уехал уже далеко-далеко за синие моря. Великая королева была на краю гибели, как последняя из своих подданных. Она должна была пасть с высоты своего величия.

— Еще бы! — сказал Мазарини.

— Так вот, монсеньер, четыре человека решили спасти ее. Эти четыре человека не были ни принцы, ни герцоги, ни люди влиятельные, ни даже богачи: это были четыре солдата, у которых не было ничего, кроме храброго сердца, сильной руки и длинной шпаги. Они отправились в путь. Министр знал об их отъезде и расставил повсюду

людей, чтоб помешать им достигнуть цели. Трое из них были выведены из строя врагами, гораздо более многочисленными, чем они; но один добрался до порта, убил или ранил пытавшихся его задержать, переплыл море и привез королеве украшение, которое она в назначенный день могла приколоть к своему плечу. Это чуть не погубило министра. Что вы скажете об этом подвиге, монсеньер?

— Великолепно! — проговорил Мазарини задумчиво.

— Я знаю за ним еще десяток таких дел.

Мазарини не отвечал: он размышлял.

Прошло несколько минут.

— У вас ко мне нет больше вопросов, монсеньер? — спросил Рошфор.

— Так д'Артаньян был одним из этих четырех людей, говорите вы?

— Он-то и вел все дело.

— А кто были другие?

— Монсеньер, позвольте мне предоставить д'Артаньяну самому назвать их вам. Это были его друзья, а не мои; он один только был связан с ними, а я даже не знаю их настоящих имен.

— Вы мне не доверяете, дорогой господин де Рошфор. Ну, все равно, я буду откровенен до конца: мне нужны вы, нужен он, нужны все.

— Начинайте с меня, монсеньер, раз вы послали за мной, и я здесь, а потом уж вы займетесь ими. Не удивляйтесь моему любопытству. Проведя пять лет в тюрьме, станешь беспокоиться, куда тебя пошлют.

— Вы будете моим доверенным лицом, дорогой господин де Рошфор. Вы поедете в Венсен, где заключен герцог де Бофор, и будете стеречь его, не спуская глаз. Как! Вы, кажется, недовольны?

— Вы предлагаете мне невозможное, — ответил разочарованный Рошфор, повесив голову.

— Как — невозможное? Почему же это невозможно?

— Потому, что герцог де Бофор мой друг; или, вернее, я один из его друзей; разве вы забыли, монсеньер, что он ручался за меня королеве?

— Герцог де Бофор стал с тех пор врагом государства.

— Я это допускаю, монсеньер; но так как я не король, не королева и не министр, то мне он не враг, и я не могу принять ваше предложение.

— Так вот что вы называете преданностью! Поздравляю вас. Ваша преданность к немногому вас обязывает, господин де Рошфор.

— И затем, монсеньер, вы сами понимаете, что выйти из Бастилии для того, чтобы перебраться в Венсен, значит только переменить одну тюрьму на другую.

— Скажите сразу, что вы принадлежите к партии Бофора, — это будет по крайней мере откровенно с вашей стороны.

— Монсеньер, я так долго сидел взаперти, что теперь хочу прилечь только к одной партии, к партии свежего воздуха. Пошлите меня с поручением куда хотите, назначьте мне какое угодно дело, но в чистом поле, если возможно.

— Мой милый господин де Рошфор,— сказал насмешливо Мазарини,— вы увлекаетесь в своем усердии. Вы все еще воображаете себя молодым, благо сердце ваше еще молодо; но сил у вас не хватит. Поверьте мне: все, что вам теперь нужно, это отдых. Эй, кто-нибудь!

— Итак, вы ничего не решили насчет меня, монсеньер?

— Напротив, я уже решил.

Вошел Бернуин.

— Позовите стражника,— сказал он,— и будьте подле меня,— прибавил он шепотом.

Вошел стражник. Мазарини написал несколько слов и отдал записку, потом, кивнув головой, сказал:

— Прощайте, господин де Рошфор.

Рошфор почтительно поклонился.

— Кажется, монсеньер,— сказал он,— меня опять отвезут в Бастилию?

— Вы очень догадливы.

— Я возвращаюсь туда, монсеньер, но, повторяю, вы делаете большую ошибку, не воспользовавшись мной.

— Вами, другом моих врагов?

— Что прикажете делать? Вам следовало сделать меня врагом ваших врагов.

— Уж не думаете ли вы, господин де Рошфор, что вы один на свете? Уверю вас, я найду людей получше вас.

— Желаю вам удачи, монсеньер.

— Хорошо, ступайте, ступайте. Кстати: бесполезно писать мне, господин де Рошфор,— ваши письма все равно затеряются.

— Оказывается, я таскал каштаны из огня для других, а не для себя,— проворчал, выходя, Рошфор.— Уж если д'Артаньян не останется мной доволен, когда я расскажу ему сейчас, как расхвалил его, то, значит, трудно ему угодить. Черт, куда это меня ведут?

Действительно, Рошфора повели по узенькой лестнице, вместо того чтобы провести через приемную, где ожидал д'Артаньян. На дворе он увидел карету и четырех конвойных, но между ними не было его друга.

«Ах так! — подумал Рошфор.— Это придает делу совсем другой оборот. И если на улицах все так же много народу, то мы постараемся доказать Мазарини, что мы, слава богу, еще способны на нечто лучшее, нежели сторожить заключенных».

И он так легко вскочил в карету, словно ему было двадцать пять лет.

ставшись вдвоем с Бернуином, Мазарини просидел несколько минут в раздумье; теперь он знал многое, однако еще не все. Мазарини плутовал в игре; как удостоверяет Бриенн¹, он называл это «использовать свои преимущества». Он решил начать партию с д'Артаньяном не раньше, чем узнает все карты противника.

— Что прикажете? — спросил Бернуин.

— Посвети мне, — сказал Мазарини, — я пойду к королеве.

Бернуин взял подсвечник и пошел вперед.

Потайной ход соединял кабинет Мазарини с покоем королевы; этим коридором кардинал в любое время проходил к Анне Австрийской.

Дойдя по узкому проходу до спальни королевы, Бернуин увидел там г-жу Бове. Она и Бернуин были поверенными этой поздней любви. Г-жа Бове пошла доложить о кардинале Анне Австрийской, которая находилась в своей молельне с юным королем Людовиком XIV.

Анна Австрийская сидела в большом кресле, опершись локтем на стол и, склонив голову на руку, смотрела на царственного ребенка, который, лежа на ковре, перелистывал толстую книгу о войнах и битвах. Анна Австрийская была королевой, умевшей скучать с царственным величием; иногда она на целые часы уединялась в своей спальне или молельне и сидела там, не читая и не молясь.

В руках короля был Квинт Курций², история Александра Македонского, с гравюрами, изображающими его великие дела.

Г-жа Бове с порога молельни доложила о кардинале Мазарини.

Ребенок приподнялся на одно колено, нахмурил брови и спросил у матери:

— Почему он входит, не испросив аудиенции?

Анна слегка покраснела.

— В такое трудное время, как теперь, — сказала она, — нужно чтобы первый министр мог в любой час докладывать королеве обо всем, что творится, не возбуждая любопытства и пересудов придворных.

— Но Ришелье, кажется, так не входил, — настаивал ребенок.

— Как вы можете знать, что делал Ришелье? Вы были тогда совсем маленьким, вы не можете этого помнить.

— Я и не помню, но я спрашивал других, и мне так сказали.

— А кто вам это сказал? — спросила Анна с плохо скрытым неудовольствием.

¹ Анри Огюст Ломени де Бриенн — французский дипломат, государственный деятель и мемуарист XVII в

² Латинский историк I в до н э

— Кто? Я знаю, что не надо никогда называть тех, кто отвечает на мои расспросы, — ответил ребенок, — не то мне никто больше ничего не скажет.

В эту минуту вошел Мазарини. Король встал, захлопнул книгу и, положив ее на стол, продолжал стоять, чтобы заставить стоять и кардинала.

Мазарини зорко наблюдал эту сцену, пытаясь на основании ее разгадать предшествующую. Он почтительно склонился перед королевой и отвесил королю низкий поклон, на который тот ответил довольно небрежным кивком головы. Но взгляд матери упрекнул его за это проявление ненависти, которою Людовик XIV с детства проникся к кардиналу, и, в ответ на приветствие министра, он заставил себя улыбнуться.

Анна Австрийская старалась прочесть в лице Мазарини причину его непредвиденного посещения; обычно кардинал приходил к ней лишь тогда она оставалась одна.

Министр сделал едва заметный знак головой. Королева обратилась к г-же Бове.

— Королю пора спать, — сказала она. — Позовите Ла Порта.

Королева уже раза два или три напоминала маленькому Людовику, что ему время уходить, но ребенок ласково просил позволения остаться еще. На этот раз он ничего не сказал, только закусил губу и побледнел.

Через минуту вошел Ла Порт.

Ребенок пошел прямо к нему, не поцеловав матери.

— Послушайте, Луи, почему вы не простились со мной? — спросила Анна.

— Я думал, что вы на меня рассердились, ваше величество: вы меня прогоняете.

— Я не гоню вас, но у вас только что кончилась ветряная оспа, вы еще не совсем оправались, и я боюсь, что вам трудно засиживаться поздно.

— Не боялись же вы, что мне будет трудно сегодня идти в парламент и подписывать эти злосчастные указы, которыми народ так недоволен.

— Государь, — сказал Ла Порт, чтобы переменить разговор, — кому прикажете передать подсвечник?

— Кому хочешь, Ла Порт, лишь бы не Манчини, — ответил ребенок громко.

Манчини был маленький племянник кардинала, определенный им к королю; последний и на него перенес часть своей ненависти к министру.

Король вышел, не поцеловав матери и не простившись с кардиналом.

— Вот это хорошо! — сказал Мазарини. — Приятно видеть, что в короле воспитывают отвращение к притворству.

— Что это значит? — почти робко спросила королева.

— Мне кажется, что уход короля не требует пояснений; вообще его величество не дает себе труда скрывать, как мало он меня лю-

бит. Впрочем, это не мешает мне быть преданным ему, как и вашему величеству.

— Прошу вас извинить его, кардинал: он еще ребенок и не понимает, сколь многим вам обязан.

Кардинал улыбнулся.

— Но, — продолжала королева, — вы, без сомнения, пришли по какому-нибудь важному делу? Что случилось?

Мазарини сел или, вернее, развалился в широком кресле и сказал печально:

— Случилось то, что, по всей вероятности, мы будем вынуждены вскоре разлучиться, если, конечно, вы не решитесь из дружбы последовать за мной в Италию.

— Почему? — спросила королева.

— Потому что, как поется в опере «Тисба», — отвечал Мазарини, —

Весь мир враждебен нашей страсти нежной

— Вы шутите, сударь! — сказала королева, пытаясь придать своему голосу хоть немного прежнего величия.

— Увы, ваше величество, я вовсе не шучу, — ответил Мазарини. — Поверьте мне, я скорее готов плакать; и есть о чем, потому что, как я уже вам сказал,

Весь мир враждебен нашей страсти нежной.

А так как и вы часть этого мира, то, значит, вы тоже покидаете меня.

— Кардинал!

— Ах, боже мой, разве я не видел, как вы на днях приветливо улыбались герцогу Орлеанскому или, вернее, тому, что он говорил вам.

— А что же он мне говорил?

— Он говорил вам, ваше величество: «Ваш Мазарини — камень преткновения. Удалите его, и все будет хорошо».

— Чего же вы от меня хотите?

— О, ваше величество! Вы ведь королева, насколько я знаю.

— Хороша королевская власть! Тут распоряжается любой писарь из Пале-Рояля, любой дворянчик!

— Однако вы достаточно сильны для того, чтобы удалять от себя людей, которые вам не нравятся.

— Скажем лучше, не нравятся вам! — воскликнула королева.

— Мне?

— Конечно! Не вы ли удалили госпожу де Шеврез, которая двенадцать лет терпела гонения в прошлое царствование?

— Интриганка! Ей хотелось продолжать против меня козни, начатые против Ришелье.

— А кто удалил госпожу Отфор, мою верную подругу, которая отвергла ухаживания короля, чтобы только сохранить мое расположение?

— Ханжа. Она каждый вечер, раздевая вас, твердила, что вы губите свою душу, любя священника, как будто кардинал и священник одно и то же.

— Кто велел арестовать Бофора?

— Бофор — мятежник, который так прямо и говорил, что надо убить меня!

— Вы отлично знаете, кардинал, — сказала королева, — что ваши враги — мои враги.

— Этого мало, ваше величество. Надо еще, чтобы ваши друзья были и моими друзьями.

— Мои друзья... — покачала королева головой. — Увы! У меня нет больше друзей.

— Как может не быть друзей в счастье, когда они были у вас в дни ваших невзгод?

— Потому что я в счастье забыла своих друзей. Я поступила, как Мария Медичи, которая, возвратясь из первого своего изгнания, презрела пострадавших за нее, а потом, изгнанная вторично, умерла в Кельне, оставленная всеми, даже собственным сыном, потому что теперь все ее презирали в свою очередь.

— Но, быть может, еще есть время, — сказал Мазарини, — исправить ошибку? Поищите между вашими прежними друзьями.

— Что вы хотите сказать?

— Только то, что сказал: поищите.

— Увы, сколько я ни смотрю вокруг себя, я не вижу никого, кем я могла бы располагать. Дядей короля, герцогом Орлеанским, как всегда, управляет фаворит: вчера это был Шуази, сегодня Ла Ривьер, завтра кто-нибудь другой. Принц Конде послушно идет за своим коадьютором¹, а тот — за госпожою де Гемене.

— Но я вам советовал искать среди прежних, а не среди нынешних друзей.

— Прежних? — повторила королева.

— Да, например, среди тех, которые помогали вам бороться с Ришелье и даже побеждать его...

«На что он намекает?» — подумала королева, с опаской поглядывая на кардинала.

— Да, — продолжал он, — при некоторых обстоятельствах, с помощью друзей вы умели, пользуясь тонким и сильным умом, присутствующим вашему величеству, отражать нападения этого противника.

— Я! — воскликнула королева. — Я терпела, и только.

— Да, — сказал кардинал, — терпели, готовя мечь, как истинная женщина. Но перейдем к делу. Помните вы Рошфора?

— Рошфор не был в числе моих друзей: напротив, он мой заядлый враг, верный слуга кардинала. Я думала, что это вам известно.

— Настолько хорошо известно, — ответил Мазарини, — что мы приказали посадить его в Бастилию.

— Он вышел оттуда? — спросила королева.

¹ В католической церкви — помощник и заместитель архиепископа; коадьютором в описываемую эпоху был принц де Гонди, называемый также кардиналом де Рецем.

— Будьте покойны, он и теперь там; я заговорил о нем только для того, чтобы перейти к другому. Знаете ли вы д'Артаньяна? — спросил Мазарини, глядя на королеву в упор.

Удар пришелся в самое сердце.

— Неужели гасконец проболтался? — прошептала Анна Австрийская.

Потом прибавила громко:

— Д'Артаньян? Подождите, да, в самом деле, это имя мне знакомо. Д'Артаньян, мушкетер, который любил одну из моих камеристок? Ее, бедняжку, потом отравили.

— И только всего? — сказал Мазарини.

Королева удивленно посмотрела на кардинала.

— Но, кардинал, кажется, вы подвергаете меня допросу?

— Во всяком случае, — сказал Мазарини со своей вечной улыбкой, все тем же сладким тоном, — в вашей воле ответить мне или нет.

— Изложите свои пожелания ясно, и я отвечу на них так же, — начала терять терпение королева.

— Ваше величество, — сказал Мазарини, кланяясь, — я желаю, чтобы вы поделились со мной вашими друзьями, как я с поделился с вами теми немногими знаниями и способностями, которыми небо наградило меня. Положение осложняется, и надо действовать решительно.

— Опять! — сказала королева. — Я думала, что мы с этим покончили, отделившись от Бофора.

— Да, вы смотрели только на поток, который грозил смыть все на пути, и не оглянулись на стоячую воду. А между тем есть французская поговорка о тихом омуте.

— Дальше, — сказала королева.

— Я каждый день терплю оскорбления от ваших принцев и титулованных лакеев, от всяких марионеток, которые не видят, что в моей руке все нити к ним, и не догадываются, что за моим терпеливым спокойствием таится гнев человека, который поклялся в один прекрасный день одолеть их. Правда, мы арестовали Бофора, но из них всех он был наименее опасен. Ведь остается еще принц Конде...

— Победитель при Рокруа! Арестовать его?

— Да, ваше величество, я частенько об этом думаю, но, как говорим мы, итальянцы, *razienza*¹. А кроме Конде, придется взять герцога Орлеанского.

— Что вы такое говорите? Первого принца крови, дядю короля!

— Нет, не первого принца крови и не дядю короля, но подлого заговорщика, который в прошлое царствование, подстрекаемый своим капризом и вздорным характером, снедаемый скукой, разжигаемый низким честолюбием, завидуя тем, кто превосходит его благородством, храбростью, и злясь на собственное ничтожество, именно по причине своего ничтожества сделался отголоском всех злонамеренных толков,

¹ Терпение (*итал.*)

душой всяких заговоров, подстрекателем смельчаков, которые имели глупость поверить слову человека царственной крови и от которых он отрекся, когда они оказались на эшафоте. Нет, я говорю не о принце крови и не о дяде короля, а об убийце Шале, Монморанси и Сен-Марса¹, который в настоящую минуту пытается сыграть опять ту же шутку и воображает, что он одержит верх, потому что у него переменялся противник, потому что теперь перед ним человек, предпочитающий не угрожать, а улыбаться. Но он ошибается. Он только проиграл со смертью Ришелье, и не в моих интересах оставлять подле королевы этот источник всех раздоров, человека, с помощью которого старый кардинал двадцать лет успешно растревлял желчь покойного короля.

Анна покраснела и закрыла лицо руками.

— Я нисколько не желаю унижать ваше величество,— продолжал Мазарини более спокойным, но зато удивительно твердым голосом.— Я хочу, чтобы уважали королеву и уважали ее министра, потому что в глазах всех людей я не более как министр. Вашему величеству известно, что я не пройдоха-итальянец, как многие меня называют. Необходимо, чтобы это знал весь мир так же, как знает ваше величество.

— Хорошо. Что же я должна сделать? — сказала Анна Австрийская, подчиняясь этому властному голосу.

— Вы должны припомнить имена тех верных, преданных людей, которые переплыли море вопреки воле Ришелье и, оставляя на пути следы собственной крови, привезли вашему величеству одно украшение, которое вам угодно было дать Бекингэму.

Анна величаво и гневно поднялась, словно под действием стальной пружины, и, глядя на кардинала с гордым достоинством, делавшим ее такой могущественной в дни молодости, сказала:

— Вы меня оскорбляете!

— Я хочу,— продолжал Мазарини, доканчивая свою мысль, прерванную движением королевы,— чтобы вы сейчас сделали для вашего мужа то, что вы сделали когда-то для вашего любовника.

— Опять эта клевета! — воскликнула королева.— Я думала, что она умерла или заглохла, так как вы до сих пор избавляли меня от нее. Но вот вы тоже ее повторяете. Тем лучше. Объяснимся сегодня и кончим раз навсегда, слышите?

— Но, ваше величество,— произнес Мазарини, удивленный этим неожиданным проблеском силы,— я вовсе не требую, чтобы вы мне рассказали все.

— А я хочу вам все рассказать,— ответила Анна Австрийская.— Слушайте же. Были в то время действительно четыре преданные сердца, четыре благородные души, четыре верные шпаги, которые спасли мне больше чем жизнь: они спасли мою честь.

— А! Вы сознаетесь в этом? — сказал Мазарини.

— Неужели, по-вашему, только виновный может трепетать за свою честь? Разве нельзя обесчестить кого-нибудь, особенно женщину, на

¹ Шале, Монморанси и Сен-Маре — участники заговора против Ришелье.

основании одной лишь видимости? Да, все было против меня, и я неизбежно должна была лишиться чести, а между тем, клянусь вам, я не была виновна. Клянусь...

Королева стала искать вокруг себя какой-нибудь священный предмет, на котором она могла бы поклясться; она вынула из потайного стенового шкафа ларчик розового дерева с серебряными инкрустациями и, поставив его на алтарь, сказала:

— Клянусь священными реликвиями, хранящимися здесь, — я любила Бекингэма, но Бекингэм не был моим любовником.

— А что это за священные предметы, на которых вы приносите клятву, ваше величество? — спросил, улыбаясь, Мазарини. — Как вам известно, я римлянин, а потому не легковерен. Бывают всякого рода реликвии.

Королева сняла с шеи маленький золотой ключик и подала его кардиналу.

— Откройте и посмотрите.

Удивленный Мазарини взял ключ, открыл ларчик и нашел в нем заржавленный нож и два письма, из которых одно было запятнано кровью.

— Что это? — спросил Мазарини.

— Что это? — повторила Анна Австрийская, царственным жестом простирая над раскрытым ларчиком руку, которую годы не лишили чудесной красоты. — Я вам сейчас скажу. Эти два письма — единственные, которые я писал ему. А это нож, которым Фельтон убил его. Прочтите письма, и вы увидите, лгу ли я.

Несмотря на полученное разрешение, Мазарини, безотчетно повинаясь чувству, вместо того чтобы прочесть письма, взял нож: его умирающий Бэкингэм вынул из своей раны и через Ла Порту переслал королеве; лезвие было все источено ржавчиной, в которую обратилась кровь. Кардинал смотрел на него с минуту, и за это время королева стала бледней полотна, покрывающего алтарь, на который она опиралась. Наконец кардинал с невольной дрожью положил нож обратно в ларчик.

— Хорошо, ваше величество, я верю вашей клятве.

— Нет, нет, прочтите, — сказала королева, нахмутив брови, — прочтите. Я хочу, я требую; я решила покончить с этим сейчас же и уже никогда больше к этому не возвращаться. Или вы думаете, — прибавила она с ужасной улыбкой, — что я стану открывать этот ларчик всякий раз, когда вы возобновите ваши обвинения?

Мазарини, подчиняясь внезапному проявлению ее воли, почти машинально прочел оба письма. В одном королева просила Бекингэма возвратить алмазные подвески; это было письмо, которое отвез д'Артаньян, оно поспело вовремя. Второе было послано с Ла Портом; в нем королева предупреждала Бекингэма, что его хотят убить, и это письмо опоздало.

— Хорошо, ваше величество, — сказал Мазарини, — на это нечего ответить.

— Нет, — заперев ларчик, сказала королева и положила на него руку, — нет, есть что ответить на это: надо сказать, что я была небла-

годарна к людям, которые спасли меня и сделали все, что только могли, чтобы спасти его; и храброму д'Артаньяну я не пожаловала ничего, а только позволила ему поцеловать мою руку и подарила вот этот алмаз.

Королева протянула кардиналу свою прелестную руку и показала ему чудный камень, блиставший на ее пальце.

— Он продал его в тяжелую минуту, — говорила она опять с легким смущением, — продал для того, чтобы спасти меня во второй раз; за вырученные деньги он послал гонца к Бекингэму с предупреждением о грозящем ему убийстве.

— Значит, д'Артаньян знал об этом?

— Он знал все. Каким образом, не понимаю. Д'Артаньян продал перстень Дезэссару; я увидела кольцо у него на руке и выкупила. Но этот алмаз принадлежит д'Артаньяну; возвратите ему перстень от меня, и так как ваше счастье подле вас находится такой человек, то постарайтесь им воспользоваться.

— Благодарю вас, ваше величество, — сказал Мазарини, — я не забуду вашего совета.

— А теперь, — сказала королева, изнемогая от пережитого волнения, — что еще хотели бы вы узнать у меня?

— Ничего, ваше величество, — ответил кардинал самым ласковым голосом. — Умоляю только простить меня за несправедливое подозрение. Но я вас так люблю, что ревность моя, даже к прошлому, не удивительна.

Слабая улыбка промелькнула на губах королевы.

— Если вам не о чем больше спрашивать меня, — сказала она, — то оставьте меня. Вы понимаете, что после такого разговора мне надо побыть наедине с собой.

Мазарини поклонился.

— Я удаляюсь, ваше величество. Но позвольте мне прийти опять.

— Да, только завтра. И этого времени вряд ли будет достаточно, чтобы мне успокоиться.

Кардинал взял руку королевы, галантно поцеловал ее и вышел.

Как только он ушел, королева прошла в комнату сына и спросила Ла Порта, лег ли король.

Ла Порт указал ей на спящего ребенка.

Анна Австрийская взошла на ступеньки кровати, приложила губы к нахмуренному лбу сына и поцеловала его. Потом так же тихо удалилась, сказав только камердинеру:

— Постарайтесь, пожалуйста, милый Ла Порт, чтобы король приветливей смотрел на кардинала. И король и я, мы оба многим обязаны кардиналу.

ем временем кардинал вернулся к себе в кабинет, у дверей которого дежурил Бернуин. Мазарини спросил, нет ли каких новостей и не было ли известий из города, затем, получив отрицательный ответ, знаком приказал слуге удалиться.

Оставшись один, он встал и отворил дверь в коридор, потом в переднюю; утомленный д'Артаньян спал на скамье.

— Господин д'Артаньян! — позвал Мазарини вкрадчивым голосом. Д'Артаньян не шелохнулся.

— Господин д'Артаньян! — позвал Мазарини громче.

Д'Артаньян продолжал спать.

Кардинал подошел к нему и пальцем коснулся его плеча.

На этот раз д'Артаньян вздрогнул, проснулся и, придя в себя, сразу вскочил на ноги, как солдат, готовый к бою.

— Я здесь. Кто меня зовет?

— Я, — сказал Мазарини с самой приветливой улыбкой.

— Прошу извинения, ваше преосвященство, — сказал д'Артаньян, — но я так устал...

— Излишне просить извинения, — сказал Мазарини, — вы устали на моей службе...

Милостивый тон министра привел д'Артаньяна в восхищение.

— Гм... — процедил он сквозь зубы, — неужели справедлива пословица, что счастье приходит во сне?

— Следуйте за мной, сударь, — сказал Мазарини.

— Так, так! — пробормотал д'Артаньян. — Рошфор сдержал слово; только куда же он, черт возьми, делся?

Он всматривался во все закоулки кабинета, но Рошфора не было нигде.

— Господин д'Артаньян, — сказал Мазарини, удобно располагаясь в кресле, — вы казались мне храбрым и славным человеком.

«Возможно, — подумал д'Артаньян, — но долго же он собирался сказать мне об этом».

Это, однако, не помешало ему низко поклониться Мазарини в ответ на комплимент.

— Так вот, — продолжал Мазарини, — пришло время использовать ваши способности и достоинства.

В глазах офицера, как молния, сверкнула радость, но тотчас же погасла, так как он еще не знал, куда гнет Мазарини.

— Приказывайте, монсеньер, — сказал он, — я рад повиноваться вашему преосвященству.

— Господин д'Артаньян, — продолжал Мазарини, — в прошлое царствование вы совершали такие подвиги...

— Вы слишком добры, монсеньер, вспоминая об этом. Правда, я сражался не без успеха...

— Я говорю не о ваших военных подвигах,— сказал Мазарини,— потому что, хотя они и доставили вам славу, они превзойдены другими.

Д'Артаньян прикинулся изумленным.

— Что же вы не отвечаете?..— сказал Мазарини.

— Я ожидаю, монсеньер, когда вы сообразоволюте объяснить мне, о каких подвигах вам угодно говорить.

— Я говорю об одном приключении... Да вы отлично знаете, что я хочу сказать.

— Увы, нет, монсеньер! — ответил в совершенном изумлении д'Артаньян.

— Вы скромны, — тем лучше! Я говорю об истории с королевой, об алмазных подвесках, о путешествии, которое вы совершили с тремя вашими друзьями.

«Вот оно что! — подумал гасконец.— Уж не ловушка ли это? Надо держать ухо востро».

И он изобразил на своем лице такое недоумение, что ему позавидовали бы Мондори и Бельроз, два лучших актера того времени.

— Отлично! — сказал, смеясь, Мазарини.— Bravo! Недаром мне сказали, что вы именно такой человек, какой мне нужен. Ну, а что бы вы сделали для меня?

— Все, монсеньер, что вы мне прикажете,— ответил д'Артаньян.

— Сделали бы вы для меня то, что когда-то сделали для некоей королевы?

«Положительно, — мелькнуло в голове д'Артаньяна, — он хочет заставить меня проговориться. Но мы поборемся. Не хитрее же он Ришелье, черт побери!»

— Для королевы, монсеньер? Я не понимаю.

— Вы не понимаете, что мне нужны вы и ваши три друга?

— Какие три друга, монсеньер?

— Те, что были у вас в прежнее время.

— В прежнее время, монсеньер,— ответил д'Артаньян,— у меня было не трое, а полсотни друзей. В двадцать лет всех считаешь друзьями.

— Хорошо, хорошо, господин офицер,— сказал Мазарини.— Скрытность — прекрасная вещь. Но как бы вам сегодня не пожалеть об излишней скромности.

— Пифагор заставлял своих учеников пять лет хранить безмолвие, монсеньер, чтобы научить их молчать, когда это нужно.

— А вы хранили его двадцать лет. На пятнадцать лет больше, чем требовалось от философа-пифагорейца,— и это кажется мне вполне достаточным. Сегодня вы можете говорить — сама королева освобождает вас от вашей клятвы.

— Королева? — спросил д'Артаньян с удивлением, которое на этот раз было непритворным.

— Да, королева! И доказательством того, что я говорю от ее имени, служит ее повеление показать вам этот алмаз, который, как ей кажется, вам известен и который она выкупила у господина Дезссара.

И Мазарини протянул руку к лейтенанту, который вздохнул, узнав кольцо, подаренное ему королевой на балу в городской ратуше.

— Правда! — сказал д'Артаньян. — Я узнаю этот алмаз, принадлежавший королеве.

— Вы видите, что я говорю с вами от ее имени. Отвечайте же мне, не разыгрывайте комедии. Я вам уже сказал и снова повторяю: дело идет о вашей судьбе.

— Действительно, монсеньер, мне совершенно необходимо позаботиться о своей судьбе. Вы, ваше преосвященство, так давно не вспоминали обо мне!

— Довольно недели, чтобы наверстать потерянное. Итак, вы сами здесь, ну, а где ваши друзья?

— Не знаю, монсеньер.

— Как, не знаете?

— Не знаю; мы давно расстались, так как они все трое покинули военную службу.

— Но где вы их найдете?

— Там, где они окажутся. Это уж мое дело.

— Хорошо. Ваши условия?

— Денег, монсеньер, денег столько, сколько потребуется на наши предприятия. Я слишком хорошо помню, какие препятствия возникали иной раз перед нами из-за отсутствия денег, и не будь этого алмаза, который я был вынужден продать, мы застряли бы в пути.

— Черт возьми! Денег! Да к тому же еще много! — сказал Мазарини. — Вот чего вы захотели, господин офицер. Знаете ли вы, что в королевской казне нет денег?

— Тогда сделайте, как я, монсеньер: продайте королевские алмазы; но, верьте мне, не стоит торговаться: большие дела плохо делаются с малыми средствами.

— Хорошо, — сказал Мазарини, — мы постараемся удовлетворить вас.

«Ришелье, — подумал д'Артаньян, — уже дал бы мне пятьсот пистолей задатку».

— Итак, вы будете мне служить?

— Да, если мои друзья на то согласятся.

— Но в случае их отказа я могу рассчитывать на вас?

— В одиночку я еще никогда ничего не делал путного, — сказал д'Артаньян, тряхнув головой.

— Так разыщите их.

— Что мне сказать им, чтоб склонить их к службе вашему преосвященству?

— Вы их знаете лучше, чем я. Обещайте каждому в зависимости от его характера.

— Что мне пообещать?

— Если они послужат мне так, как служили королеве, то моя благодарность будет ослепительна.

— Что мы будем делать?

— Все, потому что вы, по-видимому, способны на все.

— Монсеньер, доверяя людям и желая, чтобы они доверяли нам,

надо осведомлять их лучше, чем это делает ваше преосвященство...

— Когда наступит время действовать, — прервал его Мазарини, — будьте покойны, вы все узнаете.

— А до тех пор?

— Ждите и ищите ваших друзей.

— Монсеньер, их, может быть, нет в Париже, это даже весьма вероятно. Мне придется путешествовать. Я ведь только бедный лейтенант, мушкетер, а путешествия стоят дорого.

— В мои намерения не входит, — сказал Мазарини, — чтобы вы появлялись с большой пышностью, мои планы нуждаются в тайне и пострадают от слишком большого числа окружающих вас людей.

— И все же, монсеньер, я не могу путешествовать на свое жалованье, так как мне задолжали за целых три месяца; а на свои сбережения я путешествовать не могу, потому что за двадцать два года службы я копил только долги.

Мазарини задумался на минуту, словно в нем происходила сильная борьба; потом, подойдя к шкафу с тройным замком, он вынул оттуда мешок и взвесил его на руке два-три раза, прежде чем передать д'Артаньяну.

— Возьмите, — сказал он со вздохом, — это на путешествие.

«Если тут испанские дублоны или хотя бы золотые экю, — подумал д'Артаньян, — то с тобой еще можно иметь дело».

Он поклонился кардиналу и опустил мешок в свой просторный карман.

— Итак, решено, — продолжал кардинал, — вы едете...

— Да, монсеньер.

— Пишите мне каждый день, чтобы я знал, как идут ваши переговоры.

— Непременно, монсеньер.

— Отлично. Кстати, как зовут ваших друзей?

— Как зовут моих друзей? — повторил д'Артаньян, не решаясь довериться кардиналу вполне.

— Да. Пока вы ищете, я наведу справки со своей стороны и, может быть, кое-что узнаю.

— Граф де Ла Фер, иначе Атос; господин дю Валлон, или Портос, и шевалье д'Эрбле, теперь аббат д'Эрбле, иначе Арамис.

Кардинал улыбнулся.

— Младшие сыновья древних родов, — сказал он, — поступившие в мушкетеры под вымышленными именами, чтобы не компрометировать своих семей! Длинная шпага и пустой кошелек, — нам это знакомо.

— Если, бог даст, эти шпаги послужат вам, монсеньер, — отвечал д'Артаньян, — то осмелюсь пожелать, чтобы кошелек вашего преосвященства стал полегче, а их бы потяжелел, потому что с этими тремя людьми и со мной в придачу, вы, ваше преосвященство, перевернете вверх дном всю Францию и даже всю Европу, если вам будет угодно.

— В хвастовстве гасконцы могут потягаться с итальянцами, — сказал, смеясь, Мазарини.

— Во всяком случае, — сказал д'Артаньян, улыбаясь так же, как кардинал, — они превзойдут их в бою на шпагах.

И он вышел, получив отпуск, который тут же был ему дан и подписан самим Мазарини.

Едва очутившись во дворе, он подошел к фонарю и поспешно заглянул в мешок.

— Серебро! — презрительно проговорил он. — Так я и думал! Ах, Мазарини, Мазарини, ты мне не доверяешь, — тем хуже для тебя, это принесет тебе несчастье.

Между тем кардинал потирал себе руки от удовольствия.

— Сто пистолей, — пробормотал он, — сто пистолей! Сто пистолей — и я владею тайной, за которую Ришелье заплатил бы двадцать тысяч экю! Не считая этого алмаза, — прибавил он, бросая любовные взгляды на перстень, который оставил у себя, вместо того чтобы отдать д'Артаньяну, — не считая этого алмаза, который стоит самое меньшее десять тысяч ливров.

И кардинал прошел в свою комнату, чрезвычайно довольный вечером, который принес ему такой отличный барыш; уложил перстень в ларец, наполненный брильянтами всех сортов, потому что кардинал имел слабость к драгоценным камням, и позвал Бернуина, чтобы тот раздел его, не думая больше ни о криках на улице, ни о ружейных выстрелах, все еще гремевших в Париже, хотя было уже около полуночи.

Д'Артаньян в это время шел на Тиктонскую улицу, где он жил в гостинице «Козочка».

Скажем в нескольких словах, почему д'Артаньян остановил свой выбор на этом жилище.

Глава 6

Д'АРТАНЬЯН В СОРОК ЛЕТ

вы, с тех пор, как мы в нашем романе «Три мушкетера» расстались с д'Артаньяном на улице Могильщиков, № 12, произошло много событий, а главное — прошло много лет.

Не то чтобы д'Артаньян не умел пользоваться обстоятельствами, но сами обстоятельства сложились не в пользу д'Артаньяна. В пору, когда он жил одной жизнью со своими друзьями, он был молод и мечтателен. Это была одна из тех тонких, впечатлительных натур, которые легко усваивают себе качества других людей. Атос заражал его своим гордым достоинством, Портос — пылкостью, Арамис — изяществом. Если бы д'Артаньян продолжал жить с этими тремя людьми, он сделался бы выдающимся человеком. Но Атос первый его покинул, удалившись в свое маленькое поместье близ Блуа, доставшееся ему в наследство; вторым ушел Портос, женившийся на своей прокурорше; последним ушел Арамис, чтобы принять рукоположение и сделаться аббатом. И д'Артаньян, всегда представлявший себе будущее нераздельным с будущностью

своих трех приятелей, оказался одинок и слаб; он не имел решимости следовать дальше путем, на котором, по собственному ощущению, он мог достичь чего-либо только при условии, чтобы каждый из его друзей уступал ему, если можно так выразиться, немного электрического тока, которым одарило их небо.

После производства в лейтенанты одиночество д'Артаньяна только углубилось. Он не был таким аристократом, как Атос, чтобы пред ним могли открыться двери знатных домов; он не был так тщеславен, как Портос, чтоб уверять других будто посещает высшее общество; не был столь утончен, как Арамис, чтобы пребывать в своем природном изяществе и черпать его в себе самом. Одно время пленительное воспоминание о г-же Бонасье вносило в душу молодого человека некоторую поэзию; но как и все на свете, это тленное воспоминание мало-помалу изгладилось: гарнизонная жизнь роковым образом влияет даже на избранные натуры. Из двух противоположных элементов, образующих личность д'Артаньяна, материальное начало мало-помалу возобладало, и потихоньку, незаметно для себя, д'Артаньян, не видевший ничего, кроме казарм и лагерей, не сходявший с коня, стал (не знаю, как это называлось в ту пору), тем, что в наше время называется «настоящим служакой».

Он не потерял природной остроты ума. Напротив, эта острота ума, может быть, даже увеличилась; по крайней мере грубоватая оболочка сделала ее еще заметнее. Но он направил свой ум не на великое, а на самое малое в жизни, на материальное благосостояние, да еще и на солдатский манер; иначе говоря, он хотел иметь лишь хорошее жильё, хороший стол и хорошую хозяйку.

И все это д'Артаньян нашел уже шесть лет тому назад на Тиктонской улице, в гостинице под вывеской «Козочка».

С первых же дней его пребывания в этой гостинице хозяйка ее, красивая, свежая фламандка, лет двадцати пяти или шести, влюбилась в него не на шутку. Легкому роману сильно мешал непокладистый муж, которого д'Артаньян раз десять грозился проткнуть насквозь шпагой. В одно прекрасное утро этот муж исчез, продав потихоньку несколько бочек вина и захватив с собой деньги и драгоценности. Все думали, что он умер; в особенности настаивала на том, что он ушел из этого мира, его жена, которой очень улыбалась мысль считаться вдовой. Наконец, после трех лет связи, которую д'Артаньян не собирался порывать, находя с каждым годом все больше приятности в своем жильё и хозяйке, тем более что последняя предоставляла ему первое в долг, хозяйка эта возымела вдруг чудовищную претензию сделаться его женою и предложила д'Артаньяну на ней жениться.

— Ну уж нет! — ответил д'Артаньян. — Двоемужие, милая? Нет! Нет! Это невозможно.

— Но он умер, я уверена.

— Он был очень неподатливый малый и вернется, чтобы отправить нас на виселицу.

— Ну что ж, если он вернется, вы его убьете; вы такой храбрый и ловкий.

— Ого, голубушка! Это просто другой способ попасть на виселицу!

— Значит, вы отвергаете мою просьбу?

— Еще бы!

Прекрасная трактирщица была в отчаянии. Она хотела бы признать д'Артаньяна не только мужем, но и богом: он был такой красивый мужчина и такой лихой вояка!

На четвертом году этого союза случился поход во Франш-Конте. Д'Артаньян был назначен тоже и стал готовиться в путь. Тут начались великие страдания, неутешные слезы, торжественные клятвы в верности; все это, разумеется, со стороны хозяйки. Д'Артаньян был слишком великодушен, чтобы не пообещать ничего, и потому он обещал сделать все возможное для умножения славы своего имени.

Что до храбрости д'Артаньяна, то она нам уже известна. Он за нее и поплатился: наступая во главе своей роты, он был ранен в грудь навывлет пульей и остался лежать на поле сражения. Видели, как он падал с лошади, но не видели, чтобы он поднялся, и сочли его убитым; а те, кто надеялся занять его место, на всякий случай уверяли, что он убит в самом деле. Легко верится тому, во что хочешь верить; ведь в армии, начиная с дивизионных генералов, желающих смерти главнокомандующему, и кончая солдатами, ждущими смерти капрала, всякий желает чьей-нибудь смерти.

Но д'Артаньян был не такой человек, чтобы дать себя убить так просто. Прележав жаркое время дня без памяти на поле сражения, он пришел в себя от ночной прохлады, добрался кое-как до деревни, постучался в двери лучшего дома и был принят, как всегда и всюду принимают французов, даже раненых: его окружили нежной заботливостью и вылечили. Здоровее, чем раньше, он пустился в одно прекрасное утро по дороге во Францию, а потом в Париж, а как только попал в Париж, — на Тиктонскую улицу.

Но в своей комнате д'Артаньян нашел дорожный мешок с мужскими вещами и шпагу, прислоненную к стене.

«Он возвратился! — подумал д'Артаньян. — Тем хуже и тем лучше». Само собой разумеется, что д'Артаньян имел в виду мужа.

Он навел справки: лакей новый, новая служанка; хозяйка ушла гулять.

— Одна? — спросил д'Артаньян.

— С барином.

— Так барин вернулся?

— Конечно, — простодушно ответила служанка.

«Будь у меня деньги, — сказал себе д'Артаньян, — я бы ушел; но у меня их нет, нужно остаться и, последовав совету моей хозяйки, разрушить брачные планы этого неугомонного загробного жителя».

Едва он кончил свой монолог (который доказывает, что в важных случаях жизни монолог вещь самая естественная), как поджидавшая у дверей служанка закричала:

— А вот и барыня возвращается с барином!

Д'Артаньян выглянул тоже и увидел вдали, на углу Монмартрской улицы, хозяйку, которая шла, опираясь на руку огромного швейцарца, шагавшего развалистой походкой и приятно напомнившего Портаго его старому другу.

«Это и есть барин? — сказал про себя д'Артаньян. — Он, по-моему очень вырос».

И д'Артаньян уселся в зале на самом видном месте. Хозяйка, войдя, сразу заметила его и вскрикнула.

По ее голосу д'Артаньян заключил, что ему рады, поднялся, бросился к ней и нежно поцеловал.

Швейцарец с недоумением смотрел на бледную как полотно хозяйку.

— Ах! Это вы, сударь! Что вам угодно? — спросила она в величайшем волнении.

— Этот господин ваш родной брат? Или двоюродный? — спросил д'Артаньян, разыгрывая свою роль без малейшего смущения.

Не дожидаясь ответа, он кинулся обнимать швейцарца, который отнесся к его объятиям очень холодно.

— Кто этот человек? — спросил он.

Хозяйка в ответ только всхлипывала.

— Кто этот швейцарец? — спросил д'Артаньян.

— Этот господин хочет на мне жениться, — едва выговорила хозяйка в промежутке между двумя вздохами.

— Так ваш муж наконец умер?

— А фам какое тело? — вмешался швейцарец.

— Мне до этого польское тело, — ответил д'Артаньян, передразнивая его, — потому что вы не можете жениться без моего согласия, а я...

— А фы? — спросил швейцарец.

— А я этого согласия не дам, — сказал мушкетер.

Швейцарец покраснел, как пион; на нем был красивый мундир с золотым шитьем, а д'Артаньян был закутан в какой-то серый плащ; швейцарец был шести футов роста, а д'Артаньян не больше пяти. Швейцарец чувствовал себя дома, а д'Артаньян казался ему незванным гостем.

— Убередесь ли фы одсюда? — крикнул швейцарец, сильно топнув ногой, как человек, который начинает сердиться всерьез.

— Я? Как бы не так! — ответил д'Артаньян.

— Не позвать ли кого-нибудь? — сказал слуга, который не мог понять, как это такой маленький человек оспаривает место у такого большого.

— Эй, ты! — крикнул д'Артаньян, приходя в ярость и хватая парня за ухо. — Стой на месте и не шевелись, не то я тебе уши оборву. А что до вас, блистательный потомок Вильгельма Телля, то вы сейчас же увяжете в узелок ваши вещи, которые мешают мне в моей комнате, и живо отправитесь искать себе квартиру в другой гостинице.

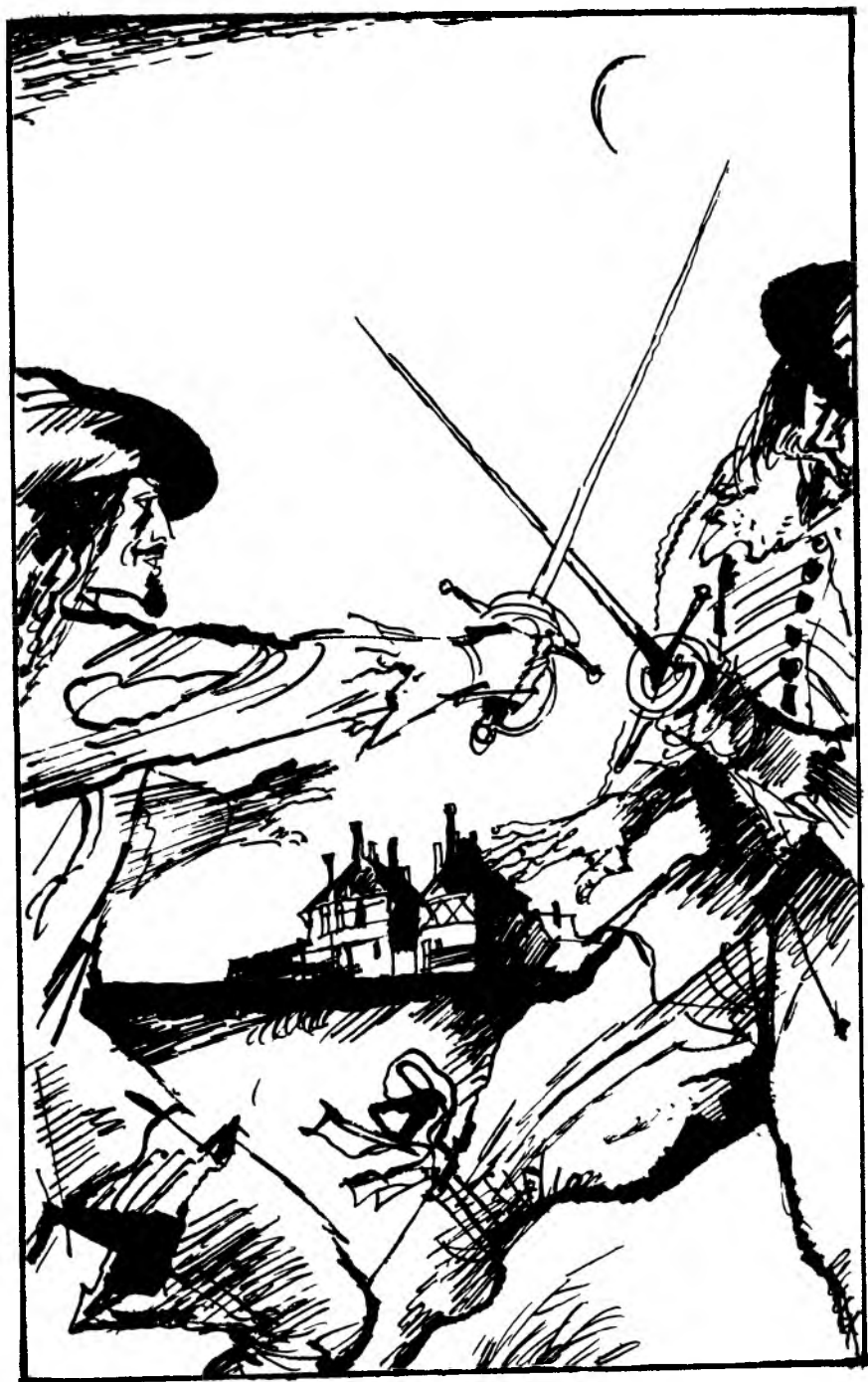
Швейцарец громко расхохотался.

— Мне уходить? — сказал он. — Это бочему?

— А, отлично! — сказал д'Артаньян. — Я вижу, вы понимаете по-французски. Тогда пойдемте погулять со мной. Я вам растолкую остальное.

Хозяйка, зная, что д'Артаньян мастер своего дела, начала плакать и рвать на себе волосы.

Д'Артаньян обернулся к заплаканной красотке.

— Тогда прогоните его сами, сударыня,— сказал он.

— Па! — ответил швейцарец, который не сразу уразумел предложение, которое ему сделал д'Артаньян.— Па! А фы кто такой, чтоб бред-лагад мне идти гулять с фами?

— Я лейтенант мушкетеров его величества,— сказал д'Артаньян,— и, значит, я — ваше начальство. Но так как дело тут не в чинах, а в праве на постой, то обычай вам известен: едем за приказом; кто первый вернется, за тем и будет квартира.

Д'Артаньян увел швейцарца, не слушая воплей хозяйки, сердце которой, в сущности, склонялось к прежнему любовнику; но она была бы не прочь проучить этого гордеца-мушкетера, оскорбившего ее от-казом жениться.

Противники направились прямо к Монмартрскому рву. Когда они пришли, уже стемнело. Д'Артаньян вежливо попросил швейцарца уступить ему жилье и больше не возвращаться; тот отрицательно мотнул головой и обнажил шпагу.

— В таком случае вы будете ночевать здесь,— сказал д'Артаньян.— Это скверный ночлег, но я не виноват, вы его сами выбрали.

При этих словах он тоже обнажил шпагу и скрестил ее со шпагой противника.

Ему пришлось иметь дело с крепкой рукой, но его, ловкость одолевала любую силу. Шпага швейцарца не сумела отразить шпаги мушкетера. Швейцарец был дважды ранен. Из-за холода он не сразу заметил ран, но потеря крови и вызванная ею слабость внезапно принудили его сесть на землю.

— Так! — сказал д'Артаньян.— Что я вам говорил? Вот вам и досталось, упрямая голова. Радуйтесь еще, если отделались двумя неделями. Оставайтесь тут, я сейчас пришлю с лакеем ваши вещи. До свидания. Кстати, советую поселиться в улице Монторгейль, в «Кошке с клубком»: там отлично кормят, если только там еще прежняя хозяйка. Прощайте.

Очень довольный, он вернулся домой и в самом деле послал слугу отнести пожитки швейцарцу, который все сидел на том же места, где оставил его д'Артаньян, и не мог прийти в себя от нахальства противника.

Слуга, хозяйка и весь дом преисполнились к д'Артаньяну таким благоговением, с каким отнеслись бы разве только к Геркулесу, если бы он снова явился на землю для совершения своих двенадцати подвигов.

Но, оставшись наедине с хозяйкой, д'Артаньян сказал ей:

— Теперь, прекрасная Мадлен, вам известно, чем отличается швейцарец от дворянина. Вы-то сами вели себя как трактирщица. Тем хуже для вас, так как из-за вашего поведения вы теряете мое уважение и своего постояльца. Я выгнал швейцарца, чтобы проучить вас, но жить я здесь не стану, я не квартирую у тех, кого презираю. Эй, малый, отнеси мой сундук в «Бочку Амура» на улицу Бурдоне. До свидания, сударыня.

Произнося эти слова, д'Артаньян был, вероятно, и величествен и трогателен. Хозяйка бросилась к его ногам, просила прощения и своей нежностью принудила его задержаться. Что сказать еще? Вертел кру-

уиися, огонь трещал, прекрасная Мадлен рыдала; д'Артаньян сразу почувствовал соединенное действие голода, холода и любви; он простил, а простив — остался.

Вот почему д'Артаньян жил на Тиктонской улице в гостинице «Козочка».

Глава 7

Д'АРТАНЬЯН В ЗАТРУДНИТЕЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ, НО ОДИН ИЗ НАШИХ СТАРЫХ ЗНАКОМЫХ ПРИХОДИТ ЕМУ НА ПОМОЩЬ

так, д'Артаньян в раздумье шел к себе домой, с удовольствием унося кошелек кардинала Мазарини и мечтая о прекрасном алмазе, который некогда принадлежал ему и теперь на мгновенье сверкнул перед ним на пальце первого министра.

«Если бы этот алмаз когда-нибудь снова попал мне в руки, — думал он, — я бы не сходя с места превратил его в деньги и купил маленькое поместье возле отцовского замка; замок этот довольно приятное обиталище, но не имеет при себе никаких угодий, кроме сада величиной с кладбище Избиенных Младенцев; затем я величественно дождался бы, пока какая-нибудь богатая наследница, соблазненная моей внешностью, предложит мне вступить с ней в брак; потом у меня появилось бы три мальчугана: из первого я сделал бы важного барина вроде Атоса, из второго храброго солдата вроде Портоса, а из третьего — изящного аббата вроде Арамиса. Право, это было бы куда лучше той жизни, какую я веду; но на беду мою господин де Мазарини жалкий скряга и не поступится этим алмазом в мою пользу».

Что сказал бы д'Артаньян, если бы знал, что королева вручила Мазарини алмаз для передачи ему!

Выйдя на Тиктонскую улицу, он застал там большое волнение; множество народа столпилось возле его дома.

— Ого, — сказал он, — уж не горит ли гостиница «Козочка» или не вернулся ли и впрямь муж прекрасной Мадлен?

Оказалось, ни то ни другое; подойдя ближе, д'Артаньян увидел, что толпа собралась не перед его домом, а перед соседним. Раздавались крики, люди бегали с факелами, и при свете этих факелов д'Артаньян разглядел мундиры.

Он спросил, что случилось.

Ему ответили, что какой-то горожанин с дюжиной друзей напал на карету, ехавшую под конвоем кардинальской гвардии, но явилось подкрепление, и горожане обратились в бегство. Их предводитель скрылся в соседнем доме, и теперь этот дом обыскивают.

В молодости д'Артаньян непременно бросился бы туда, где были солдаты, и стал бы помогать им против горожан, но такой пыл давно уже остыл в нем; к тому же у него в кармане было сто пистолей, полученных от кардинала, и он не хотел подвергать их разным случайностям, вмешавшись в толпу.

Он пошел в гостиницу без дальнейших расспросов. Бывало, д'Артаньян всегда желал все знать; теперь он всякий раз считал, что знает уже достаточно.

Его встретила красotka Мадлен. Она его не ожидала, так как д'Артаньян сказал ей, что проведет ночь в Лувре, и обласкала его за это непредвиденное появление, которое пришлось тем более кстати, что она очень боялась смятения на улице и теперь не располагала швейцарцем для охраны.

Она хотела завязать с д'Артаньяном разговор, рассказать обо всем случившемся; но он велел подать ужин к себе в комнату и принести туда бутылку старого бургундского.

Прекрасная Мадлен была у него вышколена по-военному, иначе говоря, исполняла все по первому знаку; а так как д'Артаньян на этот раз соблаговолил говорить, то его приказание было выполнено вдвое скорее обычного.

Д'Артаньян взял ключ, свечу и поднялся в свою комнату; чтобы не сокращать доходов хозяйки, он удовлетворялся комнаткой в верхнем этаже. Уважение, которое мы питаем к истине, вынуждает нас даже сказать, что эта комната помещалась под самой крышей и рядом с водосточным желобом.

Д'Артаньян удалялся в эту комнату, как Ахиллес в свой шатер¹, когда хотел наказать прекрасную Мадлен своим презрением.

Прежде всего он спрятал в старый шкафчик с новым замком свой мешок, содержимое которого он не собирался пересчитывать, чтобы узнать, какую оно составляет сумму; через минуту ему подали ужин и бутылку вина, он отпустил слугу, запер дверь и сел за стол.

Все это было сделано д'Артаньяном вовсе не для того, чтобы предаться размышлениям, как мог бы предположить читатель, — просто он считал, что только делая все по очереди, можно делать все хорошо. Он был голоден — он поужинал; потом лег спать.

Д'Артаньян не принадлежал к тем людям, которые полагают, что ночь — добрая советчица: ночью д'Артаньян спал. Наоборот, именно по утрам он бывал бодр, сообразителен и ему приходили в голову самые лучшие решения. Размышлять по утрам он уже давно не имел повода, но спал ночью всегда.

На рассвете он проснулся, живо, по-военному, вскочил с постели и зашагал по комнате, соображая:

«В сорок третьем году, за полгода примерно до смерти кардинала, я получил письмо от Атоса. Где это было?.. Где же?.. Ах, это было при осаде Безансона. Помню, я сидел в траншее. Что он мне писал? Будто

¹ В древнегреческой эпической поэме «Илиада» один из вождей греческого войска Ахиллес из-за ссоры с другим вождем отказывается принимать дальнейшее участие в сражениях и удаляется в свой шатер

поселился в маленьком поместье, — да, именно так, в маленьком поместье. Но где? Я как раз дочитал до этих слов, когда порыв ветра унес письмо. Следовало мне тогда броситься за ним, хотя ветер нес его прямо в поле. Но молодость — большой недостаток... для того, кто уже не молод. Я дал моему письму улететь к испанцам, которым адрес Атоса был ни к чему, так что им следовало прислать мне письмо обратно. Итак, бросим думать об Атосе. Перейдем к Портосу...

Я получил от него письмо; он приглашал меня на большую охоту в своих поместьях в сентябре 1646 года. К несчастью, я был тогда в Беарне по случаю смерти отца; письмо последовало за мной, но я уже уехал из Беарна, когда оно пришло. Тогда оно отправилось по моим следам и чуть не нагнало меня в Монмеди, опоздав всего на несколько дней. В апреле оно попало наконец в мои руки, но так как шел уже апрель 1647 года, а приглашение было на сентябрь 1646 года, то я не мог им воспользоваться. Надо отыскать это письмо: оно должно лежать вместе с моими актами на именье».

Д'Артаньян открыл старый сундучок, стоявший в углу комнаты, наполненной пергаментами, относившимися к землям д'Артаньяна, которые уже с лишком двести лет как вышли из владения его предков, и вскрикнул от радости. Он узнал размашистый почерк Портоса, а под ним несколько строчек каракуль, начертанных сухой рукой его достойной супруги.

Д'Артаньян не стал терять времени попусту на перечитыванье письма, содержание которого он знал, а прямо обратился к адресу.

Адрес был: «Замок дю Валлон».

Портос и не подумал дать более точные указания. В своей надменности он думал, что весь свет должен знать замок, которому он дал свое имя.

— Проклятый хвостун! — воскликнул д'Артаньян. — Он нисколько не переменялся! А мне именно с него-то и следовало бы начать ввиду того, что он, унаследовав от Кокнара восемьсот тысяч ливров, не нуждается в деньгах. Эх, самого-то лучшего у меня и не будет! Атос так пил, что, наверное, совсем отупел. Что касается Арамиса, то он, конечно, погружен в свое благочестие.

Д'Артаньян еще раз взглянул на письмо. В нем была приписка, в которой значилось следующее:

«С этой же почтой пишу нашему достойному другу Арамису в его монастырь».

В его монастырь? Отлично. Но какой монастырь? Их двести в одном Париже. И три тысячи во Франции. К тому же, он, может быть, поступая в монастырь, в третий раз изменил свое имя? Ах, если бы я был силен в богословии, если б я мог только вспомнить предмет его тезисов, которые он так рьяно обсуждал в Кревкере в кюре из Мондидье и настоятелем иезуитского монастыря, я бы уже смекнул, какой доктрине он отдает предпочтение, и вывел бы отсюда, какому святому он мог себя посвятить. А не пойти ли мне к кардиналу и не спросить ли у него пропуск во всевозможные монастыри, даже женские? Это действительно мысль, может быть, туда-то он и удалился, как Ахиллес. Да, но это значит с самого начала признаться в своем бессилии и

с первого шага уронить себя во мнении кардинала. Сановники бывают довольны только тогда, когда ради них делают невозможное. «Будь это вещь возможная,— говорят они нам,— я бы и сам это сделал». И сановники правы. Но не будем торопиться и разберемся толком. От него я тоже получил письмо, от милого друга, и он даже просил меня оказать ему какую-то услугу, что я и выполнил. Да. Но куда же я девал это письмо?

Подумав немного, д'Артаньян вышел из комнаты, подошел к вешалке, где висело его старое платье, и стал искать свой камзол 1648 года, а так как наш д'Артаньян был парень аккуратный, то камзол оказался на крючке. Порывшись в карманах, он вытащил бумажку: это было письмо Арамиса.

«Господин д'Артаньян,— писал Арамис,— извещаю вас, что я поссорился с одним дворянином, который назначил поединок сегодня вечером на Королевской площади; так как я — духовное лицо и это дело может повредить мне, если я сообщу о нем кому-нибудь другому, а не такому верному другу, как вы, то я прошу вас быть моим секундантом.

Войдите на площадь с новой улицы св. Екатерины и под вторым фонарем вы встретите вашего противника. Я с моим буду под третьим.
Ваш Арамис».

На этот раз даже не было прибавлено: «до свидания».

Д'Артаньян пытался припомнить события: он отправился на поединок, встретил там указанного противника, имени которого он так и не узнал, ловко проткнул ему шпагой руку и подошел к Арамису, который, окончив уже свое дело, вышел к нему навстречу из-под третьего фонаря.

— Готово,— сказал Арамис.— Кажется, я убил наглеца. Ну, милый друг, если вам встретится надобность во мне, вы знаете — я вам всецело предан.

И пожав ему руку, Арамис исчез под аркой.

Выходило, что д'Артаньян знал о местопребывании Арамиса столько же, сколько и о местопребывании Атоса и Портоса, и дело начинало казаться ему очень затруднительным, как вдруг ему послышалось, будто в его комнате разбили стекло.

Он сейчас же вспомнил о своем мешке и бросился к шкафчику. Он не ошибся: в ту минуту, как он входил в комнату, какой-то человек влезал в окно.

— А, негодяй! — закричал д'Артаньян, приняв его за вора и хватая за шпагу.

— Сударь! — взмолился этот человек.— Ради бога, вложите шпагу в ножны и не убивайте меня, не выслушав. Я не вор, вовсе нет! Я честный и зажиточный буржуа, у меня собственный дом. Меня зовут... Ай! Может ли быть? Нет, я не ошибаюсь, вы господин д'Артаньян.

— Это ты, Планше? — вскричал лейтенант.

— К вашим услугам,— ответил Планше, сияя,— если только я еще гожусь.

—¹ Может быть,— сказал д'Артаньян.— Но какого черта ты лазишь в семь часов утра по крышам, да еще в январе месяце?

— Сударь,— сказал Планше,— надо вам знать... хотя, в сущности, вам, пожалуй, это и знать не надо.

— Что такое? — переспросил д'Артаньян.— Но сперва прикрой окно полотенцем и задерни занавеску.

Планше повиновался.

— Ну, говори же! — сказал д'Артаньян, когда тот исполнил приказание.

— Сударь, скажите прежде всего,— спросил осторожный Планше,— в каких вы отношениях с господином де Рошфором?

— В превосходных! Еще бы! Он теперь один из моих лучших друзей!

— А! Ну тем лучше!

— Но что общего имеет Рошфор с подобным способом входить в комнату?

— Видите ли, сударь... Прежде всего нужно вам сказать, что господин де Рошфор в...

Планше замялся.

— Черт возьми,— сказал д'Артаньян.— Я отлично знаю, что он в Бастилии.

— То есть он был там,— ответил Планше.

— Как так был? — вскричал д'Артаньян.— Неужели ему посчастливилось бежать?

— Ах, сударь,— вскричал в свою очередь Планше,— если это, по вашему, счастье, то все обстоит благополучно. В таком случае нужно вам сказать, что вчера, по-видимому, за господином де Рошфором прислали в Бастилию...

— Черт! Я это отлично знаю, потому что сам ездил за ним.

— Но на его счастье не вы отвозили его обратно; потому что, если бы я узнал вас среди конвойных, то поверьте, сударь, что я слишком уважаю вас, чтобы...

— Да кончай же, скотина! Что такое случилось?

— А вот что. Случилось, что на Скобяной улице, когда карета господина де Рошфора пробиралась сквозь толпу народа и конвойные разгоняли граждан, поднялся ропот, арестант подумал, что настал удобный момент, сказал свое имя и стал звать на помощь. Я был тут же, услышал имя графа де Рошфора, вспомнил, что он сделал меня сержантом Пьемонтского полка, и закричал, что этот узник друг герцога Бофора. Тут все сбежались, остановили лошадей, отеснили конвой. Я успел отворить дверцу. Рошфор выскочил из кареты и скрылся в толпе. К несчастью, в эту минуту проходил патруль, присоединился к конвойным, и они бросились на нас. Я отступил к Тиктонской улице, они за мной, я вбежал в соседний дом, его оцепили, обыскали, но напрасно,— я нашел в пятом этаже одну сочувствующую нам особу, которая спрятала меня под двумя матрацами. Я всю ночь, или около того, оставался в своем тайнике и, подумав, что вечером могут возобновить поиски, на рассвете спустился по водосточной трубе, чтобы отыскать сначала вход, а потом выход в каком-нибудь доме, который

бы не был оцеплен. Вот моя история, и, честное слово, сударь, я буду в отчаянии, если она вам не по вкусу.

— Нет, напротив,— сказал д'Артаньян,— право же, я очень рад, что Рошфор на свободе. Но ты понимаешь, что, попадись ты теперь в руки королевских солдат, тебя без пощады повесят?

— Как не понимать? Черт возьми! — воскликнул Планше.— Именно это меня и беспокоит, и вот почему я так обрадовался, что нашел вас; ведь если вы захотите меня спрятать, то никто этого не сделает лучше вашего.

— Да,— сказал д'Артаньян.— Я, пожалуй, не против, хоть и рискую ни много ни мало, как моим чином, если только дознаются, что я укрываю мятежника.

— Ах, сударь, вы же знаете, что я рискнул бы для вас жизнью.

— Ты можешь даже прибавить, что не раз рисковал ею, Планше. Я забываю только то, что хочу забыть. Ну, а об этом я хочу помнить. Садись же и ешь спокойно; я вижу, ты весьма выразительно поглядываешь на остатки моего ужина.

— Да, сударь, потому что буфет соседки оказался небогат сытными вещами, и я с полудня съел всего лишь кусок хлеба с вареньем. Хоть я и не презираю сладостей, когда они подаются вовремя и к месту, ужин показался мне все же чересчур легким.

— Бедняга! — сказал д'Артаньян.— Ну, ешь, ешь!

— Ах, сударь, вы мне вторично спасаете жизнь.

Планше уселся за стол и принялся уписывать за обе щеки, как в доброе старое время, на улице Могильщиков.

Д'Артаньян прохаживался взад и вперед по комнате, придумывая, какую бы пользу можно было извлечь из Планше в данных обстоятельствах. Тем временем Планше добросовестно трудился, чтобы наверстать упущенное время.

Наконец он испустил тот удовлетворенный вздох голодного человека, который свидетельствует, что, заложив прочный фундамент, он собирается сделать маленькую передышку.

— Ну,— сказал д'Артаньян, полагавший, что настало время приступить к допросу,— начнем по порядку: известно ли тебе, где Атос?

— Нет, сударь,— ответил Планше.

— Черт! Известно ли тебе, где Портос?

— Тоже нет.

— Черт! А Арамис?

— Ни малейшего понятия.

— Черт! Черт! Черт!

— Но,— сказал Планше лукаво,— мне известно, где находится Базен.

— Как! Ты знаешь, где Базен?

— Да, сударь.

— Где же он?

— В соборе Богоматери.

— А что он делает в соборе Богоматери?

— Он там причетник.

— Базен причетник в соборе Богоматери! Ты в этом уверен?

— Вполне уверен. Я его сам видел и говорил с ним.

— Он наверное знает, где его господин!

— Разумеется.

Д'Артаньян подумал, потом взял плащ и шпагу и направился к двери.

— Сударь, — жалобно сказал Планше. — Неужели вы меня покинете? Подумайте, мне ведь больше не на кого надеяться.

— Но здесь не станут тебя искать, — сказал д'Артаньян.

— А если сюда кто войдет? — сказал осторожный Планше. — Никто не видел, как я вошел, и ваши домашние примут меня за вора.

— Это правда, — сказал д'Артаньян. — Слушай, знаешь ты какое-нибудь провинциальное наречие?

— Лучше того, сударь, я знаю целый язык, — сказал Планше, — я говорю по-фламандски.

— Где ты, черт возьми, выучился ему?

— В Артуа, где я сражался два года. Слушайте: *Goeden morgen, myn heer! Ik ben begeeray te weeten the gesondheets omstand.*

— Что это значит?

— «Добрый день, сударь, позвольте осведомиться о состоянии вашего здоровья».

— И это называется язык! — сказал д'Артаньян. — Но все равно, это очень кстати.

Он подошел к двери, кликнул слугу и приказал позвать прекрасную Мадлен.

— Что вы делаете, сударь, — вскричал Планше, — вы хотите доверить тайну женщине!

— Будь покоен, она не проговорится.

В эту минуту явилась хозяйка. Она вбежала с радостным лицом, надеясь застать д'Артаньяна одного, но, заметив Планше, с удивлением отступила.

— Милая хозяйюшка, — сказал д'Артаньян, — рекомендую вам вашего брата, только что приехавшего из Фландрии; я его беру к себе на несколько дней на службу.

— Моего брата? — сказала ошеломленная хозяйка.

— Поздоровайтесь же со своей сестрой, *master* Петер.

— *Wilkom, zuster!* — сказал Планше.

— *Goeden day, brøder!*¹ — ответила удивленная хозяйка.

— Вот в чем дело, — сказал д'Артаньян, — этот человек ваш брат, которого вы, может быть, и не знаете, но зато знаю я; он приехал из Амстердама; я сейчас уйду, а вы должны его одеть; когда я вернусь, примерно через час, вы мне его представите, и по вашей рекомендации, хотя он не знает ни слова по-французски, я возьму его к себе в услужение, так как ни в чем не могу вам отказать. Понимаете?

— Вернее, я догадываюсь, чего вы желаете, и этого с меня достаточно, — сказала Мадлен.

¹ Добро пожаловать, сестра! — Добрый день, брат!

— Вы чудная женщина, хозяйюшка, и я полагаюсь на вас.
Сказав это, д'Артаньян подмигнул Планше и отправился в собор Богоматери.

Глава 8

О РАЗЛИЧНОМ ДЕЙСТВИИ, КАКОЕ ПОЛУПИСТОЛЬ МОЖЕТ ИМЕТЬ НА ПРИЧЕТНИКА И НА СЛУЖКУ

Д'Артаньян шел по Новому мосту, радуясь, что снова обрел Планше. Ведь как ни был он полезен доброму малому, но Планше был ему самому гораздо полезней. В самом деле, ничто не могло быть ему приятнее в эту минуту, как иметь в своем распоряжении храброго и сметливого лакея. Правда, по всей вероятности, Планше недолго будет служить ему; но, возвратясь к своему делу в улице Менял, Планше будет считать себя обязанным д'Артаньяну за то, что тот, скрыв его у себя, спас ему жизнь, а д'Артаньяну было очень на руку иметь связи в среде горожан в то время, когда они собирались начать войну с двором. У него будет свой человек во вражеском лагере а такой умница, как д'Артаньян, умел всякую мелочь употребить в дело.

В таком настроении, весьма довольный судьбой и самим собой, д'Артаньян подошел к собору Богоматери.

Он поднялся на паперть, вошел в храм и спросил у ключаря, подметавшего часовню, не знает ли он г-на Базена.

— Господина Базена, причетника? — спросил ключарь.

— Его самого.

— Вот он прислуживает за обедней, в приделе Богородицы.

Д'Артаньян вздрогнул от радости. Несмотря на слова Планше, ему не верилось, что он найдет Базена; но теперь, поймав один конец нити, он мог ручаться, что доберется и до другого.

Он опустился на колени, лицом к этому приделу, чтобы не терять Базена из виду. По счастью, служилась краткая обедня, она должна была скоро кончиться. Д'Артаньян, перезабывший все молитвы и не позаботившийся захватить с собой молитвенник, стал на досуге наблюдать Базена.

Вид Базена в новой одежде был, можно сказать, столь же величественный, сколь и блаженный. Сразу видно было, что он достиг или почти достиг предела своих желаний и что палочка для зажигания свеч, оправленная в серебро, которую он держал в руке, казалась ему столь же почетной, как маршальский жезл, который Конде бросил, а может быть, и не бросал, в неприятельские ряды во время битвы под Фрейбургом.

Даже физически он преобразился, если можно так выразиться, совершенно под стать одежде. Все его тело округлилось и приобрело

нечто поповское. Все угловатости на его лице как будто сгладились. Нос у него был все тот же, но он тонул в круглых щеках; подбородок незаметно переходил в шею; глаза заплыли, не то что он жира, а от какой-то одутловатости; волосы, подстриженные по-церковному, под скобку, закрывали лоб до самых бровей. Заметим кстати, что лоб Базена, даже совсем открытый, никогда не превышал полутора дюймов в высоту.

В ту минуту как д'Артаньян кончил свой осмотр, кончилась и обедня. Священник произнес «аминь» и удалился, благословив молящихся, которые, к удивлению д'Артаньяна, все преклонили колена. Он перестал удивляться, узнав в священнослужителе самого коадьютора, знаменитого Жана-Франсуа де Гонди, который уже в это время, предчувствуя свою будущую роль, создавал себе популярность щедрой раздачей милостыни. Для того, чтобы увеличить эту популярность, он и служил иногда ранние обедни, на которые обычно приходит только простой люд.

Д'Артаньян, как и все, опустил на колени, принял причитающееся на его долю благословение, перекрестился, но в ту минуту, когда мимо него, с возведенными к небу очами, проходил Базен, скромно замыкавший шествие, д'Артаньян схватил его за полу; Базен опустил глаза и отскочил назад, словно увидел змею.

— Господин д'Артаньян! — воскликнул он. — *Vade retro, Satanas!*¹

— Отлично, милый Базен, — ответил, смеясь, офицер, — вот как вы встречаете старого друга.

— Сударь, — ответил Базен, — истинные друзья христианина те, кто споспешествуют спасению, а не те, кто отвращают от него.

— Я вас не понимаю, Базен, — сказал д'Артаньян, — я не вижу, как я могу служить камнем преткновения на вашем пути к спасению.

— Вы забываете, — ответил Базен, — что пытались навсегда закрыть к нему путь для моего бедного господина; из-за вас он губил свою душу, служа в мушкетерах, хотя чувствовал пламенное призвание к церкви.

— Мой милый Базен, — возразил д'Артаньян, — вы должны были бы понять уже по месту, где меня видите, что я очень переменялся: с годами становишься разумнее. И так как я не сомневаюсь, что ваш господин спасает свою душу, то я хочу узнать от вас, где он находится, чтобы он своими советами помог и моему спасению.

— Скажите лучше — чтобы вновь увлечь его в мир? По счастью, я не знаю, где он, так как, находясь в святом месте, я никогда не решился бы солгать.

— Как! — воскликнул д'Артаньян, совершенно разочарованный. — Вы не знаете, где Арамис?

— Прежде всего, — сказал Базен, — Арамис — это имя погибели. Если прочесть Арамис на выворот, получится Симара, имя одного из злых духов, и, по счастью, мой господин навсегда бросил это имя.

¹ Отойди от меня, сатана! (лат.)

— Хорошо,— сказал д'Артаньян, решившись перетерпеть все,— я ищу не Арамиса, а аббата д'Эрбле. Ну же, мой милый Базен, скажите мне, где он.

— Разве вы не слышали, господин д'Артаньян, как я ответил вам, что не знаю этого?

— Слышал, конечно; но я отвечу вам, что это невозможно.

— Тем не менее это правда, сударь, чистая правда, как перед богом...

Д'Артаньян хорошо видел, что ничего не вытянет из Базена; ясно было — Базен лжет, но по тому, с каким жаром и упорством он лгал, можно было легко предвидеть, что он от своего не отступит.

— Хорошо,— сказал д'Атаньян.— Так как вы не знаете, где живет ваш барин, не будем больше говорить о нем и расстанемся друзьями; вот вам полпистоля, выпейте за мое здоровье.

— Я не пью, сударь,— сказал Базен, величественно отводя руку офицера.— Это подобает только мирянам.

— Неподкупный! — проворчал д'Артаньян.— Ну и не везет же мне!

И так как д'Артаньян, отвлеченный своими размышлениями, выпустил из рук полу Базена, тот поспешил воспользоваться свободой для отступления и быстро удалился в ризницу; он и там не считал себя вне опасности, пока не запер за собой дверь.

Д'Артаньян, задумавшись, не двигался с места и глядел в упор на дверь, положившую преграду между ним и Базеном; вдруг он почувствовал, что кто-то тихонько коснулся его плеча.

Он обернулся и едва не вскрикнул от удивления, но тот, кто до него дотронулся пальцем, приложил этот палец к губам в знак молчания.

— Вы здесь, мой дорогой Рошфор? — сказал д'Артаньян вполголоса.

— Шш... — произнес Рошфор.— Знали вы, что я освободился?

— Я узнал это из первых рук.

— От кого же?

— От Планше.

— Как, от Планше?

— Конечно. Ведь это он вас спас?

— Планше? Мне действительно показалось, что это он. Вот доказательство, мой друг, что благодеяние никогда не пропадает даром.

— А что вы здесь делаете?

— Пришел возблагодарить господина за свое счастливое освобождение,— сказал Рошфор.

— А еще зачем? Мне кажется, не только за этим.

— А еще за распоряжениями к коадьютору; хочу попробовать, нельзя ли чем насолить Мазарини.

— Безумец! Вас опять упрячут в Бастилию!

— Ну, нет! Об этом я позабочусь, ручаюсь вам. Уж очень хорошо на свежем воздухе,— продолжал Рошфор, вздыхая полной грудью,— я поеду в деревню, буду путешествовать по провинции.

— Вот как? Я еду тоже! — сказал д'Артаньян.

— А не будет нескромностью спросить, куда?
 — На розыски моих друзей.
 — Каких друзей?
 — Тех самых, о которых вы меня вчера спрашивали.
 — Атоса, Портоса и Арамиса? Вы их разыскиваете?
 — Да.
 — Честное слово?
 — Что же тут удивительного?
 — Ничего! Забавно! А по чьему поручению вы их разыскиваете?
 — Вы не догадываетесь?
 — Догадываюсь.
 — К несчастью, я не знаю, где они.
 — И у вас нет возможности узнать? Подождите неделю, я вам добуду сведения, — сказал Рошфор.
 — Неделя — это слишком долго, я должен их найти в три дня.
 — Три дня мало, — сказал Рошфор, — Франция велика.
 — Не беда. Знаете, что значит слово *на до*? С этим словом можно многое сделать.
 — А когда вы начнете поиски?
 — Уже начал.
 — В добрый час!
 — А вам — счастливого пути!
 — Быть может, мы встретимся в дороге?
 — Едва ли.
 — Как знать. У судьбы много причуд.
 — Прощайте.
 — До свидания. Кстати, если Мазарини вспомнит обо мне, скажите, что я просил вас довести до его сведения, что он скоро увидит, так ли я стар для дела, как он думает.

И Рошфор удалился с той дьявольской улыбкой на губах, которая прежде заставляла д'Артаньяна содрогаться; но на этот раз д'Артаньян не испытал страха и сам улыбнулся с грустью, которую могло вызвать на его лице только одно-единственное воспоминание: «Ступай, демон, — подумал он, — и делай, что хочешь. Теперь мне все равно: нет второй Констанции в мире».

Оглянувшись, он увидел Базена, уже снявшего с себя облачение и разговаривавшего с тем ключарем, к которому д'Артаньян обратился, входя в церковь. Базен был, по-видимому, очень возбужден и быстро размахивал своими толстыми короткими ручками. Д'Артаньян понял, что Базен, вероятно, внушал ключарю остерегаться его как только возможно.

Д'Артаньян воспользовался озабоченностью обоих служителей, незаметно улизнул из собора и притаился за углом улицы Пивных Бутылок. Базен не мог пройти так, чтобы д'Артаньян не увидел его из своего тайника.

Через пять минут после того, как д'Артаньян занял свой пост, Базен вышел на паперть, озираясь во все стороны, не следит ли кто-нибудь за ним. Но он имел неосторожность не заметить нашего офицера в пятидесяти шагах от себя, за углом дома, откуда высовыва-

лась только его голова. Видимо, успокоенный, Базен пошел по улице Богоматери. Д'Артаньян выскочил из своей засады как раз вовремя, чтобы увидеть, как он повернул в Еврейскую улицу, затем в улицу Лощильщиков и вошел в приличный по внешности дом. И офицер наш не усомнился, что достойный причетник обитает именно в этом доме.

Д'Артаньян поостерегся идти туда за справками, так как привратник, если только таковой имелся, был, вероятно, предупрежден, а если привратника не было, то не к кому было и обращаться.

Поэтому он вошел в кабачок на углу улицы Сент-Элоа и улицы Лощильщиков и спросил глентвейну. На приготовление этого напитка требовалось добрых полчаса, и д'Артаньян мог тем временем следить за Базеном, не возбуждая ни в ком подозрения. Вдруг он заметил шустрого мальчугана лет двенадцати — пятнадцати, очень веселого с виду, в котором он признал мальчишку, виденного им минут двадцать назад в облачении церковного служки. Он заговорил с ним, и так как будущий дьячок не имел оснований скрывать, то д'Артаньян узнал, что тот от шести до девяти часов утра исполняет обязанности певчего, а с девяти до полуночи служит подручным в кабачке.

Пока они разговаривали, к дому Базена подвели лошадь. Она была оседлана и взнуздана. Минуту спустя вышел и сам Базен.

— Ишь ты! — сказал мальчик. — Наш причетник собирается в путь-дорогу.

— Куда это он собрался? — спросил д'Артаньян.

— А я почему знаю!

— Дам полпистоля, если сумеешь узнать, — сказал д'Артаньян.

— Полпистоля, — переспросил мальчик, у которого и глаза разгорелись, — если узнаю, куда едет Базен? Это нетрудно. А вы не шутите?

— Нет, слово офицера. На, смотри, вот полпистоля.

И он показал ему соблазнительную монету, не давая ее, однако, в руки.

— Я спрошу у него.

— Этак ты как раз ничего не узнаешь, — сказал д'Артаньян. — Подожди, пока он уедет, а потом уж, черт возьми, спрашивай, выпытывай, разузнавай. Это твое дело: полпистоля тут.

И он положил монету обратно в карман.

— Понимаю, — сказал мальчишка, лукаво улыбаясь, как умеют улыбаться только парижские сорванцы. — Ладно! Подождем!

Ждать пришлось недолго. Пять минут спустя Базен тронулся рысцой, подбодряя лошадь ударами зонтика.

Базен всегда имел привычку брать с собой зонтик вместо хлыста.

Едва он повернул за угол Еврейской улицы, мальчик, как гончая, пустился по следу.

Д'Артаньян снова занял прежнее место за столом в полной уверенности, что не пройдет и десяти минут, как он узнает все, что нужно.

И действительно, мальчишка вернулся даже раньше этого срока.

— Ну? — спросил д'Артаньян.

— Готово, — сказал мальчуган, — я все знаю.

— Куда же он поехал?

— А про полпистоля вы не забыли?

— Конечно, нет. Говори скорей.

— Я хочу видеть монету. Покажите-ка, она не фальшивая?

— Вот.

— Хозяин, — сказал мальчишка, — барин просит разменять деньги.

Хозяин сидел за конторкой. Он дал мелочь и принял полпистоля.

Мальчишка сунул монеты в карман.

— Ну, а теперь говори, куда он поехал? — спросил д'Артаньян, весело наблюдавший его проделку.

— В Нуази.

— Откуда ты знаешь?

— Не велика хитрость. Я узнал лошадь мясника, которую Базен иногда у него нанимает. Вот я и подумал: не даст же мясник свою лошадь так себе, не спросив, куда на ней поедут, — хотя господин Базен вряд ли способен загнать лошадь.

— А он ответил тебе, что господин Базен...

— Поехал в Нуази. Да, кажется, это у него вошло в привычку.

Он ездит туда раза два-три в неделю.

— А ты знаешь Нуази?

— Еще бы. Там моя кормилица живет.

— Нет ли в Нуази монастыря?

— Еще какой! Иезуитский!

— Ладно, — сказал д'Артаньян. — Теперь все ясно.

— Стало быть, вы довольны?

— Да. Как тебя зовут?

— Фрике.

Д'Артаньян записал имя мальчика и адрес кабачка.

— А что, господин офицер, — спросил тот, — может быть, мне удастся еще полпистоля заработать?

— Возможно, — сказал д'Артаньян.

И так как он узнал все, что ему было нужно, он заплатил за глинтвейн, которого совсем не пил, и поспешил обратно на Тиктонскую улицу.

Глава 9

О ТОМ, КАК Д'АРТАНЬЯН,
ВЫЕХАВ НА ДАЛЬНИЕ ПОИСКИ ЗА АРАМИСОМ,
ВДРУГ ОБНАРУЖИЛ ЕГО
СИДЯЩИМ НА ЛОШАДИ ПОЗАДИ
ПЛАНШЕ

ридя домой, д'Артаньян увидел, что у камина сидит какой-то человек: это был Планше, но Планше столь преобразившийся благодаря обноскам, оставленным сбежавшим мужем, что д'Артаньян насилу узнал его. Мадлен представила его д'Артаньяну на глазах у всех слуг. Планше обратился к офицеру с какой-то пышной фламандской фразой, тот ответил ему несколько слов на несуществующем языке, и договор был заключен. Брат Мадлен поступил в услужение к д'Артаньяну.

У д'Артаньяна уже был готов план. Он не хотел приехать в Нуази днем, боясь быть узнанным. Таким образом, у него оставалось еще свободное время: Нуази был расположен всего в трех-четыре милих от Парижа по дороге в Мо.

Он начал с того, что основательно позавтракал. Быть может, это плохое начало, если собираешься работать головой, но очень хорошее, если хочешь работать ногами и руками. Потом он переоделся, боясь, чтобы плащ лейтенанта не возбудил подозрений, и выбрал самую прочную и надежную из своих трех шпаг, которую пускал в ход только в важных случаях. Около двух часов он велел оседлать лошадей и, в сопровождении Планше, выехал через заставу Ла Виллет. А в соседнем с «Козочкой» доме все еще велись усерднейшие поиски Планше.

Отъехав на полторы мили от Парижа, д'Артаньян заметил, что нетерпение заставило его выехать слишком рано, и остановился, чтобы дать передохнуть лошадям. Гостиница была переполнена людьми довольно подозрительного вида, готовившимися, по-видимому, предпринять какую-то ночную экспедицию. В дверях показался мужчина, закутанный в плащ; заметив постороннего, он сделал знак двум приятелям, сидевшим за столом, и те вышли к нему за дверь.

Д'Артаньян с беспечным видом подошел к трактирщице, похвалил ее отвратительное монтрейльское вино, задал несколько вопросов о Нуази и узнал, что там всего только два больших дома: один принадлежит парижскому архиепископу, и в нем живет сейчас его племянница, герцогиня де Лонгвиль; другой, где помещается иезуитский монастырь, был, как водится, собственностью достойных отцов. Ошибиться было невозможно.

В четыре часа д'Артаньян снова отправился в путь; он ехал шагом, желая прибыть в Нуази, когда уже совсем стемнеет. Ну, а когда едешь шагом зимой, в пасмурную погоду, по скучной дороге, нечего больше делать, кроме того, что делает, по словам Лафонтена, заяц в своей норе: размышлять. Итак, д'Артаньян размышлял, и Планше

тоже. Только, как мы увидим дальше, размышления их были разного характера.

Одно слово трактирищицы дало особое направление мыслям д'Артаньяна; это слово было — имя герцогини де Лонгвиль.

В самом деле, герцогиня де Лонгвиль могла хоть кого заставить задуматься: она была одной из знатнейших дам королевства и одной из первых придворных красавиц. Ее выдали замуж за старого герцога де Лонгвиля, которого она не любила. Сперва она слыла любовницей Колиньи, убитого впоследствии из-за нее на дуэли, посреди Королевской площади герцогом де Гизом; потом говорили об ее слишком нежной дружбе с принцем Конде, ее братом, и стыдливые души придворных были этим сильно смущены; наконец, говорили, что эта дружба сменилась подлинной и глубокой ненавистью, и в настоящее время герцогиня де Лонгвиль была, по слухам, в политической связи с принцем де Марсильяком, старшим сыном старого герцога де Ла Рошфуко, которого она старалась натравить на своего брата, господина герцога де Конде.

Д'Артаньян думал обо всем этом. Он думал о том, что в Лувре он часто видел проходившую мимо него ослепительную, сияющую красавицу, герцогиню де Лонгвиль. Он думал об Арамисе, который ничем не лучше его, а между тем был когда-то любовником герцогини де Шеврез, игравшей в прошлое царствование ту же роль, как теперь мадам де Лонгвиль. И он спрашивал себя, почему есть на свете люди, которые добиваются всего, чего желают, будь то почести или любовь, между тем как другие застревают на полдороге своих надежд — по вине ли случая, или от незадачливости, или же из-за естественных помех, заложенных в них самой природой.

Д'Артаньян вынужден был сознаться, что, несмотря на весь свой ум и всю свою ловкость, он был и всегда, вероятно, будет в числе последних. Внезапно Планше, подъехав к нему, сказал:

— Бьюсь об заклад, сударь, что вы думаете о том же, о чем я.

— Наверяд ли, Планше,— сказал, улыбаясь, д'Артаньян.— Но о чем же ты думаешь?

— Я думаю о подозрительных личностях, которые пьянствовали в той харчевне, где мы отдыхали.

— Ты осторожен, как всегда, Планше.

— Это инстинкт, сударь.

— Ну, посмотрим, что тебе говорит твой инстинкт в этом случае?

— Мой инстинкт говорит мне, что эти люди собрались в харчевне с недобрыми намерениями; и я раздумывал о том, что мне говорит мой инстинкт, в самом темном углу конюшни, как вдруг в нее вошел человек, закутанный в плащ, а за ним еще двое.

— А-а,— сказал д'Артаньян, видя, что рассказ Планше совпадает с его собственными наблюдениями.— Ну и что же?

— Один из них сказал: «Он, наверное, должен быть сейчас в Нуази или должен приехать туда сегодня вечером; я узнал его слугу». — «Ты в этом уверен?» — спросил человек в плаще. «Да, принц!» — был ответ...

— Принц? — прервал д'Артаньян.

— Да, принц! Но слушайте же. «Если он там, то решим, что с ним делать?» — сказал второй из собутыльников. «Что с ним делать?» — повторил принц. «Да. Он ведь не такой человек, чтоб добровольно сдаться: он пустит в ход шпагу». — «Тогда придется и вам сделать то же, только старайтесь взять его живьем. Есть ли у нас веревки, чтобы связать его, и тряпка, чтобы заткнуть рот?» — «Все есть». — «Будьте внимательны: он, по всей вероятности, будет переодет». — «Конечно, конечно, монсеньер, будьте покойны». — «Впрочем, я сам там буду и укажу вам». — «Вы ручаетесь, что правосудие?..» — «Ручаюсь за все», — сказал принц. «Хорошо, мы будем стараться изо всех сил». После этого они вышли из конюшни.

— Да какое же это имеет отношение к нам? — сказал д'Артаньян. — Это одно из тех предприятий, какие затеваются ежедневно.

— Вы уверены, что оно не направлено против нас?

— Против нас! С какой стати?

— Гм! Припомните-ка, что они говорили: «Я узнал его слугу», — сказал один; это вполне может относиться ко мне.

— Дальше?

— «Он должен быть сейчас в Нуази или приехать туда сегодня вечером», — это тоже вполне может относиться к нам.

— Еще что?

— Еще принц сказал: «Будьте внимательны: он, по всей вероятности, будет переодет», — это уж, мне кажется, не оставляет никаких сомнений, потому что вы не в форме офицера мушкетеров, а одеты как простой всадник. Ну-ка, что вы на это скажете?

— Увы, мой милый Планше, — сказал д'Артаньян со вздохом, — к несчастью, для меня миновала пора, когда принцы искали случая убить меня. Ах, славное то было время! Будь покоен, мы вовсе не нужны этим людям.

— Уверены ли вы, сударь?

— Ручаюсь.

— Ну, так ладно; тогда нечего и говорить об этом.

И Планше снова поехал позади д'Артаньяна с тем великим доверием, которое он всегда питал к своему господину, и которое ничуть не ослабело за пятнадцать лет разлуки.

Они проехали около мили.

К концу этой мили Планше снова поравнялся с д'Артаньяном.

— Сударь, — сказал он.

— Ну? — отозвался тот.

— Поглядите-ка, сударь, в ту сторону; не кажется ли вам, что там, в темноте, двигаются тени? Прислушайтесь: по-моему, слышен лошадиный топот.

— Не может быть, — сказал д'Артаньян, — земля размокла от дождя; но после твоих слов мне тоже кажется, что я что-то вижу. — И он остановился, вглядываясь и прислушиваясь.

— Если не слышно топота лошадей, то по крайней мере слышно их ржанье. Слышите?

Действительно, откуда-то из тьмы до слуха д'Артаньяна доносилось отдаленное лошадиное ржанье.

— Наши молодцы выступили в поход, — сказал он, — но нас это не касается. Едем дальше.

Они продолжали свой путь.

Через полчаса они достигли первых домов Нуази. Было около половины девятого, а то и все девять часов вечера.

По деревенскому обычаю, все уже спали: в деревне не светилося ни одного огонька.

Д'Артаньян и Планше продолжали свой путь.

По обеим сторонам дороги на темно-сером фоне неба выделялись еще более темные уступы крыш. Время от времени за воротами раздавался лай разбуженной собаки, или встревоженная кошка стремительно кидалась с середины улицы и пряталась в куче хвороста, откуда виднелись только ее испуганные глаза, горящие как карбункулы. Казалось, кошки были единственными живыми существами, обитавшими в деревне.

Посреди селения, на главной площади, темной массой возвышалось большое здание, отделенное от других строений двумя переулками. Огромные липы протягивали к его фасаду свои сухие руки.

Д'Артаньян внимательно осмотрел здание.

— Это, — сказал он Планше, — должно быть, замок архиепископа, где живет красавица де Лонгвиль. Но где же монастырь?

— Монастырь в конце деревни, я его знаю.

— Так скачи туда, — сказал д'Артаньян, — пока я подтяну подпругу у лошади; посмотри, нет ли у иезуитов света в каком-нибудь окне, а потом возвращайся ко мне.

Планше повиновался и исчез в темноте, между тем как д'Артаньян, спешившись, стал подтягивать, как и сказал, подпругу.

Через пять минут Планше вернулся.

— Сударь, свет есть только в одном окне, выходящем в поле.

— Гм! — сказал д'Артаньян. — Будь я фрондер, я бы постучался сюда и наверняка нашел бы покойный ночлег; будь я монах, я бы постучался туда и, наверное, получил бы отличный ужин; а мы, очень возможно, заночуем на сырой земле, между замком и монастырем, умирая от жажды и голода.

— Да, как знаменитый буриданов осел¹, — прибавил Планше. — А все же, не постучаться ли?

— Шш! — сказал д'Артаньян. — Единственный огонек в окне и тот потух.

— Слышите? — сказал Планше.

— В самом деле, что это за шум?

Послышался гул, как от надвигающегося урагана. В ту же минуту из двух переулков, прилегающих к дому, вылетели два отряда всадников, человек в десять каждый, и, сомкнувшись, окружили д'Артаньяна и Планше со всех сторон.

¹ Буридан — французский схоласт XIV в. Он вывел в своем сочинении осла, который, равно страдая от голода и жажды, никак не мог решить, за что ему приняться раньше — за воду или за овес, находившиеся от него на равном расстоянии.

— Ого! — сказал д'Артаньян, обнажая шпагу и прячась за лопатку. Планше проделал тот же маневр.— Неужели твоя правда, и они впрямь добираются до нас?

— Вот он! Попался! — закричали всадники и бросились с обнаженными шпагами на д'Артаньяна.

— Не упустите! — раздался громкий голос.

— Нет, монсеньер! Будьте покойны.

Д'Артаньян решил, что пора заговорить и ему.

— Эй, слушайте, — сказал он со своим гасконским акцентом, — чего вы хотите? Что вам надо?

— Узнаешь сейчас! — заревели всадники хором.

— Стойте! Стойте! — закричал тот, которого назвали монсеньером.— Стойте, говорят вам, это не его голос!

— То-то! — сказал д'Артаньян.— Что тут, в Нуази, все перебесились, что ли? Но берегитесь, предупреждаю вас: первому, кто приблизится на длину моей шпаги, — а она у меня длинная, — я распорю брюхо.

Предводитель подъехал к нему.

— Что вы тут делаете? — спросил он надменным голосом, привыкшим повелевать.

— А вы? — спросил д'Артаньян.

— Повезливее, не то вас проучат как следует! Если я вам себя не называю, то все же требую, чтобы вы были почтительны к моему сану.

— Вы боитесь назвать себя, потому что командуете разбойничьей шайкой, — сказал д'Артаньян, — но мне, мирно путешествующему со своим лакеем, нет никаких причин скрывать свое имя.

— Ладно, ладно! Кто вы?

— Я назову вам себя, чтобы вы знали, где найти меня, сударь, принц или монсеньер, как вас там зовут, — ответил гасконец, не желавший, чтоб думали, будто он испугался угрозы.— Знаете вы д'Артаньяна?

— Лейтенанта королевских мушкетеров? — спросил голос.

— Этого самого!

— Конечно, знаю.

— Ну так вы, верно, слышали, что у него крепкая рука и острая шпага.

— Вы господин д'Артаньян?

— Я!

— Значит, вы приехали сюда защищать его?

— Его... Кого его?..

— Того, кого мы ищем.

— Я думал попасть в Нуази, а попал, кажется, в царство загадок, — сказал д'Артаньян.

— Отвечайте же, — сказал тот же надменный голос, — вы его ожидали здесь под окнами? Вы приехали в Нуази, чтобы защищать его?

— Я никого не жду, — сказал д'Артаньян, начиная терять терпение, — и никого не собираюсь защищать, кроме самого себя; но уж себя-то, предупреждаю вас, буду защищать не шутя.

— Хорошо,— сказал голос,— ступайте отсюда, очистите нам место.

— Уйти отсюда? — сказал д'Артаньян, планы которого нарушались этим приказанием.— Не так-то это легко: я изнемогаю от усталости, и моя лошадь тоже; разве что вы предложите мне ужин и ночлег поблизости.

— Мошенник!

— Эй, сударь, осторожнее в выражениях, прошу вас, потому что если вы скажете еще словечко в этом роде, то, будь вы маркиз, герцог, принц или король, я вам вколочу ваши слова обратно в глотку, слышите!

— Ну, ну,— сказал предводитель,— невозможно ошибиться, сразу слышно, что говорит гасконец, и, значит, не тот, кого мы ищем. На этот раз не удалось! Едем! Мы с вами еще встретимся, господин д'Артаньян,— заключил предводитель, возвышая голос.

— Да, но уже не при таких удобных для вас обстоятельствах,— сказал насмешливо гасконец.— Быть может, это будет среди белого дня, и вы будете один.

— Ладно, ладно! — сказал голос.— В дорогу, господа!

И отряд всадников, ворча и ругаясь, исчез в темноте, повернув в сторону Парижа.

Д'Артаньян и Планше стояли еще некоторое время настороже; но так как шум все удалялся, они вложили шпаги в ножны.

— Видишь, дурень,— спокойно обратился д'Артаньян к Планше,— они вовсе не до нас добирались.

— А до кого же тогда? — спросил Планше.

— Ей-ей, не знаю! Да и какое мне дело? У меня другая забота: попасть в монастырь к иезуитам. Ну, на коней, и поступимся к ним! Будь что будет, не съедят же они нас, черт побери!

И д'Артаньян вскочил в седло.

Планше только что сделал то же самое, как вдруг на круп его лошади свалилась неожиданная тяжесть, от которой лошадь даже присела на задние ноги.

— Эй, сударь,— закричал Планше,— сзади меня человек сидит.

Д'Артаньян обернулся и в самом деле увидал на лошади Планше две человеческие фигуры.

— Нас сам черт преследует! — воскликнул он, обнажая шпагу и собираясь напасть на новоприбывшего.

— Нет, милый д'Артаньян,— ответил тот,— это не черт, это я, Арамис. Скачи галопом, Планше, и в конце деревни сверни влево.

Планше с Арамисом за спиной поскакал вперед, и д'Артаньян последовал за ними, начиная думать, что все это фантастический и бессвязный сон.

конце деревни Планше свернул налево, как ему приказал Арамис, и остановился под освещенным окном. Арамис соскочил на землю и трижды хлопнул в ладоши. Тотчас же окно растворилось, и оттуда спустилась веревочная лестница.

— Дорогой друг,— сказал Арамис,— если вам угодно подняться, я буду счастлив принять вас.

— Вот как! — сказал д'Артаньян.— Всегда у вас так входят в дом?

— После девяти вечера поневоле приходится, черт возьми! Монастырский устав очень строг!

— Простите, мой друг, мне послышалось, вы сказали «черт возьми»?

— Право? — засмеялся Арамис.— Это возможно; вы не можете себе представить, дорогой мой, сколько дурных привычек приобретаешь в этих проклятых монастырях и какие скверные манеры у всех этих отцов, с которыми я принужден жить. Что же вы не поднимаетесь?

— Ступайте вперед, я за вами.

— «Чтоб указать вам дорогу, ваше величество»,— как сказал покойный кардинал покойному королю.

Арамис проворно вскарабкался по лестнице и в одно мгновение очутился в окне.

Д'Артаньян полез за ним, но медленнее; видно было, что пути такого рода были ему менее привычны, чем его другу.

— Извините,— сказал Арамис, заметив его неловкость,— если б я знал, что вы окажете мне честь своим посещением, я приказал бы поставить садовую лестницу, а с меня и такой хватает.

— Сударь,— сказал Планше, когда д'Артаньян почти уже достиг цели,— этакий способ хорош для господина Арамиса, кой-как годится для вас, да и для меня тоже, куда ни шло. Но лошадям по веревочной лестнице ни за что не подняться.

— Отведите их под тот навес, мой друг,— сказал Арамис, указывая Планше на какое-то строение, стоящее среди поля,— там вы найдете для них овес и солому.

— А для меня? — спросил Планше.

— Вы подойдете к этому окну, хлопнете три раза в ладоши, и мы спустим вам съестного. Будьте покойны, черт побери, здесь не умирают с голоду. Ступайте!

И Арамис, втянув лестницу, закрыл окно.

Д'Артаньян с любопытством осмотрел комнату.

Никогда еще не видал он более воинственно и вместе с тем более изящно убранного помещения. В каждом углу красовались военные трофеи — главным образом шпаги, а четыре большие картины изображали в полном боевом вооружении кардинала Лотарингско-

го, кардинала Ришелье, кардинала Лавалетта и бордосского архиепископа. Правда, кроме них, ничто не напоминало о том, что это жилище аббата: на стенах шелковая обивка, повсюду алансонские ковры, а постель с кружевами и пышным покрывалом походила больше на постель хорошенькой женщины, чем на ложе человека, давшего обет достигнуть рая ценой воздержания и умерщвления плоти.

— Вы рассматриваете мою келью? — сказал Арамис. — Ах, дорогой мой, извините меня. Что делать! Живу как монах-отшельник. Но что вы озираетесь?

— Не пойму, кто спустил вам лестницу; здесь никого нет, а не могла же лестница явиться сама собой.

— Нет, ее спустил Базен.

— А-а,— протянул д'Артаньян.

— Но,— продолжал Арамис,— Базен у меня хорошо вымуштрован: он увидел, что я возвращаюсь не один, и удалился из скромности. Садитесь, милый мой, потолкуем.

И Арамис придвинул д'Артаньяну широкое кресло, в котором тот удобно развалился.

— Прежде всего вы со мной отужинаете, не правда ли? — спросил Арамис.

— Да, если вам угодно, и даже с большим удовольствием,— сказал д'Артаньян.— Признаюсь, за дорогу я чертовски проголодался.

— Ах, бедный друг! — сказал Арамис.— У меня сегодня скудно вато, не взыщите, мы вас не ждали.

— Неужели мне угрожает крекверская яичница с «теобромом»? Так ведь, кажется, вы прежде называли шпинат?

— О, нужно надеяться,— ответил Арамис,— что с помощью божией и Базена мы найдем что-нибудь получше в кладовых у достойных отцов иезуитов. Базен, друг мой! — позвал он.— Базен, подите сюда!

Дверь отворилась, и явился Базен; но, увидев д'Артаньяна, он издал восклицание, похожее скорей на вопль отчаяния.

— Мой милый Базен,— сказал д'Артаньян,— мне очень приятно видеть, с какой восхитительной уверенностью вы лжете даже в церкви.

— Сударь, я узнал от достойных отцов иезуитов,— возразил Базен,— что ложь позволительна, когда лгут с добрым намерением.

— Хорошо, хорошо, Базен. Д'Артаньян умирает с голоду, и я тоже; подайте нам ужин, да получше, а главное, принесите хорошего вина.

Базен поклонился в знак покорности, тяжело вздохнул и вышел.

— Теперь мы одни, милый Арамис,— сказал д'Артаньян, переводя глаза с мебелировки на хозяина и рассматривая его одежду, чтобы довершить обзор.— Скажите мне, откуда свалились вы вдруг на лошадь Планше?

— Ох, черт побери,— сказал Арамис,— сами понимаете — с неба!

— С неба! — повторил д'Артаньян, покачивая головой.— Не похоже, чтобы вы оттуда явились или чтобы вы туда попали когда-нибудь.

— Мой милый,— сказал Арамис с самодовольством, какого д'Артаньян никогда не видывал в нем в те времена, когда он был мушкетером,— если я явился и не с неба, то уж наверное из рая, а это почти одно и то же.

— Наконец-то мудрецы решат этот вопрос! — воскликнул д'Артаньян.— До сих пор они никак не могли столкнуться относительно точного местонахождения рая: одни помещали его на горе Арарат, другие — между Тигром и Евфратом; оказывается, его искали слишком далеко, а он у нас под боком: рай — в Нуази-ле-Сек, в замке парижского архиепископа. Оттуда выходят не в дверь, а в окно; спускаются не по мраморным ступеням лестницы, а цепляясь за липовые ветки, и стерегущий его ангел с огненным мечом, мне кажется, изменил свое небесное имя Гавриила на более земное имя принца де Марсильяка.

Арамис расхохотался.

— Вы по-прежнему веселый собеседник, мой милый,— сказал он,— и ваше госконское остроумие вам не изменило. Да, в том, что вы говорите, есть доля правды; но не подумайте только, что я влюблен в госпожу де Лонгвиль.

— Еще бы! После того, как вы были так долго возлюбленным госпожи де Шеврез, не отдадите же вы свое сердце ее смертельному врагу.

— Да, правда,— спокойно ответил Арамис,— когда-то я очень любил эту милую герцогиню и, надо отдать ей справедливость, она была нам очень полезна. Но что делать! Ей пришлось покинуть Францию. Беспощадный был враг этот проклятый кардинал,— продолжал Арамис, бросив взгляд на портрет покойного министра.— Он приказал арестовать ее и препроводить в замок Лош. Ей-богу, он отрубил бы ей голову, как Шале, Монморанси и Сен-Марсу; но она спаслась, переодевшись мужчиной, вместе со своей горничной, бедняжкой Кэтти; у нее было даже, я слышал, забавное приключение в одной деревне с каким-то священником, у которого она просила ночлега и который, располагая всего лишь одной комнатой и приняв госпожу де Шеврез за мужчину, предложил разделить эту комнату с ней. Она ведь изумительно ловко носила мужское платье, эта милейшая Мари. Я не знаю другой женщины, которой бы оно так шло; потому-то на нее и написали куплеты:

Лабуассьер, скажи, на ком...

Вы их знаете?

— Нет, не знаю; спойте, мой дорогой.

И Арамис запел с самым игривым видом:

Лабуассьер, скажи, на ком
Мужской наряд так впору?
Вы гарцуете верхом
Лучше нас, без спору.
Она,
Как юный новобранец
Среди рубак и пьяниц,
Мила, стройна

— Bravo! — сказал д'Артаньян. — Вы все еще чудесно поете, милый Арамис, и я вижу, что обедня не испортила вам голос.

— Дорогой мой, — сказал Арамис, — знаете, когда я был мушкетером, я всеми силами старался нести как можно меньше караулов; теперь став аббатом, я стараюсь служить как можно меньше обеден. Но вернемтесь к бедной герцогине.

— К которой? К герцогине де Шеврез или к герцогине де Лонгвиль?

— Друг мой, я уже сказал, что между мной и герцогиней де Лонгвиль нет ничего: одни шутки, не больше. Я говорю о герцогине де Шеврез. Вы виделись с ней по возвращении ее из Брюсселя после смерти короля?

— Конечно. Она тогда была еще очень хороша.

— Да, и я тоже как-то виделся с ней в то время; я давал ей превосходные советы, но она не воспользовалась ими; я распинался, уверяя, что Мазарини любовник королевы; она не хотела мне верить, говорила, что хорошо знает Анну Австрийскую и что та слишком горда, чтобы любить подобного негодяя. Потом она очертя голову ринулась в заговор герцога де Бофора, а негодяй взял да и приказал арестовать герцога де Бофора и изгнать герцогиню де Шеврез.

— Вы знаете, — сказал д'Артаньян, — она получила разрешение вернуться.

— Да, и уже вернулась... Она еще наделает глупостей.

— О, быть может, на этот раз она последует вашим советам?

— О, на этот раз, — сказал Арамис, — я с ней не видался; она сильно изменилась.

— Не то, что вы, милый Арамис; вы все прежний. У вас все те же прекрасные черные волосы, тот же стройный стан и женские руки, ставшие прекрасными руками прелата.

— Да, — сказал Арамис, — это правда, я забочусь о своей внешности. Но знаете, друг мой, я старею: скоро мне стукнет тридцать семь лет.

— Послушайте, — сказал д'Артаньян, улыбаясь, — раз уж мы с вами встретились, так условимся, сколько нам должно быть лет на будущее время.

— Как так? — спросил Арамис.

— Да, — продолжал д'Артаньян, — в прежнее время я был моложе вас на два или три года, а мне, если не ошибаюсь, уже стукнуло сорок.

— В самом деле? — сказал Арамис. — Значит, я ошибаюсь, потому что вы всегда были отличным математиком. Так по вашему счету выходит, что мне уже сорок три года? Черт возьми! Не проговоритесь об этом в отеле Рамбулье: это может мне повредить.

— Будьте покойны, — сказал д'Артаньян, — я там не бываю.

— Да ну?! Но чего застрял там этот скотина Базен? — вскричал Арамис. — Живей болван, поворачивайся! Мы умираем от голода и жажды!

Вошедший в эту минуту Базен воздел к небу бутылки, которые держал в руках.

— Наконец-то! — сказал Арамис. — Ну как, все готово?

— Да, сударь, сию минуту. Ведь не скоро подашь все эти...

— Потому что вы воображаете, будто на вас все еще церковный балахон, и только и делаете, что читаете требник. Но предупреждаю вас, что если, перетирая церковные принадлежности в своих часовнях, вы разучитесь чистить мою шпагу, я сложу костер из всех ваших икон и поджарю вас на нем.

Возмущенный Базен перекрестился бутылкой. Д'Артаньян, пораженный тоном и манерами аббата д'Эрбле, столь непохожими на тон и манеры мушкетера Арамиса, глядел на своего друга во все глаза.

Базен живо накрыл стол камчатной скатертью и расставил на нем столько хорошо зажаренных ароматных и соблазнительных кушаний, что д'Артаньян остолбенел от удивления.

— Но вы, наверное, ждали кого-нибудь? — спросил он.

— Гм! — ответил Арамис. — Я всегда готов принять гостя; да к тому же я знал, что вы меня ищете.

— От кого?

— Да от самого Базена, который принял вас за дьявола и прибежал предупредить меня об опасности, грозящей моей душе в случае, если я опять попаду в дурное общество мушкетерского офицера.

— О, сударь! — умоляюще промолвил Базен, сложив руки.

— Пожалуйста, без лицемерия. Вы знаете, я этого не люблю. Откройте-ка лучше окно да спустите хлеб, цыпленка и бутылку вина своему другу Планше: он уже целый час из сил выбивается, хлопая в ладоши под окном.

Действительно, Планше, задав лошадям овса и соломы, вернулся под окно и уже три раза повторил условный сигнал.

Базен повиновался и, привязав к концу веревки три названных предмета, спустил их Планше. Последний, не требуя большего, тотчас ушел к себе под навес.

— Теперь давайте ужинать, — сказал Арамис.

Друзья сели за стол, и Арамис принялся резать ветчину, цыплят и куропаток с мастерством настоящего гастронома.

— Черт возьми, как вы едите! — сказал д'Артаньян.

— Да, неплохо. А на постные дни у меня есть разрешение из Рима, которое выхлопотал мне по слабости моего здоровья господин коадьютор. К тому же, я взял к себе бывшего повара господина Лафолона, знаете, старого друга кардинала, того знаменитого обжоры, который вместо молитвы говорил после обеда: «Господи, помоги мне хорошо переварить то, чем я так славно угостился».

— И все же это не помешало ему умереть от расстройства желудка, — заметил, смеясь, д'Артаньян.

— Что делать? — сказал Арамис с покорностью. — От судьбы не уйдешь.

— Простите, дорогой мой, но можно вам задать один вопрос?

— Ну, разумеется, задавайте: вы ведь знаете, между нами нет тайн.

— Вы разбогатели?

— О боже мой, нисколько. Я имею в год двенадцать тысяч дивров, да еще маленькое пособие в тысячу экю, которое мне выхлопотал принц Конде.

— Чем же вы зарабатываете эти двенадцать тысяч,— спросил д'Артаньян,— своими стихами?

— Нет, я бросил поэзию; так только, иногда сочиняю какие-нибудь застольные песни, любовные сонеты или невинные эпиграммы. Я пишу проповеди, мой милый!

— Как, проповеди?

— Замечательные проповеди, уверяю вас. По крайней мере, по отзывам других.

— И вы сами их произносите?

— Нет, я их продаю.

— Кому?

— Тем из моих собратьев, которые мечтают сделаться великими ораторами.

— Вот как! А вас самого разве никогда не прельщала слава?

— Разумеется, прельщала, но моя натура одержала верх. Когда я на кафедре и на меня смотрит хорошенькая женщина, то я начинаю на нее смотреть; она улыбается, я улыбаюсь тоже. Тогда я сбиваюсь с толку и несу чепуху; вместо того чтобы говорить об адских муках, я говорю о райском блаженстве. Да вот, к примеру, со мной так и случилось в церкви святого Людовика в Маре... Какой-то дворянин рассмеялся мне прямо в лицо. Я прервал свою проповедь и заявил ему, что он дурак. Прихожане отправились за камнями, а я тем временем так настроил собрание, что камни полетели в дворянина. Правда, наутро он явился ко мне, воображая, что имеет дело с обыкновенным аббатом.

— И какие же последствия имел этот визит? — спросил д'Артаньян, хватаясь за бока от хохота.

— Последствием было то, что мы назначили на другой день встречу на Королевской площади. Да ведь вы сами знаете, как было дело, черт возьми!

— Уж не против ли этого невежи выступал я вашим секундантом? — спросил д'Артаньян.

— Именно. Вы видели, как я его отделал.

— И он умер?

— Решительно не знаю. Но на всякий случай, я дал ему отпущение грехов — *in articulo mortis*¹. Достаточно убить тело, а душу губить не следует.

Базен сделал жест отчаяния, показавший, что он, может быть, и одобряет такую мораль, но отнюдь не одобряет тон, каким она высказана.

— Базен, любезнейший, вы не замечаете, что я вижу вас в зеркале? А ведь я вам запретил раз и навсегда всякие выражения одобрения или порицания. Будьте добры, принесите-ка нам испанского вина

¹ Перед самой кончиной (лат.)

и отправляйтесь в свою комнату. К тому же мой друг д'Артаньян желает сказать мне кое-что по секрету. Не правда ли, д'Артаньян?

— Д'Артаньян утвердительно кивнул головой, и Базен, подав испанское вино, удалился.

Оставшись одни, друзья некоторое время молчали. Арамис, казалось, предавался приятному пищеварению, а д'Артаньян готовился приступить к своей речи. Оба украдкой поглядывали друг на друга.

Арамис первый прервал молчание.

Глава 11

ДВА ХИТРЕЦА

чем вы думаете, д'Артаньян, и чему улыбаетесь?

— Я думаю, — сказал д'Артаньян, — что, когда вы были мушкетером, вы всегда смахивали на аббата, а теперь, став аббатом, вы сильно смахиваете на мушкетера.

— Это верно, — засмеялся Арамис. — Человек, как вы знаете, мой дорогой д'Артаньян, странное животное, целиком состоящее из противоречий. С тех пор, как я стал аббатом, я только и мечтаю, что о сражениях.

— Это видно по вашей обстановке: сколько у вас тут рапир, и на любой вкус! А фехтовать вы не разучились?..

— Я? Да я теперь фехтую так же, как фехтовали вы в былое время, даже лучше, быть может. Я этим только и занимаюсь целый день.

— С кем же?

— С превосходным учителем фехтования, который живет здесь.

— Как, здесь?

— Да, здесь, в этом самом монастыре. В иезуитских монастырях можно встретить кого угодно...

— В таком случае, вы убили бы господина де Марсильяка, если бы он напал на вас один, а не во главе двадцати человек?

— Непременно, — сказал Арамис, — и даже во главе его двадцати человек, если бы только я мог пустить в ход оружие, не боясь быть узнанным.

«Да он стал гасконцем не хуже меня, черт побери!» — подумал д'Артаньян и прибавил вслух:

— Итак, мой милый Арамис, вы спрашиваете, для чего я вас разыскивал?

— Нет, я этого не спрашивал, — лукаво заметил Арамис, — но я ждал, когда вы сами мне это скажете.

— Ну хорошо, так вот, я искал вас единственно для того, чтобы предложить вам возможность убить господина де Марсильяка, когда вам заблагорассудится, хотя он и светлейший принц.

— Так, так, так! Это мысль! — сказал Арамис.

— Которою я и предлагаю вам воспользоваться, дорогой мой. У вас тысяча экю дохода в аббатстве, да от продажи проповедей вы имеете двенадцать тысяч. Но скажите: богаты ли вы сейчас? Отвечайте откровенно!

— Богат? Да я нищ, как Иов!¹ Обшарьте у меня все карманы и ящики — больше сотни пистолей не найдете.

«Сто пистолей, черт возьми! И это он называет быть нищим, как Иов! — подумал д'Артаньян.— Будь они у меня всегда под рукой, я был бы богат, как Крез²».

Затем прибавил вслух:

— Вы честолюбивы?

— Как Энкелад³.

— Так вот, мой друг, я дам вам возможность стать богатым, влиятельным и получить право делать все, что вздумается.

Облачко пробежало по челу Арамиса, такое же мимолетное, как тень, пробегающая по ниве в августе месяце; но как ни было оно мимолетно, д'Артаньян все же его заметил.

— Говорите,— сказал Арамис.

— Сперва еще один вопрос. Вы занимаетесь политикой?

В глазах Арамиса сверкнула молния, такая же быстрая, как тень, промелькнувшая по его лицу прежде, но все же недостаточно быстрая, чтобы ее не заметил д'Артаньян.

— Нет,— ответил Арамис.

— Тогда любое предложение вам будет на руку, раз сейчас над вами нет иной власти, кроме божьей,— засмеялся гасконец.

— Возможно.

— Вспоминаете ли вы иногда, милый Арамис, о славных днях нашей молодости, проведенных среди смеха, попок и поединков?

— Да, конечно, и не раз жалел о них. Счастливое было время! *Delectabile tempus!*⁴

— Так вот, друг мой, эти веселые дни могут повториться, это счастливое время может вернуться. Мне поручено разыскать моих товарищей, и я начал именно с вас, потому что вы были душой нашего союза.

Арамис поклонился скорее из вежливости, чем из благодарности.

— Опять окунуться в политику! — проговорил Арамис умирающим голосом и откидываясь на спинку кресла.— Ах, дорогой д'Артаньян, вы видите, как размеренно и привольно течет моя жизнь. А неблагодарность знатных людей мы с вами испытали, не так ли?

— Это правда,— сказал д'Артаньян,— но, может быть, эти знатные люди раскаялись в своей неблагодарности?

¹ В Библии рассказывается, как богач Иов потерял все свое имущество, свою семью и стал нищим.

² Царь древней Мидии, богатство которого вошло в поговорку так же, как бедность Иова.

³ В античной мифологии один из титанов, боровшихся за власть против Юпитера.

⁴ Веселое время (*лат.*)

— В таком случае, другое дело. На всякий грех — снисхождение. К тому же вы совершенно правы в одном, а именно, что если уж у нас опять явилась охота впутаться в государственные дела, то сейчас, мне кажется, самое время.

— Откуда вы это знаете? Ведь вы не занимаетесь политикой?

— Ах, боже мой! Хотя я сам и не занимаюсь ею, зато живу в такой среде, где ею очень занимаются. Но увлекаясь поэзией и предаваясь любви, я близко сошелся с Саразеном, сторонником господина де Конти, с Вуатюром, сторонником коадьютора, и с Буа-Робером, который, с тех пор как не стало кардинала Ришелье, не стоит ни за кого или, если хотите, стоит сразу за всех; так что дела политические не так уж мне чужды.

— Так я и думал, — сказал д'Артаньян.

— Впрочем, друг мой, все, что я скажу вам, — это лишь речи скромного монаха, человека, который, как эхо, просто повторяет все, что слышит от других. Я слышал, что в настоящую минуту кардинал Мазарини очень обеспокоен оборотом дел. По-видимому, его распоряжения не пользуются тем уважением, с каким прежде относились к приказаниям нашего бывшего пугала, покойного кардинала, чей портрет вы здесь видите; ибо, что ни говори, а, нужно признаться, он был великий человек.

— В этом я вам не буду противоречить, милый Арамис. Ведь это он произвел меня в лейтенанты.

— Сначала я был всецело на стороне нового кардинала: я говорил себе, что министр никогда не пользуется любовью и что, обладая большим умом, какой ему приписывают, он в конце концов все же восторжествует над своими врагами и заставит бояться себя, что, по моему, пожалуй, лучше, чем заставить полюбить себя.

Д'Артаньян кивнул головой в знак того, что вполне согласен с этим сомнительным суждением.

— Вот каково, — продолжал Арамис, — было мое первоначальное мнение; но так как обет смирения, данный мною, обязывает меня не полагаться на собственное мнение, то я навел справки, и вот, мой друг...

Арамис умолк.

— Что и вот?

— И вот, я должен был смирить свою гордыню; оказалось, что я ошибся.

— В самом деле?

— Да. Я навел справки, как уже вам говорил, и вот что ответили мне многие лица, совершенно различных взглядов и намерений: «Господин де Мазарини вовсе не такой гениальный человек, каким вы его себе воображаете».

— Неужели? — сказал д'Артаньян.

— Да. Это ничтожная личность, бывший лакей кардинала Бентиволио, путем интриг вылезший в люди; выскочка, человек без имени, он думает не о Франции, а только о самом себе. Он награбит денег, разворует казну короля, выплатит самому себе все пенсии, которые покойный кардинал Ришелье щедро раздавал направо и налево, но

ему не суждено управлять ни по праву сильного, ни по праву человека великого, ни даже по праву человека, пользующегося всеобщим уважением. Кроме того, по-видимому, у этого министра нет ни благородного сердца, ни благородных манер, это какой-то комедиант, Пульчинелло, Панталоне. Вы его знаете? Я совсем не знаю.

— Гм,— ответил д'Артаньян,— в том, что вы говорите, есть доля правды.

— Мне очень лестно, что благодаря природной проницательности мне удалось сойтись во взглядах с вами — человеком, живущим при дворе.

— Но вы говорили мне о его личности, а не о его партии, не о его друзьях.

— Это правда. За него стоит королева.

— А это, мне кажется, уже кое-чего стоит.

— Но король не за него.

— Ребенок?

— Ребенок, который через четыре года будет совершеннолетним.

— Дело в настоящем.

— Да, но настоящее не будущее; да и в настоящем он не имеет на своей стороне ни парламента, ни народа, то есть — денег; ни дворянства, ни знати, то есть — шпаги.

Д'Артаньян почесал за ухом. Он должен был сознаться, что это не только глубокая, но и верная мысль.

— Вот видите, дружище, я еще не потерял своей обычной проницательности. Может быть, я напрасно говорю с вами так откровенно: мне кажется, вы склоняетесь на сторону Мазарини.

— Я? — вскричал д'Артаньян.— Ничуть!

— Вы говорили о поручении.

— Разве я говорил о поручении? В таком случае я плохо выразился. Нет, я всегда думал то же, что вы. Дела запутались; не бросить ли нам перо по ветру и не пойти ли в ту сторону, куда ветер понесет его? Вернемся к прежней жизни приключений. Нас было четверо смелых рыцаря, четыре связанных дружбой сердца, соединим снова не сердца,— потому что сердца наши всегда оставались неразлучными,— но нашу судьбу и мужество. Представляется случай приобрести нечто получше алмаза.

— Вы правы, д'Артаньян, совершенно правы,— ответил Арамис,— и доказательство я вижу в том, что у меня самого была та же мысль. Только мне она была подсказана другими, так как я не обладаю вашим живым и неистощимым воображением. В наше время все нуждаются в посредниках. Мне было сделано предложение: кое-что из наших былых подвигов стало известно, и затем, скажу вам откровенно, я проболтался коадьютору.

— Господину де Гонди, врагу кардинала? — вскричал д'Артаньян.

— Нет, другу короля,— ответил Арамис,— другу короля, понимаете? Так вот, требуется послужить королю, а это — долг каждого дворянина.

— Но ведь король заодно с Мазарини, мой дорогой.

— На деле — так, но против воли; поступками, но не сердцем.

В этом и состоит западня, которую враги короля готовят бедному ребенку.

— Вот как! Но вы предлагаете мне просто-напросто междуособную войну, милый Арамис!

— Войну за короля.

— Но король встанет во главе той армии, где будет Мазарини.

— А сердце его останется в армии, которой будет командовать господин де Бофор.

— Господин де Бофор? Он в Венсенском замке.

— Разве я сказал — Бофор? Ну, не Бофор, так кто-нибудь другой; не Бофор, так принц Конде.

— Но принц уезжает в действующую армию, и он всецело предан кардиналу.

— Гм, гм! — ответил Арамис. — У них сейчас как раз какие-то нелады. Но даже если и не принц, то хотя бы господин де Гонди...

— Господин де Гонди не сегодня-завтра будет кардиналом; для него испрашивают кардинальскую шапку.

— Разве не бывало воинственных кардиналов? — сказал Арамис. — Поглядите на стены: вокруг вас четыре кардинала, которые во главе армии были не хуже господ Гебриана и Гассиона¹.

— Хорошо будет горбатый полководец!

— Горб скроют латы. К тому же вспомните, Александр хромал, а Ганнибал был одноглазым.

— Вы думаете, эта партия доставит вам большие выгоды? — спросил д'Артаньян.

— Она мне доставит покровительство могущественных людей.

— И проскрипции² правительства?

— Парламент и мятежи помогут их отменить.

— Все, что вы говорите могло бы осуществиться, если б удалось разлучить короля с его матерью.

— Этого, может быть, добьются.

— Никогда! — вскричал д'Артаньян с убеждением. — Вы сами тому свидетель, Арамис, вы, знающий Анну Австрийскую так же хорошо, как я. Думаете вы, что она когда-нибудь способна, забыть, что сын — ее опора, ее защита, залог ее благополучия, ее счастья, ее жизни? Ей следовало бы перейти вместе с ним на сторону знати и бросить Мазарини; но вы знаете лучше, чем кто-либо другой, что у нее есть серьезные причины не покидать его.

— Может быть, вы правы, — задумчиво сказал Арамис. — Я, пожалуй, к ним не примкну...

— К ним! А ко мне? — сказал д'Артаньян.

— Ни к кому. Я священник; какое мне дело до политики? У меня даже требника никогда в руках не бывает. Довольно с меня моей клиентуры: продувных остроумцев-аббатов и хорошеньких женщин. Чем больше путаницы в государственных делах, тем меньше

¹ Маршалы Франции в первой половине XVII в

² Проскрипции — в древнем Риме лишение прав и имущества по особому распоряжению правительства

шума из-за моих шалостей; все идет чудесно и без моего вмешательства. Решительно, дорогой друг, я ни во что не стану вмешиваться.

— И в самом деле, мой дорогой, — сказал д'Артаньян, — меня начинает заражать ваша философия. Право, не понимаю, какая муха вдруг меня укусила! У меня есть служба, которая меня кое-как кормит. После смерти Тревиля, — бедняга стареет! — я могу стать капитаном. Это совсем не плохой маршальский жезл для гасконского дворянина, младшего в роду, и я чувствую, что вообще имею склонность к пище скромной, но ежедневной. Чем гоняться за приключениями, я лучше приму приглашение Портоса, поеду охотиться в его поместье. Вы знаете, у Портоса есть поместье.

— Как же! Конечно, знаю. Десять миль лесов, болот и лугов; он владыка гор и долин, и тягается с нуайонским епископом за феодальные права.

«Отлично, — подумал д'Артаньян, — это-то мне и надо было знать. Портос в Пикардии».

— И он носит теперь свою прежнюю фамилию дю Валлон? — спросил он вслух.

— Да, и прибавил еще к ней фамилию де Брасье; так называется его земля, которая давала некогда права на баронский титул!

— Так что мы увидим Портоса бароном?

— Без сомнения. Особенно хороша будет баронесса Портос! Оба приятеля расхохотались.

— Итак, — заговорил д'Артаньян, — вы не желаете стать сторонником Мазарини?

— А вы сторонником принцев?

— Нет. Ну, так не будем ничьими сторонниками и останемся друзьями; не будем ни кардиналистами, ни фрондерами.

— Да, — сказал Арамис, — будем мушкетерами.

— Хотя бы в сутане.

— Особенно в сутане, — воскликнул Арамис, — в том-то и прелесть.

— Ну, так прощайте, — сказал, вставая, д'Артаньян.

— Я вас не удерживаю, мой дорогой, — сказал Арамис, — потому что мне негде было бы вас положить. А предложить вам ночевать с Планше в сарае было бы неприлично.

— К тому же я всего в трех милях от Парижа. Лошади отдохнули, не пройдет и часа, как я буду дома.

Д'Артаньян налил себе последний стакан.

— За наше доброе старое время!

— Да, — подхватил Арамис, — к сожалению, оно прошло... *fugit irreparabile tempus...*¹

— Ба! Оно, может быть, еще вернется. На всякий случай, если я вам понадобится, запомните: Тиктонская улица, гостиница «Козочка».

— А я — здесь, в иезуитском монастыре. С шести утра до восьми вечера — в двери, с восьми вечера до шести утра — через окно.

¹ Безвозвратно бежит время (лат.)

— До свиданья, мой дорогой.

— О, я вас так не отпущу, позвольте мне проводить вас.

И Арамис взялся за плащ и шпагу.

«Он хочет удостовериться в моем отъезде», — подумал д'Артаньян. Арамис свистнул, но Базен дремал в передней над остатками ужина, и Арамис принужден был дернуть его за ухо, чтобы разбудить.

Базен потянулся, протер глаза и попытался опять уснуть.

— Ну-ка, соня, скорей лестницу.

— Да она, — сказал Базен, зевая до ушей, — осталась висеть в окне, лестница-то.

— Другую, давай садовую лестницу. Не видишь разве, господин д'Артаньян с трудом подымался, а спускаться ему будет еще труднее.

Д'Артаньян хотел было уверить Арамиса, что он отлично спустится, но ему пришла в голову одна мысль, и он промолчал.

Базен глубоко вздохнул и ушел за лестницей. Через минуту хорошая и надежная деревянная лестница была приставлена к окну.

— Вот это лестница так лестница, — сказал д'Артаньян, — по такой и женщина поднимется.

Пристальный взгляд Арамиса, казалось, хотел прочесть его мысли в самой глубине сердца, но д'Артаньян выдержал этот взгляд с замечательным простодушием.

К тому же, он уже поставил ногу на первую ступеньку и начал спускаться.

В один миг он был на земле. Базен остался у окна.

— Жди тут, — сказал Арамис, — я сейчас вернусь.

Оба направились к сараю; навстречу им вышел Планше, держа под уздцы лошадей.

— Превосходно. Вот толковый и расторопный слуга! Не то что мой лентяй Базен, который ни к чему не годится с тех пор, как служит в церкви. Ступайте за нами, Планше, — сказал Арамис, — мы пройдемся пешком до конца деревни.

Действительно, друзья прошли всю деревню, толкуя о разных пустяках; у последнего дома Арамис сказал:

— Ну, друг мой, идите своим путем. Счастье вам улыбнется, не упускайте его. Помните, счастье — это куртизанка; обращайтесь с ним, как оно того заслуживает. Ну, а я останусь в своем ничтожестве и при своей лени. Прощайте.

— Итак, значит, решено и подписано: мое предложение вам не подходит?

— Оно бы мне очень подошло, — сказал Арамис, — будь я человек, как другие, но, повторяю вам, я весь состою из противоречий: то, что ненавижу сегодня, я обожаю завтра, et vice versa¹. Вы видите, я не могу принять на себя обязательства, как например, вы, у которого вполне определенные взгляды.

«Врешь, хитрец, — сказал себе д'Артаньян, — наоборот, ты-то умеешь выбрать цель и пробираться к ней тайком».

¹ И наоборот (лат.).

— Так до свидания, дорогой,— продолжал Арамис,— и спасибо вам за добрые намерения, а в особенности за приятные воспоминания, которые ваше появление пробудило во мне.

Они обнялись. Планше сидел уже на коне. Д'Артаньян также вскочил в седло, он и Арамис еще раз пожали друг другу руки. Всадники пришпорили лошадей и поскакали по направлению к Парижу.

Арамис стоял посреди дороги до тех пор, пока не потерял их из виду.

Но д'Артаньян, отъехав шагов двести, круто осадил лошадь, соскочил наземь, бросил поводья Планше и, вынув из кобуры пистолеты, засунул их себе за пояс.

— Что случилось? — спросил испуганный Планше.

— То, что, как он ни хитрит,— ответил д'Артаньян,— а меня не одурачит. Стой здесь и жди меня, только в стороне от дороги.

С этими словами д'Артаньян перескочил канаву, шедшую вдоль дороги, и пустился через поле, в обход деревни. Он заметил между домом, где жила г-жа де Лонгвиль, и иезуитским монастырем пустырь, окруженный только живой изгородью.

Может быть, час назад ему и нелегко было отыскать эту изгородь, но теперь взошла луна, и хотя она время от времени скрывалась за облаками, все же можно было довольно ясно видеть дорогу, даже когда луна исчезла.

Д'Артаньян добрался до изгороди и пошел, крадучись, в ее тени. Проходя мимо дома, где произошла описанная нами сцена, он заметил, что окно Арамиса освещено; но он был уверен, что Арамис еще не вернулся к себе, а когда вернется, то вернется не один.

Действительно, он вскоре услышал приближающиеся шаги и как будто заглушенные голоса.

Шаги затихли у изгороди.

Д'Артаньян опустился на колени, выискивая себе место, где изгородь была гуще.

В эту минуту, к великому удивлению д'Артаньяна, появилось двое мужчин. Но его удивление длилось недолго; он услышал нежный, благозвучный голос. Один из мужчин был женщиной, переодетой в мужское платье.

— Успокойтесь, милый Рене,— говорил нежный голос,— это никогда больше не повторится. Я обнаружила нечто вроде подземного хода под улицей: нам стоит только поднять одну плиту возле двери, и выход открыт.

— О, клянусь вам, принцесса,— ответил другой голос, в котором д'Артаньян узнал голос Арамиса,— если бы ваше доброе имя не зависело от этих предосторожностей и если бы я рисковал только собственной жизнью...

— Да, да, я знаю, вы человек светский, и в то же время отважны и храбры. Но вы принадлежите не только мне, вы принадлежите всей нашей партии. Будьте же осторожны, будьте благо-разумны.

— Я всегда повинуюсь, сударыня,— сказал Арамис,— когда мне приказывают таким приятным голосом.

Он нежно поцеловал ее руку.

— Ах! — воскликнул кавалер, обладавший столь приятным голосом.

— Что такое? — спросил Арамис.

— Разве вы не видите, ветер унес мою шляпу!

Арамис бросился за улетевшей шляпой. Д'Артаньян воспользовался минутой и перешел на другое место, где изгородь была не так густа и он мог свободно рассмотреть таинственного спутника Арамиса. В этот миг луна, быть может столь же любопытная, как наш офицер, вышла из-за облака, и при ее нескромном свете д'Артаньян узнал большие голубые глаза, золотые волосы и гордую головку герцогини де Лонгвиль.

Арамис, смеясь, вернулся с одной шляпой в руках, а другой на голове, и оба направились к иезуитскому монастырю.

— Отлично, — сказал, вставая и стряхивая пыль с колен, д'Артаньян, — теперь я тебя раскусил: ты фрондер и любовник госпожи де Лонгвиль.

Глава 12

ГОСПОДИН ПОРТОС ДЮ ВАЛЛОН ДЕ БРАСЬЕ ДЕ ПЬЕРФОН

Благодаря сведениям, полученным от Арамиса, д'Артаньян, помнивший, что истинная фамилия Портоса была дю Валлон, узнал теперь, что по названию поместья, которым он владел, он именуется еще де Брасье и что из-за этого поместья он вел процесс с нуайонским епископом.

Следовательно, искать его надо было в окрестностях Нуайона, иначе говоря, на границе Иль-де-Франса и Пикардии.

Свой маршрут д'Артаньян выработал немедленно. Он отправился в Даммартен, где сходятся две дороги: одна ведет в Суассон, другая — в Компьен; тут он наведет справки об имени Брасье и, смотря по указаниям, поедет прямо или свернет влево.

Планше, который еще не совсем успокоился относительно исхода своей проделки, объявил, что последует за д'Артаньяном на край света, все равно, поедет ли тот прямо или свернет влево. Он упросил только своего хозяина выехать вечером, так как темнота обеспечивала ему большую безопасность. Д'Артаньян посоветовал ему предупредить жену, чтобы успокоить ее, по крайней мере, относительно своей участи; но проницательный Планше уверенно ответил, что жена его не умрет от беспокойства, если не будет знать об его местонахождении, тогда как он, Планше, напротив, зная невоздержанность ее языка, непременно умрет от беспокойства, если только она будет знать, где он находится.

Эти доводы показались д'Артаньяну настолько вескими, что он больше не настаивал, и в восьмом часу вечера, когда туман на улицах начал сгущаться, вышел из гостиницы «Козочка» и в сопровождении Планше выехал из столицы через заставу Сен-Дени.

В полночь оба путешественника были в Даммартене.

Было слишком поздно, чтобы наводить справки. Хозяин постоялого двора «Знак Креста» уже спал. Д'Артаньян отложил расспросы до завтра.

Наутро он велел позвать трактирщика. Это был один из тех хитрых нормандцев, которые не говорят ни да ни нет и полагают, что уронят себя в глазах собеседника, ответив без уверток на заданный вопрос. Поняв только, что нужно ехать прямо, д'Артаньян пустился в путь согласно этому неточному указанию. В девять часов утра он прибыл в Нантейль и остановился там, чтобы позавтракать.

На этот раз трактирщик был откровенный и славный пикардиец. Признав в Планше земляка, он без лишних проволочек дал ему нужные разъяснения. Поместье Брасье находилось в нескольких милях от Вилье-Котре.

Д'Артаньян знал Вилье-Котре, так как два-три раза сопровождал туда двор. Вилье-Котре было в ту пору одной из королевских резиденций. Он направился в этот город и остановился, как бывало, в гостинице «Золотой Дельфин».

Тут он получил исчерпывающие сведения. Он узнал, что поместье Брасье было расположено в четырех милях от города, но что Портоса нужно было искать вовсе не там.

Портос действительно вел тяжбу с нуайонским епископом за поместье Пьерфон, граничившее с его землями; утомленный судебной волокитой, в которой он ровно ничего не понимал, он, чтобы покончить с ней, просто купил Пьерфон и таким-то путем к своим двум прежним фамилиям прибавил еще третью. Он именовался теперь дю Валлон де Брасье де Пьерфон и жил в своем новом имении.

За отсутствием другой славы Портос, очевидно, метил в маркизы Карабасы¹.

Приходилось опять пережидать до завтра. Лошади сделали за день десять миль и очень устали. Правда, можно было взять других, но предстояло ехать лесом, а Планше, как нам известно, не жаловал лесов ночью.

Была и другая вещь, которой не жаловал Планше, а именно, пускаться в путь натошак; поэтому, проснувшись поутру, д'Артаньян нашел на столе готовый завтрак. Трудно было сердиться за такое внимание, и д'Артаньян сел за стол. Нечего и говорить, что Планше, вернувшись к былым обязанностям, вернул себе прежнее смирение; поэтому доедать остатки со стола д'Артаньяна он стыдился не больше, чем г-жа де Мотвиль или г-жа де Фаржи, доедавшие блюда со стола Анны Австрийской.

Выехать поэтому удалось только около восьми часов утра. Оши-

¹ Персонаж известной французской сказки «Кот в сапогах», вельможа и богач

биться было невозможно: следовало ехать по дороге, ведущей из Вилье-Котре в Компьен, и, миновав лес, свернуть направо.

Стояло прекрасное весеннее утро; птицы пели на высоких деревьях, и солнечный свет на лесных прогалинах казался завесой золотистой кисеи.

Кое-где солнечные лучи с трудом пробивались сквозь плотный свод листвы, и во мраке тонули стволы старых дубов, на которые карабкались, завидев путешественников, проворные белки. Вся природа в это раннее утро дышала радующим сердце ароматом травы, цветов и листьев.

Д'Артаньян, которому надоел смрад Парижа, находил, что человек, который носит имена трех поместий, нанизанные одно на другое, может быть вполне счастлив в подобном раю. И он подумал, покачав головой: «Будь я на месте Портоса и сделай мне д'Артаньян предложение, которое я собираюсь сделать Портосу, уже понятно, что бы я ответил д'Артаньяну».

А Планше не думал ничего: он переваривал свой завтрак.

На опушке леса д'Артаньян увидел указанную ему дорогу, а в конце дороги башни огромного феодального замка.

— Ого, — проворчал он, — этот замок, кажется, принадлежал старшей ветви рода герцогов Орлеанских. Уж не вошел ли Портос в сделку с герцогом де Лонгвилем?

— Ай да поместье, сударь! Хорошо управляется! — сказал Планше. — И если оно принадлежит господину Портосу, то его можно поздравить.

— Не вздумай только, черт побери, назвать его Портосом, — сказал д'Артаньян, — или даже дю Валлоном. Называй его де Брасье или де Пьерфон. Ты погубишь все наше дело.

По мере приближения к замку, который привлек их внимание, д'Артаньян стал убеждаться, что тут не может жить его друг. Башни, хотя и прочные, как вчера выстроенные, были пробиты и разворочены, точно какой-то великан изрубил их топором.

Доехав до конца дороги, д'Артаньян увидел у своих ног чудесную долину, в глубине которой дремало небольшое прелестное озеро, окруженное разбросанными там и сям домами с соломенными и черепичными крышами; казалось, они почтительно признавали своим сюзереном стоявший тут же красивый замок, построенный в начале царствования Генриха IV и украшенный флюгерами с гербом владельца.

На этот раз д'Артаньян не усомнился, что он перед жилищем Портоса.

Дорога вела прямо к красивому замку, который рядом со своим предком на горе напоминал современного щеголя рядом с закованным в железо рыцарем времен Карла VII. Д'Артаньян пустил лошадь рысью. Планше поторапливал своего скакуна, стараясь не отстать от хозяина.

Через десять минут д'Артаньян въехал в аллею, обсаженную прекрасными тополями и упиравшуюся в железную решетку с позолоченными остриями и перекладинами. Посреди этой аллеи виднелся какой-то господин весь в зеленом и раззолоченный, как решетка,

сидящий верхом на толстом низком жеребце. Справа и слева от него вытянулись два лакея в ливреях с позументами на всех швах; поодаль толпой стояли почтительные крестьяне.

«Уж не владетельный ли это господин дю Валлон де Брасье де Пьерфон? — сказал про себя д'Артаньян. — Бог мой, как он съежился с тех пор, как перестал называться Портосом».

— Это не может быть он, — сказал Планше, отвечая на мысль д'Артаньян. — В господине Портосе шесть футов росту, а в этом и пяти не наберется.

— Однако этому господину очень низко кланяются.

Сказав это, д'Артаньян двинулся по направлению к жеребцу, лакеям и важному господину. Чем ближе он подъезжал, тем более ему казалось, что он узнает черты его лица.

— Господи Иисусе! — воскликнул Планше, который тоже как будто признал его. — Сударь, неужели это он?

При этом восклицании человек на коне медленно и весьма величаво обернулся, и путешественники увидели во всем блеске круглые глаза, румяную рожу и блаженную улыбку Мушкетона.

И точно, это был Мушкетон, жирный, пышущий здоровьем и довольством. Узнав д'Артаньяна, он, — не то, что этот лицемер Базен, — поспешно слез со своего жеребца и с обнаженной головой пошел навстречу офицеру. И почтительная толпа круто повернулась к новому светилу, затмившему прежнее.

— Господин д'Артаньян! Господин д'Артаньян! — вырвалось из толстых щек Мушкетона, захлебывавшегося от радости, — господин д'Артаньян! Ах, какая радость для моего господина и хозяина дю Валлона де Брасье де Пьерфона!

— Милейший Мушкетон! Так твой господин здесь?

— Вы в его владениях.

— Но какой же ты нарядный, жирный, цветущий! — продолжал д'Артаньян, без усталости перечисляя перемены, происшедшие под влиянием благоденствия в некогда голодном парне.

— Да, да, слава богу, сударь, — ответил Мушкетон, — я чувствую себя недурно.

— Что же ты ничего не скажешь своему другу Планше?

— Планше, друг мой Планше, ты ли это? — вскричал Мушкетон, с распростертыми объятиями и со слезами на глазах бросааясь к Планше.

— Я самый, — ответил благоразумный Планше, — я хотел только проверить, не заважничал ли ты.

— Важничать перед старым другом! Нет, Планше, никогда! Ты этого и сам не думаешь, или плохо ты знаешь Мушкетона.

— Ну и хорошо! — сказал Планше, соскочив с лошади и в свою очередь обнимая Мушкетона. — Ты не то что эта каналья Базен, продержавший меня два часа в сарае и даже не подавший вида, что он знаком со мной.

И Планше с Мушкетонами расцеловались с чувством, весьма растрагавшим присутствующих, решивших, ввиду высокого положения Мушкетона, что Планше какой-нибудь переодетый вельможа.

— А теперь, сударь,— сказал Мушкетон, освободившись от объятий Планше, безуспешно пытавшегося сомкнуть руки на спине своего друга,— а теперь, сударь, позвольте мне вас покинуть, так как я не хочу, чтобы мой барин узнал о вашем приезде от кого-либо, кроме меня; он не простит мне, что я допустил опередить себя.

— Старый друг! — сказал д'Артаньян, избегая называть Портоса и старым и новым именем.— Так он еще не забыл меня?

— Забыть? Это ему-то? — воскликнул Мушкетон.— Да не прошло дня, чтобы мы не ожидали известия о вашем назначении маршалом либо вместо господина де Гассиона, либо вместо господина де Бассомпьера.

На губах д'Артаньяна промелькнула одна из тех резких грустных улыбок, что остались в глубине его сердца как след разочарований молодости.

— А вы, мужичье,— продолжал Мушкетон,— оставайтесь при его сиятельстве графе д'Артаньяне и постарайтесь как можно лучше служить ему, пока я съезжу доложить монсеньеру о его приезде.

И, взобравшись при помощи двух сердобольных душ на своего дородного коня, в то время как более расторопный Планше вскочил без чужой помощи на своего, Мушкетон поскакал по лужайке мелким галопом, свидетельствующим более о прочности спины, чем о быстроте ног его скакуна.

— Вот хорошее начало! — сказал д'Артаньян.— Здесь нет ни тайн, ни притворства, ни политики; здесь смеются во все горло, плачут от радости, у всех лица в аршин шириной. Право, мне кажется, что сама природа справляет праздник, что деревья, вместо листьев и цветов, убраны зелеными и розовыми ленточками.

— А мне,— сказал Планше,— кажется, что я отсюда чую восхитительнейший запах жаркого и вижу почетный караул поварят, выстроившихся нам навстречу. Ах, сударь, уж и повар должен быть у господина де Пьерфона: он ведь любил хорошо покушать еще тогда, когда именовался всего-навсего Портосом.

— Стой,— сказал д'Артаньян,— ты меня пугаешь! Если действительность соответствует внешним признакам, я пропал. Такой счастливый человек никогда не отступится от своего счастья, и меня ждет неудача, как у Арамиса.

Глава 13

КАК Д'АРТАНЬЯН,
ВСТРЕТИВШИСЬ С ПОРТОСОМ,
УБЕДИЛСЯ, ЧТО НЕ В ДЕНЬГАХ СЧАСТЬЕ

Д'Артаньян въехал за решетку и очутился перед замком. Едва он соскочил с лошади, как какой-то великан появился на крыльце. Следует отдать должное д'Артаньяну: независимо от всяких эгоистических соображений, сердце его радостно забилося при виде высокой фигуры и воинственного лица, сразу напомнившего ему, какой это храбрый и добрый человек.

Он взбежал на крыльцо и бросился в объятия Портоса; вся челядь, выстроившаяся кружком на почтительном расстоянии, смотрела на них с любопытством. Мушкетон в первом ряду утирал себе глаза. Бедняга не переставал плакать с той минуты, как узнал д'Артаньяна и Планше.

Портос взял приятеля за руку.

— Ах, как я рад опять вас видеть, дорогой д'Артаньян! — воскликнул он (теперь вместо баритона он говорил басом). — Вы, значит, меня не забыли.

— Забыть вас? Ах, дорогой дю Валлон, можно ли забыть лучшие дни молодости, и своих верных друзей, и пережитые вместе опасности. Увидя вас, я припомнил каждый миг нашей былой дружбы.

— Да, да, — сказал Портос, подкручивая усы и стараясь придать им прежний щегольский вид, который они утратили за время его затворничества. — Да, славные дела совершали мы в свое время, — было над чем поломать голову бедному кардиналу.

И он тяжело вздохнул. Д'Артаньян взглянул на него.

— Во всяком случае, — продолжал томно Портос, — добро пожаловать, дорогой друг, вы меня развлечете. Мы затравим завтра зайца в моих превосходных полях или козулку в моих великолепных лесах. Мои четыре борзых слывут самыми легкими в наших краях, а гончие у меня такие, что равных им не найти на двадцать миль в округности.

И Портос вздохнул второй раз.

«Ого! — подумал д'Артаньян. — Неужели мой приятель не так счастлив, как кажется?»

— Но прежде всего, — ответил он, — вы представите меня госпоже дю Валлон, потому что я помню любезное приглашение, которое вы мне прислали, и в котором она соблаговолила приписать несколько строк.

Третий вздох Портоса.

— Я потерял госпожу дю Валлон два года тому назад и до сих пор скорблю об этом. Потому-то я и уехал из моего замка Валлон, близ Корбейля, и поселился в Брасье, а из-за этого переезда в конце концов прикупил вот это именье. Бедная госпожа дю Валлон! —

Продолжал Портос, делая унылую мину.— У нее был не очень покладистый характер, но под конец она все же примирилась с моими привычками и вкусами.

— Значит, вы богаты и свободны? — сказал д'Артаньян.

— Увы,— ответил Портос,— я вдовец, и у меня сорок тысяч дохода. Пойдемте завтракать. Хотите?

— И очень,— ответил д'Артаньян.— Утренний воздух возбуждает мой аппетит.

— Да,— заметил Портос,— у меня превосходный воздух.

Они вошли в замок. Внутри все сверху донизу сияло позолотой: золоченые карнизы, золоченая резьба, золоченая мебель.

Накрытый стол ожидал их.

— Вот видите,— сказал Портос,— так у меня всегда.

— Черт возьми, я восхищен! Такого стола и у короля не бывает.

— Да, я слышал, что Мазарини его очень скверно кормит. Ответьте котлет, милый д'Артаньян. Из собственной баранины.

— У вас очень нежные бараны, могу вас поздравить.

— Да, они откармливаются на моих превосходных лугах.

— Дайте мне еще.

— Нет, попробуйте лучше зайца. Я убил его вчера в одном из моих заповедников.

— Черт! Как вкусно! Да вы кормите ваших зайцев, верно, одной богородичной травкой!

— А как вам нравится мое вино? Не правда ли, приятное?

— Оно превосходно.

— А тем не менее это местное.

— В самом деле?

— Да, небольшой виноградничек на южном склоне горы: он дает двадцать мюндов.

— Великолепный сбор.

Портос вздохнул в пятый раз. Д'Артаньян считал вздохи Портоса.

— Но послушайте наконец,— сказал он, желая разрешить эту загадку,— можно подумать, друг мой, что вас что-то печалит? Уж не больны ли вы? Разве здоровье...

— Превосходно, мой друг, лучше, чем когда-либо: я убью быка ударом кулака.

— Значит, семейные огорчения?..

— Семейные? К счастью, у меня нет семьи.

— Чем же тогда вызваны ваши вздохи?

— Я буду откровенен с вами, мой друг,— сказал Портос.— Я несчастлив.

— Вы несчастливы, Портос? Вы, владеющий замками, лугами, холмами, лесами,— вы, имеющий, наконец, сорок тысяч ливров дохода, вы несчастливы?

— Дорогой мой,— отвечал Портос,— правда, у меня все есть, но я одинок среди всего этого.

— А, понимаю: вы окружены нищими, знаться с которыми для вас унижительно...

Портос слегка побледнел и осушил огромный стакан вина со своего виноградника.

— Нет, не то,— сказал он,— скорее наоборот. Это мелкопоместные дворянчики, которые все имеют кой-какие титулы и считают себя потомками Фарамонда¹, Карла Великого или по меньшей мере Гуго Капета². Так как я был новоприбывший, я должен был первый к ним ехать, вначале я так и делал; но вы знаете, мой милый, госпожа дю Валлон... (здесь Портос словно поперхнулся) госпожа дю Валлон была сомнительная дворянка. Первый раз она была замужем,— мне кажется, д'Артаньян, вам это известно,— за стряпчим; это, по их мнению, было отвратительно. Они так и выразились: «отвратительно». Вы понимаете, за такое выражение можно убить тридцать тысяч человек. Я убил двоих; это заставило остальных замолчать, но не принесло мне их дружбы. Так что теперь я лишен всякого общества; живу один, скучаю, дохну с тоски.

Д'Артаньян улыбнулся; он знал теперь слабое место и готовил удар.

— Но в конце концов,— сказал он,— вы же сами дворянин и женьба не отняла у вас дворянства.

— Да, но, понимаете, я не принадлежу к исторической знати, как, например, Куси, довольствовавшиеся титулом «сир», или Роганы, которые не хотели быть герцогами; я вынужден уступать этим людям, которые все графы и виконты; в церкви, на всех церемониях, всюду они пользуются преимуществами предомною, и я ничего с этим не могу поделать. Ах, если б только я был...

— Барон, не так ли? — окончил д'Артаньян фразу приятеля.

— Ах! — воскликнул Портос, просияв.— Ах, если бы я был барон!

«Отлично,— подумал д'Артаньян,— тут успех обеспечен».

— А знаете, дорогой друг,— сказал он Портосу,— этот-то титул, которого вы так желаете, я и привез вам сегодня.

Портос подпрыгнул так, что все кругом затряслось; две-три бутылки, потеряв равновесие, скатились со стола и разбились. Мушкетон прибежал на шум, и в дверях появился Планше с набитым ртом и салфеткой в руках.

— Вы меня звали, монсеньер? — спросил Мушкетон.

Портос сделал знак Мушкетону подобрать осколки стекла.

— Я рад видеть,— сказал д'Артаньян,— что этот славный малый по-прежнему при вас.

— Он мой управляющий,— ответил Портос.— Он умеет-таки обдывать свои делишки, этот мошенник, сразу видно,— сказал он громко,— но,— прибавил он, понижая голос,— он мне предан и не покинет меня ни за что на свете.

«И притом зовет тебя монсеньером»,— подумал д'Артаньян.

— Можете идти, Мустон,— сказал Портос.

¹ Фарамонд — легендарный франкский король.

² Гуго Капет — родоначальник династии французских королей.

— Вы сказали Мустон? Ах, да, понимаю, сокращенное имя: Мушкетон — это слишком длинно!

— Да, и к тому же от этого имени за целую милю пахнет казармой. Однако мы говорили о деле, когда вошел этот дуралей.

— Да, — сказал д'Артаньян. — Но отложим разговор до другого времени, а то ваши люди могут что-нибудь пронюхать: быть может, тут есть шпионы. Вы понимаете, Портос, это дело важное.

— Черт побери! — проговорил Портос. — Что ж, пойдете прогуляться по парку, для пищеварения.

— С удовольствием, — сказал д'Артаньян.

Так как плотный завтрак подошел к концу, они отправились осматривать великолепный сад. Каштановые и липовые аллеи окружали участок по крайней мере десятин в тридцать. В садках, обсаженных частой живой изгородью, резвились кролики, играя в высокой траве.

— Честное слово, — сказал д'Артаньян, — парк у вас так же великолепен, как и все остальное; а если у вас в прудах столько же рыбы, сколько кроликов в садках, то вы должны быть счастливейшим человеком в мире, разве что вы разлюбили охоту и не сумели пристраститься к рыбной ловле.

— Рыбу ловить, мой друг, я предоставляю Мушкетону: это мужское удовольствие. Охотой же я иногда занимаюсь, другими словами, когда я скучаю, то сажусь здесь на мраморной скамейке, приказываю подать мне ружье, привести Гредине — это моя любимая охотничья собака — и стреляю кроликов.

— Это очень весело, — сказал д'Артаньян.

— Да, — ответил со вздохом Портос, — это очень весело.

Д'Артаньян уже перестал считать вздохи Портоса.

— Потом, — прибавил Портос, — Гредине их отыскивает и сам относит к повару: он хорошо выдрессирован.

— Какой чудесный пес! — сказал д'Артаньян.

— Но оставим Гредине, — продолжал Портос. — Если хотите, я вам его подарю, он мне уже надоел; вернемтесь теперь к нашему делу.

— Извольте, — сказал д'Артаньян. — Но, дорогой друг, чтобы вы не могли потом упрекнуть меня в вероломстве, я вас предупреждаю, что вам придется совершенно изменить образ жизни.

— Как так?

— Снова надеть боевое снаряжение, подпоясать шпагу, подвергаться опасностям, оставляя подчас в пути куски своей шкуры, словом, зажить прежнюю жизнь, понимаете?

— Ах, черт возьми! — пробормотал Портос.

— Да, я понимаю, что вы избаловались, милый друг; вы отработали брюшко, рука утратила прежнюю гибкость, которую, бывало, вы не раз доказывали гвардейцам кардинала.

— Ну, рука-то еще не плоха, клянусь вам, — сказал Портос, показывая свою ручищу, похожую на баранью лопатку.

— Тем лучше.

— Значит, мы будем воевать?

— Ну, разумеется.

— А с кем?

— Вы следите за политикой, мой друг?

— Я? И не думаю.

— Словом, вы за кого: за Мазарини или за принцев?

— Я просто ни за кого.

— Иными словами, вы за нас? Тем лучше, Портос, это выгоднее всего. Итак, мой милый, я вам скажу: я приехал от кардинала. Это слово оказало такое действие на Портоса, как будто был все еще 1640 год и речь шла о настоящем кардинале.

— Ого! Что же угодно от меня его преосвященству?

— Его преосвященство желает, чтоб вы поступили к нему на службу.

— А кто сказал ему обо мне?

— Рошфор. Помните?

— Еще бы, черт возьми! Тот самый, что, бывало, так досаждал нам, по чьей милости нам пришлось столько гонять по проезжим дорогам! Тот, кого вы трижды угостили шпагой, и ему, можно сказать, не зря досталось!

— Но знаете ли вы, что он стал нашим другом? — спросил д'Артаньян.

— Нет, не знал. Он, видно, незлопамятен.

— Вы ошибаетесь, Портос, — возразил д'Артаньян, — это я незлопамятен.

Портос не совсем понял эти слова, но, как мы знаем, он не отличался сообразительностью.

— Так, вы говорите, — продолжал он, — что граф де Рошфор говорил обо мне кардиналу?

— Да, а затем королева.

— Королева?

— Чтобы внушить нам доверие к нему, она даже дала ему знаменитый алмаз, помните, который я продал господину Дезэссару и который, не знаю каким образом, снова очутился в ее руках.

— Но мне кажется, — заметил Портос со свойственным ему неуклюжим здравомыслием, — она лучше сделала, если б возвратила его вам.

— Я тоже так думаю, — ответил д'Артаньян. — Но что поделаешь, у королей и королев бывают иногда странные причуды. А так как в конце концов в их власти богатство и почести и от них исходят деньги и титулы, то и питаешь к ним преданность.

— Да, питаешь к ним преданность... — повторил Портос. — Значит, в настоящую минуту вы преданны?..

— Королю, королеве и кардиналу. Более того, я поручился и за вас.

— И вы говорите, что заключили некоторые условия относительно меня?

— Блестящие, мой дорогой, блестящие. Прежде всего, у вас есть деньги, не так ли? Сорок тысяч ливров дохода, сказали вы?

Портос вдруг встревожился.

— Ну, милый мой,— сказал он,— лишних денег ни у кого не бывает. Наследство госпожи дю Валлон несколько запутано, а я не мастер вести тяжбы, так что и сам перебиваюсь со дня на день. «Он боится, что я приехал просить у него взаймы»,— подумал д'Артаньян.

— Ах, мой друг,— сказал он громко,— тем лучше, если у вас заминка в делах.

— Почему: тем лучше? — спросил Портос.

— Да потому, что его преосвященство даст вам все: земли, деньги, титулы.

— А-а-а! — протянул Портос, вытаращив глаза при последнем слове д'Артаньяна.

— При прежнем кардинале,— продолжал д'Артаньян,— мы не умели пользоваться случаем, а ведь была возможность. Я говорю не о вас: у вас сорок тысяч дохода, и вы, по-моему, счастливейший человек на свете...

Портос вздохнул.

— Но тем не менее,— продолжал д'Артаньян,— несмотря на ваши сорок тысяч ливров дохода, а может быть, именно в силу этих сорока тысяч ливров, мне кажется, что маленькая коронка на дверцах вашей кареты выглядела бы очень недурно, а?

— Ну разумеется.

— Так вот, друг мой, заслужите ее: она на конце вашей шпаги. Мы не повредим друг другу. Ваша цель — титул, моя — деньги... Мне бы только заработать достаточно, чтобы восстановить Артаньян, пришедший в упадок с тех пор, как мои предки разорились на крестовых походах, да прикупить по соседству акров тридцать земли,— большего мне не нужно. Я поселюсь там и спокойно умру.

— А я,— сказал Портос,— хотел бы быть бароном.

— Вы им будете.

— А о других наших друзьях вы тоже вспомнили? — спросил Портос.

— Конечно. Я виделся с Арамисом.

— А ему чего хочется? Быть епископом?

— Представьте себе,— ответил д'Артаньян, не желавший разочаровывать Портоса,— что Арамис стал монахом и иезуитом и живет как медведь; он отрекся от всего земного и помышляет только о спасении души. Мои предложения не могли поколебать его.

— Тем хуже! — сказал Портос.— Он был человек с головой. А как Атос?

— Я еще не видался с ним, но поеду от вас. Не знаете ли, где его искать?

— Близ Блуа, в маленьком имении, которое он унаследовал от какого-то родственника.

— А как оно называется?

— Бражелон. Представьте себе, друг мой, Атос, который и так родовит, как император, вдруг еще наследует землю, дающую право на графский титул! Ну на что ему эти графства? Графство де Ла Фер, графство де Бражелон!

— Тем более что у него нет детей,— сказал д'Артаньян.

— Гм, я слышал, что он усыновил одного молодого человека, который очень похож на него лицом.

— Атос, наш Атос, который был добродетелен, как Сципион¹? Вы с ним виделись?

— Нет.

— Ну, так я завтра же повидаюсь с ним и расскажу о вас. Боюсь только,— но это между нами,— что из-за своей несчастной слабости к вину он состарился и опустился.

— Да, правда, он много пил.

— К тому же он старше нас всех,— заметил д'Артаньян.

— Всего несколькими годами; важная осанка очень его старила.

— Да, это верно. Итак, если Атос будет с нами — великолепно; ну, а если не будет, мы и без него обойдемся. Мы и вдвоем стоим целой дюжины.

— Да,— сказал Портос, улыбаясь при воспоминании о своих былых подвигах,— но вчетвером мы стоили бы тридцати шести; тем более что дело будет не из легких, судя по вашим словам.

— Не легкое для новичка, но не для нас.

— А сколько оно продлится?

— Пожалуй, хватит года на три, на четыре, черт возьми!

— Драться будем много?

— Надеюсь.

— Тем лучше, в конце концов, тем лучше! — воскликнул Портос.— Вы представить себе не можете, как мне с той поры, что я сижу здесь, хочется размять кости! Иной раз, в воскресенье, после церкви, я скачу на коне по полям и лугам моих соседей в чаянии какой-нибудь доброй стычки, так как чувствую, что она мне необходима; но ничего не случается, мой милый. То ли меня уважают, то ли боятся, что более вероятно. Мне позволяют вытаптывать с собаками поля люцерны, позволяют над всеми издеваться, и я возвращаюсь, скучая еще больше, вот и все. Скажите мне, по крайней мере, теперь в Париже уже не так преследуют за поединки?

— Ну, мой милый, тут все обстоит прекрасно. Нет никаких эдиктов, ни кардинальской гвардии, ни Жюссака и ему подобных сыщиков, ничего. Под любым фонарем, в трактире, где угодно: «Вы фрондер?» — вынимаешь шпагу, и готово. Гиз убил Колиньи посреди Королевской площади, и ничего — сошло.

— Вот это славно! — сказал Портос.

— А затем, в скором времени,— продолжал д'Артаньян,— у нас будут битвы по всем правилам, с пушками, с пожарами,— все что душе угодно.

— Тогда я согласен.

— Даете мне слово?

— Да, решено! Я буду колотить за Мазарини направо и налево. Но...

¹ Сципион Назика — древнеримский государственный деятель, прославившийся своей добродетелью.

— Что «но»?

— Пусть он сделает меня бароном.

— Э, черт возьми! Да это уж решено заранее. Я вам сказал и повторяю, что ручаюсь за ваше баронство.

Получив это обещание, Портос, который никогда не сомневался в слове своего друга, повернул с ним обратно в замок.

Глава 14

ЕСЛИ ПОРТОС БЫЛ НЕДОВОЛЕН
СВОЕЙ УЧАСТЬЮ, ТО МУШКЕТОН
БЫЛ СОВЕРШЕННО УДОВЛЕТВОРЕН СВОЕЙ

а обратном пути к замку Портос был погружен в мечты о своем будущем баронстве, а д'Артаньян размышлял о жалкой природе человека, всегда недовольного тем, что у него есть, и постоянно стремящегося к тому, чего у него нет. Д'Артаньян, будь он на месте Портоса, счел бы себя счастливейшим человеком на свете. А чего недоставало для счастья Портосу? Пяти букв, которые он имел бы право писать впереди всех имен и фамилий, да еще коронки, нарисованной на дверцах кареты.

«Видно, суждено мне,— подумал д'Артаньян,— всю жизнь глядеть направо и налево, и так и не увидеть ни разу вполне счастливого лица».

Но не успел он сделать этот философский вывод, как судьба словно захотела опровергнуть его. Едва расставшись с Портосом, ушедшим отдать кой-какие приказания своему повару, д'Артаньян заметил, что к нему приближается Мушкетон. Лицо доброго малого, если не считать легкого волнения, которое, подобно летнему облачку, не столько омрачало его, сколько чуть-чуть затуманивало, казалось лицом вполне счастливого человека.

«Вот то, чего я искал,— подумал д'Артаньян.— Но, увы, бедняга не знает, зачем я приехал».

Мушкетон остановился на приличном расстоянии. Д'Артаньян сел на скамью и знаком подозвал его к себе.

— Сударь,— сказал Мушкетон, воспользовавшись позволением,— я хочу вас попросить об одной милости.

— Говори, мой друг,— сказал д'Артаньян.

— Я не смею, я боюсь, как бы вы не подумали, что благоденствие испортило меня.

— Значит, ты счастлив, мой друг? — спросил д'Артаньян.

— Так счастлив, как только возможно, и все же в ваших силах сделать меня еще счастливее.

— Что ж! Говори. Если дело зависит только от меня, то считай, что оно уже сделано.

— О сударь, оно зависит только от вас!

— Я жду.

— Сударь, милость, о которой я вас прошу, заключается в том, чтоб вы называли меня не Мушкетоном, а Мустоном. С тех пор как я имею честь состоять управляющим его милости, я ношу это имя, как более достойное и внушающее почтение моим подчиненным. Вы сами знаете, сударь, как необходима субординация для челяди.

Д'Артаньян улыбнулся: Портос удлинял свою фамилию, Мушкетон укорачивал свою.

— Так как же, сударь? — спросил, трепеща. Мушкетон.

— Ну, конечно, мой милый Мустон, конечно, — ответил д'Артаньян. — Будь покоен, я не забуду твоей просьбы и, если тебе угодно, даже не буду впредь говорить тебе «ты».

— О! — воскликнул, покраснев от радости Мушкетон. — Если вы окажете мне такую честь, сударь, я буду вам признателен всю жизнь. Но, может быть, я прошу уж слишком многого?

«Увы, — подумал д'Артаньян. — Это совсем мало по сравнению с теми неожиданными напастями, которые я навлеку на беднягу, встретившего меня так сердечно!»

— А вы долго пробудете у нас, сударь? — спросил Мушкетон.

Лицо его, обретя прежнюю безмятежность, расцвело опять, как пион.

— Я уезжаю завтра, мой друг, — ответил д'Артаньян.

— Ах, сударь, неужели вы приехали только для того, чтобы огорчить нас?

— Боюсь, что так, — произнес д'Артаньян совсем тихо, и отступавший с низкими поклонами Мушкетон его не расслышал.

Раскаяние терзало д'Артаньяна, несмотря на то что сердце его изрядно очерствело.

Он не сожалел о том, что увлек Портоса на путь, опасный для его жизни и благополучия, ибо Портос охотно рискнул бы всем этим ради баронского титула, о котором мечтал пятнадцать лет; но Мушкетон-то желал только одного: чтобы его звали Мустоном; так не жестоко ли было отрывать его от блаженной и сытой жизни? Д'Артаньян раздумывал об этом, когда вернулся Портос.

— За стол, — сказал Портос.

— Как за стол? — спросил д'Артаньян. — Который же теперь час?

— Уже второй, мой милый.

— Ваше обиталище, Портос, просто рай: здесь забываешь о времени. Я следую за вами, хоть я и не голоден.

— Идем, идем. Если не всегда можно есть, то пить всегда можно; это один из принципов бедняги Атоса, и в его правоте я убедился с тех пор, как начал скучать.

Д'Артаньян, который, как истый гасконец, был по натуре весьма умерен, по-видимому, не очень верил в правильность аксиомы Атоса; все-таки он старался по мере сил не отставать от своего хозяина.

Однако, глядя, как ест Портос, и сам усердно прихлебывая вино, д'Артаньян не мог отделаться от мысли о Мушкетоне, тем более что Мушкетон, не прислуживая сам за столом, что при нынешнем

положении было бы ниже его достоинства, то и дело появлялся у дверей и выказывал свою благодарность д'Артаньяну, посылая им вина самые лучшие и самые выдержанные.

Поэтому, когда за десертом Портос по знаку д'Артаньяна отпустил лакеев и друзья остались вдвоем, д'Артаньян обратился к Портосу:

— А кто же будет вас сопровождать в поход, Портос?

— Конечно же, Мустон,— ответил спокойно Портос.

Это было ударом для д'Артаньяна. Ему уже представилось, как переходит в скорбную гримасу радушная улыбка управителя.

— А ведь Мустон,— сказал д'Артаньян,— уже не первой молодости, мой милый; к тому же он разжирел и, может быть, утратил навык к боевой службе.

— Я знаю, но я привык к нему. Да, впрочем, он и сам не захочет покинуть меня: он слишком меня любит.

«О, слепое самолюбие!» — подумал д'Артаньян.

— Но ведь и у вас самого, кажется, служит все тот же лакей: этот добрый, храбрый, сметливый... как бишь, его зовут?

— Планше. Да, он снова у меня, но теперь он больше не лакей.

— А кто же?

— На свои тысячу шестьсот ливров,— помните, те деньги, которые он заработал при осаде Ла-Рошели, доставив письмо лорду Винтеру,— он открыл лавочку на улице Менял и стал кондитером.

— Так он кондитер на улице Менял? Зачем же он у вас служит?

— Он немножко напроказил и боится неприятностей.

И мушкетер рассказал своему другу, как он встретил Планше.

— Да, милый мой,— сказал Портос,— что если б кто-нибудь сказал вам в былое время, что Планше спасет Рошфора, а вы потом укроете его от преследования?

— Я не поверил бы. Но что поделаешь? События меняют человека.

— Совершенно верно,— согласился Портос,— но что не меняется или, вернее, что меняется к лучшему — это вино. Отведайте-ка испанское, которое так ценил наш друг Атос: это херес.

В эту минуту управитель вошел за приказаниями относительно завтрашнего меню, а также предполагаемой охоты.

— Скажи-ка, Мустон,— спросил Портос,— мое оружие в порядке?

Д'Артаньян забарабанил по столу пальцами, чтобы скрыть свое смущение.

— Ваше оружие, монсеньер? — спросил Мушкетон.— Какое оружие?

— Да мои доспехи, черт возьми!

— Какие доспехи?

— Боевые доспехи.

— Да, монсеньер, я так думаю, по крайней мере.

— Осмотри их завтра и, если понадобится, вели почистить. Какая лошадь у меня самая резвая?

— Вулкан.

— А самая выносливая?

— Баярд.

— А ты какую больше всего любишь?

— Я люблю Рюсто, монсеньер, это славная лошадка, мы с ней прекрасно ладим.

— Она вынослива, не правда ли?

— Помесь нормандской породы с мекленбургской. Может бежать день и ночь без передышки.

— Как раз то, что нам нужно. Ты приготовишь к походу этих трех лошадей и вычистишь или велишь вычистить мое оружие; да пистолеты для себя и охотничий нож.

— Значит, мы отправляемся путешествовать? — тревожно спросил Мушкетон.

Д'Артаньян, выстукивавший до сих пор неопределенные аккорды, забарабанил марш.

— Получше того, Мустон! — ответил Портос.

— Мы едем в поход, сударь? — спросил управитель, и розы на его лице сменились лилиями.

— Мы опять поступаем на военную службу, Мустон! — ответил Портос, стараясь лихо закрутить усы и придать им воинственный вид, от которого они давно отвыкли.

Едва раздалась эти слова, как Мушкетон затрепетал; его толстые с красноватыми прожилками щеки дрожали. Он взглянул на д'Артаньяна с таким невыразимо грустным упреком, что офицер не мог вынести этого без волнения. Потом он пошатнулся и сдавленным голосом спросил:

— На службу? На службу в королевской армии?

— И да и нет. Мы будем опять сражаться, искать всяких приключений, словом, будем вести прежнюю жизнь.

Последние слова как громом поразили Мушкетона. Именно эта самая ужасная «прежняя жизнь» и делала «теперешнюю» столь приятной.

— О господи! Что я слышу? — воскликнул Мушкетон, бросая еще более умоляющий взгляд на д'Артаньяна.

— Что делать, мой милый Мустон! — сказал д'Артаньян. — Значит, судьба...

Несмотря на то, что д'Артаньян постарался не называть его на «ты» и выговорил его имя так, как хотелось Мушкетону, тот все же почувствовал удар, и удар был столь ужасен, что он вышел, забыв от волнения затворить двери.

— Славный Мушкетон! Он сам не свой от радости, — сказал Портос тоном, которым Дон-Кихот, вероятно, поощрял Санчо седлать своего Серого для последнего похода.

Оставшись одни, друзья заговорили о будущем и принялись строить воздушные замки. От славного винца Мушкетона, д'Артаньяну уже мерещились груды сверкающих черновцев и пистолетов, а Портосу — голубая лента и герцогская мантия. Во всяком случае они оба дремали за столом, когда слуги пришли, чтобы пригласить их лечь в постель.

На следующее утро, однако, д'Артаньян несколько утешил Мушкетона, объяснив ему, что война, по всей вероятности, будет все время

вестись в самом Париже и поблизости от замка Валлон, расположенного в окрестностях Корбейля, или же около Брасье, лежащего близ Мелена, а также возле Пьерфона, находящегося между Компьнем и Вилье-Котре.

— Но мне кажется, что прежде...— робко начал Мушкетон.

— О! — сказал д'Артаньян.— Нынче война ведется не так, как прежде. Теперь все дело только в дипломатии: спросите об этом Планше.

Мушкетон пошел наводить справки у своего старого друга, который подтвердил ему все, что сказал д'Артаньян.

— Только,— прибавил он,— в этой войне пленников подчас вешают.

— Черт возьми,— сказал Мушкетон,— кажется, я все же предпочел бы осаду Ла-Рошели.

А Портос предоставил своему гостю случай убить на охоте косулю, обошел с ним и свои леса, и свои горы, и свои пруды, показал ему своих борзых, свою свору гончих, Гредине, одним словом, все чем он владел, наконец трижды угостил д'Артаньяна как нельзя более пышно и, когда тот стал собираться в путь, потребовал у него точных распоряжений.

— Сделаем так, мой друг,— сказал ему посланец Мазарини.— Мне нужно четыре дня, чтобы доехать отсюда до Блуа; день провести там; три или четыре — на возвращение в Париж. Выезжайте отсюда через неделю со всем необходимым; остановитесь на Тиктонской улице, в гостинице «Козочка», и ждите моего возвращения.

— Решено,— сказал Портос.

— Я еду к Атосу без всякой надежды на успех. Но, хоть я и думаю, что он никуда не годится, все же нужно соблюдать приличия в отношении друзей.

— Не поехать ли и мне с вами? — сказал Портос.— Это меня несколько развлечет.

— Возможно, меня тоже. Но вы не успеете сделать нужные приготовления.

— Правда. Поезжайте, желаю вам успеха. Мне не терпится принять за дело.

— Отлично! — сказал д'Артаньян.

И они расстались на рубеже пьерфонских владений, до которого Портос пожелал проводить своего друга.

— По крайней мере,— сказал д'Артаньян, скача по дороге на Вилье-Котре,— я буду не один. Этот молодчина Портос еще исполнен сил. Если Атос согласится, отлично. Мы тогда втроем посмеемся над Арамисом, этим повесой в рясе.

Из Вилье-Котре он написал кардиналу:

«Монсеньер, одного я уже могу предложить вашему преосвященству, а этот один стоит двадцати. Я еду в Блуа, так как граф де Ла Фер живет в замке Бражелон в окрестностях этого города».

Затем он поскакал по дороге в Блуа, болтая с Планше, весьма развлекавшим его в продолжение долгого путешествия.

орога предстояла долгая, но д'Артаньяна это ничуть не тревожило: он знал, что его лошади хорошо отдохнули у полных яслей владельца замка Брасье. Он спокойно пустился в четырехдневный или пятидневный путь, который ему предстояло проделать в сопровождении верного Планше.

Как мы уже говорили, оба спутника, чтоб убить дорожную скуку, все время ехали рядом, переговариваясь друг с другом. Д'Артаньян мало-помалу перестал держать себя барином, а Планше понемногу сбросил личину лакея. Этот тонкий плут, превратившись в торговца, не раз с сожалением вспоминал былые пирушки в пути, а также беседы и блестящее общество дворян. И, сознавая за собой известные достоинства, считал, что унижает себя постоянным общением с грубыми людьми.

Вскоре он снова стал поверенным того, кого продолжал еще называть своим барином. Д'Артаньян много лет уже не открывал никому своего сердца. Вышло так, что эти люди, встретившись снова, отлично поладили между собой.

Да и правду сказать, Планше был неплохим спутником в приключениях. Он был человек сметливый; не ища особенно опасностей, он не отступал в бою, в чем д'Артаньян не раз имел случай убедиться. Наконец, он был в свое время солдатом, а оружие облагораживает. Но главное было в том, что если Планше нуждался в д'Артаньяне, то и сам был ему весьма полезен. Так что они прибыли в Блау почти друзьями.

В пути, постоянно возвращаясь к занимавшей его мысли, д'Артаньян говорил, качая головой:

— Я знаю, что мое обращение к Атосу бесполезно и нелепо, но я обязан оказать это внимание моему другу, имевшему все задатки человека благородного и великодушного.

— Что и говорить! Господин Атос был истинный дворянин! — сказал Планше.

— Не правда ли? — подхватил д'Артаньян.

— У него деньги сыпались, как град с неба, — продолжал Планше, — и шпагу он обнажал, словно король. Помните, сударь, дуэль с англичанами возле Кармелитского монастыря? Ах, как хорош и великолепен был в тот день господин Атос, заявивший своему противнику: «Вы потребовали, чтобы я назвал вас свое имя, сударь? Тем хуже для вас, так как теперь мне придется вас убить». Я стоял около него и слышал все слово в слово. А его взгляд, сударь, когда он пронзил своего противника, как заранее предсказал, и тот упал, не успев и охнуть! Ах, сударь, еще раз скажу: это был истинный дворянин!

— Да, — сказал д'Артаньян, — это чистейшая правда, но один недостаток погубил все его достоинства.

— Да, помню, — сказал Планше, — он любил-таки выпить или, скажем прямо, изрядно пил. Только и пил он не как другие. Его глаза ничего не выражали, когда он подносил стакан к губам. Право, никогда молчание не бывало так красноречиво. Мне так и казалось, что я слышу, как он бормочет: «Лейся, влага, и прогони мою печаль!» А как он отбивал ножки у рюмок или горлышки у бутылки! В этом с ним никто бы не мог потягаться.

— Какое грустное зрелище нас ждет сегодня, — продолжал д'Артаньян. — Благородный дворянин с гордой осанкой, прекрасный боец, так блестяще проявлявший себя на войне, что все дивились, почему он держит в руке простую шпагу, а не маршальский жезл, явится нам согбенным стариком с красным носом и слезящимися глазами. Мы найдем его где-нибудь на лужайке в саду; он взглянет на нас мутными глазами и, может быть, даже не узнает нас. Бог свидетель, Планше, я охотно избежал бы этого грустного зрелища, — продолжал д'Артаньян, — если бы не хотел доказать своего уважения славной тени доблестного графа де Ла Фер, которого мы так любили.

Планше молча кивнул головой; видно было, что он разделяет все опасения своего господина.

— Вдобавок ко всему, — продолжал д'Артаньян, — дряхлость, ведь Атос теперь уже стар. Может быть, и бедность, потому что он не берег того немногого, что имел. И засаленный Гримо, еще более молчаливый, чем раньше, и еще более горький пьяница, чем его хозяин... Ах, Планше, все это разрывает мне сердце!

— Мне кажется, что я уже так и вижу, как он пошатывается, едва ворочая языком, — с состраданием сказал Планше.

— Признаюсь, я побаиваюсь, как бы Атос, охваченный под пьяную руку воинственным пылом, не принял бы мое предложение. Это будет для нас с Портосом большим несчастьем, а главное, просто помехой; но мы его бросим после первой же попойки, вот и все. Он проспитя и поймет.

— Во всяком случае, сударь, — сказал Планше, — скоро все выяснится. Мне кажется, вон те высокие стены, красные от лучей заходящего солнца, это уже Блуа.

— Возможно, — ответил д'Артаньян, — а эти островерхие, резные колоколенки, что виднеются там в лесу налево, напоминают, по рассказам, Шамбор.

— Мы въедем в город?

— Разумеется, чтоб навести справки.

— Советую вам, сударь, если мы будем в городе, отведать там сливок в маленьких горшочках: их очень хвалят; к сожалению, в Париж их возить нельзя и приходится пить только на месте.

— Ну так мы их отведаем, будь спокоен, — отвечал д'Артаньян.

В эту минуту тяжелый, запряженный волами воз, на каких обычно возят к пристаням на Луаре срубленные в тамошних великолепных лесах деревья, выехал с изрезанного колеями проселка на большую дорогу, по которой скакали наши всадники. Воз сопровождал человек, державший в руках длинную жердь с гвоздем на конце; этой жердью он подбадривал своих медлительных животных.

— Эй, приятель! — окликнул Планше погонщика.

— Что угодно вашей милости? — спросил крестьянин на чистом и правильном языке, свойственном жителям этой местности и способном пристыдить парижских блюстителей грамматики с Сорбоннской площади и Университетской улицы.

— Мы разыскиваем дом графа де Ла Фер, — сказал д'Артаньян. — Приходилось вам слышать это имя среди имен окрестных владельцев? Услышав эту фамилию, крестьянин снял шляпу.

— Бревна, что я везу, ваша милость, — ответил он, — принадлежат ему. Я вырубил их в его роще и везу в его замок.

Д'Артаньян не желал расспрашивать этого человека. Ему было бы неприятно услышать от постороннего то, о чем он говорил Планше.

— Замок! — повторил про себя д'Артаньян. — Замок! А, понимаю. Атос шутить не любит; наверно, он, как Портос, заставил крестьян величать себя монсеньером, а свой домишко — замком. У милейшего Атоса рука всегда была тяжелая, в особенности когда он выпьет.

Волы шли медленно. Д'Артаньян и Планше ехали позади воза. Наконец такой аллур им наскучил.

— Так, значит, эта дорога ведет в замок, — спросил д'Артаньян погонщика, — и мы можем ехать по ней без риска заблудиться?

— Конечно, сударь, конечно, — отвечал тот, — можете ехать прямо, вместо того чтоб скучать, плетясь за такими медлительными животными. Не проедете и полумили, как увидите справа от себя замок; отсюда не видно: тополя его скрывают. Этот замок еще не Бражелон, а Лавальер. Поезжайте дальше. В трех мушкетных выстрелах отсюда будет большой белый дом с черепичной крышей, построенный на холме под огромными кленами, — это и есть замок графа де Ла Фер.

— А как длинна эта полумиля? — спросил д'Артаньян. — В нашей прекрасной Франции бывают разные мили.

— Десять минут хода для проворных ног вашей лошади, сударь.

Д'Артаньян поблагодарил погонщика и дал шпоры коню. Потом, невольное взволнованный при мысли, что снова увидит этого странного человека, который его так любил, который так помог своим словом и примером воспитанию в нем дворянина, он мало-помалу стал сдерживать лошадь и продолжал путь шагом, опустив в раздумье голову.

Встреча с крестьянином и его поведение дали и Планше повод к серьезным размышлениям. Никогда еще, ни в Нормандии, ни во Франш-Конте, ни в Артуа, ни в Пикардии, — областях, где он больше всего живал, — не встречал он у крестьян такой простоты в обращении, такой степенности, такой чистоты языка. Он готов был думать, что встретил какого-нибудь дворянина, фрондера, как и он, который по политическим причинам был вынужден, тоже как он, переменить обличие.

Возчик сказал правду: вскоре за поворотом дороги глазам путников предстал замок Лавальер; а вдали, на расстоянии примерно с четверть мили, в зеленой рамке громадных кленов, на фоне густых деревьев, которые весна запушила снегом цветов, выделялся белый дом. Увидев все это, д'Артаньян, которого нелегко было растрогать,

ощутил в сердце своем странный трепет: такую власть имеют над нами в течение всей нашей жизни впечатления молодости.

Планше, не имевший поводов так волноваться и удивленный возбуждением своего барина, поглядывал то на д'Артаньяна, то на дом.

Мушкетер проехал еще несколько шагов и очутился перед решеткой, сделанной с большим вкусом, который отличает металлические изделия того времени.

За решеткой виднелись отличные огороды и довольно просторный двор, где лакеи в разнообразных ливреях держали под уздцы горячих верховых лошадей и стояла карета, запряженная парой лошадей местной породы.

— Мы сбились с дороги, или тот человек обманул нас,— сказал д'Артаньян.— Не может быть, чтобы здесь жил Атос. Боже мой, неужели он умер и это имение перешло к какому-нибудь из его родственников! Сойди с лошади, Планше, и пойди разузнай. Признаюсь, у меня не хватает храбрости.

Планше соскочил с лошади.

— Ты скажешь,— продолжал д'Артаньян,— что один дворянин, находящийся здесь проездом, желает засвидетельствовать свое почтение графу де Ла Фер, и если ответ будет благоприятный, тогда можешь назвать мою фамилию.

Планше, ведя лошадь под уздцы, подошел к воротам и позвонил. На звонок тотчас же вышел седой лакей, несмотря на свой возраст державшийся вполне прямо.

— Здесь живет граф де Ла Фер? — спросил Планше.

— Да, здесь, сударь,— ответил слуга, так как Планше не был одет в ливрею.

— Отставной военный, не так ли?

— Совершенно верно.

— У которого был лакей по имени Гримо? — спрашивал Планше, с обычной своей осторожностью считавший, что лишняя справка не помешает.

— Господин Гримо сейчас в отъезде,— ответил лакей, не привыкший к подобным допросам и начинавший уже оглядывать Планше с головы до ног.

— В таком случае,— сказал радостно Планше,— я вижу, что это тот самый граф де Ла Фер, которого мы ищем. Откройте мне, пожалуйста, я хотел бы доложить графу, что мой господин, его друг, приехал сюда и желает его видеть.

— Что же вы раньше этого не сказали? — ответил лакей, отворяя ворота.— Но где же ваш господин?

— Он едет за мной.

Лакей отворил ворота и пропустил Планше. Тот сделал знак д'Артаньяну, который въехал во двор, испытывая небывалое волнение.

Взойдя на крыльцо, Планше услышал, как кто-то говорил в нижней зале:

— Где же этот дворянин? Отчего вы не проведете его сюда?

Этот голос, донесшийся до д'Артаньяна, пробудил в его сердце тысячу ощущений, тысячу забытых воспоминаний. Он поспешно

скакочил с лошади, между тем как Планше, с улыбкой на губах, уже подходил к хозяину дома.

— Да ведь я знаю этого молодца! — сказал Атос, появляясь на пороге.

— О да, господин граф, вы меня знаете, и я также вас хорошо знаю. — Я — Планше, господин граф. Планше, помните ли...

Но тут честный слуга запнулся, пораженный наружностью Атоса.

— Что? Планше? — вскричал Атос. — Неужели д'Артаньян здесь?

— Я здесь, мой друг! Я здесь, дорогой Атос! — пробормотал, чуть не шатаясь, д'Артаньян.

Теперь и прекрасное, спокойное лицо Атоса изобразило сильное волнение. Не спуская глаз с д'Артаньяна, он сделал два быстрых шага к нему навстречу и нежно обнял его. Д'Артаньян, оправившись от смущения, в свою очередь, сердечно, со слезами на глазах обнял друга.

Тогда Атос, взяв его за руку и крепко сжимая ее в своей, ввел д'Артаньяна в гостиную, где находилось несколько гостей. Все встали.

— Позвольте вам представить, господа, — сказал Атос, — шевалье д'Артаньяна, лейтенанта мушкетеров его величества, моего искреннего друга и одного из храбрейших и благороднейших дворян, каких я знаю.

Д'Артаньян, как водится, выслушал приветствия присутствующих, ответил на них, как умел, и присоединился к обществу, а когда прерванный на минуту разговор возобновился, принялся рассматривать Атоса.

Странное дело! Атос почти не постарел. Его прекрасные глаза, без темных кругов от бессонницы и пьянства, казалось, стали еще больше и еще яснее, чем прежде. Его овальное лицо, утратив нервную подвижность, стало величавее. Прекрасные и по-прежнему мускулистые, хотя и тонкие руки, в пышных кружевных манжетах, сверкали белизной, как руки на картинах Тициана и Ван-Дейка. Он стал стройней, чем прежде; его широкие, хорошо развитые плечи говорили о необыкновенной силе. Длинные черные волосы с чуть пробивающейся сединой, волнистые от природы, красиво падали на плечи. Голос был по-прежнему свеж, словно Атосу было все еще двадцать пять лет. Безупречно сохранившиеся прекрасные белые зубы придавали невыразимую прелесть улыбке.

Между тем гости, почувствовав по чуть приметной холодности разговора, что друзья сгорают желанием остаться наедине, стали с изысканной вежливостью того времени один за другим подниматься — прощанье с хозяином всегда было важным делом у людей высшего общества. Но тут со двора послышался громкий лай собаки, и несколько человек в один голос воскликнули:

— Вот и Рауль вернулся!

При имени Рауля Атос взглянул на д'Артаньяна: как бы желая подметить любопытство, которое должно было возбудить в том это новое имя. Но д'Артаньян был так поражен всем виденным, что ничего еще толком не понимал; поэтому он довольно безразлично обернулся, когда в гостиную вошел красивый юноша лет пятнадцати, просто, но со вкусом одетый, и изящно поклонился, сняв шляпу с длинными красными перьями.

Тем не менее приход этого нового, совершенно неожиданного лица поразил д'Артаньяна. Множество мыслей зародилось у него в уме, подсказывая ему объяснение перемены в Атосе, казавшейся ему до сих пор необъяснимой. Поразительное сходство Атоса с молодым человеком проливало свет на тайну его перерождения. Д'Артаньян стал выжидать, присматриваясь и прислушиваясь.

— Вы уже вернулись, Рауль? — сказал граф.

— Да, сударь, — почтительно ответил молодой человек, — я исполнил ваше поручение.

— Но что с вами, Рауль? — заботливо спросил Атос. — Вы бледны и как будто взволнованны.

— Это потому, что с нашей маленькой соседкой случилось несчастье.

— С мадмуазель Лавальер? — живо спросил Атос.

— Что такое? — раздалось несколько голосов.

— Она гуляла со своей Марселиной в лесу, где дровосеки обтесывают бревна; я увидел ее, проезжая мимо, и остановился. Она тоже меня увидела, хотела прыгнуть ко мне с кучи бревен, на которую взобралась, но оступилась, бедняжка, упала и не могла подняться. Мне кажется, она вывихнула себе ногу.

— О боже мой! — воскликнул Атос. — А госпожа де Сен-Реми, ее мать, знает об этом?

— Нет, госпожа де Сен-Реми в Блуа, у герцогини Орлеанской. Я побоялся, что девочке недостаточно хорошо оказали первую помощь, и прискакал спросить вашего совета.

— Пошлите в Блуа, Рауль! Или лучше садитесь на коня и скачите туда сами.

Рауль поклонился.

— А где Луиза? — продолжал граф.

— Я доставил ее сюда, граф, и положил у жены Шарло, которая покамест заставляет ее держать ногу в воде со льдом.

Это известие послужило гостям предлогом для ухода. Они поднялись и стали прощаться с Атосом. Один только старый герцог де Барбье, двадцать лет бывший в дружбе с семьей Лавальер, пошел навестить маленькую Луизу, которая заливалась слезами; но, увидев Рауля, она отерла свои прелестные глазки и сейчас же улыбнулась.

Герцог предложил отвезти ее в Блуа в своей карете.

— Вы правы, сударь, — согласился Атос, — ей лучше поскорее ехать к матери; но я уверен, Рауль, что во всем повинно ваше безрассудство.

— Нет, сударь, клянусь вам! — воскликнула девочка, между тем как юноша побледнел от мысли, что, быть может, он виновник такой беды.

— Уверю вас, сударь... — пролепетал Рауль.

— Тем не менее вы отправитесь в Блуа, — добродушно продолжал граф, — и попросите у госпожи де Сен-Реми прощения и себе и мне, а потом вернетесь обратно.

Румянец снова выступил на щеках юноши. Он спросил взглядом разрешения у Атоса, приподнял уже юношески сильными руками заплаканную и улыбающуюся девочку, которая прижалась к его плечу своей

головкой, и осторожно посадил ее в карету; затем он вскочил на лошадь с ловкостью и проворством опытного наездника и, поклонившись Атосу и д'Артаньяну, поскакал рядом с каретой, не отрывая глаз от ее окна.

Глава 16

ЗАМОК БРАЖЕЛОН

'Артаньян глядел на эту сцену, вытаращив глаза и чуть не разинув рот: все это было так не похоже на то, чего он ожидал, что он не мог прийти в себя от изумления. Атос взял его под руку и увел в сад.

— Пока нам готовят ужин, вы мне позволите, не правда ли, друг мой, — сказал он, улыбаясь, — несколько разъяснить загадку, над которой вы ломаете себе голову?

— Разумеется, господин граф, — сказал д'Артаньян, вновь почувствовав то огромное превосходство, которое Атос всегда имел над ним. Атос поглядел на него с добродушной улыбкой.

— Прежде всего, мой милый д'Артаньян, — сказал Атос, — здесь нет графа. Если я назвал вас шевалье, то для того лишь, чтобы представить вас моим гостям и чтобы они знали, кто вы такой; но для вас, д'Артаньян, надеюсь, я по-прежнему Атос, ваш товарищ и друг. Может быть, вы предпочитаете церемонность, потому что любите меня меньше, чем прежде?

— Упаси боже! — воскликнул гасконец с честным молодым порывом, которые так редки у людей зрелых.

— Ну, так вернемся к нашим старым обычаям и для начала будем откровенны. Вас все здесь удивляет, не правда ли?

— Чрезвычайно.

— И больше всего я сам? — с улыбкой прибавил Атос. — Признайтесь.

— Признаюсь.

— Я еще молод, не правда ли; несмотря на мои сорок девять лет, меня все еще можно узнать?

— Напротив, — ответил д'Артаньян, готовый до конца воспользоваться предложенной Атосом откровенностью, — вы совсем неузнаваемы.

— Понимаю! — сказал Атос, слегка покраснев. — Всему бывает конец, д'Артаньян, и этому сумасбродству, как всему другому.

— К тому же, и ваши денежные дела изменились, как мне кажется. Вы живете в довольстве, — ведь этот дом ваш, я полагаю?

— Да. Это то самое имение, которое, как я говорил вам, досталось мне в наследство, когда я вышел в отставку.

— У вас есть парк, лошади, охота...

Атос улыбнулся.

— В парке двадцать акров; но из них часть взята под огороды и службы. Лошадей у меня всего две; я, понятно, не считаю кургузого

конька, принадлежащего моему лакею. Охота ограничивается четырьмя ищейками, двумя борзыми и одной легавой. Да и вся эта охотничья роскошь заведена не для меня,— прибавил Атос, улыбаясь.

— Понятно,— сказал д'Артаньян,— это для молодого человека, для Рауля.

И д'Артаньян с невольной улыбкой посмотрел на Атоса.

— Вы угадали, мой друг,— ответил последний.

— А этот молодой человек — ваш питомец, ваш крестник, ваш родственник, быть может? Ах, как вы переменялись, мой дорогой Атос!

— Этот молодой человек,— спокойно ответил Атос, — сирота, которого мать подкинула одному бедному сельскому священнику; я вырастил и воспитал его.

— И он, вероятно, очень к вам привязан?

— Я думаю, что он любит меня как отца.

— И, наконец, исполнен признательности?

— О, что касается признательности, то она должна быть взаимной: я обязан ему столько же, сколько он мне. Я не говорю ему этого, но вам, д'Артаньян, скажу правду: в сущности, я в долгу у него.

— Как так? — удивился мушкетер.

— Конечно, боже мой, как же иначе! Ведь он причина перемены, которую вы видите во мне. Я засыхал, как жалкое срубленное дерево, лишённое всякой связи с землей; и только сильная привязанность могла заставить меня пустить новые корни в жизнь. Любовница? Я был для этого стар. Друзья? Вас уже не было со мной. И вот в этом ребенке я вновь обрел все, что потерял. Не имея более мужества жить себя, я стал жить для него. Наставления полезны для ребенка, но добрый пример еще лучше. Я подавал ему пример, д'Артаньян. Я исправился от своих пороков и открыл в себе добродетели, которых раньше не имел. И полагаю, что не преувеличиваю, д'Артаньян. Рауль должен стать совершеннейшим дворянином, какого только наше обнищавшее время способно породить.

Д'Артаньян смотрел на Атоса с возрастающим восхищением. Они прогуливались в прохладной тенистой аллее, сквозь листву которой пробивались косые лучи заходящего солнца. Один из этих золотых лучей осветил лицо Атоса, глаза которого, казалось, излучали такой же теплый спокойный вечерний свет.

Неожиданно д'Артаньян вспомнил о миледи.

— И вы счастливы? — спросил он своего друга.

Острый взгляд Атоса проник в самую глубину сердца д'Артаньяна и словно прочел его мысли.

— Так счастлив, как только может быть счастлив на земле человек. Но договаривайте вашу мысль, д'Артаньян, ведь вы не все мне сказали.

— Вы проницательны, Атос, от вас ничего невозможно скрыть,— сказал д'Артаньян.— Да, я хотел вас спросить, не испытываете ли вы порой внезапных приступов ужаса, похожих на...

— Угрызения совести? — подхватил Атос.— Я договариваю вашу фразу, мой друг. И да и нет. Я не испытываю угрызений совести, потому что эта женщина, как я полагаю, заслужила по-

несенную ею кару. Совесть меня не мучит, потому что, если ее оставить в живых, она, без сомнения, продолжала бы свое пагубное дело. Однако, мой друг, это не значит, чтобы я был убежден в нашем праве сделать то, что мы сделали. Быть может, всякая пролитая кровь требует искупления. Миледи уже поплатилась; может быть, в свою очередь, это предстоит и нам.

— Я иногда думаю то же самое, Атос,— сказал д'Артаньян.

— У этой женщины был, кажется, сын?

— Да.

— Вы слыхали о нем что-нибудь?

— Ничего.

— Ему, должно быть, теперь двадцать три года,— прошептал Атос.— Я часто думаю об этом молодом человеке, д'Артаньян.

— Вот странно. А я совсем забыл о нем.

Атос грустно улыбнулся.

— А о лорде Винтере вы имеете известия?

— Я знаю, что он был в большой милости у короля Карла Первого.

— И, вероятно, разделяет его судьбу, а она в настоящий момент печальна. Смотрите, д'Артаньян,— продолжал Атос,— это совершенно совпадает с тем, что я сейчас сказал. Он пролил кровь Страффорда. Кровь требует крови. А королева?

— Какая королева?

— Генриэтта Английская, дочь Генриха Четвертого.

— Она в Лувре, как вам известно.

— Да, и она очень нуждается, не правда ли? Во время сильных холодов нынешней зимой ее больная дочь, как мне говорили, вынуждена была оставаться в постели, потому что не было дров. Понимаете ли вы это? — сказал Атос, пожимая плечами.— Дочь Генриха Четвертого дрожит от холода, не имея вязанки дров! Зачем не обратилась она к любому из нас, вместо того чтобы просить гостеприимства у Мазарини? Она бы ни в чем не нуждалась.

— Так вы ее знаете, Атос?

— Нет, но моя мать знавала ее ребенком. Я вам говорил, что моя мать была статс-дамой Марии Медичи?

— Никогда. Вы ведь не любите говорить о таких вещах, дорогой Атос.

— Ах, боже мой, совсем напротив, как вы сами видите,— ответил Атос.— Просто случая не было.

— Портос не ждал бы его так терпеливо,— сказал, улыбаясь, д'Артаньян.

— У всякого свой нрав, милый д'Артаньян. Портос, если забыть о его тщеславии, обладает большими достоинствами. Вы с ним виделись с тех пор?

— Я расстался с ним пять дней тому назад,— сказал д'Артаньян.

И тотчас же, со свойственным гасконцам живым юмором, он рассказал о великолепной жизни Портоса в его замке Пьерфон. А разбирая по косточкам Портоса, он задел два-три раза и достойного господина Мустона.

— Замечательно, — ответил Атос, улыбаясь шуткам своего друга, напомиравшим ему их славные дни, — замечательно, что мы тогда сошлись случайно и до сих пор соединены самой тесной дружбой, не смотря на двадцать лет разлуки. В благородных сердцах, д'Артаньян, дружба пускает глубокие корни. Поверьте, только злой человек может отрицать дружбу, и лишь потому, что он ее не понимает. А Арамис?

— Я его тоже видел, но он, мне показалось, был со мной холоден.

— Так вы виделись с Арамисом? — сказал Атос, пристально глядя на д'Артаньяна. — Право же, вы предприняли паломничество по храмам дружбы, говоря языком поэтов.

— Ну, конечно, — ответил смущенно д'Артаньян.

— Арамис, вы сами знаете, — продолжал Атос, — по природе холоден; к тому же он постоянно запутан в интригах с женщинами.

— У него и сейчас очень сложная интрига, — заметил д'Артаньян. Атос ничего не ответил.

«Он не любопытен», — подумал д'Артаньян.

Атос не только не ответил, но даже переменял разговор.

— Вот видите, — сказал он, обращая внимание д'Артаньяна на то, что они уже подошли к замку. — Погуляв часок, мы обошли почти все мои владения.

— Все в них очаровательно, а в особенности то, что во всем чувствуется их владелец, — ответил д'Артаньян.

В эту минуту послышался конский топот.

— Это Рауль возвращается, он нам расскажет о бедной крошке.

Действительно, молодой человек, весь в пыли, показался за решеткой и скоро въехал во двор; он соскочил с лошади и, передав ее конюху, поклонился графу и д'Артаньяну.

— Этот господин, — сказал Атос, положив руку на плечо д'Артаньяна, — шевалье д'Артаньян, о котором я вам часто говорил, Рауль.

— Господин д'Артаньян, — сказал юноша, кланяясь еще ниже, — граф всегда называл мне ваше имя, когда хотел привести в пример отважного и великодушного дворянина.

Этот маленький комплимент тронул сердце д'Артаньяна. Протягивая руку Раулю, он отвечал:

— Мой юный друг, все такие похвалы надо обращать к графу, потому что это он воспитал меня, и не его вина, если ученик так плохо использовал его уроки. Но вы его вознаградите лучше, в этом я уверен. Вы нравитесь мне, Рауль, и ваша любезность тронула меня.

Атосу были чрезвычайно приятны эти слова; он благодарно взглянул на д'Артаньяна, потом улыбнулся Раулю той странной улыбкой, которая заставляет детей, когда они ее замечают, гордиться собой.

«Теперь, — подумал д'Артаньян, от которого не ускользнула немая игра их лиц, — я в этом уверен».

— Надеюсь, — сказал Атос, — несчастный случай не имел последствий?

— Еще ничего не известно, сударь. Из-за опухоли доктор ничего не мог сказать определенного. Он опасается все-таки, не повреждено ли сухожилие.

— И вы не остались дольше у госпожи де Сен-Реми?

— Я боялся опоздать к ужину, сударь, и заставить вас ждать себя.

В эту минуту крестьянский парень, заменявший лакея, доложил, что ужин подан.

Атос проводил гостя в столовую. Она была обставлена очень просто, но ее окна с одной стороны выходили в сад, а с другой — в оранжерею с чудесными цветами.

Д'Артаньян взглянул на сервировку, — она была великолепна; с первого взгляда было видно, что это все — старинное фамильное серебро.

На поставце стоял превосходный серебряный кувшин. Д'Артаньян подошел, чтобы посмотреть на него.

— Какая дивная работа! — сказал он.

— Да, — ответил Атос, — это образцовое произведение одного великого флорентийского мастера, Бенвенуто Челлини.

— А что за битву оно изображает?

— Битву при Мариньяно, и как раз то самое мгновение, когда один из моих предков подает свою шпагу Франциску первому, сложившему свою. За это мой прадед Ангерран де Ла Фер получил орден святого Михаила. Кроме того, пятнадцать лет спустя король, не забывший, что он в течение трех часов бился шпагой своего друга Ангеррана, не сломав ее, подарил ему этот кувшин и шпагу, которую вы, вероятно, видели у меня прежде; тоже недурная чеканная работа. То было время гигантов. Мы все карлики в сравнении с теми людьми. Садитесь, д'Артаньян, давайте поужинаем. Кстати, — обратился Атос к молодому лакею, подававшему суп, — позовите Шарло.

Паренек вышел, и спустя минуту вошел тот слуга, к которому наши путешественники обратились по приезде.

— Любезный Шарло, — сказал ему Атос, — поручаю вашему особенному вниманию Планше, лакея господина д'Артаньяна, на все время, пока они здесь пробудут. Он любил хорошее вино: ключи от погребов у вас. Ему часто приходилось спать на голой земле, и, вероятно, он не откажется от мягкой постели; позаботьтесь и об этом, пожалуйста.

Шарло поклонился и вышел.

— Шарло тоже милый человек, — сказал Атос. — Вот уже восемнадцать лет, как он мне служит.

— Вы очень заботливы, — сказал д'Артаньян. — Благодарю вас за Планше, мой дорогой Атос.

При этом имени молодой человек широко раскрыл глаза и посмотрел на графа, не понимая, к нему ли обращается д'Артаньян.

— Это имя кажется вам странным, Рауль? — сказал, улыбаясь, Атос. — Так звали меня товарищи по оружию. Я носил его в те времена, когда д'Артаньян, еще два храбрых друга и я проявляли свою храбрость у стен Ла-Рошели под начальством покойного кардинала и де Бассомпьера, ныне также умершего. Д'Артаньяну нравится по-ста-

тому звать меня этим дружеским именем, и всякий раз, когда я его слышу, мое сердце трепещет от радости.

— Это имя было знаменито, — сказал д'Артаньян, — и раз удостоилось триумфа.

— Как так, сударь? — спросил Рауль с юношеским любопытством.

— Право, я ничего не знаю об этом, — сказал Атос.

— Вы забыли о бастионе Сен-Жерве, Атос, и о той салфетке, которую три пули превратили в знамя? У меня память получше, я все помню, и сейчас вы узнаете об этом, молодой человек.

И он рассказал Раулю случай на бастионе, как раньше Атос рассказывал историю своего предка.

Молодой человек слушал д'Артаньяна так, словно перед ним воочию проходили подвиги из лучших времен рыцарства, о которых повествуют Тассо и Ариосто.

— Но д'Артаньян не сказал вам, Рауль, — сказал в свою очередь Атос, — что он был одним из лучших бойцов того времени: ноги крепкие, как железо, кисть руки гибкая, как сталь, безошибочный глазомер и пламенный взгляд, — вот какие качества обнаруживали в нем противники! Ему было восемнадцать лет, только на три года больше, чем вам теперь, Рауль, когда я в первый раз увидел его в деле, и против людей бывалых.

— И господин д'Артаньян остался победителем? — живо спросил юноша.

Глаза его горели и словно молили о подробностях.

— Кажется, я одного убил, — сказал д'Артаньян, спрашивая глазами Атоса, — а другого обезоружил или ранил, не помню точно.

— Да, вы его ранили. О, вы были страшный силач!

— Ну, мне кажется, я с тех пор не так уж ослабел, — ответил д'Артаньян, усмехнувшись с гасконским самодовольством. — Недавно еще...

Взгляд Атоса заставил его умолкнуть.

— Вот вы полагаете, Рауль, что ловко владеете шпагой, — сказал Атос, — но, чтобы вам не пришлось в том жестоко разочароваться, я хотел бы показать вам, как опасен человек, который с ловкостью соединяет хладнокровие. Я не могу привести более разительного примера: попросите завтра господина д'Артаньяна, если он не очень устал, дать вам урок.

— Но, черт побери, вы, милый Атос, ведь и сами хороший учитель и лучше всех можете обучить тому, за что хвалите меня. Не далее как сегодня Планше напоминал мне о знаменитом поединке возле Кармелитского монастыря с лордом Винтером и его приятелями. Ах, молодой человек, там не обошлось без участия бойца, которого я часто называл первой шпагой королевства.

— О, я испортил себе руку с этим мальчиком, — сказал Атос.

— Есть руки, которые никогда не портятся, мой дорогой Атос, но зато часто портят руки другим.

Молодой человек готов был продолжать разговор хоть всю ночь; но Атос заметил ему, что их гость, вероятно, утомлен и нуждается в

отдыхе. Д'Артаньян из вежливости протестовал, однако Атос настоял, чтобы он вступил во владение своей комнатой. Рауль проводил его туда. Но так как Атос предвидел, что он постарается там задержаться, чтоб заставить д'Артаньяна рассказывать о лихих делах их молодости, то через минуту он зашел за ним сам и закончил этот славный вечер дружеским рукопожатием и пожеланием спокойной ночи мушкетеру.

Глава 17

ДИПЛОМАТИЯ АТОСА

Д'Артаньян лег в постель, желая не столько уснуть, сколько остаться в одиночестве и обдумать все слышанное и виденное за этот вечер.

Будучи добрым по природе и ощутив к Атосу с первого взгляда инстинктивную привязанность, перешедшую впоследствии в искреннюю дружбу, он теперь был в восхищении, что нашел не опустившегося пьяницу, потягивающего вино, в грязи и бедности, а человека блестящего ума и в расцвете сил. Он с готовностью признал обычное превосходство над собою Атоса и вместо зависти и разочарования, которые почувствовал бы на его месте менее великодушный человек, ощутил только искреннюю, благородную радость, подкреплявшую самые радужные надежды на исход его предприятия.

Однако ему казалось, что Атос был не вполне прям и откровенен. Кто такой этот молодой человек? По словам Атоса,— его приемный, а между тем он так поразительно похож на своего приемного отца. Что означало возвращение к светской жизни и чрезмерная воздержанность, которую он заметил за столом? Даже незначительное, по-видимому, обстоятельство — отсутствие Гримо, с которым Атос был прежде неразлучен и о котором даже ни разу не вспоминал, несмотря на то, что поводов к тому было довольно,— все это беспокоило д'Артаньяна. Очевидно, он не пользовался больше доверием своего друга; быть может, Атос был чем-нибудь связан или даже был заранее предупрежден о его посещении.

Д'Артаньяну невольно вспомнился Рошфор и слова его в соборе Богоматери. Неужели Рошфор опередил его у Атоса?

Разбираться в этом не было времени. Д'Артаньян решил завтра же приступить к объяснению. Недостаток средств, так ловко скрываемый Атосом, свидетельствовал о желании его казаться богаче и выдавал в нем остатки былого честолюбия, разбудить которое не будет стоить большого труда. Сила ума и ясность мысли Атоса делали его человеком более восприимчивым, чем другие. Он согласится на предложение министра с тем большей готовностью, что стремление к награде удвоит его природную подвижность.

Эти мысли не давали д'Артаньяну уснуть, несмотря на усталость. Он обдумывал план атаки и, хотя знал, что Атос сильный противник, тем не менее решил открыть наступательные действия на следующий же день, после завтрака.

Однако же он думал и о том, что при столь неясных обстоятельствах следует подвигаться вперед с осторожностью, изучать в течение нескольких дней знакомых Атоса, следить за его новыми привычками, хорошенько понять их и при этом постараться извлечь из простодушного юноши, с которым он будет фехтовать или охотиться, добавочные сведения, недостающие ему для того, чтобы найти связь между прежним и теперешним Атосом. Это будет нетрудно, потому что личность наставника, наверное, сильно отразилась в сердце и уме воспитанника. Но в то же время д'Артаньян, сам будучи человеком проницательным, понимал, в каком невыгодном положении он может оказаться, если какая-нибудь неосторожность или неловкость с его стороны позволит опытному глазу Атоса заметить его уловки.

Кроме того, надо сказать, что д'Артаньян, охотно хитривший с лукавым Арамисом и тщеславным Портосом, стыдился кривить душой перед Атосом, человеком прямым и честным. Ему казалось, что, если бы он перехитрил Арамиса и Портоса, это заставило бы их только с большим уважением относиться к нему, тогда как Атос, напротив того, стал бы его меньше уважать.

— Ах, зачем здесь нет Гримо, молчаливого Гримо! — говорил д'Артаньян. — Я бы многое понял из его молчания. Гримо молчал так красноречиво!

Между тем в доме понемногу все затихало. Д'Артаньян слышал хлопанье запираемых дверей и ставней. Потом замолкли собаки, отвечавшие лаем на лай деревенских собак; соловей, притаившийся в густой листве деревьев и рассыпавший среди ночи свои мелодичные трели, тоже наконец уснул. В доме слышались только однообразные звуки размеренных шагов над комнатой д'Артаньяна; должно быть, там помещалась спальня Атоса.

«Он ходит и размышляет, — подумал д'Артаньян. — Но о чем? Узнать это невозможно. Можно угадать все что угодно, но только не это».

Наконец Атос, по-видимому, лег в постель, потому что и эти последние звуки затихли.

Тишина и усталость одолели наконец д'Артаньяна; он тоже закрыл глаза и тотчас же погрузился в сон.

Д'Артаньян не любил долго спать. Едва заря позолотила занавески, как он соскочил с кровати и открыл окна. Сквозь жалюзи он увидел, что кто-то бродит по двору, стараясь двигаться бесшумно. По своей привычке не оставлять ничего без внимания, д'Артаньян стал осторожно и внимательно всматриваться и узнал гранатовый колет и темные волосы Рауля.

Молодой человек — так как это был действительно он — отворил дверь конюшни, вывел гнедую лошадь, на которой ездил накануне, взнуздal и оседлал ее с проворством и ловкостью самого опытного конюха, затем провел лошадь по правой аллее плодового сада, отво-

рил боковую калитку, выходявшую на тропинку, вывел лошадь, запер калитку за собой, и д'Артаньян увидел, поверх стены, как он полетел стрелой, пригибаясь под низкими цветущими ветвями акаций и кленов.

Д'Артаньян еще вчера заметил, что эта тропинка вела в Блуа.

«Эге,— подумал гасконец,— этот ветреник уже пошаливает! Видно, он не разделяет ненависти Атоса к прекрасному полу. Он не мог поехать на охоту без ружья и без собак; едва ли он едет по делу, он бы тогда не скрывался. От кого он прячется?.. От меня или от отца?.. Я уверен, что граф — отец ему... Черт возьми! Уж это-то я узнаю, поговорю начистоту с самим Атосом».

Утро разгоралось. Вчера д'Артаньян слушал, как постепенно замирали все звуки,— сейчас все началось пробуждаться: ожили птицы на ветвях, собаки в конурах, овцы на пастбище; ожили, казалось, даже привязанные к берегу барки на Луаре и, отделясь от берегов, поплыли вниз по течению. Д'Артаньян, чтоб никого не будить, оставался у своего окна; но, заслышав в замке шум отворяемых дверей и ставней, он еще раз пригладил волосы, подкрутил усы, по привычке почистил рукавом своего колета поля шляпы и сошел вниз. Спустившись с последней ступеньки крыльца, он заметил Атоса, наклонившегося к земле в позе человека, который ищет затерянную в песке монету.

— С добрым утром, милый друг. Как провели ночь?

— Превосходно, мой друг; да и все у вас тут превосходно: и кровать, и вчерашний ужин, и весь ваш прием. Но что вы так усердно рассматриваете? Уж не сделали ли вы, чего доброго, любителем тюльпанов?

— Над этим, мой друг, не следует смеяться. В деревне вкусы очень меняются, и, сам того не замечая, начинаешь любить все то прекрасное, что природа выводит на свет из-под земли и чем так пренебрегают в городах. Я просто смотрел на ирисы: я посадил их вчера у бассейна, а сегодня утром их затоптали. Эти садовники такой неуклюжий народ. Ездили за водой и не заметили, что лошадь ступает по грядке.

Д'Артаньян улыбнулся.

— Вы так думаете? — спросил он.

И он повел друга в аллею, где отпечталось немало следов, подобных тем, от которых пострадали ирисы.

— Вот, кажется, еще следы, посмотрите, Атос,— равнодушно сказал д'Артаньян.

— В самом деле. И еще совсем свежие!

— Совсем свежие,— подтвердил д'Артаньян.

— Кто мог выехать сегодня утром? — спросил с тревогой Атос.— Не вырвалась ли лошадь из конюшни?

— Не похоже,— сказал д'Артаньян,— шаги очень ровные и спокойные.

— Где Рауль? — воскликнул Атос.— И как могло случиться, что я его не видел!

— Ш-ш,— остановил его д'Артаньян, приложив с улыбкой палец к губам.

— Что здесь произошло? — спросил Атос.

Д'Артаньян рассказал все, что видел, пристально следя за лицом хозяина.

— А, теперь я догадываюсь, в чем дело, — ответил Атос, слегка пожав плечами. — Бедный мальчик поехал в Блуа.

— Зачем?

— Да затем, бог мой, чтобы узнать о здоровье маленькой Лавальер. Помните, той девочки, которая вывихнула себе ногу?

— Вы думаете? — недоверчиво спросил д'Артаньян.

— Не только думаю, но уверен в этом, — ответил Атос. — Разве вы не заметили, что Рауль влюблен?

— Что вы? В кого? В семилетнюю девочку?

— Милый друг, в возрасте Рауля сердце бывает так полно, что необходимо излить его на что-нибудь, будь то мечта или действительность. Ну а его любовь — то и другое вместе.

— Вы шутите! Как? Эта крошка?

— Разве вы ее не видали? Это прелестнейшее создание. Серебристо-белокурые волосы и голубые глаза, уже сейчас задорные и томные.

— А что скажете вы про эту любовь?

— Я ничего не говорю, смеюсь и подшучиваю над Раулем; но первые потребности сердца так неодолимы, порывы любовной тоски у молодых людей так сладки и так горьки в то же время, что часто носят все признаки настоящей страсти. Я помню, что сам в возрасте Рауля влюбился в греческую статую, которую добрый король Генрих Четвертый подарил моему отцу. Я думал, что сойду с ума от горя, когда узнал, что история Пигмалиона¹ — пустой вымысел.

— Это от безделья. Вы не стараетесь ничем занять Рауля, и он сам ищет себе занятий.

— Именно. Я уж подумываю удалить его отсюда.

— И хорошо сделаете.

— Разумеется. Но это значило бы разбить его сердце, и он страдал бы, как от настоящей любви. Уже года три-четыре тому назад, когда он сам был ребенком, он начал восхищаться этой маленькой богиней и угождать ей, а теперь дойдет до обожания, если останется здесь. Дети каждый день вместе строят всякие планы и беседуют о множестве серьезных вещей, словно им по двадцать лет и они настоящие влюбленные. Родные маленькой Лавальер сначала все посмеивались, но и они, как кажется, начинают хмурить брови.

— Ребячество. Но Раулю необходимо рассеяться. отошлите его поскорей отсюда, не то, черт возьми, он у вас никогда не станет мужчиной.

— Я думаю послать его в Париж, — сказал Атос.

— А, — отозвался д'Артаньян и подумал, что настала удобная минута для нападения. — Если хотите, — сказал он, — мы можем устроить судьбу этого молодого человека.

¹ Пигмалион — легендарный греческий скульптор, создавший статую прекрасной женщины и ожививший ее своей любовью.

— А, — в свою очередь сказал Атос.

— Я даже хочу с вами посоветоваться относительно одной вещи, пришедшей мне на ум.

— Извольте.

— Как вы думаете, не пора ли нам поступить опять на службу?

— Разве вы не состоите все время на службе, д'Артаньян?

— Скажу точнее: речь идет о деятельной службе. Разве прежняя жизнь вас больше не соблазняет, и если бы вас ожидали действительные выгоды, не были бы вы рады возобновить в компании со мной и нашим другом Портосом былые похождения?

— Кажется, вы мне это предлагаете? — спросил Атос.

— Прямо и чистосердечно.

— Снова взяться за оружие?

— Да.

— За кого и против кого? — спросил вдруг Атос, устремив на гасконца свой ясный и доброжелательный взгляд.

— Ах, черт! Вы слишком торопливы.

— Прежде всего, я точен. Послушайте, д'Артаньян, есть только одно лицо или, лучше сказать, одно дело, которому человек, подобный мне, может быть полезен: дело короля.

— Вот это сказано точно, — сказал мушкетер.

— Да, но прежде условимся, — продолжал серьезно Атос. — Если стать на сторону короля, по-вашему, значит стать на сторону Мазарини, мы с вами не сойдемся.

— Я не сказал этого, — ответил, смутившись, гасконец.

— Знаете что, д'Артаньян, — сказал Атос, — не будем хитрить друг с другом. Ваши умолчания и увертки отлично объясняют мне, по чьему поручению вы сюда явились. О таком деле действительно не решаются говорить громко и охотников на него вербуют втихомолку, потупив глаза.

— Ах, милый Атос! — сказал д'Артаньян.

— Вы понимаете, — продолжал Атос, — что я говорю не про вас, — вы лучший из всех храбрых и отважных людей, — я говорю об этом скаредном итальянце-интригане, об этом холопе, пытающемся надеть на голову корону, украденную из-под подушки, об этом шуте, называющем свою партию партией короля и запирающем в тюрьмы принцев крови, потому что он не смеет казнить их, как делал наш кардинал, великий кардинал. Теперь на этом месте ростовщик, который взвешивает золото и, обрезая монеты, прячет обрезки, опасаясь ежеминутно, несмотря на свое шулерство, завтра проиграть; словом, я говорю о негодяе, который, как говорят, ни в грош не ставит королеву. Что ж, тем хуже для нее! Этот негодяй через три месяца вызовет междоусобную войну только для того, чтобы сохранить свои доходы. И к такому-то человеку вы предлагаете мне поступить на службу, д'Артаньян? Благодарю!

— Помилуй бог, да вы стали еще вспыльчивей, чем прежде! — сказал д'Артаньян. — Годы разожгли вашу кровь, вместо того чтобы охладить ее. Кто говорит вам, что я служу этому господину и вас склоняю к тому же?

«Черт возьми, — подумал он, — нельзя выдавать тайну человеку, так враждебно настроенному».

— Но в таком случае, мой друг, — возразил Атос, — что же означает ваше предложение?

— Ах, боже мой, ничего не может быть проще. Вы живете в собственном имени и, по-видимому, совершенно счастливы в своей золотой умеренности. У Портоса пятьдесят, а может быть, и шестьдесят тысяч ливров дохода. У Арамиса по-прежнему полтора десятка герцогинь, которые оспаривают друг у друга прелата, как оспаривали прежде мушкетера; это вечный баловень судьбы. Но я, что я из себя представляю? Двадцать лет ношу латы и рейтузы, а все сижу в том же, притом незавидном, чине, не двигаюсь ни взад ни вперед, не живу. Одним словом, я мертв. И вот, когда мне представляется возможность хоть чуточку ожить, вы все подымаете крик: «Это подлец! Шут! Обманщик! Как можно служить такому человеку?» Эх, черт возьми! Я сам думаю так же, но сыщите мне кого-нибудь получше или платите мне пенсию.

Атос задумался на три секунды и в эти три секунды понял хитрость д'Артаньяна, который, слишком зарвавшись сначала, теперь обрывал все разом, чтобы скрыть свою игру. Он ясно видел, что предложение сделано было ему серьезно и было бы изложено полностью, если бы он выказал желание выслушать его.

«Так! — подумал он, — значит, д'Артаньян — сторонник Мазарини».

И с этой минуты Атос сделался крайне сдержан.

Д'Артаньян со своей стороны удвоил хитрость.

— Но ведь у вас, наверное, есть какие-то намерения? — продолжал спрашивать Атос.

— Разумеется. Я хотел посоветоваться со всеми вами и придумать средство что-нибудь сделать, потому что каждому из нас всегда будет недоставать других.

— Это правда. Вы говорили мне о Портосе. Неужели вы склонили его искать богатства? Мне кажется, он достаточно богат.

— Да, он богат. Но человек так создан, что ему всегда не хватает еще чего-нибудь.

— Чего же не хватает? Портосу?

— Баронского титула.

— Да, правда, я и забыл, — засмеялся Атос.

«Правда! — подумал д'Артаньян. — А откуда он знает? Уж не переписывается ли он с Арамисом? Ах, если бы мне только это узнать, я бы узнал и все остальное!»

Тут разговор оборвался, так как вошел Рауль. Атос хотел ласково побранить его, но юноша был так печален, что у Атоса не хватило духу, он смолчал и стал расспрашивать, в чем дело.

— Не хуже ли нашей маленькой соседке? — спросил д'Артаньян.

— Ах, сударь, — почти задыхаясь от горя, отвечал Рауль, — ушиб очень опасен, и, хотя видимых повреждений нет, доктор боится, как бы девочка не осталась хромой на всю жизнь.

— Это было бы ужасно! — сказал Атос.

У д'Артаньяна вертелась на языке шутка, но, увидев, какое участие принимает Атос в этом горе, он сдержался.

— Ах, сударь, меня совершенно приводит в отчаяние, — сказал Рауль, — то, что я сам виноват во всем этом.

— Вы? Каким образом, Рауль? — спросил Атос.

— Конечно, ведь она соскочила с бревна для того, чтобы бежать ко мне.

— Вам остается только одно средство, милый Рауль: жениться на ней и этим искупить свою вину, — сказал д'Артаньян.

— Ах, сударь, вы смеетесь над искренним горем, это очень дурно, — ответил Рауль.

И, чувствуя потребность остаться одному, чтобы выплакаться, он ушел в свою комнату, откуда вышел только к завтраку.

Дружеские отношения обоих приятелей несколько не пострадали от утренней стычки, а потому они завтракали с большим аппетитом, изредка посматривая на Рауля, который сидел за столом с влажными от слез глазами, с тяжестью на сердце и почти не мог есть.

К концу завтрака было подано два письма, которые Атос прочел с величайшим вниманием, невольно вздрогнув при этом несколько раз. Д'Артаньян, сидевший на другом конце стола и отличавшийся прекрасным зрением, готов был поклясться, что узнал мелкий почерк Арамиса. Другое письмо было написано женским растянутым и неровным почерком.

— Пойдемте фехтовать, — сказал д'Артаньян Раулю, видя, что Атос желает остаться один, чтобы ответить на письма или обдумать их. — Пойдемте, это развлечет вас.

Молодой человек взглянул на Атоса; тот утвердительно кивнул головой.

Они прошли в нижнюю залу, в которой были развешаны рапиры, маски, перчатки, нагрудники и прочие фехтовальные принадлежности.

— Ну, как? — спросил Атос, придя к ним через четверть часа.

— У него совсем ваша рука, дорогой Атос, — сказал д'Артаньян, — а если бы у него было вдобавок и ваше хладнокровие, не оставалось бы желать ничего лучшего...

Молодой человек чувствовал себя пристыженным. Если он два-три раза и задел руку или бедро д'Артаньяна, то последний раз двадцать кольнул его прямо в грудь.

Тут вошел Шарло и подал д'Артаньяну очень спешное письмо, только что присланное с нарочным.

Теперь пришла очередь Атоса украдкой поглядывать на письмо.

Д'Артаньян прочел его, по-видимому, без всякого волнения и сказал, слегка покачивая головой:

— Вот что значит служба. Ей-богу, вы сто раз правы, что не хотите больше служить! Тревиль заболел, и без меня не могут обойтись в полку. Видно, пропал мой отпуск.

— Вы возвращаетесь в Париж? — живо спросил Атос.

— Да, конечно, — ответил д'Артаньян. — А разве вы не едете туда же?

— Если я попаду в Париж, то очень рад буду с вами увидеться,— слегка покраснев, ответил Атос.

— Эй, Планше! — крикнул д'Артаньян в дверь. — Через десять минут мы уезжаем. Задай овса лошадям.

И, обернувшись к Атосу, прибавил:

— Мне все кажется, будто мне чего-то не хватает, и я очень жалею, что уезжаю от вас, не повидавшись с добрым Гримо.

— Гримо? — сказал Атос. — Действительно, я тоже удивляюсь, от чего вы о нем не спрашиваете. Я уступил его одному из моих друзей.

— Который понимает его знаки? — спросил д'Артаньян.

— Надеюсь,— ответил Атос.

Друзья сердечно обнялись. Д'Артаньян пожал руку Раулю, взял обещание с Атоса, что тот зайдет к нему, если будет в Париже, или напишет, если не поедет туда, и вскочил на лошадь. Планше, исправный, как всегда, был уже в седле.

— Не хотите ли проехаться со мной? — смеясь, спросил Рауль д'Артаньян. — Я еду через Блуа.

Рауль взглянул на Атоса; тот удержал его едва заметным движением головы.

— Нет, сударь,— ответил молодой человек,— я останусь с графом.

— В таком случае прощайте, друзья мои,— сказал д'Артаньян, в последний раз пожимая им руки. — Да хранит вас бог, как говаривали мы, расставаясь в старину при покойном кардинале.

Атос махнул рукой на прощание, Рауль поклонился, и д'Артаньян с Планше уехали.

Граф следил за ними глазами, опершись на плечо юноши, который был почти одного с ним роста. Но едва д'Артаньян исчез за стеной, он сказал:

— Рауль, сегодня вечером мы едем в Париж.

— Как! — воскликнул молодой человек, бледнея.

— Вы можете съездить попрощаться с госпожой де Сен-Реми и передать ей мой прощальный привет. Я буду ждать вас обратно к семи часам.

Со смешанным выражением грусти и благодарности на лице молодой человек поклонился и пошел седлать лошадь.

А д'Артаньян, едва скрывшись из поля их зрения, вытащил из кармана письмо и перечел его:

«Возвращайтесь немедленно в Париж.

Дж. М.».

— Сухое письмо,— проворчал д'Артаньян,— и не будь приписки, я, может быть, не понял бы его; но, к счастью, приписка есть.

И он прочел славную приписку, примирившую его с сухостью письма:

«P. S. Поезжайте к королевскому казначею в Блуа, назовите ему вашу фамилию и покажите это письмо: вы получите двести пистолей».

— Решительно, такая проза мне нравится,— сказал д'Артаньян. — Кардинал пишет лучше, чем я думал. Едем, Планше, сделаем визит королевскому казначею и затем поскачем дальше.

— В Париж, сударь?

— В Париж.

И оба поехали самой крупной рысью, на какую только были способны их лошади.

Глава 18

ГЕРЦОГ ДЕ БОФОР

от что случилось, и вот каковы были причины, потребовавшие возвращения д'Артаньяна в Париж.

Однажды вечером Мазарини по обыкновению пошел к королеве, когда все уже удалились от нее, и, проходя мимо караульной комнаты, из которой дверь выходила в одну из его приемных, услышал громкий разговор. Желая узнать, о чем говорят солдаты, он, по своей привычке, подкрался к двери, приоткрыл ее и просунул голову в щель.

Между караульными шел спор.

— А я вам скажу,— говорил один из них,— что если Куазель предсказал, то, значит, дело такое же верное, как если б оно уже сбылось. Я сам его не знаю, но слышал, что он не только звездочет, но и колдун.

— Черт возьми, если ты его приятель, так будь поосторожнее! Ты оказываешь ему плохую услугу.

— Почему?

— Да потому, что его могут притянуть к суду.

— Вот еще! Теперь колдунов не сжигают!

— Так-то оно так, но мне сдается, что еще очень недавно покойный кардинал приказал сжечь Урбена Грандье¹. Уж я-то знаю об этом: сам стоял на часах у костра и видел, как его жарили.

— Эх, милый мой! Урбен Грандье был не колдун, а ученый,— это совсем другое дело. Урбен Грандье будущего не предсказывал. Он знал прошлое, а это иной раз бывает гораздо хуже.

Мазарини одобрительно кивнул головой; однако, желая узнать, что это за предсказание, о котором шел спор, он не двинулся с места.

— Я не спорю: может быть, Куазель и колдун,— возразил другой караульный,— но я говорю тебе, что если он оглашает наперед свои предсказания, они могут и не сбыться.

— Почему?

— Очень понятно. Ведь если мы станем биться на шпагах и я тебе скажу: «Я сделаю прямой выпад», ты, понятно, парируешь его. так и тут. Если Куазель говорит так громко, и до ушей кардинала

¹ Священник, обвиненный в колдовстве и сожженный в 1634 г.

дойдет, что «к такому-то дню такой-то узник сбежит», кардинал, очевидно, примет меры, и узник не сбежит.

— Полноте,— заговорил солдат, казалось, дремавший на скамье, но, несмотря на одолевающую его дремоту, не пропустивший ни слова из всего разговора.— От судьбы не уйдешь. Если герцогу де Бофору суждено удрасть, герцог де Бофор удерет, и никакие меры кардинала тут не помогут.

Мазарини вздрогнул. Он был итальянец и, значит, суеверен; он поспешно вошел к гвардейцам, которые при его появлении прервали свой разговор.

— О чем вы толкуете, господа? — спросил он ласково.— Кажется, о том, что герцог де Бофор убежал?

— О нет, монсеньер,— заговорил солдат-скептик.— Сейчас он и не помышляет об этом. Говорят только, что ему суждено сбежать.

— А кто это говорит?

— Ну-ка, расскажите еще раз вашу историю, Сен-Лоран,— обратился солдат к рассказчику.

— Монсеньер,— сказал гвардеец,— я просто с чужих слов рассказал этим господам о предсказании некоего Куазеля, который утверждает, что как ни крепко стерегут герцога де Бофора, а он убежит еще до троицына дня.

— А этот Куазель юродивый или сумасшедший? — спросил кардинал, все еще улыбаясь.

— Нисколько,— ответил твердо веривший в предсказание гвардеец.— Он предсказал много вещей, которые сбылись: например, что королева родит сына, что Колиньи будет убит на дуэли герцогом де Гизом, наконец, что коадьютор будет кардиналом. И что же, королева родила не только одного сына, но через два года еще второго, а Колиньи был убит.

— Да,— ответил Мазарини,— но коадьютор еще не кардинал.

— Нет еще, монсеньер, но он им будет.

Мазарини поморщился, словно желая сказать: «Ну, шапки-то у него еще нет». Потом добавил:

— Итак, вы уверены, мой друг, что господин де Бофор убежит?

— Так уверен, монсеньер,— ответил солдат,— что если ваше пресвященство предложит мне сейчас должность господина де Шавиньи, коменданта Венсенского замка, то я ее не приму. Вот после троицы — это дело другое.

Ничто так не убеждает нас, как глубокая вера другого человека. Она влияет даже на людей неверующих; а Мазарини не только не был неверующим, но даже был, как мы сказали, суеверным. И потому он ушел весьма озабоченный.

— Скряга! — сказал гвардеец, который стоял, прислонившись к стене.— Он притворяется, будто не верит вашему колдуну, Сен-Лоран, чтобы только ничего вам не дать; он еще и к себе не доберется, как заработает на вашем предсказании.

В самом деле, вместо того чтобы пройти в покои королевы, Мазарини вернулся в кабинет и, позвав Бернуина, отдал приказ завтра

с рассветом послать за надзирателем, которого он приставил к Бофору, и разбудить себя немедленно, как только тот придет.

Солдат, сам того не зная, разбередил самую большую рану кардинала. В продолжение пяти лет, которые Бофор просидел в тюрьме, не проходило дня, чтобы Мазарини не думал о том, что рано ли, поздно ли, а Бофор оттуда выйдет. Внука Генриха IV в заточении всю жизнь не продержишь, в особенности, когда этому внуку Генриха IV едва тридцать лет от роду. Но каким бы путем он ни вышел из тюрьмы, — сколько ненависти он должен был скопить за время заключения к тому, кто был в этом повинен; к тому, кто приказал схватить его, богатого, смелого, увенчанного славой, любимого женщинами и грозного для мужчин; к тому, кто отнял у него лучшие годы жизни — ведь нельзя же назвать жизнью прозябание в тюрьме! Пока что Мазарини все усиливал надзор за Бофором. Но он походил на скупца из басни, которому не спалось возле своего сокровища. Не раз ему снилось, что у него похитили Бофора, и он вскакивал по ночам. Тогда он осведомлялся о нем и всякий раз, к своему огорчению, слышал, что узник самым благополучным образом пьет, поет, играет и среди игр, вина и песен не перестает клясться, что Мазарини дорого заплатит за все те удовольствия, которые насильно доставляют ему в Венсене.

Эта мысль тревожила министра даже во сне, так что, когда в семь часов Бернуин вошел разбудить его, первыми его словами были:

— А? Что случилось? Неужели господин де Бофор бежал из Венсена?

— Не думаю, монсеньер, — ответил Бернуин, которому никогда не изменяла его выдержка. — Во всяком случае, вы сейчас узнаете все новости, потому что надзиратель Ла Раме, за которым вы послали сегодня утром в Венсенский замок, прибыл и ожидает ваших приказаний.

— Откройте дверь и введите его сюда, — сказал Мазарини, поправляя подушки, чтобы принять Ла Раме, сидя в постели.

Офицер вошел. Это был высокий и полный мужчина, толстощекий и представительный. Он имел такой безмятежный вид, что Мазарини встревожился.

«Этот парень, по-моему, очень смахивает на дурака», — пробормотал он.

Надзиратель молча остановился у дверей.

— Подойдите, сударь! — приказал Мазарини.

Надзиратель повиновался.

— Знаете ли вы, о чем здесь болтают?

— Нет, ваше преосвященство.

— Что герцог де Бофор убежит из Венсена, если еще не сделал этого.

На лице офицера выразилось величайшее изумление. Он широко раскрыл свои маленькие глазки и большой рот, словно впивая шутку, которой удостоил его кардинал. Затем, не в силах удержаться от смеха при подобном предположении, расхохотался, да так, что его толстое тело затряслось, как от сильного озноба.

Мазарини порадовался этой довольно непочтительной несдержанности, но тем не менее сохранил свой серьезный вид.

Вдоволь насмеявшись и вытерев глаза, Ла Раме решил, что пора наконец заговорить и извиниться за свою неприличную веселость.

— Убежит, монсеньер! Убежит! — сказал он. — Но разве вашему преосвященству не известно, где находится герцог де Бофор?

— Разумеется, я знаю, что он в Венсенском замке.

— Да, монсеньер, и в его комнате стены в семь футов толщиной, окна с железными решетками, и каждая перекладина в руку толщиной.

— Помните,— сказал Мазарини,— что при некотором терпении можно продолбить любую стену и перепилить решетку часовой пружиной.

— Вам, может быть, не известно, монсеньер, что при узнике состоят восемь караульных: четверо в его комнате и четверо в соседней, и они ни на минуту не оставляют его.

— Но ведь он выходит из своей комнаты и даже играет в шары и в мяч.

— Монсеньер, все эти развлечения дозволены заключенным. Впрочем, если вам угодно, его можно лишить их.

— Нет, нет,— сказал Мазарини, боясь, чтобы его узник, лишенный и этих удовольствий, не вышел из замка (если он когда-нибудь из него выйдет) еще более озлобленным против него.— Я только спрашиваю, с кем он играет.

— Он играет с караульным офицером, монсеньер, со мной или с другими заключенными.

— А не подходит ли он близко к стенам во время игры?

— Разве вашему преосвященству не известно, какие это стены? Почти шестьдесят футов высоты. Едва ли герцогу Бофору так надоела жизнь, чтобы он рискнул сломать себе шею, спрыгнув с такой стены.

— Гм! — отозвался кардинал, начиная успокаиваться.— Итак, вы полагаете, мой милый господин Ла Раме, что...

— Что, пока герцог не ухитрится превратиться в птичку, а за него ручаюсь.

— Смотрите, не увлекайтесь,— сказал Мазарини.— Господин де Бофор сказал конвойным, отведившим его в замок, будто он не раз думал о том, что может быть арестован, и потому держит в запасе сорок способов бежать из тюрьмы.

— Монсеньер,— если бы из этих сорока способов был хоть один годный,— ответил Ла Раме,— он бы давно был на свободе.

«Гм, ты не так глуп, как я думал»,— пробормотал про себя Мазарини.

— К тому же, не забывайте, монсеньер, что комендант Венсенского замка — господин де Шавиньи,— продолжал Ла Раме,— а он не принадлежит к друзьям герцога де Бофора.

— Да, но господин де Шавиньи иногда отлучается.

— Когда он отлучается, остаюсь я.

— Ну, а когда вы сами отлучаетесь?

— О, на этот случай у меня есть один малый, который метит сделаться королевским надсмотрщиком. Этот, ручаюсь вам, стережет на совесть. Вот три недели, как он у меня служит, и я лишь в одном могу упрекнуть его,— он слишком суров к узнику.

— Кто же этот цербер? — спросил кардинал.

— Некий господин Гримо, монсеньер.

— А что он делал до того, как поступил к вам на службу в замок?

— Он жил в провинции, набедокурил там по глупости и теперь, кажется, рад укрыться от ответственности, надев королевский мундир.

— А кто рекомендовал вам этого человека?

— Управитель герцога де Граммона.

— Так, по-вашему, на него можно положиться?

— Как на меня самого, монсеньер.

— И он не болтун?

— Господи Иисусе! Я долго думал, монсеньер, что он немой: он и говорит и отвечает только знаками. Кажется, его прежний господин приучил его к этому.

— Так скажите ему, милый господин Ла Раме,— продолжал кардинал,— что, если он будет хорошим и верным сторожем, мы закроем глаза на его шалости в провинции, наденем на него мундир, который заставит всех относиться к нему с уважением, а в карманы мундира положим несколько пистолей, чтобы он выпил за здоровье короля.

Мазарини был щедр на обещания,— полная противоположность славному Гримо, которого так расхвалил Ла Раме: тот говорил мало, но делал много.

Кардинал забросал Ла Раме еще кучей вопросов об узнике, о его помещении, о том, как он спит, как его кормят. На эти вопросы Ла Раме дал такие исчерпывающие ответы, что кардинал отпустил его почти совсем успокоенный.

Затем, так как было уже девять часов утра, он встал, надушился, оделся и прошел к королеве, чтобы сообщить ей о причинах, задержавших его. Королева, боявшаяся Бофора не меньше самого кардинала и почти столь же суеверная, заставила его повторить слово в слово все уверения Ла Раме и все похвалы, которые тот расточал своему помощнику; затем, когда кардинал кончил, сказал вполголоса:

— Как жаль, что у нас нет такого Гримо для каждого принца.

— Терпение,— сказал Мазарини со своей итальянской улыбкой,— быть может, когда-нибудь мы этого и добьемся, а пока...

— А пока?..

— Я все же приму кое-какие меры предосторожности.

И он написал д'Артаньяну, чтобы тот немедленно возвратился.

Глава 19

ЧЕМ РАЗВЛЕКАЛСЯ ГЕРЦОГ ДЕ БОФОР В ВЕНСЕНСКОМ ЗАМКЕ

зник, наводивший такой страх на кардинала и смущавший покой всего двора своими сорока способами побега, нимало не подозревал о страхах, которые внушала в Пале-Рояле его особа.

Его стерегли так основательно, что он понял всю невозможность вырваться на свободу, и месть его заключалась только в том, что он всячески поносил и проклинал Мазарини.

Он даже попробовал было сочинять на него стихи, но скоро принужден был отказаться от этого. В самом деле, г-н де Бофор не только не обладал поэтическим даром, но даже и прозой изъяснялся с величайшим трудом. Недаром Бло, известный сочинитель сатирических песенок того времени, сказал про него:

Гремит он и сверкает в сече,
Своим врагам внушая страх;
Когда ж его мы слышим речи,
У всех усмешка на устах.

Гастон¹ к сраженьям непривычен,
Зато слова ему легки.
Зачем Бофор косноязычен?
Зачем Гастон лишен руки?

После этого понятно, почему Бофор ограничивался только бранью и проклятиями.

Герцог де Бофор был внук Генриха IV и Габриэли д'Эстре, такой же добрый, храбрый и горячий, а главное, такой же гасконец, как его дед, но далеко не такой образованный. После смерти Людовика XIII он был некоторое время любимцем и доверенным лицом королевы и играл первую роль при дворе; но в один прекрасный день ему пришлось уступить первое место Мазарини и перейти на второе. А на другой день, так как он был настолько неблагодарен, что рассердился, и настолько неосторожен, что высказал громко свое неудовольствие, королева велела арестовать его и отправить в Венсен, что и было поручено исполнить Гито, тому самому Гито, с которым читатель познакомился в начале нашей повести, и с которым он будет иметь случай еще встретиться. Само собой разумеется, что, говоря «королева», мы хотим сказать «Мазарини». Таким образом, не только избавились от Бофора и его притязаний, но и совсем перестали считаться с ним, невзирая на его былую популярность, и вот он уже шестой год жил в скромной комнате Венсенского замка, весьма мало подходящей для принца.

¹ Имеется в виду принц Гастон Орлеанский, дядя короля.

Эти долгие годы, в течение которых мог бы одуматься всякий другой человек, нисколько не повлияли на Бофора. В самом деле, всякий другой сообразил бы, что если бы он не упорствовал в своем намерении тягаться с кардиналом, пренебрегать принципами и действовать в одиночку, без помощников, за исключением — по выражению кардинала де Реца — нескольких меланхоликов, похожих на пустых мечтателей, то уж давно сумел бы либо выйти на свободу, либо приобрести сторонников. Но ничего подобного не приходило в голову герцогу де Бофору. Долгое заключение только еще больше озлобило его против Мазарини, который получал о нем ежедневно не слишком приятные для себя известия.

Потерпев неудачу в стихотворстве, Бофор обратился к живописи и нарисовал углем на стене портрет кардинала. Но так как его художественный талант был весьма невелик и не позволял ему достигнуть большого сходства, то он, во избежание всяких сомнений относительно оригинала, подписал внизу: «Ritratto dell'illustrissimo facchino Mazarini»¹.

Когда г-ну де Шавиньи доложили об этом, он явился с визитом к герцогу и попросил его выбрать себе какое-нибудь другое занятие или, по крайней мере, рисовать портреты, не делая под ними подписей. На другой же день все стены в комнате были испещрены и подписями и портретами. Герцог де Бофор, как, впрочем, и все заключенные, был похож на ребенка, которого всегда тянет к тому, что ему запрещают.

Г-ну де Шавиньи доложили о приросте профилей. Недостаточно доверяя своему уменью и не пытаясь рисовать лица анфас, Бофор не поскупился на профили и превратил свою комнату в настоящую портретную галерею. На этот раз комендант промолчал; но однажды, когда герцог играл на дворе в мяч, он велел стереть все рисунки и заново побелить стены.

Бофор благодарил Шавиньи за внимательность, с какой тот позаботился приготовить ему побольше места для рисования. На этот раз он разделил комнату на несколько частей и каждую из них посвятил какому-нибудь эпизоду из жизни Мазарини.

Первая картина должна была изображать светлейшего негодяя Мазарини под градом палочных ударов кардинала Бентиволио, у которого он был лакеем.

Вторая — светлейшего негодяя Мазарини, играющего роль Игнатия Лойолы² в трагедии того же имени.

Третья — светлейшего негодяя Мазарини, крадущего портфель первого министра у Шавиньи, который воображал, что уже держит его в своих руках.

Наконец, четвертая — светлейшего негодяя Мазарини, отказывающегося выдать чистые простыни камердинеру Людовика XIV Ла Пор-

¹ Портрет светлейшего негодяя Мазарини (итал.)

² Испанский католик-фанатик XVI в., основатель ордена иезуитов и безжалостный гонитель вольнодумцев.

ту потому, что французскому королю достаточно менять простыни раз в три месяца.

Эти картины были задуманы слишком широко, совсем не по скромному таланту художника. А потому он пока ограничился только тем, что наметил рамки и сделал подписи.

Но для того, чтобы вызвать раздражение со стороны г-на де Шавиньи, достаточно было и одних рамок с подписями. Он велел предупредить заключенного, что если тот не откажется от мысли рисовать задуманные им картины, то он отнимет у него всякую возможность работать над ними. Бофор ответил, что, не имея средств стяжать себе военную славу, он хочет прославиться как художник. За невозможностью сделаться Баярдом¹ или Трибульцием² он желает стать вторым Рафаэлем или Микеланджело.

Но в один прекрасный день, когда г-н де Бофор гулял в тюремном дворе, из его комнаты были вынесены дрова, и не только дрова, но и угли, и не только угли, но даже зола, так что, вернувшись, он не нашел решительно ничего, что могло бы заменить ему карандаш.

Герцог ругался, проклинал, бушевал, кричал, что его хотят уморить холодом и сыростью, как уморили Пюилоранса, маршала Орнано и великого приора Вандомского. На это Шавиньи ответил, что герцогу стоит только дать слово бросить живопись или, по крайней мере, обещать не рисовать исторических картин, и ему сию же минуту принесут дрова и все необходимое для топки. Но герцог не пожелал дать этого слова и провел остаток зимы в нетопленной комнате.

Больше того, однажды, когда Бофор отправился на прогулку, все его надписи соскоблили, и комната стала белой и чистой, а от фресок не осталось и следа.

Тогда герцог купил у одного из сторожей собаку по имени Писташ. Так как заключенным не запрещалось иметь собак, то Шавиньи разрешил, чтобы собака перешла во владение другого хозяина. Герцог по целым часам сидел с ней взаперти. Подозревали, что он занимается ее обучением, но никто не знал, чему он ее учит. Наконец, когда собака была достаточно выдрессирована, г-н де Бофор пригласил г-на де Шавиньи и других должностных лиц Венсена на представление, которое намеревался дать в своей комнате. Приглашенные явились. Комната была ярко освещена; герцог зажег все свечи, какие только ему удалось раздобыть. Спектакль начался.

Заключенный выломил из стены кусок штукатурки и провел им по полу длинную черту, которая должна была изображать веревку. Писташ, по первому слову хозяина, встал около черты, поднялся на задние лапы и, держа в передних камышинку, пошел по черте, кривляясь, как настоящий канатный плясун. Пройдя раза два-три взад и вперед, он отдал палку герцогу и проделал то же самое без балансира.

Умную собаку наградили рукоплесканиями.

Представление состояло из трех отделений. Первое кончилось, началось второе.

¹ Французский капитан XVI в., прославившийся своими подвигами.

² Французский военачальник XVI в.

Теперь Писташ должен был ответить на вопрос: который час? Шавиньи показал ему часы. Была половина седьмого. Писташ шесть раз поднял и опустил лапу, затем в седьмой раз поднял ее и удержал на весу. Ответить яснее было невозможно: и солнечные часы не могли бы показать время точнее. У них к тому же, как всем известно, есть один большой недостаток: по ним ничего не узнаешь, когда не светит солнце.

Затем Писташ должен был объявить всему обществу, кто лучший тюремщик во Франции.

Собака обошла три раза всех присутствующих и почтительнейше улеглась у ног Шавиньи.

Тот сделал вид, что находит шутку прелестной, и посмеялся сквозь зубы, а кончив смеяться, закусил губы и нахмурил брови.

Наконец герцог задал Писташу очень мудреный вопрос: кто величайший вор на свете?

Писташ обошел комнату и, не останавливаясь ни перед кем из присутствующих, подбежал к двери и с жалобным воем стал в нее цапать.

— Видите, господа, — сказал герцог. — Это изумительное животное, не найдя здесь того, о ком я его спрашиваю, хочет выйти из комнаты. Но будьте покойны, вы все-таки получите ответ. Писташ, друг мой, — продолжал герцог, — подойдите ко мне.

Собака повиновалась.

— Так кто же величайший вор на свете? Уж не королевский ли секретарь Ле Камю, который явился в Париж с двадцатью ливрами, а теперь имеет десять миллионов?

Собака отрицательно мотнула головой.

— Тогда, быть может, министр финансов Эмери, подаривший своему сыну, господину Торе, к свадьбе ренту в триста тысяч ливров и дом, по сравнению с которым Тюильри — шалаш, а Лувр — лачуга?

Собака отрицательно мотнула головой.

— Значит, не он, — продолжал герцог. — Ну, поищем еще. Уж не светлейший ли это негодяй Мазарини ди Пишина, скажи-ка?

Писташ с десяток раз поднял и опустил голову, что должно было означать «да».

— Вы видите, господа, — сказал герцог, обращаясь к присутствующим, которые на этот раз не осмелились усмехнуться даже криво, — вы видите, что величайшим вором на свете оказался светлейший негодяй Мазарини ди Пишина. Так, по крайней мере, уверяет Писташ.

Представление продолжалось.

— Вы, конечно, знаете, господа, — продолжал Бофор, пользуясь робовым молчанием, чтобы объявить программу третьего отделения, — что герцог де Гиз выучил всех парижских собак прыгать через палку в честь госпожи де Понс, которую провозгласил первой красавицей в мире. Так вот, господа, это пустяки, потому что собаки не умели делать разделения (г-н де Бофор хотел сказать «различия») между той, ради кого надо прыгать, и той, ради кого не надо. Писташ сейчас докажет господину коменданту, равно как и всем вам, господа,

что он стоит несравненно выше своих собратьев. Одолжите мне, пожалуйста, вашу тросточку, господин де Шавиньи.

Шавиньи подал трость г-ну де Бофору.

Бофор сказал, держа трость горизонтально на фут от земли:

— Писташ, друг мой, будьте добры прыгнуть в честь госпожи де Монбазон.

Все рассмеялись: было известно, что перед своим заключением герцог де Бофор открыто состоял любовником госпожи де Монбазон.

Писташ без всяких затруднений весело перескочил через палку.

— Но Писташ, как мне кажется, делает то же самое, что и его собрата, прыгавшие в честь госпожи де Понс,— заметил Шавиньи.

— Погодите,— сказал Бофор.— Писташ, друг мой, прыгните в честь королевы!

И он поднял трость дюймов на шесть выше.

Собака почтительно перескочила через нее.

— Писташ, друг мой,— сказал герцог, поднимая трость еще на шесть дюймов,— прыгните в честь короля!

Собака разбежалась и, несмотря на то что трость была довольно высоко от полу, легко перепрыгнула через нее.

— Теперь внимание, господа! — продолжал герцог, опуская трость чуть не до самого пола.— Писташ, друг мой, прыгните в честь светлейшего негодяя Мазарини ди Пишина.

Собака повернулась задом к трости.

— Что это значит? — сказал герцог, обходя собаку и снова подставляя ей тросточку.— Прыгайте же, господин Писташ!

Но собака снова сделала полуоборот и стала задом к трости.

Герцог проделал тот же маневр и повторил свое приказание. Но на этот раз Писташ вышел из терпения. Он яростно бросился на трость, вырвал ее из рук герцога и перегрыз пополам.

Бофор взял из его пасти обломки и с самым серьезным видом подал их г-ну де Шавиньи, рассыпаясь в извинениях и говоря, что представление кончено, но что месяца через три, если ему угодно будет посетить представление, Писташ выучится новым штукам.

Через три дня собаку отравили.

Искали виновного, но, конечно, так и не нашли.

Бофор велел воздвигнуть на могиле собаки памятник с надписью: «Здесь лежит Писташ, самая умная из всех собак на свете».

Против такой хвалы возразить было нечего, и Шавиньи не протестовал.

Тогда герцог стал говорить во всеуслышание, что на его собаке проверяли яд, приготовленный для него самого: и однажды, после обеда, кинулся в постель, крича, что у него колики и что Мазарини велел его отравить.

Узнав об этой новой проделке Бофора, кардинал страшно перепугался. Венсенская крепость считалась очень нездоровым местом: г-жа де Рамбулье сказала как-то, что камера, в которой умерли Пюилоранс, маршал Орнано и великий приор Вандомский, ценится на вес мышьяка, и эти слова повторялись на все лады. А потому Мазарини распорядился, чтобы кушанья и вино, которые подавались заключенному,

предварительно пробовались при нем. Вот тогда-то и приставили к герцогу офицера Ла Раме в качестве дегустатора.

Командант, однако, не простил герцогу его дерзостей, за которые уже поплатился ни в чем не повинный Писташ. Шавиньи был любимцем покойного кардинала; уверяли даже, что он его сын, а потому притеснять умел на славу. Он начал мстить Бофору и прежде всего велел заменить его серебряные вилки деревянными, а стальные ножи — серебряными. Бофор высказал ему свое неудовольствие. Шавиньи велел ему передать, что так как кардинал на днях сообщил г-же де Вандом, что ее сын заключен в замок пожизненно, то он, Шавиньи, боится, как бы герцог, узнав эту горестную новость, не вздумал посягать на самоубийство. Недели через две после этого Бофор увидел, что дорога к тому месту, где он играл в мяч, усажена двумя рядами маленьких деревьев, толщиной в мизинец. Когда он спросил, для чего их насадили, ему ответили, что здесь когда-нибудь разрастутся для него тенистые деревья. Наконец, раз утром к Бофору пришел садовник и, как бы желая обрадовать его, объявил, что посадил для него спаржу. Спаржа, как известно, вырастает даже теперь через четыре года, а в те времена, когда садоводство было менее совершенным, на это требовалось пять лет. Такая любезность привела герцога в ярость.

Он пришел к заключению, что для него наступила пора прибегнуть к одному из своих сорока способов бегства из тюрьмы, и выбрал для начала самый простой из них — подкуп Ла Раме. Но Ла Раме, заплативший за свой офицерский чин полторы тысячи экю, очень дорожил им. А потому, вместо того чтобы помочь заключенному, он кинулся с докладом к Шавиньи, и тот немедленно распорядился удвоить число часовых, утроить посты и поместить восемь сторожей в комнате Бофора. С этих пор герцог ходил со свитой, как театральный король на сцене: четыре человека впереди и четыре позади, не считая замыкающих.

Вначале Бофор смеялся над этой строгостью: она забавляла его. «Это преуморительно, — говорил он, — это меня разнообразит (г-н де Бофор хотел сказать: «меня развлекает», но, как мы уже знаем, он говорил не всегда то, что хотел сказать). К тому же, — добавлял он, — когда мне наскучат все эти почести и я захочу избавиться от них, то пушу в ход один из оставшихся тридцати девяти способов».

Но скоро это развлечение стало для него мукой. Из бахвальства он выдерживал характер с полгода; он в конце концов, постоянно видя возле себя восемь человек, которые садились, когда он садился, вставали, когда он вставал, останавливались, когда он останавливался, герцог начал хмуриться и считать дни.

Это новое стеснение еще усилило ненависть герцога к Мазарини. Он проклинал его с утра до ночи и твердил, что обрежет ему уши. Положительно, страшно было слушать его. И Мазарини, которому доносили обо всем, происходившем в Венсене, невольно поглубже натягивал свою кардинальскую шапку.

Раз герцог собрал всех сторожей и, несмотря на свое неумение выражаться толково и связно (неумение, вошедшее даже в поговорку),

обратился к ним с речью, которая, сказать правду, была приготовлена заранее.

— Господа! — сказал он. — Неужели вы потерпите, чтобы оскорбляли и подвергали низостям (он хотел сказать: «унижениям») внука доброго короля Генриха Четвертого? Черт р-раздери, как говаривал мой дед. Знаете ли вы, что я почти царствовал в Париже? Под моей охраной находились в течение целого дня король и герцог Орлеанский. Королева в те времена была очень милостива ко мне и называла меня честнейшим человеком в государстве. Теперь, господа, выпустите меня на свободу. Я пойду в Лувр, сверну шею Мазарини, а вас сделаю своими гвардейцами, произведу всех в офицеры и назначу хорошее жалованье. Черт р-раздери! Вперед, марш!

Но как ни трогательно было краноречие внука Генриха IV, оно не тронуло этих каменных сердец. Никто из сторожей и не шелохнулся. Тогда Бофор обозвал их болванами и сделал их всех своими смертельными врагами.

Всякий раз, когда Шавиньи приходил к герцогу, — а он являлся к нему раза два-три в неделю, — тот не упускал случая пострадать его.

— Что сделаете вы, — говорил он, — если в один прекрасный день сюда явится армия закованных в железо и вооруженных мушкетерами парижан, чтобы освободить меня?

— Ваше высочество, — отвечал с низким поклоном Шавиньи, — у меня на валу двадцать пушек, а в казематах тридцать тысяч зарядов. Я постараюсь стрелять как можно лучше.

— А когда вы выпустите все свои заряды, они все-таки возьмут крепость, и мне придется разрешить им повесить вас, что мне, конечно, будет крайне прискорбно.

И герцог в свою очередь отвечивал самый изысканный поклон.

— А я, ваше высочество, — возражал Шавиньи, — как только первый из этих бездельников взберется на вал или ступит в подземный ход, буду принужден, к моему величайшему сожалению, собственноручно убить вас, так как вы поручены моему особому надзору и я обязан сохранить вас живого или мертвого.

Тут он снова кланялся его светлости.

— Да, — продолжал герцог. — Но так как эти молодцы, собираясь идти сюда, предварительно, конечно, вздернут на виселицу Джулио Мазарини, то вы не посмеете ко мне прикоснуться и оставите меня в живых из страха, как бы парижане не привязали вас за руки и за ноги к четверке лошадей и не разорвали на части, что будет, пожалуй, еще похуже виселицы.

Такие кисло-сладкие шуточки продолжались минут десять, четверть часа, самое большее двадцать минут. Но заканчивался разговор всегда одинаково.

— Эй, Ла Раме! — кричал Шавиньи, обернувшись к двери.

Ла Раме входил.

— Поручаю вашему особому вниманию герцога де Бофора, Ла Раме, — говорил Шавиньи. — Обращайтесь с ним со всем уважением, приличествующим его имени и высокому сану, и потому ни на минуту не теряйте его из виду.

И он удалялся с ироническим поклоном, приводившим герцога в страшную ярость.

Таким образом, Ла Раме сделался неперменным собеседником герцога, его бессменным стражем, его тенью. Но надо сказать, что общество Ла Раме, разбитного малого, веселого собеседника и собутыльника, прекрасного игрока в мяч и, в сущности, славного парня, имевшего с точки зрения г-на де Бофора только один серьезный недостаток — неподкупность, вовсе не стесняло герцога и даже служило ему развлечением.

К несчастью, сам Ла Раме относился к этому иначе. Хоть он и ценил честь сидеть взаперти с таким важным узником, но удовольствие иметь своим приятелем внука Генриха IV все-таки не могло заменить ему удовольствия навещать от времени до времени свою семью.

Можно быть прекрасным слугой короля и в то же время хорошим мужем и отцом. А Ла Раме горячо любил свою жену и детей, которых видал только с крепостных стен, когда они, желая доставить ему утешение как отцу и супругу, прохаживались по ту сторону рва. Этого, конечно, было слишком мало, и Ла Раме чувствовал, что его жизнерадостности (которую он привык считать причиной своего прекрасного здоровья, не задумываясь над тем, что она скорее являлась его следствием) хватит ненадолго при таком образе жизни. Когда же отношения между герцогом и Шавиньи обострились до того, что они совсем перестали видаться, Ла Раме пришел в отчаяние: теперь вся ответственность за Бофора легла на него одного. А так как ему, как мы говорили, хотелось иметь хоть изредка свободный денек, то он с восторгом отнесся к предложению своего приятеля, управителя маршала Граммона, порекомендовать ему помощника. Шавиньи, к которому Ла Раме обратился за разрешением, сказал, что охотно даст его, если, разумеется, кандидат окажется подходящим.

Мы считаем излишним описывать читателям наружность и характер Гримо. Если, как мы надеемся, они не забыли первой части нашей истории, у них, наверное, сохранилось довольно ясно представление об этом достойном человеке, который изменился только тем, что постарел на двадцать лет и благодаря этому стал еще угрюмее и молчаливее. Хотя Атос, с тех пор как в нем совершилась перемена, и позволил Гримо говорить, но тот, объяснявшийся знаками в течение десяти или пятнадцати лет, так привык к молчанию, что эта привычка стала его второй натурой.

так, обладающий столь благоприятной внешностью Гримо явился в Венсенскую крепость. Шавиньи мнил себя непогрешимым в уменье распознавать людей, и это могло, пожалуй, служить доказательством, что он действительно был сыном Ришелье, который тоже считал себя знатоком в этих делах. Он внимательно осмотрел просителя и пришел к заключению, что сросшиеся брови, тонкие губы, крючкова-тый нос и выдающиеся скулы Гримо свидетельствуют как нельзя больше в его пользу. Расспрашивая его, Шавиньи произнес двенадцать слов; Гримо отвечал всего четырьмя.

— Вот разумный малый, я это сразу заметил, — сказал Шавиньи. — Ступайте теперь к господину Ла Раме и постарайтесь заслужить его одобрение. Можете сказать ему, что я нахожу вас подходящим во всех отношениях.

Гримо повернулся на каблуках и отправился к Ла Раме, чтобы подвергнуться более строгому осмотру. Понравиться Ла Раме было гораздо трудней. Как Шавиньи всецело полагался на Ла Раме, так и последнему хотелось найти человека, на которого мог бы положиться он сам.

Но Гримо обладал как раз всеми качествами, которыми можно прельстить тюремного надзирателя, выбирающего себе помощника. И в конце концов, после множества вопросов, на которые было дано вчетверо меньше ответов, Ла Раме, восхищенный такой умеренностью в словах, весело потер себе руки и принял Гримо на службу.

— Предписания? — спросил Гримо.

— Вот: никогда не оставлять заключенного одного, отбирать у него все колющее или режущее, не позволять ему подавать знаки посторонним лицам или слишком долго разговаривать со сторожами.

— Все? — спросил Гримо.

— Пока все, — ответил Ла Раме. — Изменятся обстоятельства, изменятся и предписания.

— Хорошо, — сказал Гримо.

И он вошел к герцогу де Бофору.

Тот в это время причесывался. Желая досадить Мазарини, он не стриг волос и отпустил бороду, выставя напоказ, как ему худо живется и как он несчастен. Но несколько дней тому назад, глядя с высокой башни, он как будто разобрал в окне проезжавшей мимо кареты черты прекрасной г-жи де Монбазон, память о которой была ему все еще дорога. И так как ему хотелось произвести на нее совсем другое впечатление, чем на Мазарини, то он, в надежде еще раз увидеть ее, велел подать себе свинцовую гребенку, что и было исполнено.

Г-н де Бофор потребовал именно свинцовую гребенку, потому что у него, как и у всех блондинов, борода была несколько рыжевата: расчесывая, он ее одновременно красил.

Гримо, войдя к нему, увидел гребенку, которую герцог только что положил на стол; Гримо низко поклонился и взял ее.

Герцог с удивлением взглянул на эту странную фигуру.

Фигура положила гребенку в карман.

— Эй, там! Кто-нибудь! Что это значит? — крикнул Бофор. — Откуда взялся этот дурень?

Гримо, не отвечая, еще раз поклонился.

— Немой ты, что ли? — закричал герцог.

Гримо отрицательно покачал головой.

— Кто же ты? Отвечай сейчас! Я приказываю!

— Сторож, — сказал Гримо.

— Сторож! — повторил герцог. — Только такого висельника и недоставало в моей коллекции! Эй! Ла Раме... кто-нибудь!

Ла Раме торопливо вошел в комнату. К несчастью для герцога, Ла Раме, вполне полагаясь на Гримо, собрался ехать в Париж; он был уже во дворе и вернулся с большим неудовольствием.

— Что случилось, ваше высочество? — спросил он.

— Что это за бездельник? Зачем он взял мою гребенку и положил к себе в карман? — спросил Бофор.

— Он один из ваших сторожей, ваше высочество, и очень достойный человек. Надеюсь, вы оцените его так же, как и господин де Шавиньи...

— Зачем он взял у меня гребенку?

— В самом деле, с какой стати взяли вы гребенку у его высочества? — спросил Ла Раме.

Гримо вынул из кармана гребенку, провел по ней пальцами и, указывая на крайний зубец, ответил только:

— Колет.

— Верно, — сказал Ла Раме.

— Что говорит эта скотина? — спросил герцог.

— Что король не разрешил давать вашему высочеству острые предметы.

— Что вы, с ума сошли, Ла Раме? Ведь вы же сами принесли мне эту гребенку.

— И напрасно. Давая ее вам, я сам нарушил свой приказ.

Герцог в бешенстве поглядел на Гримо, который отдал гребенку Ла Раме.

— Я чувствую, что сильно возненавижу этого мошенника, — пробормотал Бофор.

Действительно, в тюрьме всякое чувство доходит до крайности. Ведь там всё — и люди и вещи — либо враги наши, либо друзья, поэтому там или любят или ненавидят, иногда имея основания, а чаще инстинктивно. Итак, по той простой причине, что Гримо с первого взгляда понравился Шавиньи и Ла Раме, он должен был не понравиться Бофору, ибо достоинства, которыми он обладал в глазах коменданта и надзирателя, были недостатками в глазах узника.

Однако Гримо не хотел с первого дня ссориться с заключенным: ему нужны были не гневные вспышки со стороны герцога, а упорная, длительная ненависть.

И он удалился, уступив свое место четырем сторожам, которые, покончив с завтраком, вернулись караулить узника.

Герцог со своей стороны готовил новую проделку, на которую очень рассчитывал. На следующий день он заказал к завтраку раков и хотел соорудить к этому времени в своей комнате маленькую виселицу, чтобы повесить на ней самого лучшего рака. По красному цвету вареного рака всякий поймет намек, и герцог будет иметь удовольствие произвести заочную казнь над кардиналом, пока не явится возможность повесить его в действительности. При этом герцога можно будет упрекнуть разве лишь в том, что он повесил рака.

Целый день Бофор занимался приготовлениями к казни. В тюрьме каждый становится ребенком, а герцог больше, чем кто-либо другой, был склонен к этому. Во время своей обычной прогулки, он сломал нужные ему две-три тоненькие веточки, и после долгих поисков нашел осколок стекла, — находка, доставившая ему большое удовольствие, — а вернувшись к себе, выдернул несколько ниток из носового платка.

Ни одна из этих подробностей не ускользнула от проницательного взгляда Гримо.

На другой день утром виселица была готова, и, чтобы установить ее на полу, герцог стал обстругивать ее нижний конец своим осколком.

Ла Раме следил за ним с любопытством отца семейства, рассчитывающего увидеть забаву, которой впоследствии можно будет потешить детей, а четыре сторожа — с тем праздным видом, какой во все времена служил и служит отличительным признаком солдата.

Гримо вошел в ту минуту, когда герцог, еще не совсем обстругав конец своей виселицы, отложил стекло и стал привязывать к перекладине нитку.

Он бросил на вошедшего Гримо быстрый взгляд, в котором еще было заметно вчерашнее неудовольствие, но тотчас же вернулся к своей работе, заранее наслаждаясь впечатлением, какое произведет его новая выдумка.

Сделав на одном конце нитки мертвую петлю, а на другом скользящую, герцог осмотрел раков, выбрал на глаз самого великолепного и обернулся, чтобы взять стекло.

Стекло исчезло.

— Кто взял мое стекло? — спросил герцог, нахмутив брови. Гримо показал на себя.

— Как, опять ты? — воскликнул герцог. — Зачем же ты взял его?

— Да, — спросил Ла Раме, — зачем вы взяли стекло у его высочества?

Гримо провел пальцем по стеклу и ограничился одним словом:

— Режет!

— А ведь он прав, монсеньер, — сказал Ла Раме. — Ах, черт возьми! Да этому парню цены нет!

— Господин Гримо, прошу вас, в ваших собственных интересах, держаться от меня на таком расстоянии, чтобы я не мог вас достать рукой, — сказал герцог.

Гримо поклонился и отошел в дальний угол комнаты.

— Полноте, полноте, монсеньер! — сказал Ла Раме. — Дайте мне вашу виселицу, и я обстругаю ее своим ножом.

— Вы? — со смехом спросил герцог.

— Да, я. Ведь это вы и хотели сделать?

— Конечно. Извольте, мой милый Ла Раме. Это выйдет еще забавнее.

Ла Раме, не понявший восклицания герцога, самым тщательным образом обстругал ножку виселицы.

— Отлично, — сказал герцог. — Теперь просверлите дырочку в полу, а я приготовлю преступника.

Ла Раме опустил на одно колено и стал ковырять пол.

Герцог в это время повесил рака на нитку. Потом он с громким смехом водрузил виселицу посреди комнаты.

Ла Раме тоже от души смеялся, сам не зная чему, и сторожа вторили ему. Не смеялся один только Гримо. Он подошел к Ла Раме и, указывая на рака, крутившегося на нитке, сказал:

— Кардинал?

— Повешенный его высочеством герцогом де Бофором, — подхватил герцог, хохоча еще громче, — и королевским офицером Жаком-Кризостомом Ла Раме!

Ла Раме с криком ужаса бросился к виселице, вырвал ее из пола и, разломав на мелкие кусочки, выбросил в окно. Второпях он чуть не бросил туда же и рака, но Гримо взял его у него из рук.

— Можно съесть, — сказал он, глядя рака себе в карман.

Вся эта сцена доставила герцогу такое удовольствие, что он почти простил Гримо роль, которую тот в ней сыграл. Но затем, подумав хорошенько о намерениях, которые побудили сторожа так поступить, и признав их дурными, он проникся к нему еще большей ненавистью.

К величайшему огорчению Ла Раме, история эта получила огласку не только в самой крепости, но и за ее пределами. Г-н де Шавиньи, в глубине души ненавидевший кардинала, счел долгом рассказать этот забавный случай двум-трем благонамеренным своим приятелям, а те его немедленно разгласили.

Благодаря этому, герцог чувствовал себя вполне счастливым в течение нескольких дней.

Между тем герцог усмотрел среди своих сторожей человека с довольно добродушным лицом и принялся его задабривать, тем более что Гримо он ненавидел с каждым днем все больше. Однажды поутру герцог, случайно оставшись наедине с этим сторожем, начал разговаривать с ним, как вдруг вошел Гримо, поглядел на собеседников, затем почтительно подошел к ним и взял сторожа за руку.

— Что вам от меня нужно? — резко спросил герцог.

Гримо отвел сторожа в сторону и указал ему на дверь.

— Ступайте! — сказал он.

Сторож повиновался.

— Вы несносны! — воскликнул герцог. — Я вас проучу!

Гримо почтительно поклонился.

— Господин шпион, я переломаю вам все кости! — закричал разгневанный герцог.

Гримо снова поклонился и отступил на несколько шагов.

— Господин шпион! Я задушу вас собственными руками!

Гримо с новым поклоном сделал еще несколько шагов назад.

— И сейчас же... сию же минуту! — воскликнул герцог, находя, что лучше покончить разом.

Он бросился, сжав кулаки, к Гримо, который поспешно вытолкнул сторожа и запер за ним дверь.

В ту же минуту руки герцога тяжело опустились на его плечи и сжали их, как тиски. Но Гримо, вместо того чтобы сопротивляться или позвать на помощь, неторопливо приложил палец к губам, и, с самой приятной улыбкой, произнес вполголоса:

— Тс!

Улыбка, жест и слово были такой редкостью у Гримо, что его высочество от изумления замер на месте.

Гримо поспешил воспользоваться этим. Он вытащил из-за подкладки своей куртки изящный конверт с печатью, который даже после долгого пребывания под одеждой г-на Гримо не окончательно утратил свой первоначальный аромат, и, не произнеся ни слова, подал его герцогу.

Пораженный еще более, герцог выпустил Гримо и взял письмо.

— От госпожи де Монбазон! — вскричал он, узнав знакомый почерк.

Гримо кивнул головою.

Герцог, совершенно ошеломленный, провел рукой по глазам, поспешно разорвал конверт и прочитал письмо:

«Дорогой герцог!

Вы можете вполне довериться честному человеку, который передаст вам мое письмо. Это слуга одного из наших сторонников, который ручается за него, так как испытал его верность в течение двадцатилетней службы. Он согласился поступить помощником к надзирателю, приставленному к вам, для того, чтобы подготовить и облегчить ваш побег из Венсенской крепости, который мы затеваем.

Час вашего освобождения близится. Ободритесь же и будьте терпеливы. Знайте, что друзья ваши, несмотря на долгую разлуку, сохранили к вам прежние чувства.

Ваша неизменно преданная вам

Мария де Монбазон.

Подписываюсь полным именем. Было бы слишком самоуверенно с моей стороны думать, что вы разгадаете после пятилетней разлуки мои инициалы».

Герцог с минуту стоял совершенно потрясенный. Пять лет тщетно искал он друга и помощника, и наконец, в ту минуту, когда он меньше всего ожидал этого, помощник свалился к нему точно с неба. Он с удивлением взглянул на Гримо и еще раз перечел письмо.

— Милая Мария! — прошептал он. — Значит, я не ошибся, это действительно она проезжала в карете. И она не забыла меня после

пятилетней разлуки! Черт возьми! Такое постоянство встречаешь только на страницах «Астреи»¹. Итак, ты согласен помочь мне, мой милый? — прибавил он, обращаясь к Гримо.

Тот кивнул головою.

— И для этого ты и поступил сюда?

Гримо кивнул еще раз.

— А я-то хотел задушить тебя! — воскликнул герцог.

Гримо улыбнулся.

— Но погоди-ка! — сказал герцог.

И он сунул руку в карман.

— Погоди! — повторял он, тщетно шаря по всем карманам.— Такая преданность внуку Генриха Четвертого не должна остаться без награды.

У герцога де Бофора было, очевидно, прекрасное намерение, но в Венсене у заключенных предусмотрительно отбирались все деньги.

Видя смущение герцога, Гримо вынул из кармана набитый золотом кошелек и подал ему.

— Вот что вы ищите, — сказал он.

Герцог открыл кошелек и хотел было высыпать все золото в руки Гримо, но тот остановил его.

— Благодарю вас, монсеньер, — сказал он, — мне уже заплачено.

Герцогу оставалось только еще более изумиться.

Он протянул Гримо руку. Тот подошел и почтительно поцеловал ее. Аристократические манеры Атоса отчасти перешли к Гримо.

— А теперь что мы будем делать? — спросил герцог.— С чего начнем?

— Сейчас одиннадцать часов утра, — сказал Гримо.— В два часа пополудни ваше высочество выразит желание сыграть партию в мяч с господином Ла Раме и забросит два-три мяча через вал.

— Хорошо. А дальше?

— Дальше ваше высочество подойдет к крепостной стене и крикнет человеку, который будет работать во рву, чтобы он бросил вам мяч обратно.

— Понимаю, — сказал герцог.

Лицо Гримо просияло. С непривычки ему было трудно говорить. Он двинулся к двери.

— Постой! — сказал герцог.— Так ты ничего не хочешь?

— Я бы попросил ваше высочество дать мне одно обещание.

— Какое? Говори.

— Когда мы будем спасаться бегством, я везде и всегда буду идти впереди. Если поймают вас, монсеньер, то дело ограничится только тем, что вас снова посадят в крепость; если же попадусь я, меня, самое меньшее, повесят.

— Ты прав, — сказал герцог.— Будет по-твоему — слово дворянина!

¹ Чувствительный роман французского писателя Оноре д'Юрфе, написанный в начале XVII в.

— А теперь я попрошу вас, монсеньер, только об одном: сделайте мне честь ненавидеть меня по-прежнему.

— Постараюсь,— ответил герцог.

В дверь постучались.

Герцог положил письмо и кошелек в карман, и бросился на постель: все знали, что он делал это, когда на него нападала тоска. Гримо отпер дверь. Вошел Ла Раме, только что вернувшийся от кардинала после описанного нами разговора.

Бросив вокруг себя пытливый взгляд, Ла Раме удовлетворенно улыбнулся; отношения между заключенным и его сторожем, по-видимому, нисколько не изменились к лучшему.

— Прекрасно, прекрасно,— сказал Ла Раме, обращаясь к Гримо.— А я только что говорил о вас в одном месте. Надеюсь, что вы скоро получите известия, которые не будут вам неприятны.

Гримо поклонился, стараясь выразить благодарность, и вышел из комнаты, что делал всегда, когда являлся его начальник.

— Вы, кажется, все еще сердитесь на бедного парня, монсеньер? — спросил Ла Раме с громким смехом.

— Ах, это вы, Ла Раме? — воскликнул герцог. — Давно пора! Я уже лег на кровать и повернулся носом к стене, чтобы не поддаваться искушению выполнить свое обещание и не свернуть шею этому негодяю Гримо.

— Не думаю, однако, чтобы он сказал что-нибудь неприятное вашему высочеству? — спросил Ла Раме, тонко намекая на молчаливость своего помощника.

— Еще бы, черт возьми! Немой эфиоп! Ей-богу, вы вернулись как раз вовремя, Ла Раме. Мне не терпелось вас увидеть!

— Вы слишком добры ко мне, монсеньер,— сказал Ла Раме, польщенный его словами.

— Нисколько. Кстати, я сегодня чувствую себя очень неловким, что, конечно, будет вам на руку.

— Разве мы будем играть в мяч? — вырвалось у Ла Раме.

— Если вы ничего не имеете против.

— Я всегда к услугам вашего высочества.

— Поистине вы очаровательный человек, Ла Раме, и я охотно остался бы в Венсене на всю жизнь, лишь бы не расставаться с вами.

— Во всяком случае, ваше высочество,— сказал Ла Раме,— не кардинал будет виноват, если ваше желание не исполнится.

— Как так? Вы виделись с ним?

— Он присылал за мной сегодня утром.

— Вот как! Чтобы потолковать обо мне?

— О чем же ему больше и говорить со мной? Вы мучите его, как кошмар, ваше высочество.

Герцог горько улыбнулся.

— Ах, если бы вы согласились на мое предложение, Ла Раме! — сказал он.

— Полноте, полноте, ваше высочество. Вот вы опять заговариваете об этом. Видите, как вы неблагоприятны.

— Я уже говорил вам,— продолжал герцог,— и опять повторяю, что озолочу вас.

— Каким образом? Не успеете вы выйти из крепости, как все ваше имущество конфискуют.

— Не успею я выйти отсюда, как стану владыкой Парижа.

— Тише, тише! Ну, можно ли мне слушать подобные речи? Хорош разговор для королевского чиновника! Вижу, монсеньер, что придется мне запастись вторым Гримо.

— Ну, хорошо, оставим это. Значит, ты толковал обо мне с кардиналом? В следующий раз, как он придет за тобой, позволь мне переодеться в твоё платье, Ла Раме. Я отправлюсь к нему вместо тебя, сверну ему шею и, честное слово, если ты поставишь это условием, вернусь назад в крепость.

— Видно, придется мне позвать Гримо, монсеньер,— сказал Ла Раме.

— Ну, не сердись. Так что же говорила тебе эта гнусная рожа?

— Я спущу вам это словечко,— сказал Ла Раме с хитрым видом,— потому что оно рифмуется со словом вельможа. Что он мне говорил? Велел мне хорошенько стеречь вас.

— А почему надо сторожить меня? — с беспокойством спросил герцог.

— Потому что какой-то звездочет предсказал, что вы удерете.

— А, так звездочет предсказал это? — сказал герцог, невольно вздрогнув.

— Да, честное слово! Эти проклятые колдуны сами не знают, что выдумать, лишь бы пугать добрых людей.

— Что же отвечал ты светлейшему кардиналу?

— Что если этот звездочет составляет календари, то я не посоветовал бы его высокопреосвященству покупать их.

— Почему?

— Потому, что спастись отсюда вам удастся только в том случае, если вы обратитесь в зяблика или королька.

— К несчастью, ты прав, Ла Раме. Ну, пойдем играть в мяч.

— Прошу извинения у вашего высочества, но мне бы хотелось отложить нашу игру на полчаса.

— А почему?

— Потому что Мазарини держит себя не так просто, как ваше высочество, хоть он и не такого знатного происхождения. Он позабыл пригласить меня к завтраку.

— Хочешь, я прикажу подать тебе завтрак сюда?

— Нет, не надо, монсеньер. Дело в том, что пирожник, живший напротив замка, по имени Марто...

— Ну?

— С неделю тому назад продал свое заведение парижскому кондитеру, которому, кажется, доктора посоветовали жить в деревне.

— Мне-то что за дело?

— Разрешите досказать, ваше высочество. У этого нового пирожника выставлены в окнах такие вкусные вещи, что просто слюнки текут.

— Ах ты, обжора!

— Боже мой, монсеньер! Человек, который любит хорошо поесть, еще не обжора. По самой своей природе человек ищет совершенства во всем, даже и в пирожках. Так вот, этот плут-кондитер, увидев, что я остановился около его выставки, вышел ко мне, весь в муке, и говорит: «У меня к вам просьба, господин Ла Раме: доставьте мне, пожалуйста, покупателей из заключенных в крепости. Мой предшественник, Марто, уверял меня, что он был поставщиком всего замка, потому я и купил его заведение. А между тем, я водворился здесь уже неделю назад, и, честное слово, господин де Шавиньи не купил у меня до сих пор ни одного пирожка». — «Должно быть, господин де Шавиньи думает, что у вас пирожки невкусные», — сказал я. «Невкусные? Мои пирожки? — воскликнул он. — Будьте же сами судьей, господин Ла Раме. Зачем откладывать?» — «Не могу, — сказал я, — мне необходимо вернуться в крепость». — «Хорошо, идите по вашим делам, вы, кажется, и впрямь торопитесь, но приходите через полчаса». — «Через полчаса?» — «Да. Вы уже завтракали?» — «И не думал». — «Так я приготовлю вам пирог и бутылку старого бургундского», — сказал он. Вы понимаете, монсеньер, я выехал натошак и, с позволения вашего высочества, я хотел... — Ла Раме поклонился.

— Ну ступай, скотина, — сказал герцог, — но помни, что я даю тебе только полчаса.

— А могу я обещать преемнику дядюшки Марто, что вы станете его покупателем?

— Да, но с условием, чтобы он не присылал мне пирожков с грибами. Ты знаешь ведь, что грибы Венсенского леса смертельны для нашей семьи.

Ла Раме сделал вид, что не понял намека, и вышел из комнаты. А пять минут спустя после его ухода, явился караульный офицер, будто для того, чтобы не дать герцогу соскучиться, а на самом деле для того, чтобы, согласно приказанию кардинала, не терять из виду заключенного.

Но за пять минут, проведенных в одиночестве, герцог успел еще раз перечитать письмо г-жи де Монбазон, свидетельствовавшее, что друзья не забыли его и стараются его освободить. Каким образом? Он еще не знал этого и решил, несмотря на молчаливость Гримо, заставить его разговариваться. Доверие, которое герцог чувствовал к нему, еще возросло, ибо он понял, почему тот вел себя так странно вначале. Очевидно, Гримо избирал мелкие придирки с целью заглушить в тюремном начальстве всякое подозрение о возможности сговора между ним и заключенным.

Такая хитрая уловка создала у герцога высокое мнение об уме Гримо, и он решил вполне довериться ему.

Глава 21

КАКАЯ БЫЛА НАЧИНКА В ПИРОГАХ ПРЕЕМНИКА ДЯДЮШКИ МАРТО

Ла Раме вернулся через полчаса, оживленный и веселый, как человек, который хорошо поел, а главное, хорошо выпил. Пирожки оказались великолепными, вино превосходным.

День был ясный, и предполагаемая партия в мяч могла состояться. В венсенской крепости играли на открытом воздухе, и герцогу, исполняя совет Гримо, нетрудно было забросить несколько мячей в ров.

Впрочем, до двух часов — условленного срока — он играл еще довольно сносно. Но все же он проигрывал все партии, под этим предлогом прикинулся рассерженным, начал горячиться и, как всегда бывает в таких случаях, делал промах за промахом.

Как только пробило два часа, мячи посыпались в ров, к великой радости Ла Раме, который насчитывал себе по пятнадцати очков за каждый промах герцога.

Наконец промахи так участились, что стало не хватать мячей. Ла Раме предложил послать кого-нибудь за ними. Герцог весьма основательно заметил, что это будет лишняя трата времени, и, подойдя к краю стены, которая, как верно говорил кардиналу Ла Раме, имела не менее шестидесяти футов высоты, увидел какого-то человека, работавшего в одном из тех крошечных огородов, какие разводят крестьяне по краю ровов.

— Эй, приятель! — крикнул герцог.

Человек поднял голову, и герцог чуть не вскрикнул от удивления. Этот человек, этот крестьянин, этот огородник — был Рошфор, который, по мнению герцога, сидел в Бастилии.

— Ну, чего нужно? — спросил человек.

— Будьте любезны, перебросьте нам мячи.

Огородник кивнул головою и стал кидать мячи, которые затем подобрали сторожа и Ла Раме.

Один из этих мячей упал прямо к ногам герцога, и так как он, очевидно, предназначался ему, то он поднял его и положил в карман.

Потом, поблагодарив крестьянина, герцог продолжал игру.

Бофору в этот день решительно не везло. Мячи летали как попало и два или три из них снова упали в ров. Но так как огородник уже ушел и некому было перебрасывать их обратно, то они так и остались во рву. Герцог заявил, что ему стыдно за свою неловкость, и прекратил игру.

Ла Раме был в полном восторге: ему удалось обыграть принца королевской крови!

Вернувшись к себе, герцог лег в постель. Он пролеживал почти целые дни напролет с тех пор, как у него отобрали книги.

Ла Раме взял платье герцога под тем предлогом, что оно запылилось и его нужно вычистить; на самом же деле он хотел быть уверенным, что заключенный не тронется с места. Вот до чего предусмотрителен был Ла Раме!

К счастью, герцог еще раньше вынул из кармана мяч и спрятал его под подушку.

Как только Ла Раме вышел и затворил за собою дверь, герцог разорвал крышку мяча зубами: ему нечем было его разрезать. Ему даже к столу подавали серебряные ножи, которые гнулись и ничего не резали.

В мяче оказалась записка следующего содержания:

«Ваше высочество!

Друзья ваши бодрствуют, и час вашего освобождения близится. Прикажете доставить вам послезавтра пирог от нового кондитера, купившего заведение у прежнего пирожника Марто. Этот новый кондитер — не кто иной, как ваш дворецкий Нуармон. Разрежьте пирог, когда будете одни. Надеюсь, что вы останетесь довольны его начинкой.

Глубоко преданный слуга вашего высочества как в Бастилии, так и повсюду

граф де Рошфор.

Вы можете вполне довериться Гримо, ваше высочество: это оченьмышленный и преданный нам человек».

Герцог, у которого стали топить печь с тех пор, как он отказался от упражнений в живописи, сжег письмо Рошфора, как раньше, хотя с гораздо большим сожалением, сжег записку г-жи де Монбазон. Он хотел было бросить в печку и мяч, но потом ему пришло в голову, что он еще может пригодиться для передачи ответа Рошфору.

Герцога стерегли на совесть: подслушав, что он двигается у себя, в комнату вошел Ла Раме.

— Что угодно вашему высочеству? — спросил Ла Раме.

— Я озяб и помешал дрова, чтобы они хорошенько разгорелись, — сказал герцог. — Вы знаете, мой милый, что камеры Венсенского замка славятся своей сыростью. Здесь очень удобно сохранять лед и добывать селитру. А те камеры, в которых умерли Пюилоранс, маршал Орнано и мой дядя, великий приор, справедливо ценятся на вес мышьяка, как выразилась госпожа де Рамбулье.

И герцог снова лег в постель, засунув мяч еще глубже под подушку. Ла Раме усмехнулся. Он был, в сущности, неплохой и добрый человек. Он горячо привязался к своему знатному узнику и был бы в отчаянии, если бы с тем приключилась какая-нибудь беда. А то, что говорил герцог про своего дядю и двух других заключенных, была истинная правда.

— Не следует предаваться мрачным мыслям, ваше высочество, — сказал Ла Раме. — Такие мысли убивают скорее селитры.

— Вам хорошо говорить так, Ла Раме. Если бы я мог ходить по кондитерским, есть пирожки у преемника дядюшки Марто и запивать их бургундским, как вы, я бы тоже не скучал.

— Да, уж что правда, то правда, ваше высочество: пироги у него превосходные, да и вино прекрасное.

— Во всяком случае его кухня и погреб должны быть получше, чем у господина де Шавиньи.

— А кто мешает вам попробовать его стряпню, ваше высочество? — сказал Ла Раме, попадаясь в ловушку. — Кстати, я обещал ему, что вы станете его покупателем.

— Хорошо, — согласился герцог. — Если уж мне суждено просидеть в заключении до самой смерти, как позаботился довести до моего сведения милейший Мазарини, то нужно же мне придумать какое-нибудь развлечение под старость. Постараюсь к тому времени сделаться лакомкой.

— Послушайтесь доброго совета, ваше высочество, не откладывайте этого до старости.

«Каждого человека, как видно, на погибель души и тела небо наделило хоть одним из семи смертных грехов, если не двумя сразу, — подумал герцог. — Чревуоудие — слабость Ла Раме. Что ж, воспользуемся этим».

— Послезавтра, кажется, праздник, милый Ла Раме? — спросил он.

— Да, ваше высочество, троицын день.

— Не желаете ли дать мне послезавтра урок?

— Чего?

— Гастрономии.

С большим удовольствием, ваше высочество.

— Но для этого мы должны остаться вдвоем. отошлем сторожей обедать в столовую господина де Шавиньи и устроим себе ужин, заказать который я попрошу вас.

— Гм! — сказал Ла Раме.

Предложение было очень соблазнительно, но Ла Раме, несмотря на невыгодное мнение о нем Мазарини, был все-таки человек бывалый и знал все ловушки, которые умеют подстраивать узники своим надзирателям. Герцог хвастал не раз, что у него имеется сорок способов побега из крепости. Уж нет ли тут какой хитрости?

Ла Раме задумался на минуту, но затем рассудил, что, раз обед он закажет сам, значит, ничего не будет подсыпано в кушанья или подливо в вино. А напиток его пьяным герцогу, конечно, нечего и надеяться; Ла Раме даже рассмеялся при таком предположении. Наконец, ему пришла на ум еще одна мысль, решившая вопрос.

Герцог следил с тревогой за отражением этого внутреннего монолога на физиономии Ла Раме. Наконец лицо надзирателя просияло.

— Ну что ж, идет? — спросил герцог.

— Идет, ваше высочество, но с одним условием.

— С каким?

— Гримо будет нам прислуживать за столом.

Это было как нельзя более кстати для герцога.

Однако у него хватило сил скрыть свою радость, и он недовольно нахмурился.

— К черту вашего Гримо! — воскликнул он. — Он испортил мне весь праздник.

— Я прикажу ему стоять за вашим стулом, ваше высочество, а так как он обычно не говорит ни слова, то вы его не будете ни видеть, ни слышать. И при желании можете воображать, что он находится за сто миль от вас.

— А знаете, мой милый, что я заключаю из всего этого? — сказал герцог. — Вы мне не доверяете.

— Ведь послезавтра троицын день, ваше высочество.

— Так что ж из того? Какое мне дело до троицы? Или вы боитесь, что святой дух сойдет на землю в виде огненных языков, чтобы отворить мне двери тюрьмы?

— Конечно нет, ваша светлость. Но я ведь говорил вам, что предсказал этот проклятый звездочет.

— А что такое?

— Что вы убежите из крепости прежде, чем пройдет троицын день.

— Так ты веришь колдунам? Глупец!

— Мне их предсказания не страшней вот этого, — сказал Ла Раме, щелкнув пальцами. — Но монсеньер Джулио и в самом деле побаивается. Он итальянец и, значит, суеверен.

Герцог пожал плечами.

— Ну, так и быть, согласен, — сказал он с прекрасно разыгранным добродушием. — Тащите вашего Гримо, если уж без этого нельзя обойтись, но кроме него — ни одной души, заботьтесь обо всем сами. Закажите ужин какой хотите, я же ставлю только одно условие: чтоб был пирог, о котором вы мне столько наговорили. Закажите его для меня, и пусть преемник Марто постарается. Пообещайте ему, что я сделаю его своим поставщиком не только на все время, которое просижу в крепости, но и после того, как выйду отсюда.

— Вы все еще надеетесь выйти? — спросил Ла Раме.

— Черт возьми! — воскликнул герцог. — В крайнем случае хоть после смерти Мазарини. Ведь я на пятнадцать лет моложе его. Правда, — с усмешкой добавил он, — в Венсене годы мчатся скорее.

— Монсеньер! — воскликнул Ла Раме. — Монсеньер!

— Или же здесь умирают раньше, — продолжал герцог, — что сводится к тому же.

— Так я закажу ужин, ваше высочество, — сказал Ла Раме.

— И вы полагаете, что вам удастся добиться успехов от вашего ученика?

— Очень надеюсь, монсеньер, — ответил Ла Раме.

— Если только успеете, — пробормотал герцог.

— Что вы говорите, ваше высочество?

— Мое высочество просит вас не жалеть кошелька кардинала, который соблаговолил принять на себя расходы по нашему содержанию.

Ла Раме остановился в дверях.

— Кого прикажете прислать к вам, монсеньер? — спросил он.

— Кого хотите, только не Гримо.

— Караульного офицера?

— Да, с шахматами.

— Хорошо.

И Ла Раме ушел.

Через пять минут явился караульный офицер, и герцог де Бофор, казалось, совершенно погрузился в глубокие расчеты шахов и матов.

Странная вещь человеческая мысль! Какие перевороты производят в ней иногда одно движение, одно слово, один проблеск надежды!

Герцог пробыл в заключении пять лет, которые тянулись для него страшно медленно. Теперь же, когда он вспомнил о прошлом, эти пять лет казались ему не такими длинными, как те два дня, те сорок восемь часов, которые оставались до освобождения.

Но больше всего хотел бы он узнать, каким образом состоится его освобождение. Ему подали надежду, но от него скрыли, что же будет в таинственном пироге. Что за друзья будут ждать его? Значит, несмотря на пять лет, проведенные в тюрьме, у него еще есть друзья? В таком случае он действительно был принцем с очень большими привилегиями.

Он забыл, что в числе его друзей (что было уж вовсе необыкновенно) имелась женщина. Быть может, она и не отличалась особенной верностью ему во время разлуки; но она не забыла о нем, а это уж очень много.

Тут было над чем призадуматься. А потому при игре в шахматы вышло то же, что при игре в мяч. Бофор делал промах за промахом и проигрывал офицеру вечером так же, как утром проиграл Ла Раме.

Однако очередные поражения давали возможность герцогу дотянуть до восьми часов вечера и кое-как убить три часа. Потом придет ночь, а с ней и сон.

Так, по крайней мере, полагал герцог. Но сон — очень капризное божество, которое не приходит именно тогда, когда его призывают. Герцог прождал его до полуночи, ворочаясь с боку на бок на своей постели, как святой Лаврентий на раскаленной решетке. Наконец он заснул.

Но на рассвете он проснулся. Всю ночь мучили его страшные сны. Ему снилось, что у него выросли крылья. Вполне естественно, что он попробовал полететь, и сначала крылья отлично его держали. Но поднявшись довольно высоко, он вдруг почувствовал, что не может больше держаться в воздухе. Крылья его сломались, он полетел вниз, в бездонную пропасть, и проснулся с холодным потом на лбу, совершенно разбитый, словно и впрямь рухнул с высоты.

Потом он снова заснул и опять погрузился в лабиринт нелепых, бессвязных снов. Едва он закрыл глаза, как его воображение, направленное к единой цели — бегству из тюрьмы, снова стало рисовать попытки осуществить его. На этот раз все шло по-другому. Бофору снилось, что он открыл подземный ход из Венсена. Он спустился в этот ход, а Гримо шел впереди с фонарем в руках. Но мало-помалу проход

стал суживаться. Сначала еще все-таки можно было идти, но потом подземный ход стал так узок, что беглец уже тщетно пытался продвинуться вперед. Стены подземного хода все сближались, все сжимались, герцог делал неслыханные усилия и все же не мог двинуться с места. А между тем вдали виднелся фонарь Гримо, неуклонно шедшего вперед. И сколько герцог ни старался позвать его на помощь, он не мог вымолвить ни слова, подземелье душило его. И вдруг в начале коридора, там, откуда он вошел, послышались поспешные шаги преследователей, они все приближались; его заметили, надежда на спасение пропала. А стены словно сговорились с врагами, и чем настоятельней была необходимость бежать, тем больше они теснили его. Наконец он услышал голос Ла Раме, увидел его. Ла Раме протянул руку и, громко расхохотавшись, схватил герцога за плечо. Его потащили назад, привели в низкую сводчатую камеру, где умерли маршал Орнано, Пюилоранс и его дядя. Три холмика отмечали их могилы, четвертая зияла тут же, ожидая еще один труп.

Проснувшись, герцог уже напрягал все силы, чтобы опять не заснуть, как раньше напрягал их, чтобы заснуть. Он был так бледен, казался таким слабым, что Ла Раме, вошедший к нему, спросил, не болен ли он.

— Герцог провел действительно очень тревожную ночь,— сказал один из сторожей, не спавший все время, так как у него от сырости разболелись зубы.— Он бредил и два-три звал на помощь.

— Что же это с вами, монсеньер? — спросил Ла Раме.

— Это все твоя вина, дурак! — сказал герцог.— Ты своими глупыми рассказами о бегстве совсем вскружил мне голову, и мне всю ночь снилось, что я, пытаюсь бежать, ломаю себе шею.

Ла Раме расхохотался.

— Вот видите, ваше высочество,— сказал он.— Это предостережение свыше. Я уверен, что вы не будете так неосмотрительны наяву, как во сне.

— Ты прав, любезный Ла Раме,— ответил герцог, отирая со лба холодный пот, все еще струящийся, хоть он и давно проснулся.— Я не хочу больше думать ни о чем, кроме еды и питья.

— Тс! — сказал Ла Раме.

И под разными предлогами он поспешил удалить, одного за другим, сторожей.

— Ну что? — спросил герцог, когда они остались одни.

— Ужин заказан,— сказал Ла Раме.

— Какие же будут блюда, господин дворецкий?

— Ведь вы обещали положиться на меня, ваше высочество!

— А пирог будет?

— Еще бы. Как башня!

— Изготовленный преемником Марто?

— Заказан ему.

— А ты сказал, что это для меня?

— Сказал.

-- Что же он ответил?

— Что постарается угодить вашему высочеству.

— Отлично,— сказал герцог, весело потирая руки.

— Черт возьми! — воскликнул Ла Раме.— Какие, однако, успехи делаете вы по части чревоугодия, ваше высочество! Ни разу за пять лет я не видал у вас такого счастливого лица.

Герцог понял, что плохо владеет собой. Но в эту минуту Гримо, должно быть, подслушав разговор и сообразив, что надо чем-нибудь отвлечь внимание Ла Раме, вошел в комнату и сделал знак своему начальнику, словно желая ему что-то сообщить.

Тот подошел к нему, и они заговорили вполголоса.

Герцог за это время опомнился.

— Я, однако, запретил этому человеку входить сюда без моего разрешения,— сказал он.

— Простите его, ваше высочество,— сказал Ла Раме,— это я велел ему прийти.

— А зачем вы зовете его, зная, что он мне неприятен?

— Но ведь, как мы условились, ваше высочество, он будет прислуживать за нашим славным ужином! Вы забыли про ужин, ваше высочество?

— Нет, но я забыл про господина Гримо.

— Вашему высочеству известно, что без Гримо не будет и ужина.

— Ну хорошо, делайте как хотите.

— Подойдите сюда, любезный,— сказал Ла Раме,— и послушайте, что я скажу.

Гримо, смотревший еще угрюмее обыкновенного, подошел поближе.

— Его высочество,— продолжал Ла Раме,— оказал мне честь пригласить меня завтра на ужин.

Гримо взглянул на него с недоумением, словно не понимая, каким образом это может касаться его.

— Да, да, это касается и вас,— ответил Ла Раме на этот немой вопрос.— Вы будете иметь честь прислуживать нам, а так как, несмотря на весь наш аппетит и жажду, на блюдах и в бутылках все-таки кое-что останется, то хватит и на вашу долю.

Гримо поклонился в знак благодарности.

— А теперь я попрошу у вас позволения удалиться, ваше высочество,— сказал Ла Раме.— Господин де Шавиньи, кажется, уезжает на несколько дней и перед отъездом желает отдать мне приказания.

Герцог вопросительно взглянул на Гримо, но тот равнодушно смотрел в сторону.

— Хорошо, ступайте,— сказал герцог,— только возвращайтесь поскорее.

— Вероятно, вашему высочеству угодно отыграться после вчерашней неудачи?

Гримо чуть заметно кивнул головой.

— Разумеется, угодно,— сказал герцог.— И берегитесь, Ла Раме, день на день не приходится: сегодня я намерен разбить вас в пух и прах.

Ла Раме ушел. Гримо, не шелохнувшись, проводил его глазами и, как только дверь затворилась, вытащил из кармана карандаш и четвертушку бумаги.

— Пишите, монсеньер,— сказал он.

— Что писать? — спросил герцог.

Гримо знаком остановил его и продиктовал:

— «Все готово к завтрашнему вечеру. Ждите нас с семи до девяти часов с двумя оседланными лошадьми. Мы спустимся из первого окна галереи».

— Дальше? — сказал герцог.

— Дальше, монсеньер? — удивленно повторил Гримо.— Дальше подпись.

— И все?

— Чего же больше, ваше высочество? — сказал Гримо, предпочитавший самый сжатый слог.

Герцог подписался.

— А вы уничтожили мяч, ваше высочество?

— Какой мяч?

— В котором было письмо?

— Нет, я думал, что он еще может нам пригодиться. Вот он. И, вынув из-под подушки мяч, герцог подал его Гримо.

Тот постарался улыбнуться как можно приятнее.

— Ну? — спросил герцог.

— Я зашью записку в мяч, ваше высочество,— сказал Гримо,— и вы во время игры бросите его в ров.

— А если он потеряется?

— Не беспокойтесь. Там будет человек, который поднимет его.

— Огородник? — спросил герцог.

Гримо кивнул головою.

— Тот же, вчерашний?

Гримо снова кивнул.

— Значит, граф Рошфор?

Гримо трижды кивнул.

— Объясни же мне хоть вкратце план нашего бегства.

— Мне велено молчать до последней минуты.

— Кто будет ждать меня по ту сторону рва?

— Не знаю, монсеньер.

— Так скажи мне, по крайней мере, что пришлют нам в пироге, если не хочешь свести меня с ума.

— В нем будут, монсеньер, два кинжала, веревка с узлами и груша¹.

— Хорошо, понимаю.

— Как видите, ваше высочество, на всех хватит.

— Кинжалы и веревку мы возьмем себе,— сказал герцог.

— А грушу заставим съесть Ла Раме,— добавил Гримо.

¹ Усовершенствованный кляп, имевший форму груши. Когда его засовывали в рот, он расширялся посредством пружины и растягивал челюсти.

— Мой милый Гримо, — сказал герцог, — нужно отдать тебе должное: ты говоришь не часто, но уж если заговоришь, то слова твои — чистое золото.

Глава 22

ОДНО ИЗ ПРИКЛЮЧЕНИЙ АГЛАИ МИШОН

то самое время, как герцог де Бофор и Гримо замыслили побег из Венсена, два всадника, в сопровождении слуги, въезжали в Париж через предместье Сен-Марсель. Это были граф де Ла Фер и виконт де Бражелон.

Молодой человек первый раз был в Париже, и, по правде сказать, Атос, въезжая с ним через эту заставу, не позаботился о том, чтобы показать с самой лучшей стороны город, с которым был когда-то в большой дружбе. Наверное, даже последняя деревушка Турени была приятнее на вид, чем часть Парижа, обращенная в сторону Блуа. И нужно сказать, к стыду этого столь прославленного города, что он произвел весьма посредственное впечатление на юношу.

Атос казался, как всегда, спокойным и беззаботным.

Доехав до Сен-Медарского предместья, Атос, служивший в этом лабиринте проводником своим спутникам, свернул в Почтовую улицу, потом в улицу Пыток, потом к рвам св. Михаила, потом в улицу Вожирар. Добравшись до улицы Феру, они поехали по ней. На середине ее Атос с улыбкой взглянул на один из домов, с виду купеческий, и показал на него Раулю.

— Вот в этом доме, — сказал он, — я прожил семь самых счастливых и самых жестоких лет моей жизни.

Рауль тоже улыбнулся и, сняв шляпу, низко поклонился дому. Он благоговел перед Атосом, и это проявлялось во всех его поступках.

Что же касается самого Атоса, то, как мы уже говорили, Рауль был не только средоточием его жизни, но, за исключением старых полковых воспоминаний, и его единственной привязанностью. Из этого можно понять, как глубоко и нежно его любил Атос.

Путники остановились в гостинице «Зеленая Лисица», на улице Старой Голубятни. Атос хорошо знал ее, так как сотни раз бывал здесь со своими друзьями. Но за двадцать лет тут изменилось все, начиная с хозяев.

Наши путешественники прежде всего позаботились о своих лошадях. Поручая их слугам, они приказали подстлать им соломы, дать овса и вытереть ноги и грудь теплым вином, так как эти породистые лошади сделали за один день двадцать миль. Только после этого, как надлежит хорошим ездокам, они спросили две комнаты для себя.

— Вам необходимо переодеться, Рауль, — сказал Атос. — Я хочу вас представить кой-кому.

— Сегодня? — спросил юноша.

— Да, через полчаса.

Рауль поклонился.

Не столь неутомимый, как Атос, который был точно выкован из железа, Рауль гораздо охотнее выкупался бы сейчас в Сене — он столько о ней наслушался, хоть и склонен был заранее признать ее хуже Луары, — а потом лечь в постель. Но граф сказал, и он повиновался.

— Кстати, оденьтесь получше, Рауль, — сказал Атос. — Мне хочется, чтобы вы казались красивым.

— Надеюсь, граф, что дело идет не о сватовстве, — с улыбкой сказал Рауль, — ведь вы знаете мои обязательства по отношению к Луизе.

Атос тоже улыбнулся.

— Нет, будьте покойны, хоть я и представлю вас женщине.

— Женщине? — переспросил Рауль.

— Да, и мне даже очень хотелось бы, чтобы вы полюбили ее.

Рауль с некоторой тревогой взглянул на графа, но, увидав, что тот улыбается, успокоился.

— А сколько ей лет? — спросил он.

— Милый Рауль, запомните раз навсегда, — сказал Атос, — о таких вещах не спрашивают. Если вы можете угадать по лицу женщины ее возраст — совершенно лишнее спрашивать об этом, если же не можете — ваш вопрос нескромен.

— Она красива?

— Шестнадцать лет тому назад она считалась не только самой красивой, но и самой очаровательной женщиной во Франции.

Эти слова совершенно успокоили Рауля. Невероятно было, чтобы Атос собирался женить его на женщине, которая считалась красивой за год до того, как Рауль появился на свет.

Он прошел в свою комнату и с кокетством, свойственным юности, исполняя просьбу Атоса, постарался придать себе самый изящный вид. При его природной красоте это было совсем не трудно.

Когда он вошел к Атосу, тот оглядел его с отеческой улыбкой, с которой в минувшие годы встречал д'Артаньяна. Только в улыбке этой было теперь гораздо больше нежности.

Прежде всего Атос посмотрел на волосы Рауля и на его руки и ноги — три главных признака благородного происхождения. Следуя тогдашней моде, Рауль причесался на прямой пробор, и темные волосы локонами падали ему на плечи, обрамляя лицо матовой бледности. Серые замшевые перчатки, одного цвета со шляпой, обрисовывали его тонкие изящные руки, а сапоги, тоже серые, как перчатки и шляпа, ловко обтягивали маленькие, как у десятилетнего ребенка, ноги.

«Если она не будет гордиться им, — подумал Атос, — то на нее очень трудно угодить».

Было три часа пополудни — самое подходящее время для визитов. Наши путешественники отправились по улице Гренель, свернули в улицу Розы, вышли на улицу св. Доминика и остановились у великолеп-

ного дома, расположенного против Якобинского монастыря и украшенного гербами семьи де Люинь.

— Здесь, — сказал Атос.

Он вошел в дом твердым, уверенным шагом, который сразу дает понять привратнику, что входящий имеет на это право, поднялся на крыльцо и, обратившись к лакею в богатой ливрее, послал его узнать, может ли герцогиня де Шеврез принять графа де Ла Фер.

Через минуту лакей вернулся с ответом: хотя герцогиня и не имеет чести знать графа де Ла Фер, она просит его войти.

Атос последовал за лакеем через длинную анфиладу комнат и остановился перед закрытой дверью. Он сделал виконту де Бражелону знак, чтобы тот подождал его здесь.

Лакей отворил дверь и доложил о графе де Ла Фер.

Герцогиня де Шеврез, о которой мы часто упоминали в нашем романе «Три мушкетера», ни разу не имея случая вывести ее на сцену, считалась еще очень красивой женщиной. На вид ей можно было дать не больше тридцати восьми — тридцати девяти лет, тогда как на самом деле ей уже минуло сорок пять. У нее были все те же чудесные белокурые волосы, живые умные глаза, которые так часто широко раскрывались, когда герцогиня вела какую-либо интригу, и которые так часто смыкала любовь, и талия тонкая, как у нимфы, так что герцогиню, если не видеть ее лица, можно было принять за совсем молоденькую девушку, какой она была в то время, когда прыгала с Анной Австрийской через тюильрийский ров, лишивший в 1633 году Францию наследника престола.

В конце концов это было все то же сумасбродное существо, умевшее придавать своим любовным приключениям такую оригинальность, что они служили почти к славе семьи.

Герцогиня сидела в небольшом будуаре, окна которого выходили в сад. Будуар этот по тогдашней моде, которую ввела г-жа де Рамбулье, отделявая свой особняк, был обтянут голубой шелковой материей с розоватыми цветами и золотыми листьями. Только изрядная кокетка решилась бы в лета герцогини де Шеврез сидеть в таком будуаре. А она даже не сидела, а полулежала на кушетке, прислонившись головою к вышитому ковру, висевшему на стене.

Опершись локтем на подушку, она держала в руке раскрытую книгу.

Когда лакей доложил о графе де Ла Фер, герцогиня слегка приподнялась и с любопытством посмотрела на дверь.

Вошел Атос.

На нем был лиловый бархатный костюм, отделанный шнурками того же цвета с серебряными воронеными наконечниками, плащ без золотого шитья и черная шляпа с простым лиловым пером.

Отложной воротник его рубашки был из дорогого кружева; такие же кружева спускались на отвороты его черных кожаных сапог, а на боку висела шпага с великолепным эфесом, которой на улице Феру так восхищался когда-то Портос и которую Атос так ни разу и не одолжил ему.

В лице и манерах графа де Ла Фер, имя которого только что прозвучало как совершенно неизвестное для герцогини де Шеврез, было столько благородства и изящества, что она слегка привстала и предложила ему занять место возле себя.

Атос поклонился и сел. Лакей хотел было уйти, но Атос знаком удержал его.

— Я имел смелость явиться к вам в дом, герцогиня, — сказал он, — несмотря на то, что мы незнакомы. Смелость моя увенчалась успехом, так как вы сообразовали принять меня. Теперь я прошу вас уделить мне полчаса для беседы.

— Я готова исполнить вашу просьбу, граф, — с любезной улыбкой ответила герцогиня де Шеврез.

— Но это еще не все. Простите, я знаю и сам, что требую слишком много. Я прошу у вас беседы без свидетелей, и мне бы не хотелось, чтобы нас прерывали.

— Меня ни для кого нет дома, — сказала герцогиня лакею. — Можете идти.

Лакей вышел.

На минуту наступило молчание. Герцогиня и ее гость, с первого взгляда увидевшие, что принадлежат к одному кругу людей, спокойно смотрели друг на друга.

Герцогиня первая прервала молчание.

— Ну что же, граф? — сказала она, улыбаясь. — Разве вы не видите, с каким нетерпением я жду?

— А я, герцогиня, я смотрю и восхищаюсь, — ответил Атос.

— Извините меня, — продолжала герцогиня, — но мне хочется поскорее узнать, с кем я имею удовольствие говорить. Нет никакого сомнения, что вы бываете при дворе. Почему я никогда не встречала вас там? Может быть, вы только что вышли из Бастилии?

— Нет, герцогиня, — с улыбкой сказал Атос, — но, может быть, я стою на дороге, которая туда ведет.

— Да? В таком случае скажите мне поскорее, кто вы, и уходите, — воскликнула герцогиня с той живостью, которая была в ней так пленительна. — Я и без того уже достаточно скомпрометировала себя, чтобы запутываться еще больше.

— Кто я, герцогиня? Вам доложили обо мне как о графе де Ла Фер, но вы никогда не слышали этого имени. В прежнее время я носил другое имя, которое вы, может быть, и знали, но, конечно, забыли уже.

— Все равно, скажите его мне, граф.

— Когда-то меня звали Атосом.

Герцогиня взглянула на него удивленными, широко раскрытыми глазами. Было очевидно, что это имя не вполне изгладилось у нее из памяти, хотя и затерялось среди старых воспоминаний.

— Атос? — сказала она. — Пойдите...

Она приложила обе руки ко лбу, как бы для того, чтобы задержать на мгновение множество мелькающих мыслей и разобраться в их сверкающем и пестром рое.

— Не помочь ли вам, герцогиня? — с улыбкой спросил Атос.

— Да, да,— сказала г-жа де Шеврез, уже утомленная этими поисками,— вы сделаете мне большое одолжение.

— Этот Атос был очень дружен с тремя молодыми мушкетерами: д'Артаньяном, Портосом и...

Атос остановился.

— И Арамисом,— быстро договорила герцогиня.

— И Арамисом, совершенно верно. Значит, вы еще не забыли этого имени?

— Нет,— ответила она,— нет. Бедный Арамис! Он был такой красивый, изящный и скромный молодой человек, писавший прелестные стихи. Говорят, он плохо кончил?

— Совсем плохо. Он сделался аббатом.

— Ах, какая жалость! — сказала герцогиня, небрежно играя своим веером.— Но я, право, очень благодарна вам, граф.

— За что же?

— За то, что вы вызвали одно из самых приятных воспоминаний моей молодости.

— А могу я напомнить вам другое?

— Имеющее связь с этим?

— И да и нет.

— Что ж,— сказала г-жа де Шеврез,— говорите. С таким человеком, как вы, можно ничего не бояться.

Атос поклонился.

— Арамис был в очень близких отношениях с одной молоденькой белошвейкой из Тура,— сказал он.

— С белошвейкой из Тура?

— Да. Ее звали Аглая Мишон, и она приходилась ему кузиной.

— Ах, я знаю ее! — воскликнула герцогиня.— Это та, которой он писал во время осады Ла-Рошели, предупреждая ее о заговоре против бедного Бекингэма!

— Она самая. Позвольте мне говорить о ней?

Герцогиня взглянула на него.

— Да, если вы не будете отзываться о ней слишком дурно,— сказала она.

— Это было бы черной неблагодарностью с моей стороны,— сказал Атос.— А по-моему, неблагодарность не недостаток и не грех, а порок, что гораздо хуже.

— Неблагодарность по отношению к Аглае Мишон? И с вашей стороны, граф? — воскликнула герцогиня, пристально смотря на Атоса и как бы стараясь прочесть его тайные мысли.— Но разве это возможно? Ведь вы даже не были знакомы с ней.

— Кто знает, сударыня? Может быть, и был,— сказал Атос.— Народная пословица говорит, что только гора с горой не сходится, а народные пословицы иной раз изумительно верны.

— О, продолжайте, продолжайте,— быстро проговорила герцогиня.— Вы не можете себе представить, с каким любопытством я вас слушаю.

— Вы придаете смелости, сударыня,— я буду продолжать. Эта кузина Арамиса, эта Аглая Мишон, эта молоденькая белошвейка,

несмотря на свое низкое общественное положение, была знакома с блестящей знатью. Самые важные придворные дамы считали ее своим другом, а королева, несмотря на всю свою гордость — двойную гордость испанки и австриячки, — называли ее своей сестрою.

— Увы! — проговорила герцогиня с легким вздохом и чуть заметным, свойственным ей одной, движением бровей. — С тех пор многое изменилось.

— И королева была права, — продолжал Атос. — Аглая Мишон была действительно глубоко предана ей, предана до такой степени, что решила быть посредницей между нею и ее братом, испанским королем.

— А теперь это вменяют ей в преступление, — заметила герцогиня.

— Тогда кардинал — настоящий кардинал, не этот, — решил в один прекрасный день арестовать бедную Аглаю Мишон и отправить ее в замок Лош. К счастью, об этом замысле узнали вовремя. Его даже предвидели и заранее условились: королева должна была прислать Аглае Мишон молитвенник в зеленом бархатном переплете, если той будет грозить какая-нибудь опасность.

— Да, именно так, вы хорошо осведомлены.

— Однажды утром принц де Марсильяк принес Аглае книгу в зеленом переплете. Нельзя было терять ни минуты. К счастью, Аглая Мишон и ее служанка Кэтти отлично умели носить мужской наряд. Принц доставил им платье — дорожный костюм для Аглаи и ливрею для Кэтти, а также двух отличных лошадей. Беглянки поспешно оставили Тур и направились в Испанию. Не решаясь показаться на больших дорогах, они ехали проселочными, вздрагивая от страха при малейшем шуме, и часто, когда на пути не встречалось гостиниц, пользовались случайным приютом.

— Все это правда, истинная правда! — воскликнула герцогиня, хлопая в ладони. — Было бы очень любопытно...

Она остановилась.

— Если б я проследил за путешественниками до самого конца? — спросил Атос. — Нет, герцогиня, я не позволю себе так злоупотреблять вашим временем. Мы доберемся с ними только до маленького селения Рош-Лабейль, лежащего между Тюлем и Ангулемом.

Герцогиня вскрикнула и с таким изумлением взглянула на Атоса, что бывший мушкетер не мог удержаться от улыбки.

— Подождите, сударыня, — сказал он, — теперь мне остается рассказать вам нечто, еще более необычайное.

— Вы колдун, сударь! — воскликнула герцогиня. — Я ко всему готова, но право же... Впрочем, продолжайте.

— В тот день они ехали долго, дорога была трудная. Стояла холодная погода — это было одиннадцатого октября. В селенье не было ни гостиницы, ни замка, одни только жалкие грязные крестьянские домишки. Между тем у Аглаи Мишон были самые аристократические привычки: подобно своей сестре-королеве, она привыкла к проветренной спальне и тонкому белью. Она решила просить гостеприимства у священника.

Атос остановился.

— Продолжайте, — сказала герцогиня. — Я уже говорила вам, что готова ко всему.

— Путешественницы постучались в дверь. Было поздно. Священник уже лег. Он крикнул им: «Войдите!» Они вошли, так как дверь была незаперта. В деревнях люди доверчивы. В спальне священника горела лампа. Аглая Мишон, очаровательная в мужском платье, толкнула дверь, просунула голову в комнату и попросила позволения переночевать. «Пожалуйста, молодой человек, — сказал священник, — если вы согласны удовольствоваться остатками моего ужина и половиною моей комнаты». Путешественницы пошептались между собой, и священник слышал, как они громко смеялись. А потом раздался голос молодого господина, или, вернее, госпожи: «Благодарю вас, господин кюре. Мне это подходит». — «В таком случае ужинайте, но постарайтесь поменьше шуметь. Я тоже не сходил с седла весь день и не прочь хорошенько выспаться».

Удивление герцогини де Шеврез сперва сменилось изумлением, а теперь она была просто ошеломлена. Лицо ее приобрело выражение, которое невозможно описать никакими словами: видно было, что ей хочется сказать что-то, но она молчит из опасения пропустить хоть одно слово своего собеседника.

— А дальше? — спросила она.

— Дальше? Вот это действительно самое трудное.

— Говорите, говорите! Мне можно сказать все. К тому же это меня нисколько не касается, — это дело Аглаи Мишон.

— Ах да, совершенно верно! Итак, Аглая Мишон поужинала со своей служанкой, а после ужина, пользуясь данным ей позволением, вошла в спальню священника. Кэтти уже устроилась на ночь в кресле в передней комнате, то есть там, где они ужинали.

— Послушайте! — воскликнула герцогиня. — Если только вы не сам сатана, то я не могу понять, каким образом узнали вы все эти подробности?

— Аглая Мишон была прелестная женщина, — продолжал Атос, — одно из тех сумасбродных созданий, которым постоянно приходят в голову самые странные причуды и которые созданы всем нам на погибель. И вот, когда эта кокетка подумала, что ее хозяин — священник, ей пришло на ум, что под старость забавно будет иметь в числе многих веселых воспоминаний еще лишнее веселое воспоминание о священнике, попавшем по ее милости в ад.

— Честное слово, граф, вы меня приводите в ужас.

— Увы! Бедный священник был не святой Амвросий, а Аглая Мишон, повторяю, была очаровательная женщина.

— Сударь, — воскликнула герцогиня, хватая Атоса за руки, — скажите мне сию же минуту, как вы узнали все это, не то я пошлю в Августовский монастырь за монахом, чтобы он изгнал из вас беса.

Атос рассмеялся.

— Нет ничего легче, герцогиня. За час до вашего приезда некий всадник, ехавший с важным поручением, обратился к этому же самому священнику с просьбой о ночлеге. Священника как раз

позвали к умирающему, и он собирался ехать на всю ночь не только из дому, но и вообще из деревни. Тогда служитель божий, вполне доверяя своему гостю, который, мимоходом заметим, был дворянин, предоставил в его распоряжение свой дом, ужин и спальню. Таким образом, Аглая Мишон просила гостеприимства не у самого священника, а у его гостя.

— И этот гость, этот путешественник, этот дворянин, приехавший до нее...

— Был я, граф де Ла Фер,— сказал Атос и, встав, почтительно поклонился герцогине де Шеврез.

Герцогиня с минуту молчала в полном изумлении, но вдруг весело расхохоталась.

— Честное слово, это презабавно! — воскликнула она. — Оказывается, что эта сумасбродная Аглая Мишон нашла лучше, чем искала. Садитесь, любезный граф, и продолжайте ваш рассказ.

— Теперь мне остается только покаяться, герцогиня. Я уже говорил вам, что ехал по очень важному делу. На рассвете я тихонько вышел из комнаты, где еще спал мой прелестный товарищ по ночлегу. В другой комнате спала, откинув голову на спинку кресла, служанка, вполне достойная своей госпожи. Ее личико меня поразило. Я подошел поближе и узнал маленькую Кэтти, которую наш друг, Арамис, приставил к ее госпоже. Вот каким образом я догадался, что прелестная путешественница была...

— Аглая Мишон,— живо dokonчила герцогиня.

— Аглая Мишон,— повторил Атос.— После этого я вышел из дому, отправился на конюшню, где меня ждал мой слуга с оседланной лошастью, и мы уехали.

— И вы больше никогда не бывали в этом селении? — быстро спросила герцогиня.

— Я был там опять через год.

— И?

— Мне хотелось еще раз повидать доброго священника. Он был очень озабочен одним совершенно непонятым обстоятельством. За неделю до моего второго приезда, ему подкинули прехорошенького трехмесячного мальчика. В колыбельке лежал кошелек, набитый золотом, и записка, в которой значилось только: «11 октября 1633 года».

— То самое число, когда случилось это странное приключение! — воскликнула г-жа де Шеврез.

— Да, и священник ничего не понял; ведь он твердо помнил, что провел эту ночь у умирающего, а Аглая Мишон уехала из его дома раньше, чем он вернулся.

— А знаете ли вы, сударь,— сказала герцогиня,— что Аглая Мишон, вернувшись в тысяча шестьсот сорок третьем году во Францию, тотчас же стала разыскивать ребенка? Она не могла взять его с собой в изгнание, но, вернувшись в Париж, хотела воспитывать его сама.

— Что же ответил ей священник? — спросил в свою очередь Атос.

— Что какой-то не знакомый ему, но, по-видимому, знатный человек захотел сам воспитать его, обещал позаботиться о нем и увез с собой.

— Так и было на деле.

— А, теперь я понимаю! Этот человек были вы, его отец!

— Тсс! Не говорите так громко, герцогиня: он здесь.

— Здесь! — вскричала герцогиня, поспешно вставая с места.— Он здесь, мой сын! Сын Аглаи Мишон здесь! Я хочу видеть его сию же минуту!

— Помните, что он не знает, ни кто его отец, ни кто его мать,— заметил Атос.

— Вы сохранили тайну и привезли его сюда, чтобы доставить мне такое счастье? О, благодарю, благодарю вас, граф! — воскликнула герцогиня, схватив руку Атоса и пытаясь поднести ее к губам.— Благодарю. У вас благородное сердце.

— Я привел его к вам, сударыня,— сказал Атос, отнимая руку,— чтобы и вы в свою очередь сделали для него что-нибудь. До сих пор я заботился о его воспитании, и, надеюсь, из него вышел вполне безупречный дворянин. Но теперь мне снова приходится начать скитальческую, полную опасностей жизнь участника политической партии. С завтрашнего дня я пускаюсь в рискованное предприятие и могу быть убит. Тогда у него не останется никого, кроме вас. Только вы имеете возможность ввести его в общество, где он должен занять принадлежащее ему по праву место.

— Будьте спокойны,— сказала герцогиня,— в настоящее время я, к сожалению, не пользуюсь большим влиянием, однако я сделаю для него все, что в моих силах. Что же касается до состояния и титула...

— На этот счет вам не надо беспокоиться. На него записано доставшееся мне по наследству имение Бражелон, а вместе с ним десять тысяч ливров годового дохода и титул виконта.

— Клянусь жизнью, вы настоящий дворянин, граф! Но мне хочется поскорее увидеть нашего молодого виконта. Где он?

— Рядом, в гостиной. Я сейчас приведу его, если вы позволите. Атос пошел было к двери, но герцогиня остановила его.

— Он красив? — спросила она.

Атос улыбнулся.

— Он похож на свою мать,— сказал он.

И, отворив дверь, Атос знаком пригласил молодого человека войти.

Герцогиня де Шеврез не могла удержаться от радостного восклицания, увидав очаровательного юношу, красота и изящество которого превосходили все, чего могло ожидать ее тщеславие.

— Подойдите, виконт,— сказал Атос.— Герцогиня де Шеврез разрешает вам поцеловать ее руку.

Рауль подошел, мило улыбнулся, опустил, держа шляпу в руке, на одно колено и поцеловал руку герцогини.

— Вы, должно быть, хотели пощадить мою застенчивость, граф,— произнес он, оборачиваясь к Атосу,— говоря, что представляете меня герцогине де Шеврез. Это, наверное, сама королева?

— Нет, виконт,— сказала герцогиня, глядя на него сияющими от счастья глазами. Взяв его за руку, она усадила его рядом с собой.— Нет, я, к сожалению, не королева, потому что если бы была ею, то сию минуту сделала бы для вас все, чего вы заслуживаете. Но как бы то ни было,— прибавила она, едва удерживаясь от желания поцеловать его чистое чело,— скажите мне, какую карьеру вам бы хотелось избрать?

Атос смотрел на них обоих с выражением самого глубокого счастья.

— Мне кажется, герцогиня,— сказал Рауль своим мягким и вместе с тем звучным голосом,— что для дворянина возможна только одна карьера — военная. Господин граф, думается, воспитывал меня с намерением сделать из меня солдата и хотел по приезде в Париж представить меня особе, которая сможет рекомендовать меня принцу.

— Да, понимаю. Для вас, молодого воина, было бы очень полезно служить под начальством такого полководца, как он. Постойте... как бы это устроить? У меня с ним довольно натянутые отношения, так как моя родственница, госпожа де Монбазон, в ссоре с герцогиней де Лонгвиль. Но если действовать через принца де Марсильяка... Да, да, граф, именно так. Принц де Марсильяк мой старинный друг, и он представит виконта герцогине де Лонгвиль, которая даст ему письмо к своему брату, принцу. А он любит ее так нежно, что сделает все, чего бы она ни пожелала.

— Вот и отлично! — сказал граф.— Только разрешите мне просить вас поторопиться. У меня есть веские причины желать, чтобы виконта завтра вечером уже не было в Париже.

— Надо ли сообщать о том, что вы принимаете в нем участие, граф?

— Для его будущности было бы, пожалуй, лучше, чтобы никто даже не подозревал о том, что мы с ним знаем друг друга.

— О, сударь! — воскликнул Рауль.

— Вы же знаете, Бражелон,— сказал Атос,— что я ничего не делаю без причины.

— Да, граф. Я знаю, что вы в высшей степени предусмотрительны, и готов, как всегда, вам повиноваться.

— Послушайте, граф, оставьте виконта у меня,— сказала герцогиня.— Я пошлю за принцем де Марсильяком, который, к счастью, сейчас находится в Париже, и не отпущу его до тех пор, пока дело не будет слажено.

— Благодарю вас, герцогиня. Мне сегодня придется побывать в нескольких местах, но к шести часам вечера я вернусь в гостиницу и буду ждать виконта.

— А что вы делаете вечером?

— Мы идем к аббату Скаррону, к которому у меня есть письмо и у которого я должен встретить одного из моих друзей.

— Хорошо. Я тоже заеду на минутку к аббату Скаррону,— сказала герцогиня.— Не уходите оттуда, не повидавшись со мной.

Атос поклонился и направился к выходу.

— Неужели со старыми друзьями прощаются так строго, граф? — спросила, смеясь, герцогиня.

— Ах, — прошептал граф, целуя ее руку. — Если бы я только знал раньше, какое очаровательное создание Аглая Мишон!

И, вздохнув, он вышел из комнаты.

Глава 23

АББАТ СКАРРОН

а улице Турнель был один дом, который в Париже знали все носильщики портшезов и все лакеи. А между тем, хозяин его не был ни вельможа, ни богач. Там не давали обедов, никогда не играли в карты и почти не танцевали.

Несмотря на это, все высшее общество съезжалось туда, и весь Париж там бывал.

Это было жилище маленького Скаррона.

У остроумного аббата время проводили весело. Можно было вдоволь послушаться разных новостей, которые так остро комментировались, разбирались по косточкам и превращались в басни, в эпиграммы, что каждому хотелось провести часок-другой с маленьким Скарроном, послушать, что он скажет, и разнести его слова по знакомым. Многие стремились сами вставить словечко, и, если словечко было забавно, они становились желанными гостями.

Маленький аббат Скаррон (кстати сказать, он назывался аббатом только потому, что получал доход с одного аббатства, а вовсе не потому, что был духовным лицом) в молодости жил в Мансе и был одним из самых щеголеватых пребендариев¹. Раз, во время карнавала, Скаррон вздумал потешить этот славный город, душой которого он был. Он велел своему лакею намазать себя с головы до ног медом, потом распорол перину и, вывалявшись в пуху, превратился в какую-то невиданную чудовищную птицу. В этом странном костюме, он отправился делать визиты своим многочисленным друзьям и приятельницам. Сначала прохожие с восхищением смотрели на него, потом слышались свистки, потом грузчики начали его бранить, потом мальчишки стали швырять в него камнями, и, наконец, Скаррон, спасаясь от обстрела, обратился в бегство; но стоило ему побежать, как все кинулись за ним в погоню. Его окружили со всех сторон, стали мять, толкать, и он, чтобы спастись от толпы, кинулся в реку. Скаррон плавал как рыба, но вода была ледяная. Он был в испарине, простудился, и его, едва он вышел на берег, хватил паралич.

Были испробованы все известные средства, чтобы восстановить подвижность его членов. В конце концов доктора так измучили его,

¹ Пребендарий — лицо, занимающее должность, связанную с получением дохода с какого-нибудь церковного владения.

что он выгнал их всех, предпочитая страдать от болезни, чем от лечения. Затем он переселился в Париж, где о нем уже составилось мнение, как о замечательном умном человеке. Там он заказал себе кресло своего собственного изобретения, и раз, когда он в этом кресле явился с визитом к Анне Австрийской, она, очарованная его умом, спросила, не желает ли он получить какой-нибудь титул.

— Да, ваше величество,— ответил он,— есть один титул, который я бы очень желал получить.

— Какой же? — спросила Анна Австрийская.

— Титул «больного вашего величества».

Желание Скаррона было исполнено. Его стали называть «больным королевы» и назначили ему пенсию в полторы тысячи ливров. С тех пор маленький аббат, которому уже нечего было беспокоиться о будущем, зажил весело, проживая без остатка все, что получал.

Но однажды один из близких кардиналу людей намекнул Скаррону, что ему не следовало бы принимать у себя коадьютора.

— Почему? — спросил Скаррон.— Кажется, он достаточно высокого происхождения?

— О, конечно!

— Любезен?

— Несомненно.

— Умен?

— К несчастью, даже чересчур.

— Так почему же вы хотите, чтобы я не принимал его?

— Из-за его образа мыслей.

— Какого? О ком?

— О кардинале.

— Как! — воскликнул Скаррон.— Я не прекращаю знакомства с Жилем Депрео¹, который плохого мнения обо мне, а вы хотите, чтобы я не принимал коадьютора, потому что он плохого мнения о ком-то другом! Это невозможно.

На этом разговор кончился, и Скаррон из духа противоречия стал еще чаще видаться с г-ном де Гонди.

В тот день, до которого мы дошли в нашем рассказе, Скаррону надо было получить свою пенсию за три месяца. Он, как всегда, дал лакею расписку и послал его в казначейство. Но на этот раз там заявили, что «у государства нет больше денег для аббата Скаррона».

Когда лакей вернулся с этим ответом, у Скаррона сидел герцог де Лонгвиль, тотчас же предложивший выплачивать ему пенсию вдвое больше той, которую отнял у него Мазарини. Но хитрый инвалид предпочел отказаться и сделал так, что к четырем часам пополудни весь город знал о поступке кардинала. Это было как раз в четверг — приемный день у аббата. К нему повалили толпой, и весь город бешено «фрондировал».

Атос нагнал на улице Сент-Оноре двух незнакомцев, ехавших по тому же направлению, что и он. Они были, как и он, верхом и тоже

¹ Имеется в виду старший брат известного теоретика классицизма — Николая Буало-Депрео.

в сопровождении лакеев. Один из них снял шляпу и обратился к Атосу:

— Представьте себе, сударь, ведь негодяй Мазарини лишил пенсии бедного Скаррона.

— Это возмутительно! — сказал Атос, тоже снимая шляпу.

— Сразу видно, что вы благородный человек, сударь, — продолжал всадник, вступивший в разговор с Атосом. — Этот Мазарини прямо язва.

— Увы, сударь, — ответил Атос, — именно так!

И они разъехались, любезно раскланявшись.

— Очень удачно вышло, что мы будем у аббата Скаррона именно сегодня вечером, — сказал Атос Раулю. — Мы выразим бедняге наше соболезнование.

— Кто такой этот Скаррон, что из-за него волнуется весь Париж? — спросил Рауль. — Какой-нибудь министр в опале?

— О нет, виконт, — ответил Атос. — Это просто маленький дворянин, но с большим умом. Он попал в немилость к кардиналу за то, что сочинил на него четверостишие.

— Разве дворяне пишут стихи? — наивно спросил Рауль. — Я полагал, что это унижительно для дворянина.

— Да, если стихи плохи, мой милый виконт, — смеясь ответил Атос, — если же нет, то они доставляют славу. Возьмем, к примеру, Ротру¹. И все-таки, — добавил он тоном человека, подающего добрый совет, — лучше, пожалуй, совсем не писать их.

— Значит, аббат Скаррон поэт? — спросил Рауль.

— Да, имейте это в виду, Рауль. Следите хорошенько за собой у него в доме. Объяснитесь больше жестами, а всего лучше — просто слушайте.

— Хорошо, сударь.

— Мне придется вести продолжительный разговор с одним из моих старинных друзей. Это аббат д'Эрбле, о котором я не раз говорил вам.

— Да, я помню.

— Подходите к нам время от времени как бы затем, чтобы вмешаться в наш разговор, но на самом деле ничего не говорите, а главное, не слушайте. Эта игра необходима для того, чтобы никто из посторонних не мешал нам.

— Хорошо, граф, я в точности исполню ваше желание.

Атос сделал еще два визита, а в семь часов отправился вместе с Раулем к аббату Скаррону. Множество экипажей, портшезов, лакеев и лошадей теснилось на улице Турнель. Атос проложил себе дорогу и в сопровождении Рауля вошел в дом.

Прежде всего им бросился в глаза Арамис, стоявший около большого, широкого кресла на колесах. В этом кресле под шелковым балдахинном, прикрытый парчовым одеялом, сидел маленький человек, еще не старый, с веселым, смеющимся лицом, которое иногда бледнело, причем, однако, глаза больного не теряли выражения

¹ Французский поэт XVII в.

живости, ума и любезности. То был аббат Скаррон, всегда веселый, насмешливый, остроумный, всегда страдающий и почесывающийся маленькой палочкой.

Вокруг этого подобия кочевой кибитки толпились мужчины и дамы. Комната была чисто прибрана, недурно обставлена. Длинные шелковые занавеси, затканые цветами, когда-то яркими, а теперь несколько полинявшими, закрывали окна. Обивка стен, хоть и скромная, отличалась большим вкусом. Два вежливых, благовоспитанных лакея почтительно прислуживали гостям.

Увидев Атоса, Арамис двинулся к нему навстречу и, взяв его за руку, представил Скаррону, который очень радушно и с большим уважением встретил нового гостя, а к виконту обратился с остроумным приветствием. Рауль не произнес в ответ ни слова: он не осмелился состязаться с королем остроумия. Но поклон его был во всяком случае грациозным. Потом Арамис познакомил Атоса с двумя-тремя из своих приятелей, и после того, как тот обменялся с ними несколькими любезными словами, легкое замешательство, вызванное его приходом, изгладилось, и разговор снова стал общим.

Через несколько минут, в течение которых Рауль успел освоиться и разобраться в топографии общества, дверь снова отворилась, и лакей доложил о мадемуазель Поле.

Атос прикоснулся к плечу виконта.

— Обратите на нее внимание, Рауль,— сказал он.— Это историческая личность,— Генрих Четвертый был убит в то время, когда ехал к ней.

Рауль вздрогнул. За последние дни перед ним уже несколько раз приподнималась завеса, скрывающая героическое прошлое. Эта женщина, еще молодая и красивая, знала Генриха IV и говорила с ним!

Все столпилась около мадемуазель Поле, так как она и сейчас пользовалась большой известностью. Эта была высокая женщина с тонкой, гибкой талией и густыми рыжевато-золотистыми волосами, какие так любил Рафаэль и какими Тициан наделял своих Магдалин. За этот цвет волос, а может быть, за первенство среди других женщин, ее прозвали «львицей». Да будет известно нашим очаровательным современницам, которые претендуют на этот фешенебельный титул, что он происходит не из Англии, как они, может быть, думают, но от их прекрасной и остроумной соотечественницы — мадемуазель Поле.

Мадемуазель Поле, не обращая внимания на шепот, поднявшийся со всех сторон ей навстречу, подошла прямо к Скаррону.

— Итак, вы обеднели, мой милый аббат? — сказала она спокойно.— Мы узнали об этом сегодня утром у госпожи Рамбулье. Нам сообщил это господин де Грасс.

— Да, но зато государство обогатилось,— ответил Скаррон.— Нужно уметь жертвовать собой для блага отечества.

— Теперь кардиналу можно будет увеличить свой ежегодный расход на духи и помаду на полторы тысячи ливров,— заметил какой-то фрондер, в котором Атос узнал всадника, встретившегося ему на улице Сент-Оноре.

— Да, но что скажет на это муза,— заметил Арамис самым медовым голосом,— которая любит золотую середину? Потому что

Si Virgilio puer ant tolerabile desit
Hospitium, caderent omnes a crimibus hydri¹.

— Отлично! — сказал Скаррон, протягивая руку мадемуазель Поле. — Но хоть я и лишился моей гидры, при мне, по крайней мере, осталась львица.

В этот вечер все еще более обычного восхищались остроумиями Скаррона. Все-таки хорошо быть притесняемым. Г-н Менаж приходил от слов Скаррона прямо в неистовый восторг.

Мадемуазель Поле направилась к своему обычному месту, но прежде чем сесть, окинула всех присутствующих взглядом королевы и на минуту остановила его на Рауле.

Атос улыбнулся.

— Мадемуазель Поле обратила на вас внимание, виконт,— сказал он.— Пойдите, приветствуйте ее. Будьте тем, что вы есть на самом деле, то есть простодушным провинциалом. Но смотрите, не вздумайте заговорить с нею о Генрихе Четвертом.

Виконт, краснея, подошел к «львице» и вмешался в толпу мужчин, теснившихся вокруг нее.

Таким образом составились две строго разграниченные группы: одна из них окружила Менажа, другая — мадемуазель Поле. Скаррон присоединился то к той, то к другой, лавируя между гостями в своем кресле на колесиках с ловкостью опытного лощмана, управляющего судном среди рифов.

— Когда же мы поговорим? — спросил Атос у Арамиса.

— Подождем. Сейчас еще мало народу, мы можем привлечь внимание.

В эту минуту дверь отворилась, и лакей доложил о приходе г-на коадьютора.

Все обернулись, услышав это имя, которое уже становилось знаменитым.

Атос тоже взглянул на дверь. Он знал аббата Гонди только по имени.

Вошел маленький черненький человечек, неуклюжий, близорукий, не знающий, куда девать руки, которые ловко справлялись только со шпагой и пистолетами,— с первого же шага он наткнулся на стол, чуть не опрокинув его. И все же, несмотря на это, в лице его было нечто величавое и гордое.

Скаррон подъехал к нему на своем кресле. Мадемуазель Поле кивнула ему и сделала дружеский жест рукой.

— А! — сказал коадьютор, наскочив на кресло Скаррона и тут только заметив его.— Так вы попали в немилость, аббат?

¹ «Если бы у Вергилия не было отрока (слуги) и пристойного крова, его гидра лишилась бы своих щупальцев» (лат.) У поздних римских поэтов, не чуждых странной и изысканной образности, гидра с сотней голов или щупальцев была одним из символов поэтического пыла, вдохновения.

Это была сакраментальная фраза. Она повторялась сто раз в продолжение сегодняшнего вечера, и Скаррону приходилось в сотый раз придумывать новую остроу на ту же тему. Он едва не растерялся, но собрался с силами и нашел ответ:

— Господин кардинал Мазарини был так добр, что вспомнил обо мне,— сказал он.

— Великолепно! — воскликнул Менаж.

— Но как же вы теперь будете принимать нас? — продолжал коадьютор.— Если ваши доходы уменьшатся, мне придется сделать вас каноником в соборе Богоматери.

— Нет, я вас могу подвести!

— Значит, у вас есть какие-то неизвестные нам средства?

— Я займу денег у королевы.

— Но у ее величества нет ничего, принадлежащего лично ей,— сказал Арамис.— Ведь имущество супругов нераздельно.

Кoadьютор обернулся с улыбкой и дружески кивнул Арамису.

— Простите, любезный аббат, вы отстали от моды, и мне придется вам сделать подарок.

— Какой? — спросил Арамис.

— Шнурок для шляпы.

Все глаза устремились на коадьютора, который вынул из кармана шнурок, завязанный каким-то особым узлом.

— А! — воскликнул Скаррон.— Да ведь это праща!

— Совершенно верно,— сказал коадьютор.— Теперь все делается в виде пращи — *à la fronde*¹. Для вас, мадемуазель Поле, у меня есть веер *à la fronde*, вам д'Эрбле, я могу рекомендовать своего перчаточника, который шьет перчатки *à la fronde*, а вам, Скаррон,— своего булочника, и притом с неограниченным кредитом. Он печет булки *à la fronde*, и превкусные.

Арамис взял шнурок и обвязал им свою шляпу.

В эту минуту дверь отворилась, и лакей громко доложил:

— Герцогиня де Шеврез.

При имени герцогини де Шеврез все встали.

Скаррон торопливо подкатил свое кресло к двери. Рауль покраснел, а Атос сделал Арамису знак, и тот сейчас же отошел в амбразуру окна.

Рассеянно слушая обращенные к ней со всех сторон приветствия, герцогиня, по-видимому, искала кого-то или что-то. Глаза ее загорелись, когда она увидела Рауля. Легкая тень задумчивости легла на ее лицо при виде Атоса, а когда она заметила Арамиса, стоящего в амбразуре окна, она вздрогнула от неожиданности и прикрылась веером.

— Как здоровье бедного Вуатюра? — спросила она, как бы стараясь отогнать нахлынувшие мысли.— Вы ничего не слышали о нем, Скаррон?

— Как! Вуатюр болен? — спросил дворянин, беседовавший с Атосом в улице Сент-Оноре.— Что с ним?

¹ По-фрондерски; буквально — в виде пращи.

— Он сел играть в карты,— сказал коадьютор,— по обыкновению, разгорячился, но не мог переменить рубашку, так как лакей не захватил ее. И вот бедный Вуатюр простудился и лежит при смерти.

— Где он играл?

— Да у меня же. Нужно вам сказать, что Вуатюр поклялся никогда не прикасаться к картам. Через три дня он не выдержал и явился ко мне, чтобы я разрешил его от клятвы. К несчастью, у меня в это время был наш любезный советник Брусель, и мы были заняты очень серьезным разговором в одной из самых дальних комнат. Между тем Вуатюр, войдя в приемную, увидел маркиза де Люинь за карточным столом в ожидании партнера. Маркиз обращается к нему и приглашает сыграть. Вуатюр отказывается, говоря, что не станет играть до тех пор, пока я не разрешу его от клятвы. Тогда Люинь успокаивает его обещанием принять грех на себя. Вуатюр садится за стол, проигрывает четыреста экю, выйдя на воздух, схватывает сильнейшую простуду и ложится в постель, чтобы уже больше не встать.

— Неужели милому Вуатюру так плохо? — спросил Арамис из-за оконной занавески.

— Увы, очень плохо! — сказал Менаж.— Этот великий человек, по всей вероятности, скоро покинет нас — *deseret orbem*¹.

— Ну, он-то не умрет,— резко проговорила мадемуазель Поле,— и не подумает даже. Он, как турок, окружен султаншами. Госпожа де Санто прилетела к нему кормить его бульоном, госпожа Ла Ренадо греет ему простыни, и даже наша приятельница, маркиза Рамбулье, посылает ему какие-то отвары.

— Вы, однако, не любите его, моя дорогая парфянка² — сказал, смеясь, Скаррон.

— Какая ужасная несправедливость, мой милый больной! — воскликнула мадемуазель Поле.— У меня к нему так мало ненависти, что я с удовольствием закажу обедню за упокой его души.

— Недаром вас прозвали львицей, моя дорогая,— сказала герцогиня де Шеврез.— Вы пребольно кусаетесь.

— Мне кажется, вы слишком презрительно относитесь к большому поэту, сударыня,— осмелился заметить Рауль.

— Большой поэт... Он?.. Сразу видно, что — как вы сами сейчас признавались — вы приехали из провинции, виконт, и что никогда не видали его. Он — большой поэт? Да в нем и пяти футов не будет.

— Bravo! Bravo! — воскликнул высокий худощавый и черноволосый человек с лихо закрученными усами и огромной рапирой.— Bravo, прекрасная Поле! Пора указать этому маленькому Вуатюру его настоящее место. Я ведь кое-что смыслю в поэзии и заявляю во всеуслышание, что его стихи мне всегда казались преотвратительными.

¹ Он покидает мир (*лат.*).

² Излюбленной военной хитростью древних парфян было притворное отступление — оборачиваясь на скаку, они поражали врагов меткими стрелами.

— Кто этот капитан, граф? — спросил Рауль.

— Господин де Скюдери.

— Автор романов «Клелия» и «Кир Великий»?

— Добрая половина которых написана его сестрой. Вот она разговаривает с хорошенькой девушкой, там, около Скаррона.

Рауль обернулся и увидел двух новых, только что вошедших посетительниц. Одна из них была прелестная хрупкая девушка с грустным выражением лица, прекрасными черными волосами и бархатными глазами, похожими на лиловые лепестки ивана-да-марьи, среди которых блестит золотая чашечка; другая, под покровительством которой, по-видимому, находилась молодая девушка, была сухая, желтая, холодная женщина, настоящая дуэнья или ханжа.

Рауль дал себе слово не уходить от аббата Скаррона, не поговорив с хорошенькой девушкой с чудными бархатными глазами, которая, по какому-то странному сочетанию мыслей, напомнила ему, — хотя внешнего сходства не было никакого, — бедную маленькую Луизу. Она лежала теперь больная в замке Лавальер, а он, среди всех этих новых лиц, чуть не забыл о ней.

Между тем Арамис подошел к коадьютору, который, смеясь, шепнул ему на ухо несколько слов. Несмотря на все свое самообладание, Арамис невольно вздрогнул.

— Смейтесь же, — сказал господин де Рец, — на нас глядят.

И он отошел к герцогине де Шеврез, около которой составилась большая кружок.

Арамис притворно засмеялся, чтоб отвести подозрения каких-нибудь досужих наблюдателей. Увидев, что Атос стоит в амбразуре окна, из которой он сам недавно вышел, он обменялся несколькими словами кое с кем из присутствующих и незаметно присоединился к нему.

Между ними тотчас же завязался оживленный разговор.

Рауль, как было условлено с Атосом, подошел к ним.

— Аббат декламирует мне рондо Вуатюра, — громко сказал Атос. — По-моему, оно несравненно.

Рауль постоял около них несколько минут, потом отошел к группе, окружавшей герцогиню де Шеврез, к которой присоединились с одной стороны мадемуазель Поле, а с другой — мадемуазель Скюдери.

— Ну-с, — сказал коадьютор, — а я позволю себе не согласиться с мнением господина Скюдери. Я нахожу, напротив, что Вуатюр — поэт, но при этом только поэт. Политические идеи ему совершенно не свойственны.

— И так?.. — шепотом спросил Атос.

— Завтра, — быстро ответил Арамис.

— В котором часу?

— В шесть.

— Где?

— В Сен-Манде.

— Кто вам сказал?

— Граф де Рошфор.

Тут к ним подошел кто-то из гостей.

— А философские идеи? — сказал Арамис. — Их тоже нет у бедного Вуатюра. Я совершенно согласен с господином коадьютором: Вуатюр — чистый поэт.

— Да, в этом отношении он, конечно, замечателен, — заметил Менаж, — но потомство, воздавая ему должное, поставит ему в упрек излишнюю вольность стиха. Он, сам того не сознавая, убил поэзию.

— Убил! Вот настоящее слово! — воскликнул Скюдери.

— Зато его письма — верх совершенства, — заметила герцогиня де Шеврез.

— О, в этом отношении он вполне заслуживает славы, — согласилась мадемуазель Скюдери.

— Совершенно верно, но только когда он шутит, — сказала мадемуазель Поле. — В серьезном эпистолярном жанре он просто жалок. И согласитесь, что, когда он не груб, он пишет попросту плохо.

— Признайтесь все же хоть в том, что шутки его неподражаемы.

— Да, конечно, — сказал Скюдери, крутя ус. — Я нахожу только, что у него вымученный юмор, а шутки пошловаты. Прочитайте, например, «Письмо карпа к щуке».

— Уж не говоря о том, что лучшие его произведения обязаны своим происхождением отелю Рамбулье, — заметил Менаж. — «Зелида и Альсидаля», например.

— А я, с своей стороны, — сказал Арамис, подходя к кружку и почтительно кланяясь герцогине де Шеврез, которая отвечала ему любезной улыбкой, — а я, с своей стороны, ставлю ему в вину еще то, что он держит себя чересчур свободно с великими мира сего. Он позволил себе слишком бесцеремонно обращаться с принцессой, с маршалом д'Альбре, с господином де Шомбером и даже с самой королевой.

— Как, с королевой! — воскликнул Скюдери и, словно ожидая нападения, выставил вперед правую ногу. — Черт побери, я не знал этого! Каким же образом оказал он неуважение ее величеству?

— Разве вы не знаете его стихотворения «Я думал»?

— Нет, — сказала герцогиня де Шеврез.

— Нет, — сказала мадемуазель Скюдери.

— Нет, — сказала мадемуазель Поле.

— Правда, королева, по всей вероятности, сообщила его очень немногим, — заметил Арамис, — но я получил его из верных рук.

— И вы знаете это стихотворение?

— Кажется, могу припомнить.

— Так прочтите, прочтите! — закричали со всех сторон.

— Вот как было дело, — сказал Арамис. — Однажды Вуатюр катался вдвоем с королевой в коляске по парку Фонтенбло. Он притворился, будто задумался, и сделал это для того, чтобы королева спросила, о чем он думает. Так оно и вышло. «О чем вы думаете, господин де Вуатюр?» — спросила она. Вуатюр улыбнулся, помолчал

секунд пять, делая вид, будто импровизирует, и в ответ произнес:

Я думал: почести и славу
Дарует вам сегодня рок,
Вознаграждая вас по праву
За годы скорби и тревог,
Но, может быть, счастливой были
Вы в те года, когда его...
Я не хотел сказать — любили,
Но рифма требует того.

Скюдери, Менаж и мадемуазель Поле пожали плечами.

— Погодите, погодите,— сказал Арамис.— В стихотворении три строфы.

— Или, вернее, три куплета,— заметила мадемуазель Скюдери.— Эта просто песенка.

Арамис продолжал:

Я думал: резвый Купидон,
Когда-то ваш соратник смелый,
Сложив оружие, принужден
Покинуть здешние пределы,
И мне ль сулить себе успех,
Задумавшись близ вас, Мария,
Когда вы позабыли всех,
Кто был вам предан в дни былые.

— Не берусь решать, соблюдены ли все правила поэзии в этом куплете,— сказала герцогиня де Шеврез,— но прошу к нему снисхождения ради его правдивости. Госпожа де Отфор и госпожа Сеннесе присоединятся ко мне, в случае надобности, не говоря уже о герцоге де Бофоре.

— Продолжайте, продолжайте,— сказал Скаррон.— Теперь мне все равно. С сегодняшнего дня я уже не «больной королевы».

— А последний куплет? Давайте послушаем последний куплет! — попросила мадемуазель Скюдери.

— Извольте. Тут уж прямо поставлены собственные имена, так что никак не ошибешься:

Я думал (ибо нам, поэтам,
Приходит странных мыслей рой).
Когда бы вы в бесстрастье этом
Вот здесь, сейчас, перед собой
Вдруг Бекингэма увидали,
Кто из двоих бы в этот миг
Подвергнут вашей был опале:
Прекрасный лорд иль духовник?

По окончании этой строфы все в один голос принялись осуждать дерзость Вуатюра.

— А я,— вполголоса проговорила молодая девушка с бархатными глазами,— имею несчастье находить эти стихи прелестными.

То же самое думал и Рауль. Он подошел к Скаррону и, краснея, обратился к нему:

— Господин Скаррон, я прошу вас оказать мне честь и сообщить, кто эта молодая девушка, которая не согласна с мнением всего этого блестящего общества?

— Ага, мой юный виконт! — сказал Скаррон. — Вы, кажется, намерены предложить ей наступательный и оборонительный союз?

Рауль снова покраснел.

— Я должен сознаться, что стихи Вуатюра понравились и мне, — сказал он.

— Они на самом деле хороши; но не говорите этого: при поэтах не принято хвалить чужие стихи.

— Но я не имею чести быть поэтом, и я ведь спросил вас...

— Да, правда, вы спрашивали, кто эта прелестная девушка не так ли? Это прекрасная индианка.

— Прошу прощения, сударь, — смущенно сказал Рауль, — но я все-таки не понимаю, увы, ведь я провинциал.

— Или, иначе сказать, вы еще не научились говорить тем высокопарным языком, на каком теперь объясняются все. Тем лучше, молодой человек, тем лучше. И не старайтесь изучить его: не стоит труда. А к тому времени, как вы его изучите, никто, надеюсь, уже не будет так говорить.

— Итак, вы прощаете меня, сударь, и соблаговолите объяснить, кто эта дама, которую вы называете прекрасной индианкой?

— Да, конечно. Это одно из самых очаровательных существ на свете. Ее зовут Франсуаза д'Обинье.

— Она родственница Агриппы¹, друга Генриха Четвертого?

— Его внучка. Она приехала с острова Мартиники, и потому-то я называю ее прекрасной индианкой.

Рауль с удивлением взглянул на молодую девушку. Глаза их встретились, и она улыбнулась.

Между тем разговор о Вуатюре продолжался.

— Скажите, сударь, — сказала Франсуаза д'Обинье, обращаясь к Скаррону словно для того, чтобы вмешаться в его разговор с виконтом, — как вам нравятся друзья бедного Вуатюра? Послушайте, как они отделяют его, расточая ему похвалы. Один отнимает у него здравый смысл, другой — поэтичность, третий — оригинальность, четвертый — юмор, пятый — самостоятельность, шестой... Боже мой, что же они оставили этому человеку, вполне заслужившему славу, как выразилась мадемуазель Скюдери?

Скаррон и Рауль рассмеялись. Прекрасная индианка, по-видимому, не ожидала, что ее слова произведут такой эффект. Она скромно опустила глаза, и лицо ее стало опять простодушно.

«Она очень умна», — подумал Рауль.

Атос, все еще стоя в амбразуре окна, с легкой усмешкой наблюдал эту сцену.

— Позовите мне графа де Ла Фер, — сказала коадьютору герцогиня де Шеврез. — Мне нужно поговорить с ним.

— А мне нужно, чтобы все считали, что я с ним не разговариваю, — сказал коадьютор. — Я люблю и уважаю его, потому что знаю его былые дела, некоторые по крайней мере, но поздороваться с ним я рассчитываю только послезавтра утром.

¹ Агриппа д'Обинье — французский сатирический поэт XVI—XVII вв.

— Почему именно послезавтра утром? — спросила г-жа де Шеврез.

— Вы узнаете завтра вечером, — ответил, смеясь, коадьютор.

— Право же, любезный Гонди, вы говорите, как апокалипсис¹, — сказала герцогиня. — Господин д'Эрбле, — обратилась она к Арамису, — не можете ли вы сегодня оказать мне еще одну услугу?

— Конечно, герцогиня. Сегодня, завтра, когда угодно, приказывайте.

— Так позовите мне графа де Ла Фер, я хочу с ним поговорить.

Арамис подошел к Атосу и вернулся вместе с ним к герцогине.

— Вот то, что я обещала вам, граф, — сказала она, подавая Атосу письмо. — Тому, о ком мы хлопочем, будет оказан самый любезный прием.

— Как он счастлив, что будет обязан вам, герцогиня.

— Вам нечего завидовать ему, граф: ведь я сама обязана вам тем, что узнала его, — сказала герцогиня с лукавой улыбкой, напомнившей Атосу и Арамису очаровательную Аглаю Мишон.

С этими словами она встала и велела подать карету. Мадемуазель Поле уже уехала, мадемуазель Скюдери собиралась уезжать.

— Виконт, — обратился Атос к Раулю, — проводите герцогиню де Шеврез. Попросите ее, чтобы она, спускаясь по лестнице, оказала вам честь опереться на вашу руку, и по дороге поблагодарите ее.

Прекрасная индианка подошла проститься со Скарроном.

— Вы уже уезжаете? — спросил он.

— Я уезжаю одной из последних, как видите. Если вы будете иметь известия о господине де Вуатюре, и в особенности, если они будут хорошие, пожалуйста, уведомьте меня завтра.

— О, теперь он может умереть, — сказал Скаррон.

— Почему? — спросила девушка с бархатными глазами.

— Потому что ему уже готов панегирик.

Они расстались, оба смеясь, но девушка еще раз обернулась и с участием взглянула на бедного паралитика, который провожал ее любовным взором.

Мало-помалу толпа поредела. Скаррон как будто не замечал, что некоторые из его гостей таинственно шептались о чем-то, что многим из них приносили письма и что, казалось, вечер устроен с какой-то тайной целью, а совсем не для разговоров о литературе, хотя все время и толковали о ней. Но теперь Скаррону было все равно. Теперь у него в доме можно было фрондировать сколько угодно. С этого утра, как он сказал, он перестал быть «больным королевы».

Рауль проводил герцогиню де Шеврез и помог ей сесть в карету. Она дала ему поцеловать свою руку, а потом, под влиянием одного из тех безумных порывов, которые делали ее такой очаровательной и еще более опасной, привлекла его к себе и, поцеловав в лоб, сказала:

— Виконт, пусть мои пожелания и мой поцелуй принесут вам счастье.

¹ Апокалипсис — одна из книг евангелия, пророчащая конец мира и написанная темным, загадочным языком.

Потом оттолкнула его и велела кучеру ехать в особняк Люинь. Лошади тронулись. Герцогиня еще раз кивнула из окна Раулю, и он, растерянный и смущенный, вернулся в салон.

Атос понял, что произошло, и улыбнулся.

— Пойдемте, виконт, — сказал он. — Пора ехать. Завтра вы отправитесь в армию принца. Спите хорошенько — это ваша последняя мирная ночь.

— Значит, я буду солдатом! — воскликнул Рауль. — О, благодарю, благодарю вас, граф, от всего сердца!

— До свидания, граф, — сказал аббат д'Эрбле. — Я отправляюсь к себе в монастырь.

— До свидания, аббат, — сказал коадьютор. — Я завтра говорю проповедь и должен еще просмотреть десятка два текстов.

— До свидания, господа, — сказал Атос, — а я лягу и просплю двадцать четыре часа кряду: я на ногах не стою от усталости.

Они пожали друг другу руки и, обменявшись последним взглядом, вышли из комнаты.

Скаррон украдкой следил за ними сквозь занавеси своей гостиной.

— И ни один-то из них не сделает того, что говорил, — усмехнувшись своей обезьяньей улыбкой, пробормотал он. — Ну что ж, в добрый час, храбрцы. Как знать! Может быть, их труды вернут мне пенсию... Они могут действовать руками, это много значит. У меня же, увы, есть только язык, но я постараюсь доказать, что и он кое-чего стоит. Эй, Шампенуа! Пробило одиннадцать часов, вези меня в спальню. Право, эта мадемуазель д'Обинье очаровательна.

И несчастный паралитик исчез в своей спальне. Дверь затворилась за ним, и вскоре огни, один за другим, потухли в салоне на улице Турнель.

Глава 24

СЕН-ДЕНИ

Рано утром, едва начало светать, Атос встал с постели и приказал подать платье. Он был еще бледнее обыкновенного и казался сильно утомленным. Видно было, что он не спал всю ночь. Во всех движениях этого твердого, энергичного человека чувствовалась теперь какая-то вялость и нерешительность.

Атос был озабочен приготовлениями к отъезду Рауля и хотел выиграть время. Прежде всего он вынул из надушенного кожаного чехла шпагу, собственноручно вычистил ее, осмотрел клинок и попробовал, крепко ли держится эфес.

Потом он положил в сумку Рауля кошелек с луидорами, позвал Оливена (так звали слугу, приехавшего с ними из Блуа) и велел ему уложить дорожный мешок, заботливо следя, чтобы тот не забыл

чего-нибудь и взял все, что необходимо для молодого человека, уходящего в поход.

В этих сборах прошло около часа. Наконец, когда все было готово, Атос отворил дверь в спальню Рауля и тихонько вошел к нему.

Солнце уже взошло, и яркий свет лился в комнату через большие широкие окна: Рауль вернулся поздно и забыл опустить занавеси. Он спал, положив руки под голову. Длинные черные волосы спускались на лоб, влажный от испарины, которая, подобно крупным жемчужинам, выступает на лице усталых детей.

Атос подошел и, наклонившись, долго с нежной грустью смотрел на юношу, который спал с улыбкой на губах, с полуопущенными веками, под покровом своего ангела-хранителя, навевавшего на него сладкие сны. При виде такой щедрой и чистой юности Атос невольно замечтался. Перед ним пронеслась его собственная юность, вызывая в его душе полузабытые сладостные воспоминания, подобные скорее запахам, чем мыслям. Между его прошлым и настоящим лежала глубокая пропасть. Но полет воображения — полет ангелов и молний. Оно переносит через моря, где мы чуть не погибли, через мрак, в котором исчезли наши иллюзии, через бездну, поглотившую наше счастье. Первая половина жизни Атоса была разбита женщиной; и он с ужасом думал о том, какую власть могла бы получить любовь и над этой нежной и вместе с тем сильной натурой.

Вспоминая о пережитых им самим страданиях, он представлял себе, как будет страдать Рауль, и нежная жалость, проникшая в его сердце, отразилась во влажном взгляде, устремленном на юношу.

В эту минуту Рауль очнулся от своего безоблачного сна, бодро, без всякого ощущения тяжести, тоски и усталости: так просыпаются люди нежного душевного склада, так просыпаются птицы. Глаза его встретились с глазами Атоса. Он, должно быть, понял, что происходило в душе этого человека, поджидавшего его пробуждения, как любовник ждет пробуждения своей любовницы, потому что и во взгляде Рауля выразилась бесконечная любовь.

— Вы были здесь, сударь? — почтительно спросил он.

— Да, Рауль, я был здесь, — сказал граф.

— И вы не разбудили меня?

— Я хотел, чтобы вы дольше поспали, мой друг. Вчерашний вечер затянулся, и вы, наверно, очень утомились.

— О, как вы добры! — воскликнул Рауль.

Атос улыбнулся.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Отлично. Совсем отдохнул и очень бодр.

— Ведь вы еще растете, — продолжал Атос с пленительной отеческой заботливостью зрелого человека к юноше. — В ваши годы особенно устают.

— Извините меня, граф, — сказал Рауль, смущенный такой заботливостью, — я сейчас оденусь.

Атос позвал Оливена, и в самом деле, через десять минут, с той пунктуальностью, которую Атос, привыкший к военной службе, пере-

дал своему воспитаннику, молодой человек был совершенно готов.

— А теперь, Оливен, — сказал молодой человек лакею, — уложите мои вещи.

— Они уже уложены, Рауль, — сказал Атос. — Я смотрел сам, как сумку укладывали, у вас будет все необходимое. Ваши вещи уже во вьюках, мешок лакея тоже, если только мои приказания исполнены.

— Все сделано, как изволили приказать, сударь, — ответил Оливен. — Лошади ждут у крыльца.

— А я спал! — воскликнул Рауль. — Спал в то время, как вы хлопотали и заботились обо всех мелочах. О, право же, вы слишком добры ко мне!

— Значит, вы любите меня немножко? Я надеюсь, по крайней мере... — сказал Атос почти растроганно.

— О, — задыхающимся голосом проговорил Рауль, стараясь сдержать охвативший его порыв нежности, — бог свидетель, что я глубоко люблю и уважаю вас!

— Посмотрите, не забыли ли вы чего-нибудь, — сказал Атос, озираясь по сторонам, чтобы скрыть свое волнение.

— Кажется, ничего, — ответил Рауль.

— У господина виконта нет шпаги, — нерешительно прошептал Оливен, подойдя к Атосу. — Вы приказали мне вчера вечером убрать ту, что он носил всегда.

— Хорошо, — ответил Атос, — об этом я позабочусь сам.

Рауль не обратил внимания на этот краткий разговор и, сходя с лестницы, несколько раз поглядел на Атоса, чтобы узнать, не настало ли время для прощания.

Но Атос не смотрел на него.

У крыльца стояли три верховые лошади.

— Значит, и вы поедете со мной? — воскликнул Рауль, просяив.

— Да, я провожу вас немного, — ответил Атос.

Глаза юноши радостно заблестели, и он легко вскочил на свою лошадь.

Атос, не спеша, сел на свою, предварительно шепнув несколько слов лакею, который, вместо того чтобы следовать за ними, снова вошел в дом.

Рауль, радуясь тому, что граф будет сопровождать его, не заметил или притворился, будто не заметил происшедшего.

Путники проехали Новый мост, свернули на набережную, или, вернее, на ту дорогу, которая в те времена называлась Пепиновым Водопоем, и поехали вдоль стен Большого замка. Около улицы Сен-Дени лакей нагнал их.

Разговор не вязался. Рауль с болью чувствовал, что минута разлуки приближается. Граф еще накануне переговорил с ним обо всем и сделал все нужные распоряжения. Но взгляд его становился все нежнее, а в тех немногих словах, которые он произносил, слышалось все больше любви. Время от времени он обращался к Раулю с каким-нибудь советом или замечанием, в которых проступала вся его заботливость о нем.

Когда они, выехав из города через заставу Сен-Дени, поравнялись с обителью францисканцев, Атос взглянул на лошадь Рауля.

— Смотрите, Рауль, — сказал он, — я вам уж не раз говорил, и вы не должны этого забывать, так как только плохой наездник не помнит об этом. Вы видите, ваша лошадь утомлена и уже вся в мыле, а моя так свежа, как будто ее только что вывели из конюшни. Она станет тугоуздой, вы слишком крепко натягиваете поводья. Заметьте, что от этого вам будет гораздо труднее управлять лошадью. А очень часто жизнь всадника зависит от быстроты, с какой его слушается лошадь. Подумайте только, что через неделю вы будете ездить уже не в манеже, а на поле битвы... Посмотрите-ка сюда, — прибавил он, чтобы сгладить мрачный характер своего замечания, — вот поле, где было бы хорошо поохотиться на куропаток.

Рауль поспешил воспользоваться уроком, данным ему Атосом. Его в особенности тронула деликатность, с какой тот его преподавал.

— Кстати, я заметил кое-что, — сказал Атос. — Когда вы стреляете из пистолета, вы чересчур вытягиваете руку, а при таком положении трудно добиться меткости выстрела. Вот почему вы недавно промахнулись три раза из двенадцати.

— А вы попали все двенадцать раз, — улыбаясь, сказал Рауль.

— Да, потому что я сгибал руку так, что для кисти получалась точка опоры в локте. Вы понимаете, что я хочу сказать, Рауль?

— Да, сударь. Я потом сам пробовал стрелять по вашему совету и достиг полного успеха.

— Да, вот еще, — сказал Атос. — Фехтуя, вы сразу начинаете с нападения. Я понимаю, что этот недостаток свойствен вашему возрасту; но от движения тела шпага при нападении всегда несколько отклоняется в сторону, и, если ваш противник окажется человеком хладнокровным, ему нетрудно будет сразу же остановить вас простым отводом или даже прямым ударом.

— Да, вы не раз побивали меня таким ударом, сударь. Но далеко не всякий обладает вашей ловкостью и смелостью.

— Какой, однако, свежий ветер! — сказал Атос. — Это уже предвестник зимы. Кстати, если вы будете в сражении, а это, наверное, случится, так как молодой главнокомандующий, ваш будущий начальник, любит запах пороха, помните, что, если вам придется биться с противником один на один (это случается сплошь да рядом, в особенности с нашим братом-кавалеристом), никогда не стреляйте первый. Тот, кто стреляет первый, почти всегда делает промах, так как стреляет из страха остаться безоружным перед вооруженным противником. А в то время, как он будет стрелять, поднимите свою лошадь на дыбы: этот прием несколько раз спасал мне жизнь.

— Я непременно воспользуюсь им, хотя бы из признательности к вам.

— Что там такое? — сказал Атос. — Кажется, поймали браконьеров?.. Так и есть. Еще одно очень важное обстоятельство, Рауль. Если вас ранят во время нападения и вы упадете с лошади, то старайтесь, насколько хватит сил, отползти в сторону от пути, которым проходил ваш полк. Он может повернуть обратно, и тогда вы погибнете под ко-

пытами лошадей. Во всяком случае, если будете ранены, немедленно же напишите мне или попросите кого-нибудь написать. Мы — люди опытные, знаем толк в ранах,— с улыбкой добавил он.

— Благодарю вас, сударь,— ответил растроганный Рауль.

— А вот и Сен-Дени! — пробормотал Атос.

Они подъехали к городским воротам, около которых стояло двое часовых.

— Вот еще молодой господин; должно быть, тоже едет в армию,— сказал один из них, обращаясь к товарищу.

Атос обернулся. Все, что хотя бы косвенно касалось Рауля, интересовало его.

— Почему вы так думаете? — спросил он.

— Я сужу по его виду, сударь,— отвечал часовой.— Да и годы его подходящие. Это уже второй сегодня.

— Значит, сегодня здесь проехал такой же молодой человек, как я? — спросил Рауль

— Да, очень важный и в богатом вооружении. Должно быть, из какой-нибудь знатной семьи.

— Вот у меня и попутчик, сударь,— сказал Рауль,— но, увы, он не заменит мне того, с кем я расстаюсь.

— Не думаю, чтобы вам удалось догнать его, Рауль,— сказал Атос.— Он успеет порядком опередить вас, так как мы некоторое время задержимся здесь: мне нужно поговорить с вами.

— Как вам будет угодно, сударь.

На улицах было множество народа по случаю праздника. Подъехав к старинной церкви, в которой служили раннюю мессу, Атос остановил лошадь.

— Войдите, виконт,— сказал он,— а вы, Оливен, подержите лошадей и дайте мне шпагу.

Он взял у слуги шпагу, и оба вошли в церковь. Атос подал Раулю святую воду. В сердце отца нередко таится зернышко заботливой нежности любовника к своей возлюбленной.

Молодой человек коснулся руки Атоса и, склонившись, перекрестился.

Между тем Атос шепнул что-то одному из церковных сторожей, и тот пошел ко входу в склеп.

— Идите за ним, Рауль,— сказал Атос.

Сторож открыл решетку королевской усыпальницы и остановился на верхней ступеньке, в то время как Атос и Рауль спустились вниз. На последней площадке лестницы горела серебряная лампада, под которой стоял на дубовом помосте катафалк с гробом, покрытым лиловым бархатным покровом, расшитым золотыми лилиями.

Горе, переполнявшее сердце молодого человека, и величие храма подготовили его к тому, что он увидел. Он медленно и торжественно сошел по лестнице и остановился с обнаженной головой перед останками последнего короля, которые не полагалось опускать в могилу, где покоились предки, пока не умрет его преемник; эти останки пребывали здесь для того, чтобы напоминать человеческому тщеславию, нередко столь заносчивому на троне: «Прах земной, я ожидаю тебя».

На минуту наступило молчание.

Потом Атос поднял руку и показал на гроб.

— Вот временная гробница, — сказал он, — человека слабого и ничтожного, но в царствование которого совершалось множество великих событий. Над этим королем всегда бодрствовал дух другого человека, как эта лампада всегда горит над саркофагом, всегда освещает его. Он-то и был настоящим королем, а этот только призраком, в которого он вкладывал свою душу.

То царствование минуло, Рауль; грозный министр, столь страшный для своего господина, столь ненавидимый им, сошел в могилу и увел за собой короля, которого он не хотел оставлять на земле без себя, из страха, несомненно, чтобы тот не разрушил возведенного им здания. Для всех смерть кардинала явилась освобождением, и я сам — так слепы современники! — несколько раз препятствовал замыслам этого великого человека, который держал Францию в своих руках и по своей воле то душил ее, то давал ей вздохнуть свободно. Если он в своем грозном гневe не стер в порошок меня и моих друзей, то, вероятно, для того, чтобы сегодня я мог сказать вам: Рауль, умеете отличать короля от королевской власти.

Когда вы не будете знать, кому служить, колеблясь между материальной видимостью и невидимым принципом, выбирайте принцип, в котором все.

Рауль, мне кажется, я вижу вашу жизнь в туманной дымке будущего. Она, по-моему, будет лучше нашей. У нас был министр без короля, у вас будет наоборот — король без министра. Поэтому вы сможете служить королю, почитать и любить его. Но если этот король станет тираном, потому что могущество доводит иногда до головокружения и толкает к тирании, то служите принципу, почитайте и любите принцип, то есть то, что непоколебимо на земле.

— Я буду верить в бога, сударь, — сказал Рауль, — я буду уважать королевскую власть, я буду служить королю, и, если уж умирать, я постараюсь умереть за них. Так ли я понял вас?

Атос улыбнулся.

— Вы благородный человек, — сказал он. — Вот ваша шпага, держите!

Рауль опустил на одно колено.

— Ее носил мой отец, храбрый и честный дворянин, — продолжал Атос. — Потом она перешла ко мне, и не раз покрывалась она славой, когда моя рука держала ее эфес, а ножны висели у пояса. Быть может, эта шпага еще слишком тяжела для вашей руки, Рауль, но тем лучше: вы приучитесь обнажать ее только в тех случаях, когда это действительно будет нужно.

— Сударь, — сказал Рауль, принимая шпагу из рук Атоса, — я обязан вам всем, но эта шпага для меня драгоценнее всех подарков, какие я получал от вас. Клянусь, что буду носить ее с честью и тем докажу вам свою благодарность.

И он с благоговением поцеловал эфес шпаги.

— Хорошо, — сказал Атос. — Встаньте, виконт, и обнимите меня.

Рауль встал и кинулся в объятия Атоса.

— До свидания,— прошептал Атос, чувствуя, что сердце его рывається.— До свидания, и не забывайте меня.

— О, никогда, никогда! — воскликнул Рауль.— Клянусь вам, сударь, что, если дойдет до беды, я погибну с вашим именем на устах, и мысль о вас будет моей последней мыслью!

Атос, желая скрыть свое волнение, быстро поднялся по лестнице, дал сторожу золотой, преклонил колена пред алтарем и быстро вышел на паперть, возле которой их ждал Оливен с лошадьми.

— Оливен,— сказал Атос,— подтяните немножко португепу виконта, а то его шпага опускается слишком низко. Так, хорошо. Вы отправитесь с виконтом и останетесь с ним до тех пор, пока вас не догонит Гримо. Слышите, Рауль? Гримо — наш старый слуга, человек храбрый и осторожный. Он будет сопровождать вас.

— Хорошо, сударь,— сказал Рауль.

— Ну, на коня! Я хочу посмотреть, как вы поедете.

Рауль повиновался.

— Прощайте, Рауль,— сказал Атос.— Прощайте, дитя мое.

— Прощайте, сударь! — воскликнул юноша.— Прощайте, мой дорогой покровитель!

Атос, не в силах вымолвить слово, махнул рукой, и Рауль так и тронулся в путь, не надевая шляпы.

Атос стоял неподвижно, следя за ним глазами до тех пор, пока молодой человек не скрылся за поворотом.

Глава 25

ОДИН ИЗ СОРОКА СПОСОБОВ БЕГСТВА ГЕРЦОГА ДЕ БОФФОРА

Время тянулось страшно медленно как для герцога де Боффора, так и для тех, кто подготавливал его побег. Но для узника оно тянулось особенно медленно. Иные люди, с жаром затевая какое-нибудь опасное предприятие, становятся все хладнокровнее по мере того, как подходит время его выполнения. Герцог был не таков. Его пылкая отвага вошла в поговорку, а теперь, после пятилетнего вынужденного бездействия, он словно подгонял время и неустанно призывал тот миг, когда можно будет начать действовать. Не говоря о планах, которые он намерен был привести в исполнение по выходе из тюрьмы,— планах, надо признаться, довольно смутных и неопределенных,— он с удовольствием думал о том, что уж одно бегство его из крепости будет началом мщения. Своим побегом он насолит Шавиньи, которого он терпеть не мог за все его мелочные притеснения, и еще больше он насолит Мазарини, своему смертельному врагу, повинному во всех его страданиях, которого он страстно ненавидел. Герцог явно соблюдал пропорцию в своих чувствах к коменданту и министру, к подчиненному и к хозяину.

Затем, прекрасно зная внутреннюю жизнь Пале-Рояля и отношения между королевой и кардиналом, Бофор представлял себе, сидя в тюрьме, весь драматизм сцены, которая произойдет, когда от кабинета Мазарини до покоев королевы пронесется слух: «Герцог Бофор бежал!» Думая об этом, он сладко улыбался. Ему мерещилось, что он уже вышел из стен крепости, вдыхает чистый воздух лесов и полей, прищипривает доброго коня и кричит во все горло: «Я свободен!»

Правда, когда он приходил в себя, перед ним были все те же стены его тюрьмы, в десяти шагах сидел Ла Раме, от безделья крутивший пальцами, а в передней пиле и хохотали солдаты.

С этой ненавистной действительностью его примиряло — так велико человеческое непостоянство! — только хмурое лицо Гримо, лицо, которое он сперва возненавидел и в котором воплотилась поздние единственная его надежда. Гримо казался ему теперь Антиноем¹.

Нечего говорить, что все это было лишь игрой разгоряченного воображения узника. Гримо был все тот же. Он пользовался полным доверием Ла Раме, который полагался на него больше, чем на себя; сам Ла Раме, как мы уже говорили, чувствовал некоторую слабость к герцогу.

Потому-то предстоящий ужин с Бофором так радовал добряка Ла Раме. Ла Раме страдал лишь одним недостатком — он любил хорошо покушать: пирожки показались ему восхитительными, вино превосходным. А теперь преемник дядюшки Марто обещал приготовить пирог не с дичью, а с фазаном, и подать к нему не маконское вино, а шамбертен. Пир будет роскошный и покажется еще лучше в обществе такого собеседника, как этот милый принц, который придумывает такие уморительные проделки над Шавиньи и так смешно потешается над Мазарини. Все это делало для Ла Раме наступающий троицын день действительно одним из четырех самых больших годовых праздников.

А потому Ла Раме ждал шести часов с таким же нетерпением, как и герцог.

Он с самого утра начал хлопотать о всех мелочах и, не решаясь положиться ни на кого другого, отправился лично к преемнику дядюшки Марто. Тот превзошел самого себя. Он показал ему пирог чудовищной величины, украшенный сверху гербом Бофора. В нем еще не было начинки, но рядом лежали две куропатки и фазан, щедро нашпигованные и толстые, как подушки для булавок. При виде их у Ла Раме потекли слюнки, и он вернулся к герцогу, весело потирая руки.

К довершению удачи, Шавиньи, полагаясь на Ла Раме, уехал с утра в гости, и Ла Раме стал таким образом заместителем коменданта крепости.

Что касается Гримо, то он был угрюмее обычного.

Утром герцог предложил Ла Раме сыграть партию в мяч. Гримо знаком дал ему понять, чтобы он внимательно следил за всем, и

¹ Красивый раб, любимец одного из римских императоров, ставший примером мужской красоты.

пошел впереди, указывая путь, по которому нужно будет идти вечером.

Для игры в мяч была отведена так называемая площадка в малом дворе замка. Это было малолюдное место, и часовых здесь ставили только на то время, когда Бофор выходил играть. Да и эта предосторожность казалась излишнею из-за высоты стен.

Чтобы добраться до этого дворика, приходилось отпирать три двери, причем каждая отпиралась особым ключом.

Придя на площадку, Гримо как бы невзначай сел на стену возле бойницы и спустил ноги наружу; очевидно, в этом месте будет прикреплена веревочная лестница.

Все это было ясно для герцога, но — с этим никто не станет спорить — совершенно непонятно для Ла Раме.

Игра началась. На этот раз Бофор был в ударе, и мячи попадали именно туда, куда он хотел, как будто он клал их руками. Ла Раме был разбит наголову.

Четыре караульных, пришедшие вместе с ним, поднимали мячи. Когда игра кончилась, Бофор, подшучивая над неловкостью Ла Раме, дал сторожам два луидора, чтобы они выпили за его здоровье вместе с остальными своими четырьмя товарищами.

Сторожа обратились за разрешением к Ла Раме, который позволил отлучиться, но только не теперь, а вечером. До тех пор ему самому предстояло много хлопот, и он хотел, чтобы в его отсутствие заключенный не оставался без присмотра.

Такое распоряжение было как нельзя более удобно для герцога. Если бы он мог действовать по своему усмотрению, то и тогда не мог бы все устроить лучше, чем это сделал его страж.

Наконец пробило шесть часов. Ужин был назначен на семь, но стол был накрыт и кушанья поданы. На буфете стоял громадный пирог с гербом герцога, и по его подрумяненной корочке видно было, что он испечен на славу.

Остальные блюда не уступали пирогу.

Всем не терпелось: сторожам — скорее идти в кабачок, Ла Раме — приняться за угощение, а герцогу — бежать.

Один Гримо оставался, как всегда, бесстрастным. Можно было подумать, что Атос вышколил его именно в предвидении этого важного случая.

Минутами герцогу, глядя на него, казалось, будто все это сон, и он не верил, что эта мраморная статуя оживет в нужный момент и в самом деле поможет ему.

Ла Раме отпустил сторожей, посоветовав им выпить за здоровье принца. Когда они ушли, он запер все двери, положил ключи в карман и показал герцогу на стол, как бы говоря:

— Не угодно ли?

Герцог взглянул на Гримо, Гримо взглянул на часы. Было только четверть седьмого, а побег был назначен ровно в семь. Оставалось ждать еще три четверти часа.

Чтобы протянуть время, герцог сделал вид, что сильно увлечен книгой, которую он читал, и попросил позволения закончить главу. Ла Раме подошел к нему и заглянул через плечо, чтобы узнать, какая

книга может заставить принца забыть про ужин, когда на стол уже подано. Это были «Комментарии» Цезаря¹. Сам Ла Раме, несмотря на запрещение Шавиньи, принес их герцогу несколько дней тому назад.

Тут Ла Раме дал себе зарок на будущее время не переступить тюремных правил.

В ожидании ужина он откупорил бутылки и понюхал пирог.

В половине седьмого герцог встал и торжественно произнес:

— Поистине, Цезарь был величайшим человеком древности.

— Вы находите, ваше высочество? — спросил Ла Раме.

— Ну, а я ставлю Ганнибала² выше.

— Да.

— Почему так, добрейший Ла Раме? — спросил герцог.

— Потому что он не писал книг, — улыбаясь, ответил Ла Раме.

Герцог понял намек и сел за стол, пригласив Ла Раме занять место напротив себя.

Тот не заставил себя просить.

Нет ничего выразительнее лица человека, любящего поесть, в ту минуту, как он приступает к вкусному блюду. И когда Ла Раме взял тарелку супу, поданную ему Гримо, на его лице появилось выражение самого полного блаженства.

Герцог с улыбкой взглянул на него.

— Черт р-раздери! — воскликнул он. — Знаете что, Ла Раме? Если бы в настоящую минуту кто-нибудь сказал мне, что на свете есть человек счастливее вас, я бы ни за что не поверил.

— И, честное слово, были бы правы, ваше высочество, — сказал Ла Раме. — Признаюсь, когда я голоден, для меня нет ничего лучше славно накрытого стола, а если к тому же меня угощает внук Генриха Четвертого, то вы понимаете, что оказываемая честь удваивает наслаждение от пищи.

Герцог поклонился. Гримо, стоявший за стулом Ла Раме, чуть заметно улыбнулся.

— Право, милейший Ла Раме, никто не умеет так ловко говорить комплименты, как вы, — сказал герцог.

— Нет, монсеньер, это не комплименты, — с чувством ответил Ла Раме. — Я в самом деле говорю только то, что думаю.

— Значит, вы все-таки питаете ко мне маленькую привязанность?

— Я бы никогда не утешился, если бы вы покинули Венсен! — воскликнул Ла Раме.

— Вот так предательство! (Герцог хотел сказать: «преданность».)

— А что вам делать на свободе, ваше высочество? — сказал Ла Раме. — Вы опять наделаете сумасбродств, очередное ваше безумство рассердит двор, и вас посадят в Бастилию вместо Венсена. Господин де Шавиньи не особенно любезен, не спорю, — продолжал он, смакуя мадеру, — но господин дю Трамбле еще хуже.

¹ Записки о Галльской войне» римского императора Юлия Цезаря

² Знаменитый карфагенский военачальник, ведший войну с Римом

— Неужели? — спросил герцог, забавляясь оборотом, который принимал разговор, и поглядывая на часы. Никогда еще, казалось ему, стрелки не двигались так медленно.

— А чего же другого ждать от брата капуцина, вскормленного в школе Ришелье? — воскликнул Ла Раме. — Ах, ваше высочество, поверьте мне, большое счастье, что королева, которая всегда желала вам добра, — я так слышал, по крайней мере, — заключила вас в Венсен. Здесь есть все что угодно: прекрасный воздух, отличный стол, место для прогулки, для игры в мяч.

— Послушать вас, Ла Раме, так я неблагодарный человек, потому что стремлюсь вырваться отсюда.

— В высшей степени благодарный, ваше высочество. Впрочем, ведь вы никогда не думали об этом всерьез?

— Ну, нет! Должен признаться, что время от времени, хотя это, может быть, и безумие с моей стороны, я все-таки подумываю о бегстве.

— Один из ваших сорока способов, монсеньер?

— Ну да!

— Так как мы говорим теперь по душам, — сказал Ла Раме, — то, может быть, ваше высочество согласится открыть мне один из этих сорока способов?

— С удовольствием, — ответил герцог. — Гримо, подайте пирог.

— Я слушаю, — сказал Ла Раме.

Он откинулся на спинку кресла, поднял стакан и, прищурившись, смотрел на солнце сквозь рубиновую влагу.

Герцог взглянул на часы. Еще десять минут, и они прозвонят семь раз.

Гримо поставил пирог перед принцем. Тот взял свой нож с серебряным лезвием, но Ла Раме, боясь, что он испортит такое красивое блюдо, подал ему свой, стальной.

— Благодарю, Ла Раме, — сказал герцог, беря нож.

— Ну, монсеньер, так каков же этот знаменитый способ? — сказал надзиратель.

— Хотите, я открою вам план, на который я больше всего рассчитывал и который собирался исполнить в первую очередь?

— Да, да, именно его.

— Извольте, — сказал принц, приготовляясь разрезать пирог. — Прежде всего я надеялся, что ко мне приставят такого милого человека, как вы, Ла Раме.

— Хорошо! Он у вас есть, ваше высочество. Потом?

— И я этим очень доволен.

Ла Раме поклонился.

— Потом я думал вот что, — продолжал герцог, — если меня будет сторожить такой славный малый, как Ла Раме, я постараюсь, чтобы кто-нибудь из друзей, дружба моя с которым ему неизвестна, рекомендовал ему в помощники преданного мне человека: с этим человеком мы столкнемся, и он мне поможет бежать.

— Так, так! Недурно придумано! — сказал Ла Раме.

— Не правда ли? — подхватил принц. — Можно было бы рекомен-

довать в помощники слугу какого-нибудь храброго дворянина, ненавидящего Мазарини, как ненавидят его все честные люди.

— Полноте, ваше высочество,— сказал Ла Раме.— Не будем говорить о политике.

— Когда около меня будет такой человек,— продолжал принц,— он, если только будет достаточно ловок, сумеет добиться полного доверия со стороны моего надзирателя. А если тот будет доверять ему, мне можно будет сноситься с друзьями.

— Сноситься с друзьями? — воскликнул Ла Раме.— Каким же это образом?

— Да самым простым — хотя бы, например, во время игры в мяч.

— Во время игры в мяч? — проговорил Ла Раме, настораживая уши.

— Конечно, почему же нет? Я могу бросить мяч в ров, где его поднимет один человек. В мяче будет зашито письмо. А когда я с крепостной стены попрошу его перебросить мне мяч назад, он бросит другой. В этом другом мяче тоже будет письмо. Мы обменяемся мыслями, и никто ничего не заметит.

— Черт возьми! — сказал Ла Раме, почесывая затылок.— Черт возьми! Хорошо, что вы предупредили меня об этом, ваше высочество. Я буду следить за людьми, поднимающими мячи.

Герцог улынулся.

— Впрочем, я и тут еще не вижу большой беды,— продолжал Ла Раме.— Это только способ переписки.

— Это уже кое-что, по-моему!

— Но далеко еще не все.

— Простите! Положим, я напишу одному из друзей: «Ждите меня в такой-то день и час по ту сторону рва с двумя верховыми лошадьми»!

— Ну, а дальше? — с некоторым беспокойством сказал Ла Раме.— Эти лошади ведь не крылатые и не взлетят за вами на стену.

— Эх, бог ты мой,— сказал небрежно герцог,— дело вовсе не в том, чтоб лошади взлетели на стену, а в том, чтобы я имел то, на чем мне спуститься со стены.

— Что именно?

— Вербочную лестницу.

— Отлично,— сказал Ла Раме с принужденным смехом,— но ведь вербочная лестница не письмо, ее ведь не перешлешь в мячике.

— Ее можно переслать в чем-нибудь другом.

— В другом, в чем другом?

— В пироге, например.

— В пироге? — повторил Ла Раме

— Конечно. Предположим, что мой двоюродный Нуармон снял кондитерскую у дядюшки Марто...

— Ну? — спросил Ла Раме, задрожав.

— Ну, а Ла Раме, большой лакомка, отведав его пирожки, нашел, что они у нового кондитера лучше, чем у старого, и предложил мне попробовать. Я соглашаюсь, но с тем условием, чтобы и Ла Раме отобедал со мной. Для большей свободы за обедом он отправляет сторо-

и оставляет прислуживать нам одного только Гримо. А Гримо прислан сюда одним из моих друзей, он мой сообщник и готов помочь мне во всем. Побег назначен ровно на семь часов. И вот, когда до семи часов остается всего несколько минут...

— Несколько минут...— повторил Ла Раме, чувствуя, что холодный пот выступает у него на лбу.

— ...Когда до семи часов остается всего несколько минут, я снимаю верхнюю корочку с пирога,— продолжал герцог, и он именно так и сделал,— и нахожу в нем два кинжала, веревочную лестницу и кляп. Я приставляю один кинжал к груди Ла Раме и говорю ему: «Милый друг, мне очень жаль, но если ты крикнешь или хоть шельнешься, я заколю тебя!»

Как мы сказали, герцог сопровождал свои слова действиями. Теперь он стоял возле Ла Раме, приставив кинжал к его груди, с выражением, которое не позволяло тому, к кому он обращался, сомневаться в его решимости.

Между тем Гримо, как всегда безмолвный, извлек из пирога другой кинжал, лестницу и кляп.

Ла Раме с ужасом глядел на эти предметы.

— О, ваше высочество! — воскликнул он, взглянув на герцога с таким растерянным видом, что будь это в другое время, тот наверное бы расхохотался.— Неужели у вас достанет духу убить меня?

— Нет, если ты не помешаешь моему побегу.

— Но, монсеньер, если я позволю вам бежать, я буду нищий!

— Я верну тебе деньги, которые ты заплатил за свою должность.

— Вы твердо решили покинуть замок?

— Черт побери!

— И, что бы я вам ни сказал, вы не измените вашего решения?

— Сегодня вечером я хочу быть на свободе.

— А если я стану защищаться, буду кричать, звать на помощь?

— Тогда, клянусь честью, я убью тебя.

В эту минуту пробили часы.

— Семь часов,— сказал Гримо, до тех пор не промолвивший ни слова.

— Семь часов,— сказал герцог.— Ты видишь, я запаздываю. Для успокоения своей совести Ла Раме сделал легкое движение. Герцог нахмурил брови, и надзиратель почувствовал, что острие кинжала, проткнув платье, готово пронзить ему грудь.

— Хорошо, ваше высочество, довольно! — воскликнул он.— Я не тронусь с места.

— Спешим,— сказал герцог.

— Монсеньер, прошу вас о последней милости,— сказал Ла Раме.

— Какой? Говори скорее!

— Свяжите меня, монсеньер!

— Зачем?

— Чтобы меня не приняли за вашего сообщника.

— Руки! — сказал Гримо.

— Нет, не так, за спиной, за спиной.

— Но чем?

— Вашим поясом, ваше высочество.

Герцог снял пояс, и Гримо постарался покрепче связать руки, как и хотел Ла Раме.

— Ноги! — сказал Гримо.

Ла Раме вытянул ноги, и Гримо, разорвав салфетку на полосы, в одну минуту скрутил их.

— Теперь шпагу, — сказал Ла Раме, — привяжите эфес к ножнам.

Герцог оторвал ленту от штанов и исполнил желание своего стража.

— А теперь, — сказал несчастный Ла Раме, — засуньте грушу мне в рот, прошу вас, иначе меня будут судить за то, что я не кричал. Засовывайте, монсеньер, засовывайте.

Гримо уже хотел было исполнить просьбу Ла Раме, но тот знаком остановил его.

— Говори! — приказал герцог.

— Если я погибну из-за вас, ваше высочество, — сказал Ла Раме, — после меня останется жена и четверо детей. Не забудьте об этом.

— Будь спокоен. Засовывай, Гримо.

В одно мгновение Ла Раме заткнули рот, положили его на пол и опрокинули несколько стульев: нужно было придать комнате такой вид, будто в ней происходила борьба. Потом Гримо вынул из карманов Ла Раме все ключи, отпер двери камеры и, выйдя с герцогом, тотчас же замкнул дверь двойным поворотом. Затем оба побежали по галерее, выходящей на малый двор. Три двери были отперты и снова заперты с поразительной быстротой, делавшей честь проворству Гримо. Наконец они добрались до дворика, где играли в мяч. Он был пуст, часовых не было, у окон никого.

Герцог бросился к стене. По ту сторону рва стояли три всадника с двумя запасными лошадьми. Герцог обменялся с ними знаком, — они поджидали именно его.

Тем временем Гримо прикрепил лестницу. Вернее, это была даже не лестница, а клубок шелкового шнура с палкой на конце. На палку садятся верхом, и клубок разматывается сам собою от тяжести сидящего.

— Спускайся, — сказал герцог.

— Раньше вас, ваше высочество? — спросил Гримо.

— Конечно. Если попадусь я, меня могут только опять посадить в тюрьму; если попадешься ты, тебя наверно повесят.

— Правда, — сказал Гримо и, сев верхом на палку, начал свой опасный спуск. Герцог с невольным ужасом следил за ним. Внезапно, когда до земли осталось всего футов пятнадцать, шнур оборвался, и Гримо полетел в ров.

Герцог вскрикнул, но Гримо даже не застонал. Между тем он, должно быть, сильно расшибся, потому что остался лежать без движения на месте.

Один из всадников, соскочив с лошади, спустился в ров и подвязал Гримо под мышки веревку. Двое его товарищей взяли за другой конец и потащили Гримо.

— Спускайтесь, ваше высочество,— сказал человек во рву,— тут не будет и пятнадцати футов, и мягко — трава!

Герцог быстро принялся за дело. Ему пришлось потруднее Гримо. У него не было палки, и он вынужден был спускаться на руках с высоты пятидесяти футов. Но, как мы уже говорили, герцог был ловок, силен и хладнокровен. Не прошло и пяти минут, как он уже повис на конце шнура. До земли оставалось действительно не больше пятнадцати футов. Герцог выпустил шнур и спрыгнул благополучно, прямо на ноги.

Он быстро вскарабкался по откосу рва. Там встретил его Рошфор. Два других человека были ему незнакомы. Бесчувственного Гримо привязали к лошади.

— Господа, я благодарю вас позднее,— сказал принц,— теперь нам дорога каждая минута. Вперед, друзья, за мной!

Он вскочил на лошадь и понесся во весь опор, с наслаждением вдыхая свежий воздух и крича с неписуемой радостью:

— Свободен!.. Свободен!.. Свободен!..

Глава 26

Д'АРТАНЬЯН ПОСПЕВАЕТ ВОВРЕМЯ

Приехав в Блуа, д'Артаньян получил деньги, которые Мазарини, горя нетерпением поскорее увидеть его, решил выдать ему в счет будущих заслуг.

Расстояние от Парижа до Блуа обыкновенный всадник проезжает в четыре дня. Д'Артаньян подъехал к заставе Сен-Дени в полдень на третий день, а в прежнее время ему потребовалось бы на это не больше двух дней. Мы уже видели, что Атос, выехавший тремя часами позднее его, прибыл в Париж на целые сутки раньше.

Планше совсем отвык от таких прогулок, и д'Артаньян упрекнул его в изнеженности.

— Но ведь мы сделали сорок миль в три дня! — воскликнул Планше.— По-моему, это очень недурно для кондитера!

— Неужели ты окончательно превратился в торговца, Планше,— сказал д'Артаньян,— и намерен прозябать в своей лавчонке даже теперь, после того как мы встретились?

— Гм! Не все же созданы для такой деятельной жизни, как вы, сударь,— возразил Планше.— Посмотрите хоть на господина Атоса. Кто узнает в нем того храбреца и забияку, которого мы видели двадцать лет тому назад? Он живет теперь как настоящий помещик. Да и на самом деле, сударь, что может быть лучше спокойной жизни?

— Лицемер! — воскликнул д'Артаньян.— Сразу видно, что ты подъезжаешь к Парижу, а в Париже тебя ждут веревка и виселица.

Действительно, они уже подъезжали к заставе. Планше, боясь встретить знакомых, которых у него на этих улицах было множество, надвинул на глаза шляпу, а д'Артаньян закрутил усы, думая о Портосе, поджидавшем его на Тиктонской улице. Он придумывал, как бы отучить его от гомерических пьерфонских трапез и немножко сбить с него владетельную спесь.

Обогнув угол Монмартрской улицы, д'Артаньян увидел в окне гостиницы «Козочка» Портоса. Разодетый в великолепный, расшитый серебром камзол небесно-голубого цвета, он зевал во весь рот, так что прохожие останавливались и с почтительным изумлением глядели на красивого, богатого господина, которому, по-видимому, ужасно наскучило и богатство и величие.

Портос тоже сразу заметил д'Артаньяна и Планше, как только они показали из-за угла.

— А, д'Артаньян! — воскликнул он. — Слава богу, вот и вы!

— Здравствуйте, любезный друг, — сказал д'Артаньян.

Кучка зевак в одну минуту собралась около господ, перекликавшихся между собой, пока сбегавшиеся конюхи брали их лошадей под уздцы. Но д'Артаньян нахмурил брови, а Планше сердито замахнулся, и это быстро заставило рассеяться толпу, которая становилась тем гуще, чем меньше понимала, ради чего она собралась.

Портос уже стоял на крыльце.

— Ах, милый друг, — сказал он, — как здесь скверно моим лошадям.

— Вот как! — сказал д'Артаньян. — Мне от души жаль этих благородных животных.

— Да и мне самому пришлось бы плохо, если бы не хозяйка, — продолжал Портос, самодовольно покачиваясь на своих толстых ногах. — Она очень недурна и умеет понимать шутку. Не будь этого, я, право же, перебрался бы в другую гостиницу.

Прекрасная Мадлен, вышедшая в это время тоже, отступила и побледнела как смерть, услышав слова Портоса. Она думала, что сейчас повторится сцена, происшедшая когда-то у д'Артаньяна со швейцарцем. Но, к ее величайшему изумлению, д'Артаньян и ухом не повел при замечании Портоса и, вместо того чтобы рассердиться, весело засмеялся.

— Я понимаю, любезный друг! — сказал он. — Где же Тиктонской улице равняться с Пьерфонской долиной! Но успокойтесь, я покажу вам местечко получше.

— Когда же?

— Черт возьми! Надеюсь, что очень скоро.

— А, тем лучше!

При этом восклицании Портоса за дверью послышался слабый стон, и д'Артаньян, соскочивший с лошади, увидел рельефно выступающий огромный живот Мушкетона. Взгляд у него был жалобный, и глухие стенания вырывались из его груди.

— Должно быть, эта гнусная гостиница оказалась неподходящей и для вас, любезный Мустон? — спросил д'Артаньян, то ли сочувствуя Мушкетону, то ли подшучивая над ним.

— Он находит здешний стол отвратительным,— сказал Портос.
— Кто же мешает ему приняться за дело самому, как, бывало, в Шантильи?

— Здесь это невозможно, сударь,— грустно проговорил Мушкетон.— Здесь нет ни прудов принца, в которых ловятся такие чудные карпы, ни лесов его высочества, где попадаются нежные куропатки. Что же касается до здешнего погреба, то я внимательно осмотрел его, и, право, он немногого стоит.

— Я охотно пожалел бы вас, господин Мустон,— сказал д'Артаньян,— не будь у меня другого, гораздо более неотложного дела... Любезный дю Валлон,— прибавил он, отводя Портоса в сторону,— я очень рад, что вы в полном параде: мы сию же минуту отправимся к кардиналу.

— Как? Неужели? — воскликнул ошеломленный Портос, широко открыв глаза.

— Да, мой друг.

— Вы хотите меня представить?

— Вас это пугает?

— Нет, но волнует.

— Успокойтесь, мой дорогой, это не прежний кардинал. Этот не подавляет своим величием.

— Все равно, д'Артаньян, вы понимаете — двор!

— Полноте, друг мой, теперь нет двора.

— Королева!

— Я чуть было не сказал, что теперь нет королевы. Королева? Не беспокойтесь: мы ее не увидим.

— Вы говорите, что мы сейчас же отправимся в Пале-Рояль?

— Сейчас же,— сказал д'Артаньян,— но чтобы не было задержки, я попрошу вас одолжить мне одну из ваших лошадей.

— Извольте. Все четыре к вашим услугам.

— О, в этот раз я удовольствуюсь только одной.

— А возьмем мы с собой слуг?

— Да. Возьмите Мушкетона, это не помешает. Что же касается Планше, то у него свои причины не являться ко двору.

— А почему?

— Гм! Он не в ладах с его преосвященством.

— Мустон! — крикнул Портос.— Оседлайте Вулкана и Баярда.

— А мне, сударь, прикажете ехать на Рюсто?

— Нет, возьми хорошую лошадь, Феба или Гордеца. Мы поедем с парадным визитом.

— А! — с облегчением вздыхая, сказал Мушкетон.— Значит, мы поедем только в гости?

— Ну да, Мустон, только и всего,— ответил Портос.— Но на всякий случай положите нам в кобуры пистолеты. Мои уже заряжены и лежат в сумке у седла.

Мушкетон глубоко вздохнул: что за парадный визит, который надо делать, вооружаясь до зубов?

— Вы правы, д'Артаньян,— сказал Портос, провожая глазами своего уходившего дворецкого и любуясь им.— Достаточно взять одного Мустона,— у него очень представительный вид.

Д'Артаньян улыбнулся.

— А вы разве не будете переодеваться? — спросил Портос.

— Нет, я поеду так, как есть.

— Но ведь вы весь в поту и пыли, и ваши башмаки забрызганы грязью!

— Ничего, этот дорожный костюм только докажет кардиналу, как я спешил явиться к нему.

В эту минуту Мушкетон вернулся с тремя оседланными лошадьми. Д'Артаньян вскочил в седло легко, точно после недельного отдыха.

— Эй! — крикнул он Планше. — Мою боевую шпагу!

— А я взял придворную, — сказал Портос, показывая свою короткую, с золоченым эфесом шпагу.

— Возьмите лучше рапиру, любезный друг.

— Зачем?

— Так, на всякий случай. Поверьте мне, возьмите ее.

— Рапиру, Мустон! — сказал Портос.

— Вы словно на войну собираетесь, сударь! — воскликнул Мушкетон. — Если нам предстоит поход, пожалуйста, не скрывайте этого от меня. Я, по крайней мере, хоть приготовлюсь.

— Вы знаете, Мустон, — сказал д'Артаньян, — что с нами всегда лучше быть готовым ко всему. У вас плохая память, вы забыли, что мы не имеем обыкновения проводить ночи за серенадами и танцами?

— Увы, это истинная правда! — проговорил Мушкетон, вооружаясь с головы до ног. — Я действительно забыл.

Они поехали крупной рысью и в четверть восьмого были около кардинальского дворца. По случаю троицына дня на улицах было очень много народу, и прохожие с удивлением смотрели на двух всадников, из которых один казался таким чистеньким, точно его только что вынули из коробки, а другой был весь покрыт пылью и грязью, словно сейчас прискакал с поля битвы.

Зеваки глазели и на Мушкетона. В те времена роман «Дон Кихот» был в большой славе, и прохожие уверяли, что это Санчо, потерявший своего господина, но нашедший взамен его двух других.

Войдя в приемную, д'Артаньян очутился среди знакомых: во дворце на карауле стояли как раз мушкетеры его роты. Он показал служителю письмо Мазарини и попросил немедленно доложить о себе.

Служитель поклонился и прошел к его преосвященству.

Д'Артаньян обернулся к Портосу, и ему показалось, что тот вздрогнул. Он улыбнулся и шепнул ему:

— Смелее, любезный друг, не смущайтесь! Поверьте, орел уж давно закрыл свои глаза, и мы будем иметь дело с простым ястребом. Советую вам держаться так прямо, как на бастионе Сен-Жерве, и не особенно низко кланяться этому итальянцу, чтобы не уронить себя в его мнению.

— Хорошо, хорошо, — ответил Портос.

Возвратился служитель.

— Пожалуйте, господа, — сказал он. — Его преосвященство ожидает вас.

Мазарини сидел у себя в кабинете, просматривая список лиц, получающих пенсии и бенефиции¹, и старался сократить его, вычеркивая побольше имен. Он искоса взглянул на д'Артаньяна и Портоса. Глаза его радостно блеснули, но он притворился совершенно равнодушным.

— А, это вы, господин лейтенант! — сказал он. — Вы отлично сделали, что поспешили. Добро пожаловать.

— Благодарю вас, монсеньер. Я весь к вашим услугам, так же как господин дю Валлон, мой старый друг, тот самый, который некогда, желая скрыть свое знатное происхождение, служил под именем Портоса.

Портос поклонился кардиналу.

— Великолепный воин! — сказал Мазарини.

Портос повернул голову направо, потом налево и с большим достоинством расправил плечи.

— Лучший боец во всем королевстве, монсеньер, — сказал д'Артаньян. — Многие подтвердили бы вам это, если бы только они могли еще говорить.

Портос поклонился д'Артаньяну.

Мазарини любил рослых солдат почти так же, как позднее любил их Фридрих, король прусский. Он с восхищением оглядел мускулистые руки, широкие плечи и внимательные глаза Портоса. Ему казалось, что он видит перед собой во плоти и крови спасение своего поста и умиротворение государства. Это напомнило ему, что прежде содружество мушкетеров состояло из четырех человек.

— А что же ваши два других товарища? — спросил он.

Портос открыл рот, полагая, что пора наконец и ему вставить словечко. Но д'Артаньян взглядом остановил его.

— Наши друзья не могли приехать сейчас, — сказал он. — Они присоединятся к нам позже.

Мазарини слегка кашлянул.

— А господин дю Валлон не так занят, как они, и согласен вернуться на службу?

— Да, монсеньер, и из одной только преданности к вам, ибо господин де Брасье богат.

— Богат? — повторил Мазарини. Это было единственное слово, имевшее привилегию всегда внушать ему уважение.

— Пятьдесят тысяч ливров годового дохода, — сказал Портос. Это была первая произнесенная им фраза.

— Так, значит, из одной только преданности ко мне? — проговорил Мазарини со своей лукавой улыбкой. — Из одной только преданности?

— Ваше преосвященство как будто не совсем верит в это слово? — спросил д'Артаньян.

— А вы, господин гасконец? — сказал Мазарини, облокотясь на стол и опершись подбородком на руки.

¹ Доходные места

— Я? Я верю в преданность, ну, например, как верят имени, данному при святом крещении, которого еще недостаточно одного, без названия поместья. Конечно, бывают люди, более или менее преданные, но я предпочитаю, чтобы в глубине их преданности скрывалось еще кое-что другое.

— А что хотел бы скрывать в глубине своей преданности ваш друг?

— Мой друг, ваше преосвященство, владеет тремя великолепными поместьями: дю Валлон в Корбейле, де Брасье в Суассоне и де Пьерфон в Валуа. Так вот ему бы хотелось, чтобы одному из поместий было присвоено наименование баронства.

— Только и всего? — сказал Мазарини и весь сощурился от радости, что можно будет вознаградить преданность Портоса, не развязывая кошелька. — Ну, мы устроим это.

— И я буду бароном? — воскликнул Портос, делая шаг вперед.

— Я уже говорил, что будете, — сказал д'Артаньян, удерживая его на месте, — и его преосвященство подтверждает вам это.

— А чего желаете вы, господин д'Артаньян? — спросил Мазарини.

— В будущем сентябре, монсеньер, исполнится двадцать лет с тех пор, как кардинал Ришелье произвел меня в лейтенанты.

— Да. И вам хочется, чтобы кардинал Мазарини произвел вас в капитаны?

Д'Артаньян поклонился.

— Ну что же, в этом нет ничего невозможного. Посмотрим, посмотрим, господа! А теперь, какую службу предпочитаете вы, господин дю Валлон? В городе или в деревне?

Портос раскрыл рот, но д'Артаньян снова перебил его.

— Господин дю Валлон, так же как и я, больше всего любит что-нибудь из ряда вон выходящее, какие-нибудь предприятия, которые считаются безумными и невозможными.

Эта хвастливая речь пришла Мазарини по вкусу. Он задумался.

— А я, откровенно говоря, рассчитывал дать вам своего рода поручение, связанное с пребыванием на одном месте, — наконец сказал он. — У меня есть кое-какие опасения... Но что это?

В приемной послышался какой-то шум и громкий говор, и в ту же минуту дверь в кабинет распахнулась. Вбежал покрытый пылью и грязью офицер.

— Господин кардинал! Где господин кардинал? — кричал он.

Мазарини подумал, что его хотят убить, и подался назад вместе со своим креслом. Д'Артаньян и Портос выступили вперед и заслонили кардинала от вошедшего.

— Послушайте, сударь, — сказал Мазарини, — что это вы врываете ко мне, точно в трактир?

— Только два слова, монсеньер! — сказал тот, к кому относилось это замечание. — Мне необходимо немедленно и с глазу на глаз переговорить с вами. Я — де Пуэн, караульный офицер Венсенского замка.

По бледному, расстроенному лицу офицера Мазарини понял, что тот привез какое-то важное известие, и знаком велел д'Артаньяну и Портосу отойти в сторону.

Они ушли в глубь кабинета.

— Говорите, говорите скорей! — сказал Мазарини. — Что случилось?

— Случилось, ваше преосвященство, то, что герцог де Бофор убежал из Венсенской крепости.

Мазарини вскрикнул и, побледнев еще больше, чем офицер, привезший эту весть, откинулся без сил на спинку кресла.

— Убежал! — повторил он. — Герцог де Бофор убежал?

— Я был на валу и видел, как он бежал.

— И вы не стреляли?

— Он был вне пределов ружейного выстрела, монсеньер.

— Что же делал господин де Шавиньи?

— Он был в отлучке.

— А Ла Раме?

— Его нашли связанным в комнате герцога. Во рту у него был кляп, а рядом валялся кинжал.

— Ну, а этот его помощник?

— Он оказался сообщником герцога и бежал вместе с ним. Мазарини застал.

— Монсеньер, — сказал д'Артаньян, подходя к кардиналу.

— Что такое?

— Мне кажется, что вы, ваше преосвященство, теряете драгоценное время.

— Что это значит?

— Если вы сейчас же пошлете погоню за герцогом, его, быть может, еще удастся задержать. Франция велика; до ближайшей границы не меньше шестидесяти миль.

— А кого мне послать за ним? — сказал Мазарини.

— Меня, черт возьми!

— И вы поймаете его?

— Почему же нет?

— Вы беретесь задержать герцога де Бофора, вооруженного и окруженного сообщниками?

— Если бы вы приказали мне поймать дьявола, монсеньер, я схватил бы его за рога и привел к вам.

— Я тоже, — сказал Портос.

— И вы? — сказал Мазарини, с изумлением смотря на них. — Но ведь герцог не сдастся без отчаянного сопротивления.

— Ну что же, бой, так бой! — воскликнул д'Артаньян, и глаза его засверкали. — Мы уж давно не бились, не правда ли, Портос?

— Бой — так бой, — сказал Портос.

— И вы надеетесь догнать его?

— Да, если наши лошади будут лучше, чем у них.

— В таком случае берите всех солдат, каких найдете здесь, и поезжайте!

— Это ваш приказ, монсеньер?

— Даже письменный, за моей подписью, — сказал Мазарини, взяв лист бумаги и написав на нем несколько слов.

— Прибавьте еще, монсеньер, что мы имеем право брать всех лошадей, какие нам встретятся на пути.

— Конечно, конечно,— сказал Мазарини,— служба короля! Вот вам приказ, поезжайте!

— Слушаю, монсеньер.

— Господин дю Валлон,— сказал Мазарини,— ваше баронство сидит на одном коне с Бофором. Вам остается лишь поймать его. Вам, любезный господин д'Артаньян, я не обещаю ничего, но вы можете требовать от меня все что захотите, если доставите герцога живым или мертвым.

— На коней, Портос! — воскликнул д'Артаньян, хватая за руку своего друга.

— Я готов,— с величайшим спокойствием сказал Портос.

Они спустились с широкой лестницы, прихватывая по дороге встречавшихся солдат и крича: «На коней, на коней!»

Их набралось человек десять.

Д'Артаньян и Портос вскочили на Вулкана и Баярда, Мушкетон сел на Феба.

— За мной! — крикнул д'Артаньян.

— Вперед! — добавил Портос.

И прищипоренные кони помчались, точно бешеный вихрь, по улице Сент-Оноре.

— Ну, господин барон,— сказал д'Артаньян,— я обещал дать вам случай подраться и, как видите, исполнил свое обещание.

— Да, капитан,— ответил Портос.

Они оглянулись. Мушкетон, вспотевший больше, чем его лошадь, летел за ними на изрядном расстоянии. Позади него скакали галопом десятеро солдат.

Испуганные горожане выбегали из домов. Встревоженные собаки провожали всадников громким лаем.

На углу кладбища св. Иоанна д'Артаньян сбил с ног какого-то человека. Но не такое это было событие, чтобы стоило ради него останавливаться, и всадники продолжали нестись вперед, словно у лошадей выросли крылья.

Увы, на свете нет ничтожных событий, и, как мы увидим дальше, это маленькое происшествие едва не погубило монархию.

ак промчались они по всему Сент-Антуанскому предместью и выехали на Венсенскую дорогу. Вскоре они оказались за городом, миновали лес и очутились в виду деревни.

Лошади горячились все больше и больше, и ноздри их стали красней, раскаленной печи. Д'Артаньян, все время прищипывая своего коня, скакал футов на два впереди Портоса; Мушкетон отставал от них на длину двух лошадей.

Солдаты неслись за ними следом, насколько позволяла резвость коней.

С вершины холма д'Артаньян увидел у крепости, со стороны Сен-Мора, группу лиц, стоявших по ту сторону рва. Он понял, что заключенный спустился в этом месте и что там можно кое-что разузнать. В пять минут он был у цели; туда же один за другим подскакали и остальные.

Все столпившиеся тут люди были очень заняты. Они смотрели на веревку, болтавшуюся еще из бойницы и оборвавшуюся на высоте футов двадцати от земли; измеряли глазами высоту стен и обменивались всевозможными предположениями. По валу взад и вперед ходили растерянные часовые.

Отряд солдат под командой сержанта отгонял народ от того места, где герцог сел на лошадь.

Д'Артаньян прямо подскакал к сержанту.

— Господин офицер, здесь стоять не приказано.

— Этот приказ меня не касается. Послана ли погоня за беглецами?

— Да, господин офицер, но, к несчастью, у них отличные лошади.

— А сколько их?

— Четверо, да пятого увезли раненого.

— Четверо! — сказал д'Артаньян, взглянув на Портоса. — Слышишь, барон, их только четверо.

Радостная улыбка озарила лицо Портоса.

— А сколько времени они в пути?

— Два часа пятнадцать минут, господин офицер.

— Два часа пятнадцать минут? Это пустяки. Ведь у нас хорошие лошади, не так ли, Портос?

Портос вздохнул; он подумал о том, что ждет его бедных лошадей.

— Отлично! — сказал д'Артаньян. — А в какую сторону они направились?

— Этого не приказано говорить, господин офицер.

Д'Артаньян вытащил из кармана бумагу.

— Приказ короля, — сказал он.

— В таком случае поговорите с комендантом.

— А где комендант?

— В отъезде.

Кровь бросилась в голову д'Артаньяну. Брови его сдвинулись, виски покраснели.

— А, негодяй,— вскричал он,— ты вздумал надо мной смеяться! Пстой же!

Он развернул бумагу. Одной рукой поднес ее к носу сержанта, а другой достал пистолет из кобуры и взвел курок.

— Приказ короля, говорят тебе! Читай и отвечай, или я размозжу тебе голову! По какой дороге они поехали?

Сержант понял, что д'Артаньян не шутит.

— По Вандомской,— ответил он.

— А через какие ворота они выехали?

— Через ворота Сен-Мор.

— Если ты меня обманываешь, негодяй,— сказал д'Артаньян,— ты завтра же будешь повешен.

— А вы, если их догоните, уж не вернетесь меня вешать,— проворчал солдат.

Д'Артаньян пожал плечами и, махнув конвою, прищпорил лошадь.

— За мной, господа! За мной! — крикнул он, направляясь к указанным воротам парка.

Теперь, когда герцог уж убежал, привратник счел нужным крепко-накрепко запереть ворота; чтобы заставить его отпереть их, пришлось с ним обойтись так же, как с сержантом. На это ушло еще десять минут.

Преодолев последнее препятствие, отряд помчался с прежней быстротой.

Но не все лошади неслись теперь с прежним пылом, некоторые не могли выдержать такой безумной скачки. Через час три остановились; одна пала.

Д'Артаньян, летевший без оглядок, не заметил ничего. Портос со своим обычным спокойствием сказал ему о случившемся.

— Только бы нам двоим доехать,— сказал д'Артаньян,— ведь их только четверо.

— Правда,— сказал Портос.

И он вонзил шпоры в бока своего коня.

За два часа лошади, не останавливаясь, сделали двадцать лье, ноги их стали дрожать, они взмылились, пена клочьями облепила всадников, их одежда пропиталась лошадиным потом.

— Остановимся на минуту, пусть передохнут несчастные животные,— сказал Портос.

— Нет, лучше загоним их; загоним, только приедем вовремя,— ответил д'Артаньян.— Я вижу свежие следы: не прошло и четверти часа, как они просакали.

И в самом деле, края дороги были взрыхлены лошадьми. При последних отблесках зари еще видны были следы подков.

Помчались дальше, но через две мили упала лошадь Мушкетона.

— Вот,— сказал Портос,— вот и Феб погиб.

— Кардинал заплатит вам за него тысячу пистолей.

- О, я выше этого.
- Вперед, галопом!
- Да, если сможем.

Действительно, лошадь д'Артаньяна остановилась, у нее захватило дыхание, и последний удар шпор, вместо того чтобы сдвинуть ее с места, заставил ее упасть.

— Черт! — воскликнул Портос. — Вот и Вулкан без ног.

— Ах, дьявольщина, — вскричал д'Артаньян, хватаясь за голову, — какая задержка! Дайте мне вашу лошадь, Портос. Но что вы делаете, черт вас побори?

— Ей-ей, я падаю, то есть, вернее, падает мой Баярд.

Д'Артаньян хотел заставить лошадь подняться, пока Портос вытывался кое-как из стремян, но увидел, что у нее кровь выступила из ноздрей.

— Третья! — проговорил он. — Теперь все кончено.

В эту минуту послышалось ржанье.

— Тише! — крикнул д'Артаньян.

— Что такое?

— Где-то вблизи лошадь.

— Это кто-нибудь из отставших нагоняет нас.

— Нет, это впереди нас.

— А, это дело другое, — отозвался Портос, прислушиваясь в направлении, указанном д'Артаньяном.

— Сударь! — раздался голос Мушкетона, который, бросив на дороге павшую лошадь, пешком догнал своего господина. — Феб не выдержал и...

— Молчать! — сказал Портос.

В самом деле, в эту минуту с ночным ветерком донеслось во второй раз ржанье.

— Это в пятистах шагах отсюда, впереди нас, — сказал д'Артаньян.

— Точно так, сударь, — сказал Мушкетон, — шагов через пятьсот отсюда будет охотничий домик.

— Мушкетон, твои пистолеты! — сказал д'Артаньян.

— Они у меня в руках, сударь.

— Портос, достаньте ваши.

— Вот они.

— Отлично, — сказал д'Артаньян, вынимая свои. — Теперь вы понимаете, Портос?

— Не очень-то.

— Мы едем по делу короля.

— Ну и что же?

— Для королевской службы мы захватим этих лошадей.

— Правильно, — заметил Портос.

— Итак, ни слова — и за дело.

Они шли втроем безмолвные, как тени. За поворотом дороги они увидели свет, мерцавший между деревьями.

— Вот дом, — шепнул д'Артаньян. — Предоставьте мне действовать, Портос, и делайте то же, что я.

Перебегая от дерева к дереву, они, никем не замеченные, подкрались шагов на двадцать к дому. При свете фонаря, висевшего под навесом, они разглядели четырех с виду отличных лошадей. Слуга переседывал их; поблизости лежали седла и уздечки.

Д'Артаньян поспешно подошел к нему, сделав своим спутникам знак оставаться несколько позади.

— Я покупаю этих лошадей, — сказал он слуге.

Тот с удивлением оглянулся на него, но не сказал ни слова.

— Разве ты не слышишь, дурак? — продолжал д'Артаньян.

— Слышу, разумеется, — был ответ.

— Почему же ты не отвечаешь?

— Эти лошади не продажные.

— Тогда я их беру, — сказал д'Артаньян.

И он положил руку на ближайшую к нему лошадь. Оба его спутника, появившиеся в эту минуту, сделали то же самое.

— Но, господа, — вскричал слуга, — эти лошади только что пробежали шесть миль, и не прошло еще полчасика, как они расседланы.

— Полчасика — отдых вполне достаточный: они будут только бодрее.

Конюх стал звать на помощь. Какой-то человек, видимо управляющий, вышел, когда д'Артаньян и его спутники уже надевали седла на лошадей.

Управляющий попробовал прикрикнуть на них.

— Любезный друг, если вы скажете хоть слово, я пушу вам пулю в лоб, — сказал д'Артаньян.

Он погрозил пистолетом, потом засунул его под мышку и продолжал свое дело.

— Но, сударь, — сказал управляющий, — знаете ли вы, что лошади принадлежат герцогу де Монбазону?

— Тем лучше, — ответил д'Артаньян, — тогда это должны быть хорошие кони.

— Но, сударь, — продолжал управляющий, осторожно пятясь к двери, — предупреждаю вас, я позову сейчас моих людей.

— А я своих, — сказал д'Артаньян. — Я — лейтенант королевских мушкетеров. Десять моих солдат едут следом за мной. Слышите, они скачут? Посмотрим, чья возьмет.

Ровно ничего не было слышно, но управляющий боялся и прислушиваться.

— Вы готовы, Портос? — спросил д'Артаньян.

— Я кончил.

— А вы, Мустон?

— Я тоже.

— Так на коней, едем!

Все трое вскочили на лошадей.

— Ко мне! — кричал управляющий. — Ко мне, люди! Несите карбины!

— В путь, —скомандовал д'Артаньян, — сейчас начнется пальба.

Все трое понеслись как вихрь.

— Ко мне! — ревел управляющий, между тем как конюх бежал к соседнему зданию.

— Осторожней, не застрелите ваших лошадей! — крикнул д'Артаньян и разразился смехом.

— Пли! — отвечал управляющий.

Свет, подобный молнии, осветил дорогу.

Одновременно с выстрелом всадники услышали свист пуль, пролетевших мимо.

— Они стреляют, как лакеи, — сказал Портос. — Во времена Ришелье стреляли лучше. Вы помните Кревкерскую дорогу, Мушкетон?

— Ах, сударь, правая ягодица у меня и сейчас побаливает.

— Вы уверены, д'Артаньян, что мы напали на верный след?

— Черт возьми! Разве вы не слышали?

— Чего?

— Что эти лошади принадлежат Монбазону?

— Ну?

— Ну, а господин де Монбазон — муж госпожи де Монбазон.

— А дальше?

— А госпожа де Монбазон — любовница господина де Бофора.

— А, понимаю, — сказал Портос, — она приготовила подставы на пути?

— Именно!

— И мы гонимся за герцогом на лошадях, на которых он только что скакал?

— Дорогой Портос, вы изумительно догадливы, — сказал д'Артаньян с обычной своей двусмысленной улыбкой.

— Да, уж я таков! — подтвердил Портос.

Так скакали они целый час; бока лошадей были в пене, животы в крови.

— Э, что я вижу? — сказал д'Артаньян.

— Счастье ваше, если вы вообще что-нибудь видите в такую темную ночь, — заметил Портос.

— Искры!

— Я тоже заметил, — сказал Мушкетон.

— Неужели мы их нагнали?

— Павшая лошадь! — сказал д'Артаньян, осаживая своего коня, шаркнувшего в сторону. — По-видимому, они тоже выбились из сил.

— Мне кажется, скачут всадники, — заметил Портос, склоняясь к гриве своей лошади.

— Не может быть.

— Их много.

— Тогда другое дело.

— Еще одна лошадь, — сказал Портос.

— Пала?

— Нет, околевает.

— Оседланная или без седла?

— Оседланная.

— Значит, это они.

— Смелее! Они в наших руках!

— Но, если их много,— возразил Мушкетон,— то не они в наших руках, а мы в их.

— Ба,— сказал д'Артаньян,— они решат, что мы сильнее их, потому что гонимся за ними; струсят и рассеются.

— Наверно,— подтвердил Портос.

— О, посмотрите! — воскликнул д'Артаньян.

— Да, опять искры; на этот раз и я видел,— сказал Портос.

— Вперед, вперед! — пронзительно крикнул д'Артаньян.— Через пять минут начнется потеха.

И они снова помчались вперед. Лошади, обезумевшие от боли и бешеной погони, летели по темной дороге. Вдали на фоне неба зачернелась уже какая-то плотная масса.

Глава 28

ВСТРЕЧА

ак мчались они еще минут десять.

Вдруг две черные точки отделились от темной массы и стали расти и приближаться, постепенно принимая форму двух всадников.

— Ого,— сказал д'Артаньян,— они направляются к нам.

— Тем хуже для них,— заметил Портос.

— Кто идет? — раздался хриплый глос.

Наши всадники неслись, не останавливаясь и не отвечая. Послышался лязг шпага, вынимаемых из ножен, и щелканье пистолетных курков, которые взводили оба призрачных всадника.

— Держись! — скомандовал д'Артаньян.

Портос понял и так же, как д'Артаньян, достал левой рукой пистолет из кобуры; оба они тоже взвели курки.

— Кто идет? — раздался второй окрик.— Ни шага дальше или смерть вам!

— Эге! — ответил Портос, задыхаясь от пыли и сжав зубы.— Мы и не таких выдввали.

При этих словах две тени загородили дорогу, и отблеск звезд засверкал на дулах наведенных пистолетов.

— Назад,— крикнул д'Артаньян,— или умрете вы!

Два пистолетных выстрела были ответом на эту угрозу; но наши всадники неслись с такой быстротой, что в этот же миг налетели на врагов. Раздался третий выстрел, сделанный в упор д'Артаньяном, и его противник рухнул наземь; Портос же с такой силой наскочил на своего, что хотя тот успел отбить его шпагу, но от толчка полетел с лошади шагов на десять в сторону.

— Прикончи его, Мушкетон! Прикончи! — крикнул Портос. И он бросился вперед бок о бок со своим другом, который продолжал погоню.

— Ну, как? — спросил Портос.

— Я раздробил своему голову, — сказал д'Артаньян. — А вы?

— Я своего только сбросил с лошади. Но слышите?..

Послышался выстрел из карабина: Мушкетон на скаку исполнил приказание своего господина.

— Ну-ну, — сказал д'Артаньян. — Дела идут хорошо. Первая ставка нами бита.

— Да, — сказал Портос. — А вот и новые игроки.

Действительно, еще два всадника отделились от главной группы и быстро помчались, чтобы преградить д'Артаньяну и Портосу дорогу.

На этот раз д'Артаньян даже не стал ждать, чтобы с ним заговорили.

— Дорогу! — закричал он первый. — Дорогу!

— Что вам нужно? — спросил один голос.

— Герцога! — заревели в один голос Портос и д'Артаньян.

Взрыв хохота раздался в ответ, но смех тотчас сменился стоном. Д'Артаньян насквозь проткнул весельчака своей шпагой.

В то же мгновение раздалось сразу два выстрела: это Портос и его противник выстрелили друг в друга.

Д'Артаньян оглянулся и увидел Портоса рядом с собой.

— Bravo, Портос, кажется, вы его убили, — сказал он.

— Боюсь, что попал только в лошадь.

— Что же делать, дорогой мой! Не каждый раз попадаешь в мушку, и не стоит горевать, раз мишень все же задета. Но, черт возьми, что с моей лошадью?

— С вашей лошадью? Она падает, — сказал Портос, останавливая свою.

Действительно, лошадь д'Артаньяна споткнулась, припала на колени, захрипела и повалилась на бок.

Пуля первого противника д'Артаньяна угодила ей в грудь. Д'Артаньян выругался так, что небу стало жарко.

— Не нужна ли вам, сударь, лошадь? — спросил Мушкетон.

— Еще бы не нужна, черт возьми! — вскричал д'Артаньян.

— Извольте.

— Но откуда, черт тебя дери, у тебя две лошади? — спросил д'Артаньян, вскакивая на одну из них.

— Их хозяева убиты, я решил, что они могут нам пригодиться, и забрал их.

Тем временем Портос снова зарядил свой пистолет.

— Готовься! — крикнул д'Артаньян. — Вот еще двое.

— Однако их хватит, верно, на всю ночь! — заметил Портос. Действительно, еще двое всадников устремились на них.

— Сударь, — сказал Мушкетон, — тот, кого вы сбросили, встает.

— Почему ты не поступил с ним так же, как с первым?

— Руки были заняты, сударь: я держал лошадей.

Раздался выстрел, и Мушкетон жалобно вскрикнул.

— Ах, сударь, — сказал он, — в другую, прямо в другую половину! Совсем под пару к выстрелу на Амьенской дороге.

Портос, словно лев, ринулся назад и налетел на своего спешившегося противника, схватившегося за шпагу. Но прежде чем тот успел вынуть ее из ножен, Портос рукоятью своей рапиры нанес ему такой страшный удар по голове, что он упал, как бык под дубиной мясника.

Мушкетон со стонами сполз с коня, так как полученная рана не позволяла ему сидеть верхом.

Увидав всадников, д'Артаньян остановился и зарядил пистолет; кроме того, у луки седла его новой лошади оказался карабин.

— Вот и я,— сказал Портос.— Будем ждать или нападем сами?

— Нападем,— сказал д'Артаньян.

— Нападем! — сказал Портос.

Они пришпорили своих лошадей. Всадники были не более как в двадцати шагах от них.

— Именем короля! — крикнул д'Артаньян.— Пропустите нас!

— Королю тут нечего делать! — возразил голос суровый, но звучный, исходивший словно из облака, так как всадник совсем исчезал в клубах пыли.

— Отлично, посмотрим,— сказал д'Артаньян,— не раскроется ли и здесь дорога королю.

— Ну, посмотрите,— отвечал тот же голос.

Два выстрела раздалась почти одновременно. Один был сделан д'Артаньяном, другой противником Портоса. Пуля д'Артаньяна сбила шляпу с его врага; пуля противника Портоса пронзила горло его лошади, и та со стоном повалилась на землю.

— В последний раз: куда вы едете? — проговорил все тот же голос.

— К черту! — ответил д'Артаньян.

— Ах, так! Будьте покойны, вы к нему попадете.

Д'Артаньян увидел, что на него направляется дуло мушкета; у него не было времени рыться в кобуре. Он вдруг вспомнил совет, данный ему когда-то Атосом, и поднял на дыбы свою лошадь. Пуля угодила ей прямо в живот. Д'Артаньян почувствовал, как она опускается под ним, и со свойственным ему изумительным проворством спрыгнул в сторону.

— Вот как! — насмешливо проговорил обладатель звучного голоса.— У нас, оказывается, лошадиная бойня, а не сражение для мужчин. Шпагу наголо, сударь, шпагу наголо!

Он соскочил с лошади.

— За шпагу? Отлично,— сказал д'Артаньян,— это дело по мне.

В два прыжка д'Артаньян очутился перед своим противником; их шпаги скрестились. Д'Артаньян с обычной ловкостью пустил в ход свой излюбленный прием — терц.

Портос же, стоя на коленях позади своей лошади, корчившейся в предсмертных муках, держал в каждой руке по пистолету.

Между д'Артаньяном и его противником завязался бой. Д'Артаньян, по своему обыкновению, нападал решительно, но на этот раз он имел дело с такой сильной и умелой рукой, что был просто озадачен. Дважды отбитый, д'Артаньян отступил на шаг; его противник не

двинулся с места; д'Артаньян опять подступил к нему и снова прибег к своему приему. Оба противника наносили удары, но неудачно; искры дождем сыпались со шпаг.

Наконец д'Артаньян решил, что пора прибегнуть к другому своему излюбленному приему — к обману. Он очень ловко применил его и с быстротой молнии нанес удар, казалось, неотразимой силы. Удар был отбит.

— Черт возьми! — воскликнул он со своим гасконским акцентом.

При этом восклицании противник его отскочил назад и пригнулся, забыв о незащищенной голове и стараясь разглядеть в темноте лицо д'Артаньяна. Д'Артаньян, опасаясь, не хитрость ли это, держался начеку.

— Берегитесь, — сказал между тем Портос своему противнику, — у меня в запасе два заряженных пистолета.

— Тем больше причин вам стрелять первому.

Портос выстрелил; точно молнией осветилось поле битвы.

При этом свете два других противника разом вскрикнули.

— Атос! — воскликнул д'Артаньян.

— Д'Артаньян! — вскричал Атос.

Атос поднял шпагу, д'Артаньян опустил свою.

— Арамис! — крикнул Атос. — Не стреляйте.

— А! Это вы, Арамис! — воскликнул Портос и бросил свой пистолет.

Арамис сунул свой в кобуру и вложил шпагу в ножны.

— Сын мой! — сказал Атос, протягивая руку д'Артаньяну. (Так называл он его прежде в минуты нежности.)

— Атос, — сказал д'Артаньян, ломая себе руки, — неужели вы его защищаете? А я поклялся привезти его живого или мертвого. Ах, теперь я обесчещен.

— Убейте меня, — сказал Атос, обнажая грудь, — если честь ваша нуждается в моей смерти.

— О, горе мне! Горе мне! — восклицал д'Артаньян. — Только один человек мог остановить меня, и надо же было, чтобы судьба его-то и поставила на моем пути. Что скажу я кардиналу?

— Вы скажете ему, сударь, — ответил громкий голос, покрывший все остальные, — что он послал против меня двух человек, которые одни только и могли победить четверых, сражаться, без ущерба для себя, один на один против графа де Ла Фер и шевалье д'Эрбле и сдать только полусотне противников.

— Принц! — сказали в один голос Атос и Арамис, отходя в сторону и давая дорогу герцогу де Бофору.

Портос и д'Артаньян тоже сделали шаг назад.

— Пятьдесят человек, — пробормотали д'Артаньян и Портос.

— Оглянитесь, господа, если не верите, — сказал герцог, — я думал, что вас двадцать человек, и вернулся со всем моим отрядом. Мне надоело это бегство и тоже захотелось поработать шпагой; а вас, оказывается, всего только двое.

— Да, монсеньер, двое, — сказал Атос, — но, как вы сами сказали, эти двое стоят двадцати.

— Ну, господа, отдайте ваши шпаги,— сказал герцог.

— Наши шпаги? — воскликнул д'Артаньян, подымая голову и приходя в себя.— Наши шпаги? Никогда.

— Никогда! — повторил Портос.

Между окружающими произошло движение.

— Погодите, монсеньер,— сказал Атос.— Два слова.

Он подошел к принцу, тот наклонился к нему, и он что-то шепнул ему.

— Как вам угодно, граф,— сказал принц.— Я слишком многим обязан вам, чтобы отказать в вашей первой просьбе. Отойдите, господа,— обратился он к своей свите.— Господа д'Артаньян и дю Валлон, вы свободны.

Приказание было немедленно исполнено. Д'Артаньян и Портос очутились в центре большого круга.

— Теперь, д'Эрбле,— сказал Атос,— сойдите с лошади и подойдите сюда.

Арамис спешился и подошел к Портосу, Атос подошел к д'Артаньяну. Теперь все четверо были снова вместе.

— Друзья,— сказал Атос,— вы всё еще жалеете, что не пролили нашей крови?

— Нет,— сказал д'Артаньян,— мне больно, что мы идем друг против друга, мы, которые были всегда вместе. Мне больно, что мы в двух враждебных лагерях. Ах, теперь ни в чем не будет у нас успеха!

— Да, теперь конец всему,— отозвался Портос.

— Так переходите к нам! — сказал Арамис.

— Молчите, д'Эрбле,— остановил его Атос.— Подобных предложений не делают таким людям, как эти господа. Если они примкнули к партии Мазарини, значит, этого требовала их совесть, так же как наша велела нам стать на сторону принцев.

— И вот сейчас мы враги! Тьфу, пропасть! Кто мог этого ожидать? — сказал Портос.

Д'Артаньян ничего не сказал, а только вздохнул.

Атос взглянул на них обоих, взял их за руки и сказал:

— Это дело серьезное, и у меня сердце болит, точно вы его пронзили насквозь. Да, мы разошлись, вот великая и печальная истина, но мы еще не объявили друг другу войны. Быть может, мы сумеем договориться; необходима еще одна последняя встреча.

— Что касается меня,— сказал Арамис,— я на ней настаиваю.

— Я согласен,— гордо ответил д'Артаньян.

Портос наклонил голову в знак одобрения.

— Назначим же место свидания,— продолжал Атос,— удобное для нас всех, и, встретившись в последний раз, сговоримся окончательно относительно нашего взаимного положения и действий.

— Хорошо! — отвечали трое остальных.

— Значит, вы со мной согласны? — спросил Атос.

— Всецело.

— Отлично. Место?

— Королевская площадь вам подходит? — спросил д'Артаньян.

— В Париже?

— Да.

Атос и Арамис переглянулись. Арамис кивнул головой в знак согласия.

— Королевская площадь, пусть будет так,— сказал Атос.

— А когда?

— Завтра вечером, если вам угодно.

— Вы к этому времени вернетесь?

— Да.

— В котором часу?

— В десять часов вечера. Удобно это вам?

— Отлично.

— И тогда будет или мир или война: но, по крайней мере, друзья, наша честь не пострадает,— сказал Атос.

— Увы,— вздохнул д'Артаньян,— что касается нас, то наша воинская честь погибла.

— Д'Артаньян,— задумчиво сказал Атос,— клянусь вам, мне больно, что вы можете думать об этом в то время, как я думаю только о том, что мы скрестили с вами наши шпаги. Да,— прибавил он, печально качая головой,— вы правильно сказали: горе нам. Идемте, Арамис.

— А мы, Портос,— сказал д'Артаньян,— вернемся теперь со стыдом к кардиналу.

— А главное, скажите ему,— послышалось вдруг,— что я не так уж стар и еще гожусь для дела.

Д'Артаньян узнал голос Рошфора.

— Чем я могу быть вам полезным, господа? — спросил принц.

— Засвидетельствуйте, что мы сделали все возможное, ваше высочество.

— Будьте покойны, это будет сделано. Прощайте, господа, мы скоро увидимся с вами, надеюсь, под Парижем, а может быть, и в самом Париже, и тогда вы сможете расплатиться за сегодняшнюю неудачу.

С этими словами герцог, махнув рукой на прощание, пустил свою лошадь галопом и вместе со своей свитой скрылся в темноте. Все стихло. Д'Артаньян и Портос остались одни на большой дороге, да еще какой-то человек держал в поводу двух лошадей.

Думая, что это Мушкетон, они подошли к нему.

— Кого я вижу! — воскликнул д'Артаньян.— Это ты, Гримо?

— Гримо! — повторил Портос.

Гримо знаком показал двум друзьям, что они не ошиблись.

— А чьи же это лошади? — спросил д'Артаньян.

— Кто их дарит нам? — спросил Портос.

— Граф де Ла Фер.

— Атос, Атос,— прошептал д'Артаньян,— вы подумали обо всем; вы поистине благородный человек.

— В добрый час! Я уж боялся, что мне доведется всю дорогу идти пешком,— сказал Портос.

И он вскочил на лошадь; д'Артаньян был уже в седле.

— Но куда же ты едешь, Гримо? — спросил д'Артаньян. — Ты покидаешь своего господина?

— Да, — сказал Гримо, — я еду к виконту де Бражелону, во фландрскую армию.

Они молча двинулись по Парижской дороге. Но вдруг послышались стоны, доносившиеся, как им показалось, из канавы.

— Что это такое? — спросил д'Артаньян.

— Это Мушкетон, — сказал Портос.

— Да, да, сударь, это я, — раздался жалобный голос, и какая-то тень зашевелилась на краю дороги.

Портос бросился к своему управляющему, к которому был искренне привязан.

— Ты опасно ранен, милый мой Мустон? — спросил он.

— Мустон! — повторил Гримо, раскрыв глаза от изумления.

— Нет, сударь, думаю, что нет; только я ранен в очень неудобное место.

— Так что ты верхом ехать не можешь?

— Что вы, сударь, куда уж тут!

— А пешком идти можешь?

— Постараюсь добраться до первого дома.

— Как быть? — сказал д'Артаньян. — Нам необходимо вернуться в Париж.

— Я позабочусь о Мушкетоне, — сказал Гримо.

— Спасибо, добрый Гримо, — ответил Портос.

Гримо соскочил с лошади и подал руку своему старому другу, который со слезами на глазах оперся на нее. Но Гримо не мог взять в толк, чем вызваны эти слезы: радостью ли встречи с ним или болью от раны.

Между тем д'Артаньян и Портос молча продолжали свой путь в Париж.

Спустя три часа их обогнал верховой, весь в пыли: то был курьер герцога, везший письмо кардиналу, в котором, как было обещано, принц свидетельствовал, что сделали д'Артаньян и Портос.

Мазарини провел очень дурную ночь, получив письмо, в котором принц сам извещал его, что он на свободе и начинает с ним смертельную борьбу.

Кардинал перечитал это письмо раза три, затем сложил и, кладя в карман, сказал:

— Одно меня утешает: хоть д'Артаньян и упустил принца, но, по крайней мере, гонясь за ним, задавил Бруселя. Решительно, гасконец бесценный человек; даже неловкость его служит мне на пользу.

Кардинал говорил о человеке, которого сбил с ног д'Артаньян у кладбища св. Иоанна в Париже. Это был не кто иной, как советник Брусель.

о, к несчастью для Мазарини, на которого и так валились все напасти, советник Брусель не был задавлен.

Он действительно переходил не спеша через улицу Сент-Оноре, когда бешено мчавшаяся лошадь д'Артаньяна задела его и опрокинула в грязь. Как мы уже сказали, д'Артаньян не обратил внимания на столь ничтожное событие. Он вполне разделял глубокое и презрительное безразличие, проявляемое в те времена дворянством, особенно военным дворянством, по отношению к буржуазии. Поэтому-то он остался нечувствителен к несчастью, приключившемуся с человеком в черной одежде, хотя и был его причиной. Прежде чем бедняга Брусель успел крикнуть, вооруженные всадники как буря пронесли мимо. Тогда только прохожие услышали его стоны.

Люди сбежались, увидели раненого, стали расспрашивать, кто он, где живет. Как только он сказал, что его зовут Брусель, что он советник парламента и живет на улице Сен-Ландри, толпа разразилась криком, ужасным, грозным криком, который напугал несчастного советника не меньше, чем промчавшийся над ним ураган.

— Брусель! — вопили кругом. — Брусель, отец наш! Защитник наших прав! Брусель, друг народа, убит, растоптан негодьями кардиналистами! На помощь! К оружию! Смерть им!

В одно мгновение толпа запрудила улицу; остановили первую попавшуюся карету, чтобы везти советника, но кто-то заметил, что тряска может усилить боль и ухудшить состояние раненого; другие предложили отнести его на руках, — предложение было встречено с восторгом и принято единодушно. Сказано — сделано. Народ, грозный и вместе с тем кроткий, поднял советника и унес его, подобно сказочному гиганту, с ворчанием баюкающему карлика в своих объятиях.

Брусель не сомневался в любви парижан; три года он возглавлял оппозицию не без тайной надежды добиться когда-нибудь популярности. Это столь своевременное выражение чувств его обрадовало и преисполнило гордости, ибо оно показывало меру его влияния. Но этот триумф был омрачен тревогами. Помимо того, что ушибы причиняли ему немалую боль, на каждом перекрестке он дрожал, как бы не появился эскадрон гвардейцев или мушкетеров и не разогнал толпу. Что случилось бы с бедным триумфатором в свалке!

Перед его глазами все еще стояли пролетавшие люди и лошади, словно смерч, словно буря, опрокинувшая его одним своим порывом, и он повторял слабым голосом: «Торопитесь, дети мои: я очень страдаю».

После каждой такой жалобы вокруг него с новой силой раздавались вопли и проклятия.

Не без труда удалось протиснуться к дому Бруселя. Все жители квартала бросились к окнам и дверям, привлеченные шумом толпы,

наводнившей улицу. В окне дома Бруселя появились старая служанка, которая кричала изо всех сил, и пожилая женщина, которая горько плакала. Обе они с явной тревогой, хотя и выражаемой разными способами, расспрашивали толпу, из которой отвечали им лишь громкими нечленораздельными криками.

Но едва только возле дома появился несомый восьмью людьми советник, бледный, с погасшим взором, как добрая г-жа Брусель упала в обморок, а служанка, воздев руки к небу, бросилась по лестнице навстречу своему хозяину. «Господи, господа,— кричала она,— хоть бы Фрике был здесь и сбежал за доктором!»

Фрике был здесь. Где же обойдется дело без парижского сорванца?

Фрике, разумеется, воспользовался троицыным днем, чтобы выпросить отпуск у хозяина таверны. В отпуске ему отказать было нельзя, так как по условию он получал свободу по большим праздникам, четыре раза в году.

Фрике находился во главе шествия. Он, конечно, сам подумал, что надо бы сбежать за доктором, но, в конце концов, гораздо веселее было кричать во всю глотку: «Убили господина Бруселя! Господина Бруселя, отца народа! Да здравствует господин Брусель!»,— чем шагать одному по темным улицам и тихо сказать человеку в темном камзоле: «Пойдемте, господин доктор, советник Брусель нуждается в вашей помощи».

К несчастью, Фрике, игравший в шествии видную роль, имел неосторожность взобраться на оконную решетку, чтобы подняться над толпой. Честолюбие его погубило: мать заметила его и послала за доктором.

Затем она схватила советника в охапку и собралась тащить его вверх; но на лестнице советник неожиданно встал на ноги и заявил, что может подняться и сам. Он просил служанку только об одном: уговорить народ разойтись. Но та не слушала его.

— О, мой бедный хозяин! Дорогой мой хозяин! — кричала она.

— Да, милая, да, Наннета,— бормотал Брусель, пытаясь ее утихомирить,— успокойся, все это пустяки.

— Как я могу успокоиться, когда вас раздавили, растоптали, растерзали!

— Да нет же, нет,— уговаривал ее Брусель,— ничего не случилось.

— Как же ничего, когда вы весь в грязи! Как же ничего, когда у вас голова в крови! Ах, господа, господа, бедный мой хозяин!

— Замолчи наконец! — сказал Брусель.— Замолчи!

— Кровь, боже мой, кровь,— кричала Наннета.

— Доктора! Хирурга! Врача! — редела толпа.— Советник Брусель умирает! Мазаринисты убили его!

— Боже мой,— восклицал Брусель в отчаянии,— из-за этих несчастных мой дом сожгут!

— Подойдите к окну и покажитесь им, хозяин!

— Нет, уж от этого я воздержусь,— ответил Брусель.— Показываться народу — это дело королей. Скажи им, что мне лучше, Наннета, скажи им, что я пойду не к окну, а в постель, и пусть они уходят.

— А зачем вам нужно, чтобы они ушли? Ведь они собрались в вашу честь.

— Ах! Неужели ты не понимаешь, что меня из-за них повесят? — твердил в отчаянии Брусель. — Видишь, вот и советнице стало дурно!

— Брусель! Брусель! — вопила толпа. — Да здравствует Брусель! Доктора Бруселю!

Поднялся такой шум, что опасения Бруселя не замедлили оправдаться. На улице появился взвод гвардейцев и ударами прикладов разогнал беззащитную толпу.

При первом крике: «Гвардейцы, солдаты!» Брусель, боясь, как бы его не приняли за подстрекателя, забился в постель, не сняв даже верхней одежды.

Благодаря вмешательству гвардейцев, старой Наннете, после троекратного приказа Бруселя, удалось наконец закрыть наружную дверь. Но едва лишь она заперла дверь и поднялась к хозяину, как кто-то громко постучался.

Г-жа Брусель, придя в себя, разувала своего мужа, сидя у его ног и дрожа как лист.

— Посмотрите, кто там стучит, Наннета, — сказал Брусель, — и не впускайте чужих людей.

Наннета выглянула в окно.

— Это господин председатель, — сказала она.

— Ну, его стесняться нечего, откройте дверь.

— Что они с вами сделали, милый Брусель? — спросил, входя, председатель парламента. — Я слышал, вас чуть не убили!

— Они явно покушались на мою жизнь, — ответил Брусель со стоической твердостью.

— Бедный друг! Они решили начать с вас. Но каждого из нас ждет та же участь. Они не могут победить нас всех вместе и решили погубить каждого порознь.

— Если только я поправлюсь, — сказал Брусель, — я в свою очередь постараюсь раздавить их тяжестью своего слова.

— Вы поправитесь, — сказал Бланмениль, — и они дорого заплатят за это насилие.

Г-жа Брусель плакала горячими слезами, Наннета бурно рыдала.

— Что случилось? — воскликнул, поспешно входя в комнату, красивый и рослый молодой человек. — Отец ранен?

— Перед вами жертва тирании, — ответил Бланмениль, как истый спартаец.

— О! — вскричал молодой человек. — Горе тем, кто тронул вас, батюшка!

— Жак, — произнес советник, — пойдите лучше за доктором, друг мой.

— Я слышу крики на улице, — сказала служанка, — наверное, это Фрике привел доктора... Нет, кто-то приехал в карете!

Бланмениль выглянул в окно.

— Это коадьютор! — воскликнул он.

— Господин коадьютор! — повторил Брусель. — Ах, боже мой, да пустите же, я пойду к нему навстречу!

И советник, забыв о своей ране, бросился бы встречать г-на де Реца, если бы Бланмениль не остановил его.

— Ну-с, дорогой Брусель,— сказал коадьютор, входя,— что же случилось? Говорят о засаде, об убийстве? Здравствуйте, господин Бланмениль. Я заехал за своим доктором и привез его вам.

— Ах, сударь! — воскликнул Брусель.— Вы оказываете мне слишком высокую честь! Действительно, меня опрокинули и растоптали мушкетеры короля.

— Вернее, мушкетеры кардинала,— возразил коадьютор.— Вернее, мазаринисты. Но они поплатятся за это, будьте покойны. Не правда ли, господин Бланмениль?

Бланмениль хотел ответить, как вдруг отворилась дверь, и лакей в пышной ливрее доложил громким голосом:

— Герцог де Лонгвиль.

— Неужели? — вскричал Брусель.— Герцог здесь? Какая честь для меня!

— Ах, монсеньер! Я пришел, чтобы оплакивать участь нашего доблестного защитника,— сказал герцог.— Вы ранены, милый советник?

— Что с того! Ваше посещение излечит меня, монсеньер.

— Но всё же вы страдаете?

— Очень,— сказал Брусель.

— Я привез своего врача,— сказал герцог,— разрешите ему войти.

— Как! — воскликнул Брусель.

Герцог сделал знак лакею, который ввел человека в черной одежде.

— Мне пришла в голову та же мысль, герцог,— сказал коадьютор.

Врачи устали друг на друга.

— А, это вы, господин коадьютор? Друзья народа встречаются на своей территории...

— Я был встревожен слухами и поспешил сюда. Но я думаю, врачи немедленно должны осмотреть нашего славного советника.

— При вас, господа? — воскликнул смущенный Брусель.

— Почему же нет, друг мой? Право, мы хотим поскорей узнать, что с вами.

— Ах, боже мой,— сказала г-жа Брусель,— там снова шумят!

— Похоже на приветствия,— сказал Бланмениль, подбегая к окну.

— Что там еще? — вскричал Брусель, побледнев.

— Ливрея принца де Конти,— воскликнул Бланмениль,— сам принц де Конти!

Кoadьютор и герцог де Лонгвиль чуть не расхохотались. Врачи хотели снять одеяло с Бруселя. Брусель остановил их. В эту минуту вошел принц де Конти.

— Ах, господа,— воскликнул он, увидя коадьютора,— вы предупредили меня! Но не сердитесь, дорогой Брусель. Как только я услышал о вашем несчастье, я подумал, что, быть может, у вас нет врача, и привез вам своего. Но как вы себя чувствуете? Почему говорили об убийстве?

Брусель хотел ответить, но не нашел слов: он был подавлен оказанной ему честью.

— Ну-с, господин доктор, приступайте,— обратился принц де Конти к сопровождавшему его человеку в черном.

— Да у нас настоящий консилиум, господа,— сказал один из врачей.

— Называйте это как хотите,— сказал принц,— но поскорей скажите нам, в каком состоянии наш дорогой советник.

Три врача подошли к кровати. Брусель натягивал одеяло изо всех сил; но, несмотря на сопротивление, его раздели и осмотрели.

У него было только два ушиба: на руке и на ляжке.

Врачи переглянулись, не понимая, зачем понадобилось созвать самых сведущих в Париже людей ради такого пустяка.

— Ну как? — спросил коадьютор.

— Ну как? — спросил принц.

— Мы надеемся, что серьезных последствий не будет,— сказал один из врачей.— Сейчас мы удалимся в соседнюю комнату и установим лечение.

— Брусель! Сообщите о Бруселе! — кричала толпа.— Как здоровье Бруселя?

Кoadьютор подошел к окну. При виде его толпа умолкла.

— Друзья мои, успокойтесь! — крикнул он.— Господин Брусель вне опасности. Но он серьезно ранен и нуждается в покое.

Тотчас же на улице раздался крик: «Да здравствует Брусель! Да здравствует коадьютор!»

Г-н де Лонгвиль почувствовал ревность и тоже подошел к окну.

— Да здравствует Лонгвиль! — закричали в толпе.

— Друзья мои,— сказал герцог, делая приветственный знак рукой,— разойдитесь с миром. Не нужно таким беспорядком радовать наших врагов.

— Хорошо сказано, господин герцог,— сказал Брусель,— вот настоящая французская речь.

— Да, господа парижане,— произнес принц де Конти, тоже подходя к окну за своей долей приветствий.— Господин Брусель просит вас разойтись. К тому же ему необходим покой, и шум может повредить ему.

— Да здравствует принц де Конти! — кричала толпа.

Принц поклонился.

Все три посетителя простились с советником, и толпа, которую они распустили именем Бруселя, отправилась их провожать. Они достигли уже набережной, а Брусель с постели все еще кланялся им вслед.

Старая служанка была поражена всем происшедшим и смотрела на хозяина с обожанием. Советник вырос в ее глазах на целый фут.

— Вот что значит служить своей стране по совести,— удовлетворенно заметил Брусель.

Врачи после часового совещания предписали класть на ушибленные места примочки из соленой воды.

Весь день к дому подъезжала карета за каретой. Это была настоящая процессия. Вся Фронда расписалась у Бруселя.

— Какой триумф, отец мой! — восклицал юный сын советника. Он не понимал истинных причин, толкавших этих людей к его отцу, и принимал всерьез всю эту демонстрацию.

— Увы, мой милый Жак, — сказал Брусель, — боюсь, как бы не пришлось слишком дорого заплатить за этот триумф. Наверняка господин Мазарини составляет сейчас список огорчений, доставленных ему по моей милости, и предъявит мне счет.

Фрике вернулся за полночь: он никак не мог разыскать врача.

Глава 30

ЧЕТВЕРО ДРУЗЕЙ ГОТОВЯТСЯ К ВСТРЕЧЕ

— **Н**у что? — спросил Портос, сидевший во дворе гостиницы «Козочка», у д'Артаньяна, который возвратился из Пале-Рояля с вытанутой и угрюмой физиономией. — Он дурно вас принял, дорогой д'Артаньян?

— Конечно, дурно. Положительно, это просто скотина! Что вы там едите, Портос?

— Как видите, макаю печенье в испанское вино.

Советую и вам делать то же.

— Вы правы. Жемблу, стакан!

Слуга, названный этим звучным именем, подал стакан, и д'Артаньян уселся возле своего друга.

— Как же это было?

— Черт! Вы понимаете, что выбирать выражения не приходилось. Я вошел, он косо на меня посмотрел, я пожал плечами и сказал ему: «Ну, монсеньер, мы оказались слабее». — «Да, я это знаю, расскажите подробности». Вы понимаете, Портос, я не мог рассказать детали, не называя наших друзей; а назвать их — значило их погубить.

«Еще бы! Монсеньер, — сказал я, — их было пятьдесят, а нас только двое». — «Да, — ответил он, — но это не помешало вам обменяться выстрелами, как я слышал». — «Как с той, так и с другой стороны потратили немного пороху, вот и все». — «А шпаги тоже увидели дневной свет?» — «Вы хотите сказать, монсеньер, ночную тьму?» — ответил я. «Так, — продолжал кардинал, — я считал вас гасконцем, дорогой мой». — «Я гасконец только когда мне везет, монсеньер». Этот ответ, как видно, ему понравился: он рассмеялся. «Впредь мне наука, — сказал он, — давать своим гвардейцам лошадей получше. Если бы они поспели за вами и каждый из них сделал бы столько, сколько вы и ваш друг, — вы сдержали бы слово и привели бы мне его живым или мертвым».

— Ну что ж, мне кажется, это неплохо, — заметил Портос.

— Ах, боже мой, конечно, нет, дорогой мой. Но как это было сказано! Просто невероятно, — перебил он свой рассказ, — сколько это печенье поглощает вина. Настоящая губка! Жемблу, еще бутылку!

Поспешность, с которой была принесена бутылка, свидетельствовала об уважении, которым пользовался д'Артаньян в заведении.

Он продолжал:

— Я уже уходил, как он опять подозвал меня и спросил: «У вас три лошади были убиты и загнаны?» — «Да, монсеньер». — «Сколько они стоят?»

— Что же, это, по-моему, похвальное намерение, — заметил Портос.

— «Тысячу пистолей», — ответил я.

— Тысячу пистолей! — вскричал Портос. — О, это чересчур, и если он знает толк в лошадях, он должен был торговаться.

— Уверяю вас, ему этого очень хотелось, этому скряге. Он подскочил на месте и впился в меня глазами. Я тоже посмотрел на него. Тогда он понял и, сунув руку в ящик, вытащил оттуда билеты Лионского банка.

— На тысячу пистолей?

— Ровно на тысячу, этаким скряга, ни на пистоль больше.

— И они при вас?

— Вот они.

— Честное слово, по-моему, он поступил как порядочный человек, — сказал Портос.

— Как порядочный человек? С людьми, которые не только рисковали из-за него своей шкурой, но еще оказали ему большую услугу!

— Большую услугу, какую же? — спросил Портос.

— Еще бы, я, кажется, задавил ему одного парламентского советника.

— Как! Это тот черный человек, которого вы сшибли с ног у кладбища?

— Именно, мой милый. Понимаете ли, он очень мешал ему. К несчастью, я не раздавил его в лепешку. Он, по-видимому, выздоровеет и еще наделает кардиналу неприятностей.

— Вот как! А я еще осадил мою лошадь, которая чуть было не смяла его. Ну, отложим это до следующего раза...

— Он должен был, скупец, заплатить мне за этого советника!

— Но ведь не совсем же вы его задавили? — заметил Портос.

— А! Ришелье все равно сказал бы: «Пятьсот экю за советника!» Но довольно об этом. Сколько вам стоили ваши лошади, Портос?

— Эх, друг мой, если б бедный Мушкетон был здесь, он назвал бы вам точную цену в ливрах, су и денье¹.

— Все равно, скажите хоть приблизительную, с точностью до десяти экю.

— Вулкан и Баярд мне стоили каждый около двухсот пистолей, и если оценить Феба в полтораста, то это, вероятно, будет полный счет.

— Значит, остается еще четыреста пятьдесят пистолей, — сказал д'Артаньян удовлетворенно.

¹ Монеты различного достоинства, имевшие хождение во Франции того времени.

- Да,— ответил Портос,— но не забудьте еще сбрую.
- Это правда, черт возьми! А сколько стоит сбруя?
- Если положить сто пистолей на три лошади, то...
- Хорошо, будем считать, сто пистолей,— прервал д'Артаньян.—

У нас остается еще триста пятьдесят.

Портос кивнул головой в знак согласия.

— Отдадим пятьдесят хозяйке в счет нашего содержания и поделим между собой остальные триста.

— Поделим,— согласился Портос.

— В общем, грошовой дело,— пробормотал д'Артаньян, пряча свои билеты.

— Гм...— сказал Портос,— это уж всегда так. Но скажите-ка...

— Что?

— Он совершенно обо мне не спрашивал?

— Ну, как же! — воскликнул д'Артаньян, боясь обескуражить своего друга признанием, что кардинал ни словом о нем не обмолвился.— Он сказал...

— Что он сказал? — подхватил Портос.

— Подождите, я хочу припомнить его подлинные слова. Он сказал: «Передайте вашему другу, что он может спать спокойно».

— Отлично,— сказал Портос.— Ясно как день, что все-таки он собирается сделать меня бароном.

В этот момент на соседней церкви пробило девять часов.

д'Артаньян вздрогнул.

— В самом деле,— сказал Портос,— бьет девять, а в десять, как вы помните, у нас свидание на Королевской площади.

— Молчите, Портос,— нетерпеливо воскликнул д'Артаньян,— не напоминайте мне об этом. Со вчерашнего дня я сам не свой. Я не пойду.

— Почему? — спросил Портос.

— Потому что мне очень тяжело видеть снова двух людей, по вине которых провалилось наше предприятие.

— Но ведь ни тот, ни другой не одержали над нами верх. Мой пистолет был еще заряжен, а вы стояли оба лицом к лицу со шпагами в руке.

— Да,— сказал д'Артаньян,— но не кроется ли в свидании...

— О, вы так не думаете, д'Артаньян.

Это была правда. д'Артаньян не считал Атоса способным на обман, а просто искал предлога, чтобы увильнуть от свидания.

— Надо идти,— сказал великолепный сеньор де Брасье.— Иначе они подумают, что мы трусили. Ах, мой друг, раз мы бесстрашно выступили вдвоем против пятидесяти противников на большой дороге, то мы можем смело встретиться с двумя друзьями на Королевской площади.

— Да, да,— сказал д'Артаньян,— я это знаю; но они примкнули к партии принцев, не предупредив нас о том. Атос и Арамис провели меня, и это меня тревожит. Вчера мы узнали правду. А вдруг сегодня откроется еще что-нибудь?

— Вы в самом деле не доверяете им? — спросил Портос.

— Арамису — да, с тех пор как он стал аббатом. Вы представить себе не можете, мой дорогой, чем он теперь стал. По его мнению, мы загораживаем ему дорогу к сану епископа, и он, пожалуй, не прочь нас устранить.

— Арамис — другое дело; тут я не удивился бы, — сказал Портос.

— Пожалуй, господин де Бофор вздумает захватить нас.

— Как, после того что мы были у него в руках и он отпустил нас на свободу! Впрочем, будем осторожны, вооружимся и возьмем с собой Планше с его карабином.

— Планше — фрондер, — сказал д'Артаньян.

— Черт бы побрал эту гражданскую войну! — воскликнул Портос. — Ни на кого нельзя положиться: ни на друзей, ни на прислугу. Ах, если бы бедный Мушкетон был здесь! Вот кто никогда бы меня не покинул!

— Да, пока вы богаты. Эх, мой друг, не междоусобные войны разъединяют нас, а то, что мы больше не двадцатилетние юноши, то, что благородные порывы молодости угасли, уступив место голосу холодного расчета, внушениям честолюбия, воздействию эгоизма. Да, вы правы, Портос; пойдем на это свидание, но пойдем хорошо вооруженные. Если мы не пойдем, они скажут, что мы трусили. Эй, Планше! — крикнул д'Артаньян.

Явился Планше.

— Вели оседлать лошадей и захвати карабин.

— Но, сударь, на кого же мы идем?

— Ни на кого. Это простая мера предосторожности на случай, если мы подвергнемся нападению.

— Знаете ли вы, сударь, что было покушение на доброго советника Брюсея, этого отца народа?

— Ах, в самом деле? — спросил д'Артаньян.

— Да, но он вполне вознагражден: народ на руках отнес его домой. Со вчерашнего дня дом его битком набит. Его посетили коадьютор, Лонгвиль, принц де Конти; герцогиня де Шеврез и госпожа де Вандом расписались у него в числе посетителей. Теперь стоит ему захотеть...

— Ну, что он там захочет?

Планше запел:

Слышен ветра шепот,
Слышен свист порой.
Это Фронды ропот:
«Мазарини долой!»

— Нет ничего странного, что Мазарини было бы более по сердцу, если бы я совсем задавил его советника, — хмуро бросил д'Артаньян Портосу.

— Вы понимаете, сударь, что если вы просите меня захватить мой карабин для какого-нибудь предприятия вроде того, какое замышлялось против господина Брюсея...

— Нет, нет, будь спокоен. Но откуда у тебя все эти подробности?

— О, я получил их из верного источника — от Фрике.

— От Фрике? — сказал д'Артаньян. — Это имя мне знакомо.

— Это сын служанки Брюсея, молодец парень; за него можно поручиться — при восстании он не упустит своего.

— Не поет ли он на клиросе в соборе Богоматери? — спросил д'Артаньян.

— Да, ему покровительствует Базен.

— Ах, знаю,— сказал д'Артаньян,— и он прислуживает в трактире на улице Лоцильщикова.

— Совершенно верно.

— Что вам за дело до этого мальчишки? — спросил Портос.

— Гм,— сказал д'Артаньян,— я уж раз получил от него хорошие сведения, и при случае он может доставить мне и другие.

— Вам, когда вы чуть не раздавили его хозяина?

— А откуда он это узнает?

— Правильно.

В это время Атос и Арамис приближались к Парижу через предместье Сент-Антуан. Они отдохнули в дороге и теперь спешили, чтобы не опоздать на свидание. Базен один сопровождал их. Гримо, как помнят читатели, остался ухаживать за Мушкетеном, а затем должен был ехать прямо к молодому виконту де Бражелону, направляющемуся во фландрскую армию.

— Теперь,— сказал Атос,— нам нужно зайти в какую-нибудь гостиницу, переодеться в городское платье, сложить шпаги и пистолеты и разоружить нашего слугу.

— Отнюдь нет, дорогой граф. Позвольте мне не только не согласиться с вашим мнением, но даже попытаться склонить вас к моему.

— Почему?

— Потому что свидание, на которое мы идем,— военное свидание.

— Что вы хотите этим сказать, Арамис?

— Что Королевская площадь — это только продолжение Вандомской проезжей дороги и ничто другое.

— Как! Наши друзья...

— Стали сейчас нашими опаснейшими врагами, Атос... Послушайте меня, не стоит быть слишком доверчивым, а в особенности вам.

— О мой дорогой д'Эрбле!..

— Кто может поручиться, что д'Артаньян не винит нас в своем поражении и не предупредил кардинала? И что кардинал не воспользуется этим свиданием, чтобы схватить нас?

— Как, Арамис, вы думаете, что д'Артаньян и Портос приложат руку к такому бесчестному делу?

— Между друзьями, вы правы, Атос, это было бы бесчестное дело, но по отношению к врагам это только военная хитрость.

Атос скрестил руки и поник своей красивой головой.

— Что поделаешь, Атос,— продолжал Арамис,— люди уж так созданы, и не всегда им двадцать лет. Мы, как вы знаете, жестоко задела самолостью д'Артаньяна, слепо управляющее его поступками. Он был побежден. Разве вы не видели, в каком он был отчаянии на той дороге? Что касается Портоса, то, может быть, его баронство зависело от удачи всего дела. Но мы встали ему поперек пути, и

баронство на этот раз ему улыбнулось. Кто поручится, что пресловутое баронство не зависит от нашего сегодняшнего свидания? Примем меры предосторожности, Атос.

— Ну, а если они придут безоружными? Какой позор для нас, Арамис!

— О, будьте покойны, дорогой мой, ручаюсь вам, что этого не случится. К тому же, у нас есть оправдание: мы прямо с дороги, и мы мятежники.

— Нам думать об оправданиях! Об оправданиях перед д'Артаньяном и Портосом! О, Арамис, Арамис,— сказал Атос, грустно качая головой.— Клянусь честью, вы делаете меня несчастнейшим из людей. Вы отравляете сердце, еще не окончательно умершее для дружеских чувств. Поверьте, лучше бы у меня его вырвали из груди. Делайте как хотите, Арамис. Я же пойду без оружия,— закончил он.

— Нет, вы этого не сделаете. Я не пушу вас так. Из-за вашей слабости вы можете погубить не одного человека, не Атоса, не графа де Ла Фер, но дело целой партии, к которой вы принадлежите и которая на вас рассчитывает.

— Пусть будет по-вашему,— грустно ответил Атос. И они продолжали свой путь.

Едва только по улице Па-де-ла-Мюль подъехали они к решетке пустынной площади, как заметили под сводами, около улицы св. Екатерины, трех всадников.

Это были д'Артаньян и Портос, закутанные в плащи, из-под которых торчали их шпаги. За ними следовал Планше с мушкетом через плечо.

Увидев их, Атос и Арамис сошли с лошадей.

Д'Артаньян и Портос сделали то же самое. Д'Артаньян, заметив, что Базен, вместо того чтобы держать трех лошадей на поводу, прихватывает их к кольцам под сводами, приказал и Планше сделать так же.

Затем — двое с одной стороны и двое с другой, сопровождаемые слугами, они двинулись навстречу друг другу и, сойдясь, вежливо раскланялись.

— Где угодно будет вам, господа, выбрать место для нашей беседы? — сказал Атос, заметив, что многие прохожие останавливаются и глядят на них, словно ожидая, что сейчас разыграется одна из тех знаменитых дуэлей, воспоминание о которых еще свежо было в памяти парижан, в особенности живших на Королевской площади.

— Решетка заперта,— сказали Арамис,— но если вы любите тень деревьев и ненарушимое уединение, я достану ключ в особняке Роган, и мы устроимся чудесно.

Д'Артаньян стал вглядываться в темноту, а Портос даже просунул голову в решетку, пытаясь разглядеть что-нибудь во мраке.

— Если вы предпочитаете другое место,— своим благородным, чарующим голосом сказал Атос,— выбирайте сами.

— Я думаю, что, если только господин д'Эрбле достанет ключ, лучше этого места не найти.

Арамис сейчас же пошел за ключом, успев, однако, шепнуть Атосу, чтобы он не подходил очень близко к д'Артаньяну и Портосу; но тот, кому он подал этот совет, только презрительно улыбнулся и подошел к своим прежним друзьям, не двигавшимся с места.

Арамис действительно постучался в особняк Роган и скоро вернулся вместе с человеком, говорившим:

— Так вы даете мне слово, сударь?

— Вот вам,— сказал Арамис, протягивая ему золотой.

— Ах, вы не хотите дать мне слово, сударь! — сказал привратник, качая головой.

— В чем мне ручаться? — отвечал Арамис.— Я вас уверяю, что в настоящую минуту эти господа — наши друзья.

— Да, конечно,— холодно подтвердили Атос, д'Артаньян и Портос.

д'Артаньян слышал разговор и понял, в чем дело.

— Вы видите? — сказал он Портосу.

— Что такое?

— Он не хочет дать слово.

— В чем?

— Этот человек просит Арамиса дать слово, что мы явились на площадь не для поединка.

— И Арамис не захотел дать слово?

— Не захотел.

— Так будем осторожны.

Атос не спускал с них глаз, пока они говорили. Арамис открыл калитку и посторонился, чтобы пропустить вперед д'Артаньяна и Портоса. Входя, д'Артаньян зацепил эфесом шпаги за решетку и принужден был распахнуть плащ. Под плащом обнаружили блестящие дула его пистолетов, на которых заиграл лунный свет.

— Вы видите? — сказал Арамис, дотрагиваясь одной рукой до плеча Атоса и указывая другой на арсенал за поясом д'Артаньяна.

— Увы, да! — сказал Атос с тяжелым вздохом.

И он пошел за ними. Арамис вошел последним и запер за собой калитку. Двое слуг остались на улице и, словно тоже испытывая недоверие, держались подалеже друг от друга.

молчании все четверо направились на середину площади. В это время луна вышла из-за туч, и так как на открытом месте их легко было заметить, они решили свернуть под липы, где тень была гуще.

Кое-где там стояли скамейки. Они остановились около одной из них. По знаку Атоса д'Артаньян и Портос сели. Атос и Арамис продолжали стоять.

Наступило молчание; каждый испытывал замешательство перед неизбежным объяснением.

— Господа, — заговорил Атос, — наше присутствие на этом свидании доказывает силу нашей прежней дружбы. Ни один не уклонился, значит, ни одному из нас не в чем упрекнуть себя.

— Послушайте, граф, — ответил д'Артаньян, — вместо того чтобы говорить комплименты, которых, быть может, не заслуживаем ни мы, ни вы, лучше объяснимся чистосердечно.

— Я ничего так не желаю, — ответил Атос. — Я говорю искренне, скажите же откровенно и вы: можете ли вы в чем-нибудь упрекнуть меня или аббата д'Эрбле?

— Да, — сказал д'Артаньян. — Когда я имел честь видеться с вами в вашем замке Бражелон, я сделал вам предложение, которое было хорошо понято вами. Но, вместо того чтобы ответить мне как другу, вы провели меня как ребенка, и этой восхваляемой вами дружбе был нанесен удар не вчера, когда скрестились наши шпаги, а раньше, когда вы притворялись у себя в замке.

— Д'Артаньян, — с кротким упреком проговорил Атос.

— Вы просили меня быть откровенным, — продолжал д'Артаньян, — извольте. Вы спрашиваете меня, что я думаю, и я вам это говорю. А теперь я обращаюсь к вам, господин аббат д'Эрбле. Я говорил с вами, как говорил с графом, и вы так же, как он, обманули меня.

— Поистине, вы странный человек, — сказал Арамис. — Вы явились ко мне с предложениями, но разве вы их мне сделали? Нет, вы старались выведать мои мысли — и только. Что я вам тогда сказал? Что Мазарини ничтожество и что я не буду ему служить. Вот и все. Разве я вам сказал, что не буду служить никому другому? Напротив, я, как мне кажется, дал вам понять, что я на стороне принцев. Насколько мне помнится, мы с вами даже превесело шутили над возможностью такого вполне вероятного случая, что кардинал поручит вам арестовать меня. Принадлежите вы к какой-нибудь партии? Бесспорно, да. Почему же и нам тоже нельзя примкнуть к другой партии? У вас была своя тайна, у нас своя. Мы не поделились ими; тем лучше, это доказывает, что мы умеем хранить тайны.

— Я ни в чем не упрекаю вас, — сказал д'Артаньян, — и если коснулся вашего образа действий, то только потому, что граф де Ла Фер заговорил о дружбе.

— А что вы находите предосудительного в моих действиях? — надменно спросил Арамис.

Кровь сразу бросилась в голову д'Артаньяну. Он встал и ответил:

— Я нахожу, что они вполне достойны питомца иезуитов.

Видя, что д'Артаньян поднялся, Портос встал также. Все четверо стояли друг против друга с угрожающим видом.

При ответе д'Артаньяна Арамис сделал движение, словно хотел схватиться за шпагу.

Атос остановил его.

— Д'Артаньян, — сказал он, — вы пришли сюда сегодня, еще не оступив после нашего вчерашнего приключения. Я надеялся, д'Артаньян, что в вашем сердце найдется достаточно величия духа и двадцатилетняя дружба устоит перед минутной обидой самолюбия. О, скажите мне, что это так! Можете ли вы упрекнуть меня в чем-нибудь? Если я виноват, я готов признать свою вину.

Глубокий, мягкий голос Атоса сохранил свое прежнее действие на д'Артаньяна, тогда как голос Арамиса, становившийся в минуты дурного настроения резким и крикливым, только раздражал его. В ответ он сказал Атосу:

— Я думаю, граф, что еще в замке Бражелон вам следовало открыться мне, и что аббат, — указал он на Арамиса, — должен был сделать это в своем монастыре; тогда я не бросился бы в предприятие, в котором вы должны были стать мне поперек дороги. Но из-за моей сдержанности не следует считать меня глупцом. Если бы я захотел выяснить, какая разница между людьми, которые к аббату д'Эрбле приходят по веревочной лестнице, и теми, которые являются к нему по деревянной, я бы заставил его говорить.

— Как вы смеете вмешиваться! — воскликнул Арамис, бледнея от гнева при мысли, что, может быть, д'Артаньян подглядел его с г-жой де Лонгвиль.

— Я вмешиваюсь в то, что меня касается, и умею делать вид, будто не замечаю того, до чего мне нет дела. Но я ненавижу лицемеров, а к этой категории я причисляю мушкетеров, изображающих из себя аббатов, и аббатов, прикидывающихся мушкетерами. Вот, — прибавил он, указывая на Портоса, — человек, который разделяет мое мнение.

Портос, не произносивший до сих пор ни звука, ответил одним словом и одним движением. Он сказал: «Да» и взялся за шпагу.

Арамис отскочил назад и извлек из ножен свою. Д'Артаньян пригнулся, готовый напасть или защищаться.

Тогда Атос, свойственным ему одному спокойным и повелительным движением, протянул руку, медленно взял свою шпагу вместе с ножами, переломил ее на колене и отбросил обломки в сторону.

Затем, обратившись к Арамису, он сказал:

— Арамис, сломайте вашу шпагу.

Арамис колебался.

— Так надо, — сказал Атос и прибавил более тихим и мягким голосом: — Я так хочу.

Тогда Арамис, побледнев еще больше, но покоренный этим жестом и голосом, переломил в руках гибкое лезвие, затем скрестил на груди руки и стал ждать, дрожа от ярости.

То, что они сделали, принудило отступить д'Артаньяна и Портоса. Д'Артаньян совсем не вынул шпаги, а Портос вложил свою обратно в ножны.

— Никогда,— сказал Атос, медленно поднимая к небу правую руку,— никогда, клянусь в этом перед богом, который видит и слышит нас в эту торжественную ночь, никогда моя шпага не скрестится с вашими, никогда я не кину на вас гневного взгляда, никогда в сердце моем не шевельнется ненависть к вам. Мы жили вместе, ненавидели и любили вместе. Мы вместе проливали кровь, и, может быть, прибавлю я, между нами есть еще другая связь, более сильная, чем дружба: мы связаны общим преступлением. Потому что мы все четверо судили, приговорили к смерти и казнили человеческое существо, которое, может быть, мы не имели права отправлять на тот свет, хотя оно скорее принадлежало аду, чем этому миру. Д'Артаньян, я всегда любил вас как сына. Портос, мы десять лет спали рядом, Арамис так же брат вам, как и мне, потому что Арамис любил вас, как я люблю и буду любить вас вечно. Что значит для нас Мазарини, когда мы заставляли поступать по-своему такого человека, как Ришелье! Что для нас тот или иной принц, для нас, сумевших сохранить королеве ее корону! Д'Артаньян, простите, что я скрестил вчера свою шпагу с вашей. Арамис просит в том же извиненья у Портоса. После этого ненавидьте меня, если можете, но клянусь, что, несмотря на вашу ненависть, я буду питать к вам только чувства уважения и дружбы. А теперь вы, Арамис, повторите мои слова. И затем, если наши старые друзья этого желают и вы желаете того же, расстанемся с ними навсегда.

Наступила минута торжественного молчания, которое было прервано Арамисом.

— Клянусь,— сказал он, глядя спокойно и прямо, хотя голос его дрожал еще от недавнего волнения,— клянусь, я не питаю больше ненависти к моим бывшим товарищам. Я сожалею, что бился с вами, Портос. Клянусь далее, что не только шпага моя никогда не направится на вашу грудь, но что даже в самой сокровенной глубине моего сердца не найдется впрямь и следа неприязни к вам. Пойдемте, Атос.

Атос сделал движение, чтобы уйти.

— О нет, нет! Не уходите! — вскричал д'Артаньян, увлекаемый одним из тех неудержимых порывов, в которых сказывалась его горячая кровь и природная прямота души.— Не уходите, потому что я тоже хочу произнести клятву. Клянусь, что я отдам последнюю каплю моей крови, последний живой лоскут моей плоти, чтобы сохранить уважение такого человека, как вы, Атос, и дружбу такого человека, как вы, Арамис.

И он бросился в объятия Атоса.

— Сын мой,— произнес Атос, прижимая его к сердцу.

— А я,— сказал Портос,— я не клянусь ни в чем, но я задыхаюсь от избытка чувств, черт возьми! Если бы мне пришлось сражаться

против вас, мне кажется, я скорее дал бы себя проткнуть насквозь, потому что я никогда никого не любил, кроме вас, в целом свете.

И честный Портос, заливаясь слезами, бросился в объятия Арамиса.

— Друзья мои, — сказал Атос, — вот на что я надеялся, вот чего я ждал от таких сердец, как ваши. Да, я уже сказал, и повторяю еще раз: судьбы наши связаны нерушимо, хотя пути наши и разошлись. Я уважаю ваши взгляды, д'Артаньян, я уважаю ваши убеждения, Портос. Хотя мы сражаемся за противоположные цели, — останемся друзьями! Министры, принцы, короли, словно поток, пронесутся и исчезнут, междоусобная война погаснет, как костер, но мы, останемся ли мы теми же? У меня есть предчувствие, что да.

— Да, — сказал д'Артаньян, — будем всегда мушкетерами, и пусть нашим единственным знаменем будет знаменитая салфетка бастиона Сен-Жерве, на которой великий кардинал велел вышить три лилии.

— Да, — сказал Арамис, — сторонники ли мы кардинала или фрондеры, не все ли равно? Останемся навсегда друг другу добрыми секундантами на дуэлях, преданными друзьями в важных делах, веселыми товарищами в веселье.

— И всякий раз, — сказал Атос, — как нам случится встретиться в бою, при одном слове «Королевская площадь!» возьмем шпагу в левую руку и протянем друг другу правую, хотя бы это было среди кровавой резни.

— Вы говорите восхитительно! — сказал Портос.

— Вы величайший из людей и целой головой выше нас всех! — вскричал д'Артаньян.

Атос улыбнулся с несказанной радостью.

— Итак, решено, — сказал он. — Ну, господа, ваши руки. Христиане ли вы хоть сколько-нибудь?

— Черт побери! — воскликнул д'Артаньян.

— Мы будем ими на этот раз, чтобы сохранить верность нашей клятве, — сказал Арамис.

— Ах, я готов поклясться кем угодно, хоть самим Магометом, — сказал Портос. — Черт меня подери, если я когда-нибудь был так счастлив, как сейчас.

И добрый Портос принялся вытирать все еще влажные глаза.

— Есть ли на ком-нибудь из вас крест? — спросил Атос.

Портос и д'Артаньян переглянулись и покачали головами, как люди, застигнутые врасплох.

Арамис улыбнулся и снял с шеи алмазный крестик на нитке жемчуга.

— Вот, — сказал он.

— Теперь, — продолжал Атос, — поклянемся на этом кресте, который, несмотря на алмазы, все-таки крест, — поклянемся, что бы ни случилось, вечно сохранять дружбу. И пусть эта клятва свяжет не только нас, но и наших потомков. Согласны вы на такую клятву?

— Да, — ответили все в один голос.

— Ах, предатель! — щепнул д'Артаньян на ухо Арамису. — Вы заставили нас поклясться на кресте фрондерки!

Глава 32

ПАРОМ НА УАЗЕ

Мы надеемся, что наши читатели не совсем забыли молодого путешественника, оставленного нами по дороге во Фландрию. Потеряв из виду своего покровителя, который, стоя перед старинной церковью, провожал его глазами, Рауль прищпорил лошадь, чтобы избавиться от грустных мыслей и скрыть от Оливена волнение, искажившее его лицо.

Все же одного часа быстрой езды оказалось достаточно, чтобы рассеять печаль, омрачавшую живое воображение молодого человека. Неведомое доселе наслаждение полной свободой, наслаждение, которое имеет свою прелесть даже для того, кто никогда не тяготился своей зависимостью, золотило для него небо и землю, в особенности же тот отдаленный горизонт жизни, который мы зовем своим будущим. Все же, после нескольких попыток завязать разговор с Оливеном, юноша почувствовал, что долгое время вести такую жизнь ему будет очень скучно. Разглядывая проездом разные города, он вспоминал ласковые, поучительные, глубокие беседы графа: теперь никто не сообщит ему об этих городах таких ценных сведений, какие получил бы он от Атоса, образованнейшего и занимательнейшего собеседника.

Еще одно воспоминание печалило Рауля. Подъезжая к городку Лувру, он увидел прятаный за стеною тополей маленький замок, который до того напомнил ему замок Лавальер, что он остановился и смотрел на него минут десять, затем, грустно вздохнув, поехал дальше, не ответив Оливену, почтительно осведомившемуся о причинах такого внимания к незнакомому дому. Вид внешних предметов — таинственный проводник, который сообщается с тончайшими нитями нашей памяти и иногда, помимо нашей воли, пробуждает ее. Эти нити, подобно нити Ариадны, ведут нас по лабиринту мыслей, где мы иногда теряемся, гоняясь за теньями прошлого, именуемыми воспоминаниями. Так, вид этого замка отбросил Рауля на пятьдесят миль к западу и заставил его припомнить всю свою жизнь, от момента прощания с маленькой Луизой до того дня, когда он увидел ее впервые. Каждая группа дубков, каждый флюгер на черепичной крыше напоминал ему что он не приближается, а, наоборот, с каждым шагом все больше и больше удаляется от друзей своего детства и, может быть, покинул их навсегда.

Наконец, не умея справиться со своей подавленностью и печалью, он спешил, велел Оливену отвести лошадей в небольшой трактир, видневшийся впереди при дороге на расстоянии мушкетного выстрела

от них. Он сам остался подле красивой группы каштанов в цвету, вокруг которых жужжали рои пчел, и приказал Оливену прислать ему с трактирщиком бумагу и чернил на стол, точно нарочно здесь для этого поставленный.

Оливен покорно поехал дальше, и Рауль сел, облокотясь, за стол, устремив рассеянный взгляд на чудесный пейзаж, на зеленые поля и рощи и от времени до времени стряхивая с головы цвет каштана, падавший, точно снег. Рауль просидел так минут десять, а из них минут пять уж совсем углубился в мечты, когда вдруг он заметил странную фигуру с багровым лицом, с салфеткой вместо передника и с другой салфеткой под мышкой, приближающуюся к нему с бумагой, пером и чернилами в руках.

— Ах, ах,— сказало это видение,— видно, у вас, дворян, у всех одни и те же мысли. Не больше четверти часа назад молодой господин на такой же красивой лошади и такого же барского вида, как вы, и, наверное, вашего возраста, остановился около этих деревьев, велел принести сюда стол и стул и пообедал здесь вместе с пожилым господином, должно быть своим воспитателем. Они съели целый паштет без остатка и выпили до дна бутылку старого маконского вина. Но, по счастью, у нас есть еще запасной паштет и такое же вино, так что, если вашей милости угодно приказать...

— Нет, друг мой,— сказал Рауль, улыбаясь,— в настоящий момент мне нужно лишь то, о чем я просил. Мне только хотелось бы, чтобы чернила были черные, а перо хорошее. В таком случае я готов заплатить за перо столько, сколько стоит вино, а за чернила — сколько стоит паштет.

— Тогда я отдам вино и паштет вашему слуге,— отвечал трактирщик,— а перо и чернила вы получите в придачу.

— Делайте как хотите,— сказал Рауль, только еще начинавший знакомиться с этой особой породой людей, которые состояли раньше в содружестве с разбойниками большой дороги, а теперь, когда разбойники повывелись, с успехом их заменили.

Хозяин, успокоившись насчет платы, поставил на стол чернила, перо и бумагу. Перо случайно оказалось сносным, и Рауль принялся за письмо. Хозяин продолжал стоять перед ним, с невольным восхищением глядя на это очаровательное лицо, такое кроткое и вместе с тем строгое. Красота всегда была и будет великой силой.

— Этот не таков, как тот, что сейчас проехал,— сказал хозяин Оливену, который подошел осведомиться, не нужно ли чего-нибудь Раулю.— У вашего хозяина совсем нет аппетита.

— Три дня тому назад у него был аппетит, но что поделаешь, с позавчерашнего дня он потерял его.

Оливен и хозяин направились в трактир. Оливен, по обычаю слуг, довольных своим местом, рассказал трактирщику все, что, по его мнению, мог рассказать о молодом дворянине.

Рауль между тем писал следующее:

«Сударь, после четырех часов езды я остановился, чтобы написать вам, ибо каждую минуту я чувствую ваше отсутствие и беспрестанно готов обернуться, чтобы ответить вам, как если бы вы были здесь и

говорили со мной. Я был так потрясен отъездом и так огорчен нашей разлукой, что мог только весьма слабо выразить вам всю ту любовь и благодарность, которые я питаю к вам. Вы прощаете меня, не правда ли, ведь ваше великодушное сердце поняло все, что происходило в моем. Пишите мне, прошу вас: ваши советы — часть моего существования. Кроме того, осмелюсь вам сказать, я очень обеспокоен: мне кажется, вы сами готовитесь к какому-то опасному предприятую, о котором я не решился вас расспрашивать, раз вы сами мне о нем ничего не сказали. Вы видите, мне крайне необходимо получить от вас письмо. С тех пор, как вас нет здесь, подле меня, я каждую минуту боюсь наделать ошибок.

Вы были мне могущественной опорой, и сейчас, клянусь вам, я очень одинок.

Не будете ли вы так добры, сударь, если получите известия из Блуа, сообщить мне несколько слов о моей маленькой подруге мадемуазель де Лавальер, здоровье которой накануне нашего отъезда, как вы помните, внушало опасения.

Вы понимаете, мой дорогой воспитатель, как мне дороги и ценны воспоминания о времени, проведенном вместе с вами. Я надеюсь, что и вы изредка вспоминаете обо мне, и если вам иногда меня недостает, если вы хоть немного сожалеете о моем отсутствии, — я буду счастлив узнать, что вы почувствовали мою любовь и преданность, и что я сумел показать их вам, когда имел радость жить с вами вместе».

Окончив письмо, Рауль почувствовал, что на душе у него стало спокойнее. Убедившись, что ни Оливен, ни хозяин за ним не подсматривают, он запечатлел на письме поцелуй — немая и трогательная ласка, о которой способно было догадаться сердце Атоса, когда он станет распечатывать конверт.

Тем временем Оливен съел свой паштет и выпил бутылку вина. Лошади тоже отдохнули. Рауль знаком подозвал хозяина, бросил на стол экую, вскочил на лошадь и в Сен-Лисе сдал письмо на почту.

Отдых, подкрепивший как всадников, так и лошадей, позволил им продолжать путь без остановок. В Вербери Рауль велел Олиvenu справиться о молодом дворянине, который, по словам трактирщика, ехал впереди них. Тот, оказывается, проехал всего лишь три четверти часа тому назад, но у него была отличная лошадь, и он ехал очень быстро.

— Постараемся догнать его, — сказал Рауль Олиvenu. — Он едет, как и мы, в армию и будет мне приятным спутником.

Было четыре часа, когда Рауль приехал в Компьен. Он здесь пообедал с большим аппетитом и снова принялся расспрашивать о молодом путешественнике. Подобно Раулю, тот останавливался в гостинице «Колокол и Бутылка», лучшей в Компьене, и, уезжая, говорил, что заночует в Нуайоне.

— Едем ночевать в Нуайон, — сказал Рауль.

— Сударь, — почтительно заявил Оливен, — разрешите мне заметить вам, что мы уже сегодня утром сильно утомили наших лошадей. Я думаю, лучше будет переночевать здесь и выехать завтра рано утром. Десять миль для первого перехода достаточно.

— Граф де Ла Фер желает, чтобы я торопился, — возразил Рауль, — и чтобы я догнал принца на четвертый день утром. Доедем до Нуайона, это будет такой же переезд, какие мы делали, когда ехали из Блуа в Париж. Мы прибудем туда в восемь часов. Лошади будут отдыхать целую ночь, а завтра в пять часов утра поедем дальше.

Оливен не посмел противоречить и последовал за Раулем, ворча сквозь зубы:

— Ладно, ладно, тратьте весь ваш пыл в первый день. Завтра вместо двенадцати миль вы сделаете десять, послезавтра пять, а дня через три окажетесь в постели. Придется-таки вам отдохнуть. Все вы, молодые люди, хвастунишки.

Видно, Оливен не прошел школы, в которой воспитались Планше и Гримо.

Рауль и в самом деле чувствовал усталость, но ему хотелось проверить свои силы. Воспитанный в правилах Атоса и много раз слышавший от него о переездах в двадцать пять миль, он не хотел отставать от своего образца. Д'Артаньян, этот железный человек, весь, казалось, созданный из нервов и мускулов, пленял его воображение.

И он все погонял и погонял своего коня, несмотря на доводы Оливена.

Они свернули на живописную проселочную дорогу, которая, как им сказали, на целую милю сокращала путь к парому. Въехав на небольшой холм, Рауль увидел перед собой реку. На берегу виднелась группа всадников, готовившихся к переправе. Не сомневаясь, что это молодой дворянин со своей свитой, Рауль окликнул их, но было еще слишком далеко, чтобы они могли его услышать. Тогда, несмотря на усталость лошади, Рауль погнал ее галопом. Однако пригорок скоро скрыл от его взора всадников, а когда он снова взобрался на возвышенность, то паром уже отчалил и направился к противоположному берегу.

Видя, что он опоздал и ему не удастся переправиться вместе с другими путешественниками, Рауль остановился, поджидая Оливена.

В эту минуту с реки донесся крик. Рауль обернулся в ту сторону, откуда он послышался, и прикрыл рукой глаза от слепящих лучей заходящего солнца.

— Оливен! — крикнул он. — Что там случилось?

Раздался второй крик, еще громче первого.

— Канат оборвался, сударь, — ответил Оливен, — и паром понесло по течению. Но что это там в воде? Как будто барахтается что-то.

— Ясно, — воскликнул Рауль, всматриваясь в поверхность реки, ярко освещенной солнцем, — это лошадь и всадник!

— Они тонут! — крикнул Оливен.

Он не ошибся. У Рауля тоже не оставалось сомнений — на реке случилось несчастье, и какой-то человек тонул. Он отпустил поводья и прищипил лошадь, которая, почувствовав одновременно боль и свободу, перескочила через перила, огораживавшие пристань, и бросилась в реку, далеко разбрызгивая воду и пену.

— Что вы делаете! — вскричал Оливен. — Боже мой!

Рауль направил лошадь прямо к утопавшему. Впрочем, это было для него дело привычное. Он вырос на берегах Луары, был взлелеян, можно сказать, ее волнами и сотни раз переправлялся через нее верхом и вплавь. Атос, желая сделать в будущем из виконта солдата, поощрял такие забавы.

— О боже мой,— в отчаянии кричал Оливен,— что сказал бы граф, если бы он вас видел!

— Граф поступил бы, как я,— ответил Рауль, изо всех сил покаявая свою лошадь.

— А я, а я! — кричал побледневший Оливен, в отчаянии мечась по берегу.— Как же я-то переправлюсь?

— Прыгай, трус,— ответил ему Рауль, продолжая плыть.

Затем он крикнул путешественнику, который в двадцати шагах от него барахтался в воде:

— Держитесь, держитесь! Я спешу к вам на помощь!

Оливен подъехал к берегу, оробел, осадил лошадь, повернул назад, но наконец, устыдившись, тоже бросился вслед за Раулем, хоть и твердил в страхе:

— Я пропал, мы погибли.

А тем временем паром несся по течению. С него раздавались крики людей.

Мужчина с седыми волосами бросился с парома в воду и бодро плыл к тонувшему. Он подвигался медленно, потому что ему пришлось плыть против течения.

Рауль уже подплывал к гибнущему. Но лошадь и всадник, с которых он не спускал глаз, быстро погружались в воду. Только ноздри лошади были еще видны над водою, а всадник выпустил поводья и, закинув голову, протягивал руки. Еще минута, и они исчезнут.

— Мужайтесь! Смелей! — крикнул Рауль.— Смелей!

— Поздно,— проговорил молодой человек,— поздно!

Вода покрыла его голову, заглушив голос. Рауль бросился с лошади, покинув ее на произвол судьбы, и в два-три взмаха рук был уже подле несчастного. Он схватил лошадь за удила и приподнял ее голову из воды. Животное вздохнуло свободнее и, словно поняв, что ему пришли на помощь, удвоило усилия. Тотчас Рауль схватил руку молодого человека и положил ее на гриву, за которую она и ухватилась так цепко, как хватаются утопающие. Теперь Рауль был уверен, что всадник не выпустит из рук гривы, и всецело занялся лошадью, направляя ее к противоположному берегу, помогая ей рассекать волны и подбадривая ее криками.

Внезапно лошадь споткнулась о песчаную отмель и встала на ноги.

— Спасен! — воскликнул седой господин, тоже становясь на ноги.

— Спасен,— тихо пробормотал молодой человек, выпуская гриву и падая с седла на руки Рауля.

Рауль был всего в десяти шагах от берега. Он вынес на землю бесчувственного молодого человека, положил на траву, расшнуровал воротник и расстегнул застёжки камзола.

Минуту спустя старик был возле них.

Наконец и Оливен добрался до берега после бесчестного множества крестных знаменей.

Люди, оставшиеся посреди реки, принялись направлять паром к берегу при помощи шеста, который нашелся у них.

Мало-помалу, благодаря заботам Рауля и сопровождавшего всадника господина, мертвенно бледные щеки молодого человека покрылись румянцем. Он открыл глаза, и его блуждающий взор скоро остановился на том, кто спас его.

— Ах! — воскликнул он. — Я искал вас. Без вас я был бы уже мертв, трижды мертв.

— Но можно и воскреснуть, как вы видите, — отвечал Рауль. — Мы все отделались только хорошей ванной.

— О, как мне благодарить вас! — воскликнул старый господин.

— А, вы здесь, мой добрый Арменж? Я очень напугал вас, не правда ли? Но вы сами виноваты. Вы были моим наставником, почему же вы не научили меня лучше плавать?

— Ах, граф! — сказал старик. — Если бы с вами случилось несчастье, я никогда бы не посмел явиться на глаза маршалу.

— Но как же это случилось? — спросил Рауль.

— Проще простого, — ответил тот, кого называли графом. — Мы переплыли уже больше трети реки, как вдруг канат оборвался, и моя лошадь, испугавшись крика и суетни паромщиков, прыгнула в воду. Я плохо плаваю и не отважился в воде слезть с лошади. Вместо того чтобы помочь ей, я только стеснял ее движения и великолепнейшим образом утопил бы себя, если бы вы не подспели вовремя, чтобы вытащить меня из воды. Отныне, сударь, если вы согласны, мы связаны на жизнь и на смерть.

— Сударь, — сказал Рауль, низко кланяясь, — уверяю вас, я весь к вашим услугам.

— Меня зовут граф де Гиш, — продолжал молодой человек. — Мой отец — маршал де Граммон. Теперь, когда вы знаете, кто я, окажите мне честь назвать себя.

— Я виконт де Бражелон, — сказал Рауль, краснея оттого, что не может, подобно графу де Гишу, назвать имя своего отца.

— Ваше лицо, виконт, ваша доброта и ваша смелость привлекают меня. Вы уже заслужили мою глубокую признательность. Обнимемся и будем друзьями.

— Я тоже полюбил вас от всего сердца, — ответил Рауль, обнимая графа, — располагайте мною, прошу вас, как самым преданным другом.

— Теперь скажите мне, виконт, куда вы направляетесь? — спросил Гиш.

— В армию принца, граф.

— И я тоже, — радостно воскликнул юноша. — Тем лучше, значит, мы вместе получим боевое крещение.

— Отлично! Любите друг друга! — сказал воспитатель. — Вы оба молоды, вы, наверное, родились под одной звездой, и вам суждено было встретиться.

Молодые люди улыгнулись доверчиво, как и свойственно молодости.

— Теперь, — сказал воспитатель, — вам надо переодеться. Ваши слуги, — я отдал им приказание, как только они сошли с парома, — должно быть, уже в гостинице. Сухое белье и вино вас согреют, идемте.

Молодые люди не возражали. Напротив, они нашли такое предложение великолепным и тотчас же вскочили на своих лошадей, любясь друг другом. Действительно, оба они были юноши с гибкими, стройными фигурами, благородными, открытыми лицами, кротким и гордым взглядом, прямодушной и тонкой улыбкой. Гишу было лет восемнадцать, но ростом он был не выше пятнадцатилетнего Рауля. Они невольно протянули друг другу руки и, прищипывая коней, поехали бок о бок до самой гостиницы. Один находил радостной и прекрасной жизнь, которой чуть было не лишился, другой благодарил бога, что успел уже в своей жизни сделать нечто такое, что должно понравиться его опекуну.

Только один Оливен не совсем был доволен прекрасным поступком своего барина. Выжимая рукава и полы своего камзола, он думал, что остановка в Компьене избавила бы его не только от всего этого приключения, но и от простуды и ревматических болей — неизбежных его последствий.

Глава 33

СТЫЧКА

Убывание в Нуайоне было непродолжительным. Все спали глубоким сном. Рауль велел разбудить себя, если придет Гримо, но Гримо не приехал. Лошади, без сомнения, тоже оценили восьмичасовой полный отдых и предоставленную им роскошную подстилку из соломы. В пять часов утра де Гиша разбудил Рауль, который пришел пожелать ему доброго утра. Наскоро позавтракав, к шести часам они сделали уже две мили.

Беседа молодого графа представляла живейший интерес для Рауля. Юный граф много рассказывал, а Рауль больше слушал. Воспитанный в Париже, где Рауль провел всего один день, да еще при дворе, которого Рауль не видал, де Гиш со своими пажескими проказами и двумя дуэлями, в которые он ухитрился ввязаться, невзирая на эдикты, а главное — несмотря на надзор своего наставника, был для Рауля занимательнейшим собеседником. Рауль побывал в Париже только у Скаррона, и он назвал де Гишу лиц, которых он там видел. Гиш знал всех — госпожу де Нельян, мадемуазель д'Обинье, мадемуазель де Слюдери, мадемуазель Поле, г-жу де Шеврез — и принялся остроумно их всех высмеивать. Рауль очень боялся, как бы

он ни вздумал смеяться и над герцогиней де Шеврез, к которой он сам чувствовал искреннюю и глубокую симпатию. Но, инстинктивно ли, или из расположения к герцогине, только де Гиш рассыпался в похвалах ей. От этих похвал дружба Рауля к графу усилилась.

Затем разговор перешел на любовь и на ухаживание за дамами. Тут Бражелону тоже пришлось больше слушать, чем говорить. Он и слушал и, прослушав три-четыре довольно прозрачных рассказа, подумал, что граф, как и он, скрывает в сердце какую-то тайну.

Гиш, как мы сказали, воспитывался при дворе, и все интриги двора были ему известны. Рауль много слышал о дворе от графа де Ла Фер, только двор этот сильно изменился с того времени, как Атос его видел. Поэтому рассказы графа де Гиша содержали много совершенно нового для его спутника. Беспощадный и остроумный, молодой граф разобрал всех по косточкам. Он рассказал о бывшей любовной связи между г-жой де Лонгвиль и Колиньи; о столь роковой для последнего дуэли на Королевской площади, на которую г-жа де Лонгвиль смотрела из окна; о новой ее связи с принцем де Марсильяком, ревновавшим ее до того, что он хотел бы перестрелять всех и каждого, даже ее духовника, аббата д'Эрбле; о любовных интригах принца Уэльского с герцогиней де Монпансье, племянницей покойного короля, столь прославившейся впоследствии своим тайным браком с Лозеном. Даже самой королеве досталось изрядно, и кардинал Мазарини тоже получил свою долю насмешек.

День пролетел незаметно. Воспитатель графа, весельчак, человек светский, исполненный учености «по самую макушку», как выражался его ученик, не раз напомним Раулю глубокую образованность и насмешливое, меткое остроумие Атоса. Но никто, по мнению Рауля, не мог сравниться с графом де Ла Фер в изяществе, тонкости и благородстве языка и манер. Ездоки на этот раз берегли своих лошадей больше вчерашнего и в четыре часа спешили в Аррасе. Путники приближались к театру войны и решили пробыть в этом городе до следующего утра, потому что испанские отряды часто, пользуясь ночной темнотою, отваживались делать нападения даже в окрестностях Арраса.

Французская армия стояла между Понт-а-Марком и Валенсьеном, загибаясь к Дуэ. Сам принц, по слухам, находился в Бетюне.

Неприятельская армия занимала местность от Касселя до Куртре, и так как грабежи и всякого рода насилия были нередки, то несчастное пограничное население покидало свои уединенные жилища и спасалось в укрепленные города, где оно могло рассчитывать на убежище и защиту. Аррас был переполнен беженцами.

Говорили о предстоящей битве, которая должна была быть решающей. Принц будто бы до сих пор только маневрировал в ожидании подкреплений, которые теперь прибыли. Молодые люди были очень рады, что успели так вовремя.

Они поужинали и легли спать в одной комнате. Они были в том возрасте, когда дружба завязывается быстро. Им уже казалось, что они знают друг друга со дня рождения и никогда не захотят расстаться. Вечер прошел в разговорах о войне; слуги чистили оружие;

молодые люди заряжали пистолеты на случай стычки. На следующий день оба проснулись огорченные, им снилось, что они приехали слишком поздно и не смогут участвовать в битве. Распространился слух, что принц Конде очистил Бетюн и отступил к Карвену, оставив, впрочем, в Бетюне гарнизон. Но так как это известие не было достоверным, то молодые люди решили продолжать свой путь на Бетюн, рассчитывая, что дорогой они всегда смогут свернуть вправо и ехать в Карвен.

Воспитатель графа де Гиша, знавший в совершенстве местность, предложил поехать проселочной дорогой, лежавшей посередине между дорогами в Ланс и в Бетюн. В Аблене можно будет все разузнать, а для Гримо они оставили маршрут. Около семи часов все отправились в путь. Юный и пылкий Гиш с увлечением говорил Раулю:

— Нас сейчас трое, и с нами трое слуг. Слуги наши хорошо вооружены, и ваш мне кажется довольно стойким.

— Я никогда не видел его в деле,— ответил Рауль,— но он бретонец: это обещает много.

— Да, да,— отвечал Гиш,— я уверен, что при случае и он сумеет стрелять. Мои же люди надежные, бывавшие в походах с моим отцом. Итак, нас шестеро воинов. Если мы натолкнемся на маленький неприятельский отряд, равный по численности нашему или даже немного больше нашего, неужели мы не нападём на них, Рауль?

— Разумеется, нападём,— ответил виконт.

— Тише, тише, молодые люди,— вмешался в разговор воспитатель,— вот о чем размышляли! А инструкции, которые мне даны, граф! Вы забыли, что мне приказано доставить вас к принцу целым и невредимым. Когда будете в армии, лезьте под пули, если вам угодно. А до тех пор, предупреждаю вас как главнокомандующий армией, я приказываю вам отступать и сам повернусь тылом, заведя хоть один вражеский шлем.

Гиш и Рауль переглянулись с улыбкой. Местность становилась все лесистее. От времени до времени встречались небольшие группы беженцев-крестьян, которые гнали перед собой скот и везли на тележках или тащили на себе самое ценное из своего имущества.

До Аблена доехали без приключений. Там навели справки и узнали, что принц действительно покинул Бетюн и теперь находится между Камбреном и Ванти. Опять оставив маршрут для Гримо, они отправились кратчайшей дорогой, которая через полчаса привела маленький отряд на берег ручейка, впадающего в Лис.

Местность, вся изрезанная изумрудно-зелеными лощинками, была восхитительна. От времени до времени их тропа пересекала небольшие рощицы. Каждый раз при въезде в такую рощицу воспитатель, опасаясь засады, высылал вперед двух слуг в качестве авангарда. Сам он вместе с молодыми людьми представлял главные силы армии, а Оливен, с карабином наготове, прикрывал тыл. Через некоторое время вдали показался довольно густой лес; за сто шагов от этого леса д'Арменж принял обычные меры предосторожности и выслал вперед двух слуг.

Слуги скрылись в зарослях. Молодые люди и воспитатель, весело болтая, ехали за ними шагах в ста. Оливен держался сзади прибли-

зительно на таком же расстоянии. Вдруг загремели ружейные выстрелы. Воспитатель крикнул: «Стой!» Молодые люди повиновались и остановили лошадей. В ту же минуту они увидели мчавшихся назад слуг.

Молодые люди, горя нетерпением узнать, в чем дело, поспешили им навстречу. Воспитатель последовал за ними.

— Вам преградили путь? — быстро спросили молодые люди.

— Нет, не то, — отвечали слуги, — должно быть, нас даже и не заметили. Выстрелы раздались в ста шагах перед нами, видимо в самой чаще леса, и мы вернулись за указаниями.

— Мое указание, — сказал д'Арменж, — и даже мой приказ — отступить! В этом лесу, быть может, засада.

— И вы ничего не видели? — спросил граф своих слуг.

— Я видел как будто всадников в желтом, спускавшихся по руслу реки, — ответил один из них.

— Так, — сказал воспитатель, — мы наткнулись на отряд испанцев. Назад, скорей назад!

Молодые люди обменивались взглядами, как бы советуясь друг с другом.

В эту минуту послышался выстрел из пистолета, за которым последовали крики, призывавшие на помощь.

Молодые люди переглянулись еще раз, убедились, что ни тот, ни другой не расположен отступить, и, в то время как воспитатель уже повернул свою лошадь, бросились вперед.

Рауль крикнул:

— За мной, Оливен!

А Гиш:

— За мной, Юрбен и Бланше!

И, прежде чем д'Арменж успел опомниться от изумления, они уже исчезли в лесу.

Пришпоривая лошадей, молодые люди выхватили пистолеты.

Через пять минут они, по-видимому, приблизились к месту, откуда раздавались крики. Тогда они сдержали лошадей и стали продвигаться с осторожностью.

— Тише, — сказал Гиш, — всадники.

— Да, трое верхом и трое спешившихся.

— Что они делают? Вы видите?

— Мне кажется, они обыскивают раненого или убитого человека.

— Вероятно, какое-нибудь подлое убийство, — сказал Гиш.

— Но ведь это же солдаты, — возразил Бражелон.

— Да, но убежавшие из армии, почти грабители с большой дороги.

— Пришпорим, — сказал Рауль.

— Пришпорим, — повторил Гиш.

— Стойте! — кричал бедный воспитатель. — Умоляю вас!..

Но молодые люди не слушали ничего. Они помчались один быстрее другого, и крики воспитателя только предупредили испанцев.

Трое всадников немедленно бросились к ним навстречу, в то время как остальные продолжали обирать двух путешественников, ибо,

подъехав ближе, молодые люди увидели не одно, а два лежащих тела.

На расстоянии десяти шагов Гиш выстрелил первый и промахнулся. Испанец, устремившийся на Рауля, выстрелил тоже, и Рауль почувствовал в левой руке боль, как от удара хлыстом. Шага за четыре от врага он выстрелил; испанец, пораженный в грудь, раскинул руки и упал навзничь на круп лошади, которая, закусив удила, понеслась.

В ту же минуту Рауль, точно в тумане, увидел дуло мушкета, направленное в него. Он вспомнил совет Атоса и с быстротою молнии поднял на дыбы свою лошадь. Раздался выстрел. Лошадь отпрыгнула в сторону, ноги ее подкосились, и она грохнулась наземь, примяв ногу Рауля.

Испанец бросился к нему, схватил мушкет за дуло и замахнулся, чтобы прикладом раздробить ему голову.

К несчастью, Рауль находился в таком положении, что не мог вытащить ни шпаги из ножен, ни пистолета из кобуры. Он увидел, как приклад взвился над его головой, и невольно зажмурил глаза. Но в эту минуту Гиш одним скачком налетел на испанца и приставил ему пистолет к горлу.

— Сдавайтесь, — сказал он, — или смерть вам.

Мушкет вывалился из рук солдата, и он тотчас сдался.

Гиш подозвал одного из своих слуг, поручил ему стеречь пленного, с приказанием пустить пулю в лоб, если тот сделает малейшую попытку к бегству, и, спрыгнув с лошади, подошел к Раулю.

— Ну, граф, — сказал Рауль с улыбкой, хотя бледность обличала его волнение, неизбежное при первой схватке, — вы быстро расплачиваетесь со своими долгами. Не захотели долго быть мне обязанным. Если б не вы, — прибавил он, повторяя слова графа, — я был бы теперь трижды мертв.

— Мой противник убежал, — отвечал Гиш, — и дал мне возможность прийти вам на помощь. Но вы, кажется, серьезно ранены! Я вижу, вы весь в крови!

— Мне как будто, — ответил Рауль, — оцарапало руку. Помогите мне выбраться из-под лошади, и затем, надеюсь, ничто не помешает нам продолжать путь.

Д'Арменж и Оливен слезли с коней и стали оттащить лошадь, бившуюся в агонии.

Раулю удалось вынуть ногу из стремени и высвободить ее из-под лошади. Через секунду он был на ногах.

— Ничего не повредили? — спросил Гиш.

— По счастью, ничего, уверяю вас, — ответил Рауль. — Но что стало с несчастными, которых эти негодяи хотели убить?

— Мы приехали слишком поздно. По-видимому, они их убили и убежали со своей добычей. Мои слуги около трупов.

— Пойдем посмотрим, вдруг они еще живы, и мы можем им помочь, — сказал Рауль. — Оливен, мы получили в наследство двух лошадей, но я потерял своего коня. Возьмите себе лучшую из двух лошадей, а мне дайте вашу.

И они направились к месту, где лежали жертвы.

вое мужчин лежали на земле. Один, пронзенный тремя пулями, лежал лицом вниз и плавал в собственной крови. Он был мертв. Другого слуги прислонили к дереву, он горячо молился, подняв глаза к небу... Пуля пробила ему верхнюю часть бедра.

Молодые люди подошли сначала к мертвому и переглянулись с удивлением.

— Это священник, — сказал Бражелон. — О, негодяи! Поднять руку на священнослужителя!

— Пожалуйте сюда, сударь, — сказал Юрбен, старый солдат, участник всех походов кардинала-герцога. — Тому уже ничем не поможешь, а вот этого еще, пожалуй, можно спасти.

Раненый печально улыбнулся.

— Меня спасти? Нет, — сказал он. — Но помочь мне умереть — да.

— Вы священник? — спросил Рауль.

— Нет.

— Мне показалось, что ваш несчастный товарищ принадлежал к церкви, поэтому я вас об этом спросил, — сказал Рауль.

— Это бетюнский священник. Он хотел отвезти в надежное место священные сосуды и казну своей церкви; принц оставил наш город, и, может быть, завтра его займут испанцы. Так как все знали, что неприятельские шайки рыщут в окрестностях и план, задуманный священником, опасен, то никто не отважился сопровождать его. Тогда я предложил свои услуги.

— Эти негодяи напали на вас! Они стреляли в священника!

— Господа, — сказал раненый, оглядываясь, — я сильно страдаю, но мне все же хотелось бы, чтобы меня перенесли в какой-нибудь дом.

— Где бы вам могли помочь? — спросил Гиш.

— Нет, где бы я мог исповедаться.

— Но, может быть, — сказал Рауль, — вы вовсе не так опасно ранены, как думаете?

— Сударь, — отвечал раненый, — поверьте мне, нельзя терять ни минуты. Пуля пробила шейку бедренной кости и проникла в живот.

— Вы лекарь? — спросил де Гиш.

— Нет, — сказал умирающий, — но я немного понимаю в ранениях и знаю, что моя рана смертельна. Постарайтесь же перенести меня куда-нибудь, где бы я мог найти священника, или возьмите на себя труд привести его сюда, и бог вознаградит вас. Нужно спасти мою душу, — тело уже погибло.

— Умереть за исполнением доброго дела! Это невозможно, бог вам поможет.

— Господа, — сказал раненый, собирая все свои силы и стараясь встать, — ради бога, не будем терять времени в пустых разговорах. Помогите мне добраться до ближайшей деревни или поклянитесь ва-

шим вечным спасением, что вы пришлете сюда первого монаха, первого священника, которого вы встретите. Но,— прибавил он с отчаянием,— едва ли кто отважится прийти: ведь все знают, что испанцы бродят в окрестностях, и я умру без покаяния. О господи, господи! — воскликнул раненый с таким ужасом в голосе, что молодые люди вздрогнули.— Ты не допустишь этого! Это было бы слишком ужасно.

— Успокойтесь,— сказал Гиш,— клянусь вам, вы получите утешение, которого просите. Скажите нам только, есть ли здесь поблизости какое-нибудь жилье, где мы могли бы попросить помощи, или деревня, куда можно послать за священником?

— Благодарю вас, да вознаградит вас господь. В полумиле отсюда, по этой же дороге, есть трактир, а через милю примерно дальше — деревня Грене. Поезжайте к тамошнему священнику. Если не застанете его дома, обратитесь в августинский монастырь, последний дом селения направо, и приведите мне монаха. Монаха или священника, все равно, лишь бы он имел от святой церкви право отпускать грехи *in articulo mortis*¹.

— Господин д'Арменж,— сказал де Гиш,— останьтесь при раненом и наблюдайте, чтобы его перенесли как можно осторожнее. Прикажите сделать носилки из веток и положите на них все наши плащи. Двое слуг понесут его, а третий для смены пусть идет рядом. Мы поедem, виконт и я, за священником.

— Поезжайте, граф,— ответил воспитатель.— Но, ради всего святого, не подвергайте себя опасности.

— Не беспокойтесь. К тому же на сегодня мы уже спасены. Вы знаете правило: *non bis in idem*².

— Мужайтесь,— сказал Рауль раненому,— мы исполним вашу просьбу.

— Да благословит вас бог,— ответил умирающий с выражением величайшей благодарности.

Молодые люди помчались в указанном направлении, а воспитатель графа де Гиша занялся устройством носилок.

Минут через десять граф и Рауль завидели гостиницу.

Не сходя с лошади, Рауль вызвал хозяина, предупредил его, что к нему сейчас принесут раненого, и велел ему приготовить все нужное для перевязки: кровать, бинты, корпию. Кроме того, Рауль попросил хозяина, если тот знает поблизости лекаря или хирурга, послать за ним, и пообещал вознаградить посыльного. Хозяин, видя двух богато одетых юношей, пообещал все, о чем его просили, и молодые люди, убедившись, что приготовления к приему раненого начались, поскакали дальше в Грене.

Они проехали больше мили и завидели уже крыши домов, крытые красной черепицей, ярко выделявшиеся среди окружающей зелени, как вдруг показался едущий им навстречу верхом на муле бедный монах, которого, судя по его широкополой шляпе и серой шерстяной

¹ В смертельный час (*лат*)
Не дважды об одном и том же (*лат*)

рясе, они приняли за августинца. На этот раз случай посылал именно то, чего они искали. Они подъехали к монаху.

Это был человек лет двадцати двух или трех, которого аскетическая жизнь делала на вид гораздо старше. Он был бледен, но это была не та матовая бледность, которая красит лицо, а какая-то болезненная желтизна. Его короткие волосы, чуть видневшиеся из-под шляпы, были светло-русые; бледно-голубые глаза казались совсем тусклыми.

— Позвольте вас спросить,— с обычной вежливостью обратился к нему Рауль,— вы священник?

— А вы зачем спрашиваете? — безразлично, почти грубо ответил монах.

— Чтобы знать,— надменно ответил Гиш.

Незнакомец ударил мула пятками и продолжал свой путь.

Гиш одним скачком очутился впереди него и преградил ему дорогу.

— Отвечайте,— сказал он.— Вас спросили вежливо, а каждый вопрос требует ответа.

— Я полагаю, что имею право говорить или не говорить, кто я такой, первому встречному, которому вздумается меня спрашивать.

Гиш с великим трудом подавил в себе яростное желание пересчитать кости монаху.

— Прежде всего,— сказал он,— мы не первые встречные: мой друг — виконт де Бражелон, а я — граф де Гиш. Затем мы спрашиваем вас об этом вовсе не из прихоти: раненый, умирающий человек нуждается в помощи церкви. Если вы священник, я приглашаю вас из человеколюбия последовать за нами, чтобы помочь этому человеку. Если же вы не священник — тогда другое дело; предупреждаю вас из учтивости, которая, видимо, вам вовсе незнакома, что я готов проучить вас за дерзость.

Монах смертельно побледнел и улыбнулся так странно, что у Рауля, не спускавшего с него глаз, сердце сжалось от этой улыбки, как от оскорбления.

— Это какой-нибудь испанский или фламандский шпион,— сказал он, хватаясь за пистолет.

Быстрый как молния, угрожающий взгляд был ответом Раулю.

— Так что же,— продолжал Гиш,— вы будете отвечать?

— Я священник,— сказал человек.

И лицо его стало опять бесстрастным.

— В таком случае, отец,— сказал Рауль, вкладывая пистолет обратно в кобуру и принуждая себя говорить почтительно,— раз вы священник, то вам, как сказал уже мой друг, представляется случай исполнить свой долг. Сейчас должны принести встреченного нами раненого, которого мы поместим в ближайшей гостинице. Он просит священника. Наши слуги сопровождают его.

— Я поеду туда,— сказал монах.

И он ударил мула пятками.

— А если вы не поедете,— сказал Гиш,— то, поверьте, наши лошади в силах догнать вашего мула. А мы можем велеть схватить вас

всюду, где бы вы ни были. И тогда, клянусь вам, расправа будет коротка: нетрудно найти дерево и крепкую веревку.

Глаза монаха снова сверкнули, но и только. Он повторил опять: «Я поеду туда»,— и двинулся по дороге.

— Поедем за ним,— сказал Гиш,— это будет вернее.

— Я и сам хотел вам это предложить,— ответил Рауль.

И молодые люди направились вслед за монахом, стараясь держаться за ним на расстоянии пистолетного выстрела. Минут через пять монах оглянулся, как бы желая убедиться, следят ли за ним.

— Видите,— сказал Рауль,— как мы хорошо сделали, что поехали за ним?

— Ужасное лицо у этого монаха! — сказал Гиш.

— Ужасное! — повторил Рауль.— В особенности его выражение; эти желтые волосы, тусклые глаза, эти губы, проваливающиеся при каждом слове, которое он произносит...

— Да,— сказал Гиш, которого менее, чем Рауля, поразили эти подробности, потому что он разговаривал, в то время как Рауль занимался наблюдением.— Да, странное лицо. Но, знаете, все эти монахи подвергают себя таким уродующим человека мучениям! От постов они бледнеют, бичевание делает их лицемерными, а глаза их тускнеют от слез: они оплакивают житейские блага, которых лишились и которыми мы наслаждаемся.

— Как бы то ни было,— сказал Рауль,— бедняга получит своего священника. Но, судя по лицу, у кающегося, право, совесть чище, чем у духовника. Я, признаться, привык к священникам совсем другого вида.

— Видите ли,— сказал Гиш,— он из странствующих монахов, что просят милостыню на большой дороге, пока им не свалится приход с неба. По большей части это иностранцы — шотландцы, ирландцы, датчане. Мне иногда показывали таких.

— Столь же безобразных?

— Нет, но все же достаточно отвратительных.

— Какое несчастье для бедного раненого умирать на руках у подобного монаха!

— Положим, что разрешение-то грехов идет не от того, кто его дает, а от бога,— сказал Гиш.— Но, признаюсь, я предпочел бы умереть без покаяния, чем иметь дело с таким духовником. Вы согласны со мной, не правда ли, виконт? Я видел, вы поглаживали ручку вашего пистолета, словно вам хотелось разmozжить ему голову.

— Да, граф, странная вещь, которая вас удивит: при виде этого человека я почувствовал неопиcуемый ужас. Вам приходилось когда-нибудь повстречать змею?

— Никогда,— сказал Гиш.

— Со мной это часто случалось в наших лесах возле Блуа. Помните, когда я в первый раз увидел змею и она, извиваясь, посмотрела на меня своими тусклыми глазками, покачивая головой и высывая язык, я побледнел и замер на месте, словно зачарованный, пока граф де Ла Фер...

— Ваш отец? — спросил де Гиш.

— Нет, мой опекун,— ответил Рауль, краснея.

— Ну, ну?

— ...Пока граф де Ла Фер не сказал мне: «Ну, что же, Бражелон, скорей за шпагу!» Тогда я подбежал к гадине и рассек ее пополам в тот момент, когда она, шипя, поднялась на хвосте, чтобы броситься на меня. Уверяю вас, такое же чувство я испытал при виде этого человека, когда он сказал: «А вы зачем спрашиваете?» — и посмотрел на меня.

— И вы сожалеете, что не рассекли его пополам, как ту змею?

— Ну да, почти что,— сказал Рауль.

Они были уже недалеко от гостиницы, когда увидели на дороге приближающуюся с другой стороны процессию во главе с д'Арменжем. Два человека несли умирающего, третий вел лошадей.

Молодые люди прибавили ходу.

— Вот раненый,— сказал де Гиш, проезжая мимо августинца.— Будьте так добры, поторопитесь немного, сеньор монах!

Рауль постарался проехать по дороге как можно дальше от монаха, отворачиваясь от него с омерзением.

Теперь молодые люди ехали не позади августинца, а впереди него. Они поспешили к раненому и сообщили ему радостное известие. Умирающий приподнялся, чтобы посмотреть в указанном направлении, увидел монаха, который приближался, подгоняя мула, и с лицом, просветленным радостью, опять опустил на носилки.

— Теперь,— сказали молодые люди,— мы сделали для вас все, что могли, и так как мы спешим в армию принца, то будем продолжать наш путь. Вы извините нас, не правда ли! Говорят, что готовится сражение, и мы не хотели бы явиться на следующий день после него.

— Поезжайте, молодые сеньоры,— сказал раненый,— и будьте благословенны за вашу заботу. Вы поистине сделали для меня все, что было в ваших силах. Я могу только сказать вам еще раз: да хранит бог вас и всех близких вашему сердцу.

— Мы поедем вперед,— сказал Гиш своему воспитателю,— а вы догоните нас по дороге в Камбрен.

Трактирщик ждал у дверей. Он все приготовил — постель, бинты, корпию — и послал конюха за лекарем в ближайший город Ланс.

— Хорошо,— сказал трактирщик,— все будет сделано, как вы приказали. Но сами-то вы разве не остановитесь, чтобы перевязать вашу рану? — прибавил он, обращаясь к Бражелону.

— О, моя рана пустячная,— отвечал виконт.— Успею заняться ею на следующей остановке. Прошу вас об одном: если проедет верховой и спросит вас о молодом человеке на рыжей лошади, в сопровождении лакея,— скажите ему, что вы меня видели, что я поехал дальше и рассчитываю обедать в Мазенгарбе, а ночевать в Камбрене. Этот верховой — мой слуга.

— Не лучше ли будет для большей верности спросить его имя и назвать ему ваше? — сказал хозяин.

— Лишняя предосторожность не повредит,— ответил Рауль.— Меня зовут виконт де Бражелон, а его — Гримо.

В это время с одной стороны принесли раненого, а с другой подъехал монах. Молодые люди посторонились, чтобы пропустить носилки. Монах между тем слез с мула и велел отвести его в конюшню, не расседывая.

— Сеньор монах,— сказал де Гиш,— хорошенько исповедуйте этого человека и не беспокойтесь о расходах, за вас и за вашего мула заплачено.

— Благодарю вас, сударь,— ответил монах с той же улыбкой, от которой Бражелон содрогнулся.

— Едемте, граф,— сказал Рауль, испытывавший инстинктивное отвращение к августинцу.— Едемте, мне здесь как-то не по себе.

— Благодарю вас еще раз, прекрасные сеньоры,— сказал раненый,— не забывайте меня в своих молитвах.

— Будьте покойны,— ответил Гиш и прищипил своего коня, чтобы догнать Рауля, отъехавшего уже шагов на двадцать.

В это время слуги внесли носилки в дом. Хозяин и хозяйка стояли на ступеньках перед дверью.

Несчастный раненый, видимо, испытывал страшные мучения, но его волновала только одна мысль: идет ли за ним монах.

При виде бледного, окровавленного человека хозяйка схватила мужа за руку.

— Что случилось? — спросил тот.— Уж не дурно ли тебе?

— Нет, но ты посмотри на него,— сказала хозяйка, указывая мужу на раненого.

— Да, мне кажется, ему очень плохо.

— Я не об этом,— продолжала хозяйка, вся дрожа,— я спрашиваю тебя, узнаешь ли ты его?

— Этого человека? Постой...

— А, вижу, ты узнал его, ты тоже побледнел,— сказала жена.

— В самом деле! — воскликнул хозяин.— Горе нашему дому! Это бывший бетюнский палач!

— Бывший бетюнский палач! — прошептал молодой монах, останавливаясь, и на лице его отразилось отвращение к тому, кого он собирался исповедовать.

Д'Арменж, стоявший в дверях, заметил его колебания.

— Сеньор монах,— сказал он,— настоящий ли это палач или бывший, все-таки он человек. Окажите ему последнюю помощь, которой он у вас просит: ваш поступок от этого будет еще достойнее.

Монах, ничего не ответив, молча направился в нижнюю комнату, где слуги уложили умирающего на кровать.

Увидав служителя алтаря, шедшего к изголовью больного, слуги вышли и затворили за собой дверь.

Д'Арменж и Оливен дожидались их. Все четверо сели на коней и рысью пустились по дороге вслед за Раулем и его спутником, уже исчезнувшими вдали.

Когда воспитатель и его свита уже скрылись из виду, перед гостиницей остановился новый путник.

— Что вам угодно, сударь? — спросил побледневший хозяин, все еще взволнованный своим открытием.

Путник знаком показал, что хочет пить, затем слез с лошади и сделал движение, каким чистят лошадь.

— Черт возьми,— пробормотал хозяин,— а этот вот, кажется, еще и немой. Где хотите вы пить? — спросил он громко.

— Здесь,— сказал путешественник, указывая на стол.

«Оказывается, я ошибся,— подумал хозяин.— Он не совсем немой».

Он поклонился, сходил за бутылкой вина и печеньем и поставил их на стол перед своим молчаливым посетителем.

— Угодно ли вам, сударь, еще чего-нибудь? — спросил он.

— Да,— ответил путешественник.

— Что же вам угодно?

— Узнать, не проезжал ли здесь молодой человек пятнадцати лет, верхом на рыжей лошади, в сопровождении слуги.

— Виконт де Бражелон? — спросил хозяин.

— Именно.

— Значит, вас зовут господин Гримо?

Приезжий утвердительно кивнул головой.

— Так вот,— сказал хозяин,— ваш молодой барин был здесь четверть часа тому назад. Он будет обедать в Мазенгарбе и ночевать в Камбрене.

— А сколько отсюда до Мазенгарба?

— Две с половиной мили.

— Благодарю вас.

Гримо, убедившись в том, что еще до вечера увидится со своим молодым барином, успокоился, отер себе лоб, налил стакан вина и выпил его молча.

Он поставил стакан на стол и только что собрался наполнить его снова, как страшный крик раздался из комнаты, в которой был монах с умирающим.

Гримо вскочил.

— Что это такое? — спросил он.— Откуда этот крик?

— Из комнаты раненого,— ответил хозяин.

— Какого раненого? — спросил Гримо.

— Бывший бетюнский палач был ранен испанскими бандитами. Его привезли сюда, и сейчас он исповедуется августинскому монаху. Он, видно, сильно страдает.

— Бывший бетюнский палач? — пробормотал Гримо, напрягая память.— Человек лет под шестьдесят, высокий, широкоплечий, смуглый, волосы и борода черные?

— Так, так, только борода поседела, а волосы стали совсем белые. Вы его знаете? — спросил хозяин.

— Я видел его один раз,— сказал Гримо, лицо которого омрачилось при этом воспоминании.

Тут вбежала хозяйка, вся дрожа.

— Ты слышал? — спросила она мужа.

— Да,— ответил тот, с беспокойством поглядывая на дверь.

Крик повторился; он был слабее и тотчас же перешел в долгий, протяжный стон.

Все трое в ужасе переглянулись.

— Надо посмотреть, что там такое, — сказал Гримо.

— Можно подумать, что там кого-нибудь душат, — пробормотал хозяин.

— Господи Иисусе! — воскликнула его жена, крестясь.

Гримо говорил мало, зато, как мы знаем, умел действовать. Он бросился к двери и с силой толкнул ее, но она была заперта изнутри на задвижку.

— Отворите! — крикнул хозяин. — Отворите, сеньор монах, отворите сию же минуту!

Ответа не последовало.

— Отворите, или я вышибу дверь! — крикнул Гримо.

Никакого ответа. Тогда Гримо посмотрел вокруг и увидел кочергу, случайно стоявшую в углу. Он подсунул ее под дверь, и, прежде чем хозяин успел помешать, дверь соскочила с петель. Комната была залита кровью, сочившейся через тюфяк. Раненый уже не мог говорить, а только хрипел. Монах исчез.

— А монах? — вскричал хозяин. — Где же монах?

Гримо бросился к открытому окну, выходящему во двор.

— Он выскочил отсюда! — воскликнул он.

— Вы думаете? — переспросил испуганный хозяин. — Эй, посмотрите, в конюшне ли мул монаха!

— Мула нет! — крикнул слуга, к которому был обращен этот вопрос.

Гримо нахмурился, а хозяин, сложив руки, как для молитвы, опасливо оглядывался. Жена его даже побоялась войти в комнату и, объятая страхом, осталась стоять за дверью.

Гримо подошел к раненому и взгляделся в суровые, резкие черты его лица, вызвавшего в нем такое страшное воспоминание.

Наконец после минуты мрачного и немного созерцания он сказал:

— Нет сомнения: это он.

— Жив ли он еще? — спросил хозяин.

Гримо вместо ответа расстегнул камзол на умирающем, чтобы послушать, бьется ли сердце. Хозяин с женой также подошли. Но вдруг они отшатнулись. Хозяин закричал в ужасе. Гримо побледнел.

В грудь палача слева по самую рукоятку был всажен кинжал.

— Бегите за помощью, — сказал Гримо. — Я побуду здесь.

Хозяин с растерянным видом вышел из комнаты, жена его убежала, едва заслышав крик мужа.

от что произошло.

Как мы видели, монах не по доброй воле, а, напротив, весьма неохотно последовал за раненым, которого ему навязали столь странным образом. Быть может, он попытался бы бежать, если б было возможно. Но угрозы молодых людей, слуги, оставшиеся позади в гостинице и несомненно получившие соответствующий приказ, а быть может, и свои собственные соображения побудили монаха разыграть роль духовника до конца, не высказывая открыто своего неудовольствия.

Войдя в комнату, он подошел к изголовью раненого.

Быстрым взглядом, свойственным умирающим, которым каждая минута дорога, палач посмотрел в лицо того, кто должен был быть его утешителем.

Он сказал с нескрываемым удивлением:

— Вы еще очень молоды, отец мой.

— В моем звании люди не имеют возраста, — сухо ответил монах.

— О отец мой, говорите со мной не так сурово, — сказал раненый, — я нуждаюсь в друге в последние минуты жизни.

— Вы очень страдаете? — спросил монах.

— Да, душой еще сильнее, чем телом.

— Мы спасем вашу душу, — сказал монах. — Но действительно ли вы бетюнский палач, как я сейчас слышал?

— Вернее, — поспешно ответил раненый, боясь, без сомнения, лишиться из-за этого имени последней помощи, о которой просил, — вернее, я был им. Теперь я больше не палач. Уже пятнадцать лет, как я сложил с себя эту должность. Я еще присутствую при казнях, но сам не казню, о нет!

— Значит, вас тяготит ваша должность?

Палач глубоко вздохнул.

— Пока я лишал жизни во имя закона и правосудия, мое дело не мешало мне спать спокойно, потому что я был под покровом правосудия и закона. Но с той ужасной ночи, когда я послужил орудием личной мести и с гневом поднял меч на божие создание, с того самого дня...

Палач остановился и в отчаянии покачал головой.

— Говорите, — сказал монах и присел в ногах кровати, потому что его внимание было уже привлечено таким необычным началом.

— Ах, — воскликнул умирающий с порывом долго скрываемого и наконец прорвавшегося страдания, — я старался заглушить угрызения совести двадцатью годами доброй жизни. Я отучил себя от жестокости, привычной для того, кто проливал кровь. Я никогда не жалел своей жизни, если представлялся случай спасти жизнь тем, кто находился в опасности. Я сохранил не одну человеческую жизнь взамен той, которую отнял. Это еще не все. Деньги, которые я приобрел

рел, состоя на службе, я роздал бедным; я стал усердно посещать церковь; люди, прежде избегавшие меня, привыкли ко мне. Все меня простили, некоторые даже полюбили. Но я думаю, что бог не простил меня, потому что воспоминание об этой казни преследует меня, и каждую ночь встает передо мной тень этой женщины.

— Женщины! Так вы убили женщину? — воскликнул монах.

— И вы тоже, — воскликнул палач, — употребили это слово, которое постоянно звучит у меня в ушах: «убили»! Значит, я убил, а не казнил. Я убийца, а не служитель правосудия!

И он со стоном закрыл глаза.

Монах, без сомнения, испугался, что он умрет, не открыв больше ничего, и поспешил сказать:

— Продолжайте, я еще ничего не знаю. Когда вы окончите свой рассказ, мы — бог и я — рассудим вас.

— О, отец мой! — продолжал палач, не открывая глаз, словно он боялся увидеть что-то страшное. — Этот ужас, который я не в силах победить, усиливается во мне в особенности ночью и на воде. Мне кажется, что рука моя тяжелеет, будто я держу топор; что вода окрашивается кровью; что все звуки природы — шелест деревьев, шум ветра, плеск волн — сливаются в плачущий, страшный, отчаянный голос, который кричит мне: «Да свершится правосудие божье!»

— Бред, — прошептал монах, качая головой.

Палач открыл глаза, сделал усилие, чтобы повернуться к молодому человеку, и схватил его за руку.

— Бред! — повторил он. — Вы говорите: бред! О нет, потому что именно вечером я бросил ее тело в реку, потому что слова, которые шепчет мне совесть, — те самые слова, которые я повторял в своей гордыне. Будучи орудием человеческого правосудия, я возомнил себя орудием небесной справедливости.

— Но как это случилось? Расскажите же, — попросил монах.

— Однажды вечером ко мне явился человек и передал приказ. Я последовал за ним. Четверо других господ ждали меня. Я надел маску, и они увели меня с собой. Мы поехали. Я решил отказаться, если дело, которого от меня потребуют, окажется несправедливым. Проехали мы пять-шесть миль в угрюмом молчании, почти не обменявшись ни одним словом. Наконец они показали мне в окно небольшого домика на женщину, которая сидела у стола, облокотившись, и сказали мне: «Вот та, которую нужно казнить».

— Ужасно! — сказал монах. — И вы повиновались?

— Отец мой, она была чудовищем, а не женщиной. Говорят, она отравила своего второго мужа, пыталась убить своего деверя, бывшего среди этих людей. Она незадолго перед тем отравила одну молодую женщину, свою соперницу, а когда она жила в Англии, по ее проискам, говорят, был заколот любимец короля.

— Бекингэм! — воскликнул монах.

— Да, Бекингэм.

— Так она была англичанка, эта женщина?

— Нет, она была француженка, но вышла замуж в Англии.

Монах побледнел, отер свой лоб и встал, чтобы запереть дверь на задвижку. Палач подумал, что он покидает его, и со стоном упал на кровать.

— Нет, нет, я здесь,— поспешно подходя к нему, произнес монах.— Продолжайте. Кто были эти люди?

— Один был иностранец, кажется англичанин. Четверо других были французы и в мушкетерской форме.

— Их звали?..— спросил монах.

— Я не знаю. Только все они называли англичанина милордом.

— А эта женщина была красива?

— Молода и красива. О, прямо красавица! Я словно сейчас вижу, как она молит о пощаде, стоя на коленях и подняв ко мне бледное лицо. Я никогда не мог понять потом, как я решился отрубить эту прекрасную голову.

Монах, казалось, испытывал странное волнение. Он дрожал всем телом. Видно было, что он хочет задать один вопрос и не решается.

Наконец, сделав страшное усилие над собой, он сказал:

— Как звали эту женщину?

— Не знаю. Как я вам сказал, она была два раза замужем и, кажется, один раз в Англии, а второй — во Франции.

— И она была молода?

— Лет двадцати пяти.

— Хороша собой?

— Необычайно.

— Белокурая?

— Да.

— С пышными волосами, падавшими на плечи, не так ли?

— Да.

— Выразительный взор?

— Да, она могла, когда хотела, смотреть так.

— Необыкновенно приятный голос?

— Откуда вы это знаете?..

Палач приподнялся на локте и испуганными глазами поглядел на смертельно побледневшего монаха.

— И вы убили ее! — сказал монах.— Вы послужили оружием для этих низких трусов, которые не осмелились убить ее сами! Вы не ждали над ее молодостью, ее красотой, ее слабостью! Вы убили эту женщину?

— Увы! — ответил палач.— Я говорил вам, отец мой, что в этой женщине под ангельской наружностью скрывался адский дух, и когда я увидел ее, когда я вспомнил все зло, которое она мне сделала...

— Вам! Что же такое она могла вам сделать?

— Она соблазнила и погубила моего брата, священника. Он бежал с нею из монастыря.

— Твой брат бежал с ней?

— Да. Мой брат был ее первым любовником. Она была виновна в смерти моего брата. Не глядите на меня так, отец мой. Неужели я так тяжко согрешил и вы не простите меня?

Монах с трудом справился со своим волнением.

— Да, да,— сказал он,— я прошу вас, если вы мне скажете всю правду.

— Все, все! — воскликнул палач.

— Тогда говорите. Если она соблазнила вашего брата... вы говорите, она соблазнила его... если она была виновна, да, вы так сказали, она была виновна в его смерти... Тогда,— закончил монах,— вы должны знать ее девичье имя.

— О боже мой, боже мой,— стонал палач,— мне кажется, что я умираю! Дайте скорее отпущение, отец мой, отпущение!

— Скажи ее имя,— крикнул монах,— и я отпущу тебе твои грехи!

— Ее звали... господи, сжался надо мной,— шептал палач, падая на подушку, бледный, в смертельном трепете.

— Ее имя,— повторял монах, наклоняясь над ним, словно желая силой вырвать у него это имя, если бы тот отказался назвать его,— ее имя, или ты не получишь отпущения!

Умирающий, казалось, собрал все свои силы. Глаза монаха сверкали.

— Анна де Бейль,— прошептал раненый.

— Анна де Бейль? — воскликнул монах, выпрямляясь и вздымая руки.— Ты сказал: Анна де Бейль, не так ли?

— Да, да, так, так ее звали... а теперь дайте мне отпущение, ибо я умираю...

— Мне дать тебе отпущение? — вскричал монах со смехом, от которого волосы на голове умирающего стали дыбом.— Мне дать тебе отпущение? Я не священник!

— Вы не священник! Так кто же вы? — вскричал палач.

— Я это сейчас скажу тебе, несчастный!

— О господи! Боже мой!

— Я Джон-Френсис Винтер!

— Я вас не знаю,— сказал палач.

— погоди, ты узнаешь меня. Я Джон-Френсис Винтер,— повторил он,— и эта женщина была...

— Кто же?..

— Моя мать!

Палач испустил тот первый, страшный крик, который все слышали.

— О, простите меня, простите,— шептал он,— если не от имени божьего, то от своего; если не как священник, то как сын простите меня.

— Тебя простить! — воскликнул мнимый монах.— Бог, может быть, тебя простит, но я — никогда!

— Сжальтесь,— сказал палач, простирая к нему руки.

— Нет жалости к тому, кто сам не имел сострадания. Умри в отчаянии, без покаяния, умри и будь проклят.

И, выхватив из-под рясы кинжал, он вонзил его в грудь несчастного.

— Вот тебе мое отпущение грехов! — воскликнул он.

Тогда-то послышался второй крик, слабее первого, за которым последовали стоны.

Палач, приподнявшийся было, упал навзничь. А монах, оставив кинжал в ране, подбежал к окну, открыл его, спрыгнул на цветочную клумбу, пробрался в конюшню, взял мула, вывел его через заднюю калитку, доехал до первой рощи, сбросил там свое монашеское одеяние, достал из мешка костюм всадника, переоделся, дошел пешком до первой почтовой станции, взял лошадь и вскачь помчался в Париж.

Глава 36

ГРИМО ЗАГОВОРИЛ

Гримо остался наедине с палачом; трактирщик побежал за лекарем, а жена его молилась у себя.

Через минуту раненый открыл глаза.

— Помогите! — прошептал он. — Помогите! Боже мой! Боже мой! Неужели на этом свете не найти мне друга, который помог бы мне жить или умереть?

И он с усилием положил руку себе на грудь. Рука наткнулась на рукоятку кинжала.

— А! — сказал он, словно припомнив что-то, и опустил руку.

— Не падайте духом, — сказал Гримо. — Послали за лекарем.

— Кто вы? — спросил раненый, широко раскрытыми глазами смотря на Гримо.

— Старый знакомый, — сказал Гримо.

— Вы?

Раненый пытался припомнить черты говорившего с ним.

— При каких обстоятельствах мы с вами встречались? — спросил он.

— Двадцать лет тому назад однажды ночью мой господин явился за вами в Бетюн и повез вас в Армантьер.

— Я узнал вас, — сказал палач, — вы один из четырех слуг...

— Да.

— Как вы здесь очутились?

— Проезжая мимо, я остановился в гостинице, чтобы дать передохнуть лошади. Мне сказали, что бетюнский палач лежит здесь раненый, и вдруг вы закричали. Мы прибежали на первый крик, а после второго выломали дверь.

— А монах? — спросил палач. — Вы видели монаха?

— Какого монаха?

— Который был здесь со мной?

— Нет, его уже не было здесь. Должно быть, он выскочил в окно. Неужели это он нанес вам удар?

— Да, — сказал палач.

Гримо приподнялся, чтобы выйти.

— Что вы хотите сделать?

- Догнать его.
 - Не надо, прошу вас.
 - Почему?
 - Он отомстил мне и хорошо сделал. Теперь, надеюсь, бог помилует меня... ведь я искупил свою вину...
 - Объясните, в чем дело,— сказал Гримо.
 - Та женщина, которую ваши господа и вы заставили меня убить...
 - Миледи?
 - Да, миледи. Действительно, вы ее так называли.
 - Но что общего между миледи и монахом?
 - Это была его мать.
- Гримо пошатнулся, он глядел на умирающего мрачными, почти безумными глазами.
- Его мать? — повторил он.
 - Да, его мать.
 - Так он знает эту тайну?
 - Я принял его за монаха и открылся ему на исповеди.
 - Несчастный! — воскликнул Гримо, у которого холодный пот выступил при одной мысли о возможных последствиях такого разоблачения.— Несчастный! Надеюсь, вы никого не назвали?
 - Я не назвал ни одного имени, потому что ни одного не знаю; я сказал ему только девичью фамилию его матери, поэтому он и догадался. Но ему известно, что его дядя был в числе людей, произнесших ей приговор.
- И он упал в изнеможении. Гримо хотел помочь ему и протянул руку к рукоятке кинжала.
- Не касайтесь меня,— сказал раненый.— Если вытащите кинжал, я умру.
- Рука Гримо замерла в воздухе, затем он ударил себя по лбу и сказал:
- Но если этот человек узнает когда-нибудь имена остальных убийц его матери, то мой господин погиб!
 - Торопитесь, торопитесь! — воскликнул палач.— Предупредите его, если он жив еще. Предупредите его товарищей... Поверьте, эта ужасная история не закончится моей смертью.
 - Куда он ехал? — спросил Гримо.
 - В Париж.
 - Кто остановил его?
 - Двое молодых дворян, направлявшихся в армию; одного из них зовут виконтом де Бражелоном; так, я слышал, называл его спутник.
 - И этот молодой человек привел к вам монаха?
 - Да.
- Гримо поднял глаза к небу.
- Такова, значит, воля всевышнего,— сказал он.
 - Без сомнения,— подтвердил раненый.
 - Это ужасно,— прошептал Гримо.— Но все же эта женщина заслужила свою участь. Ведь вы тоже так считаете?

— В минуту смерти преступления других кажутся очень малыми в сравнении со своими собственными.

И, закрыв глаза, раненый в изнеможении упал на подушку.

Гримо колебался между состраданием, запрещавшим ему оставить этого человека без помощи, и страхом, повелевавшим ему скакать немедленно с неожиданной вестью к графу де Ла Фер. Вдруг в коридоре послышались шаги, и вошел трактирщик с лекарем, которого наконец отыскали.

Следом за ними явилось несколько любопытных, так как молва о странном происшествии начала распространяться.

Лекарь подошел к умирающему, находившемуся, казалось, в забытии.

— Прежде всего надо удалить кинжал из груди,— сказал он, многозначительно качая головой.

Гримо вспомнил слова раненого и отвернулся.

Лекарь расстегнул камзол, разорвал рубашку умирающего и обнажил грудь.

Кинжал был погружен по самую рукоятку. Лекарь взялся за нее и потянул. По мере того как он вынимал кинжал, глаза раненого раскрывались все больше и больше, и взгляд их становился ужасающе неподвижным. Когда лезвие было все извлечено из раны, красноватая пена показалась на губах раненого. Он тяжело вздохнул. Кровь хлынула потоком из раны; умирающий со странным выражением устремил свой взгляд на Гримо, захрипел и тотчас же испустил дух.

Гримо поднял облитый кровью кинжал, который, вызывая ужас всех окружающих, лежал на полу, сделал знак хозяину выйти с ним, расплатился с щедростью, достойной его господина, и вскочил на лошадь.

Первою мыслью Гримо было тотчас же вернуться в Париж, но он подумал, что его долгое отсутствие встревожит Рауля, что он всего в двух милях от него и что поездка отнимет всего четверть часа, а разговор и объяснение не больше часа: Он пустил лошадь галопом и через десять минут остановился перед «Коронованным Мулом», единственной гостиницей в Мазенгарбе.

С первых же слов хозяина Гримо понял, что нашел того, кого искал.

Рауль сидел за столом с Гишем и его наставником. От мрачного утреннего происшествия на лицах молодых людей еще сохранилось облачко грусти, которого никак не могла рассеять веселость д'Арменжа, привыкшего наблюдать подобные зрелища глазами философа.

Внезапно дверь открылась и вошел Гримо, бледный, весь в пыли и еще забрызганный кровью несчастного раненого.

— Гримо, мой дорогой,— воскликнул Рауль,— наконец-то ты здесь! Извините меня, господа это не слуга, это друг.

И, подбежав к нему, продолжал:

— Здоров ли граф? Скучает ли по мне? Видел ли ты его после того, как мы расстались? Отвечай же. Мне тоже есть что тебе рассказать; да, за три дня у нас было немало приключений. Но что с тобой? Как ты бледен! На тебе кровь! Откуда эта кровь?

— В самом деле, кровь! — сказал граф, вставая. — Вы ранены, мой друг?

— Нет, сударь, — сказал Гримо, — это не моя кровь.

— Чья же? — спросил Рауль.

— Это кровь несчастного, которого вы оставили в гостинице. Он умер у меня на руках.

— У тебя на руках! Этот человек! Но знаешь ли ты, кто это такой?

— Да, — сказал Гримо.

— Ведь это бывший палач из Бетюна.

— Да, знаю.

— Так ты раньше знал его?

— Да.

— Он умер?

— Да.

Молодые люди переглянулись.

— Что ж делать, господа, — сказал д'Арменж, — это закон природы, которого не избежать и палачам. Как только я увидел его рану, я решил, что дело плохо, да и сам он, очевидно, был того же мнения, раз требовал монаха.

При слове монах Гримо побледнел.

— Ну, за стол, за стол, — сказал д'Арменж, который, как и все люди его времени, а тем более его возраста, не терпел, чтобы трапеза прерывалась чувствительными разговорами.

— Да, да, вы правы. Ну, Гримо, вели себе подать, заказывай, распоряжайся, а когда отдохнешь, мы потолкуем.

— Нет, сударь, — сказал Гримо, — я не могу оставаться ни одной минуты. Я должен сейчас же ехать в Париж.

— Как, в Париж? Ты ошибаешься, это Оливен туда поедет, а ты останешься.

— Напротив, Оливен останется, а я поеду. Я нарочно для этого и прискакал, чтобы вам об этом сообщить.

— Почему такая перемена?

— Этого я не могу вам сказать.

— Объясни, пожалуйста.

— Не могу.

— Что это еще за шутки?

— Вы знаете, виконт, что я никогда не шучу.

— Да, но я знаю также приказание графа де Ла Фер, чтобы вы остались со мной, а Оливен вернулся в Париж. Я следую распоряжениям графа.

— Но не при данных обстоятельствах, сударь.

— Уж не собираетесь ли вы послушаться меня?

— Да, сударь, потому что так надо.

— Значит, вы упорствуете?

— Значит, я уезжаю. Желаю счастья, господин виконт.

Гримо поклонился и направился к двери.

Рауль, разгневанный и вместе с тем обеспокоенный, побежал за ним и схватил его за руку.

— Гримо, останьтесь, я хочу, чтобы вы остались.

— Значит, вы желаете,— сказал Гримо,— чтобы я позволил убить графа?

Он снова поклонился, готовясь выйти.

— Гримо, друг мой,— сказал виконт,— вы так не уедете, вы не оставите меня в такой тревоге. О Гримо, говори, говори, ради неба.

И Рауль, шатаясь, упал в кресло.

— Я могу сказать вам только одно... Тайна, которой вы у меня допытываетесь, не принадлежит мне. Вы встретили монаха?

— Да.

Молодые люди с ужасом посмотрели друг на друга.

— Вы привели его к раненому?

— Да.

— И вы имели время его разглядеть?

— Да.

— И узнаете его, если опять встретите?

— О да, клянусь в том,— сказал Рауль.

— И я тоже,— сказал Гиш.

— Если когда-нибудь вы встретите его где бы то ни было, по дороге, на улице, в церкви, все равно где, наступите на него ногой и раздавите без жалости, без сострадания, как раздавили бы змею, гадину, ехидну. Раздавите и не отходите, пока не убедитесь, что он мертв. Пока он жив, жизнь пяти людей будет в опасности.

И, воспользовавшись изумлением и ужасом, охватившими его собеседников, Гримо, не прибавив больше ни слова, поспешно вышел из комнаты.

— Ну, граф,— сказал Рауль, обращаясь к Гишу,— не говорил ли я вам, что этот монах производит на меня впечатление гада?

Через две минуты, заслышав на дороге лошадиный топот, Рауль поспешил к окну. Это Гримо возвращался в Париж. Он приветствовал виконта, взмахнув шляпой, и вскоре исчез за поворотом дороги.

Дорогой Гримо думал о двух вещах: первое — что, если ехать так быстро, его лошадь не выдержит и десяти миль; второе — что у него нет денег.

Но если Гримо говорил мало, то изобретательность его от того стала только сильнее. На первой же почтовой станции он продал свою лошадь и на вырученные деньги нанял почтовых лошадей.

ауля оторвал от этих грустных мыслей хозяин гостиницы, стремительно вбежавший в комнату, где произошла только что описанная нами сцена, с громким криком:

— Испанцы! Испанцы!

Это было достаточно важно, чтобы заставить позабыть все другие заботы. Молодые люди расспросили хозяина и узнали, что неприятель действительно надвигается через Гуден и Бетюн.

Пока д'Арменж отдавал приказания снарядить отдохнувших лошадей к отъезду, оба молодых человека взбежали к верхним окнам дома, откуда было видно далеко кругом, и действительно заметили начинавшие выдвигаться на горизонте, со стороны Марсена и Ланса, многочисленные отряды пехоты и кавалерии. На этот раз это была не бродячая шайка беглых солдат, но целая армия.

Ничего другого не оставалось, как последовать разумному совету д'Арменжа и поспешно отступить.

Молодые люди быстро спустились вниз. Д'Арменж уже сидел на коне. Оливен держал в поводу лошадей молодых господ, а слуги графа стерегли пленного испанца, сидевшего на маленькой лошадке, нарочно для него купленной. Руки пленного из предосторожности были связаны.

Маленький отряд рысью направился к Камброну, где предполагали застать принца. Но тот еще накануне отступил оттуда в Ла-Бассе, получив ложное донесение, будто неприятель должен перейти Лис около Эстера.

Действительно, обманутый этим известием, принц отвел свои войска от Бетюна и собрал все свои силы между Вьей-Шапель и Ла-Ванти. Он только что с маршалом де Граммоном осмотрел линию войск и, вернувшись, сел за стол, расспрашивая сидевших с ним офицеров, которым он поручил добыть разные сведения. Но никто не мог сообщить ему ничего положительного. Уже двое суток, как неприятельская армия исчезла, словно испарилась.

А известно, что никогда неприятельская армия не бывает так близка, а следовательно, и опасна, как в тот миг, когда она вдруг бесследно исчезнет. Поэтому принц был, против обыкновения, мрачен и озабочен, когда в комнату вошел дежурный офицер и сообщил маршалу де Граммону, что кто-то желает с ним говорить.

Герцог де Граммон взглядом попросил у принца разрешения и вышел.

Принц проводил его глазами, и его пристальный взгляд остановился на двери. Никто не решался промолвить слово, боясь прервать его размышления.

Вдруг раздался глухой гул. Принц стремительно встал и протянул руку в ту сторону, откуда донесся шум. Этот звук был ему хорошо знаком: то был пушечный выстрел.

Все поднялись за ним.

В эту минуту дверь отворилась.

— Монсеньер, — произнес маршал де Граммон, с радостным лицом входя в комнату, — не угодно ли будет вашему высочеству разрешить моему сыну, графу де Гишу, и его спутнику, виконту де Бражелону, войти сюда и сообщить нам сведения о неприятеле, которого мы ищем, а они уже нашли.

— Разумеется! — живо воскликнул принц. — Разрешаю ли я? Не только разрешаю, но хочу этого. Пусть войдут.

Маршал пропустил вперед молодых людей, очутившихся лицом к лицу с принцем.

— Говорите, господа, — сказал принц, ответив на их поклон. — Прежде всего рассказывайте, а уж потом обменяемся обычными приветствиями. Для нас всех в настоящую минуту самое важное — поскорее узнать, где находится неприятель и что он делает.

Говорить, конечно, следовало графу де Гишу: он был не только старше возрастом, но еще и был представлен принцу отцом. К тому же он давно знал принца, которого Рауль видел в первый раз.

Граф де Гиш рассказал принцу все, что они видели из окон гостиной в Мазенгарбе.

Тем временем Рауль с любопытством смотрел на молодого полководца, столь прославившегося уже битвами при Рокруа, Фрейбурге и Нортлингене.

Людовик Бурбонский, принц Конде, которого после смерти его отца, Генриха Бурбонского, называли для краткости и по обычаю того времени просто «господином принцем», был молодой человек лет двадцати шести или семи, с орлиным взором (*agl'occhi grifani*, как говорит Данте), крючковатым носом и длинными пышными волосами в локонах; он был среднего роста, но хорошо сложен и обладал всеми качествами великого воина, то есть быстротою взгляда, решительностью и баснословной отвагой. Это, впрочем, не мешало ему быть в то же время человеком очень элегантным и остроумным, так что, кроме революции, произведенной в военном деле его новыми взглядами, он произвел также революцию в Париже среди придворной молодежи, естественным вождем которой был и которую, в противоположность щеголям старого двора, бравшим себе за образцы Бассомпьера, Беллегарда и герцога Ангулемского, называли «петиметрами».

Выслушав первые слова графа де Гиша и заметив, откуда донесся выстрел, принц понял все. Неприятель, очевидно, перешел Лис у Сен-Венана и шел на Ланс, без сомнения, намереваясь овладеть этим городом и отрезать французскую армию от Франции. Пушки, грохот которых доносился до них, временами покрывая другие выстрелы, были орудиями крупного калибра, отвечавшими на выстрелы испанцев и лотарингцев.

Но как велики были силы неприятеля? Был ли это один только корпус, имевший целью отвлечь на себя французские войска, или вся армия?

Таков был последний вопрос принца, на который Гиш не мог ответить.

Между тем этот вопрос был очень важен, и на него именно принц более всего желал получить точный, определенный и ясный ответ.

Тогда Рауль, преодолев естественную робость, невольно охватившую его в присутствии принца, решился выступить вперед.

— Не позволите ли мне, монсеньер, сказать по этому поводу несколько слов, которые, может быть, выведут вас из затруднения? — спросил он.

Принц обернулся к нему и одним взглядом окинул его с ног до головы; он улыбнулся, увидев перед собой пятнадцатилетнего мальчика.

— Конечно, сударь, говорите, — сказал он, стараясь смягчить свой резкий и отрывистый голос, точно он обращался к женщине.

— Монсеньер мог бы расспросить пленного испанца, — ответил Рауль, покраснев.

— Вы захватили испанца? — вскричал принц.

— Да, монсеньер.

— В самом деле, — произнес Гиш, — я и забыл про него.

— Это вполне понятно, граф, ведь вы и захватили его в плен, — произнес Рауль, улыбаясь.

При этих лестных для его сына словах старый маршал оглянулся на виконта с благодарностью, между тем как принц воскликнул: — Молодой человек прав, пусть приведут пленного!

Затем он отвел Гиша в сторону и расспросил, каким образом был захвачен испанец, а также — кто этот молодой человек.

— Виконт, — сказал он, обращаясь к Раулю, — оказывается, у вас есть письмо ко мне от моей сестры, герцогини де Лонгвиль, но я вижу, что вы предпочли зарекомендовать себя сами, дав мне хороший совет.

— Монсеньер, — ответил Рауль, снова краснея, — я не хотел прерывать важного разговора вашего высочества с графом. Вот письмо.

— Хорошо, — сказал принц, — вы отдадите мне его после. Пленный здесь; займемся наиболее спешным.

Действительно, привели пленного. Это был один из водившихся еще в то время наемников, которые продавали свою кровь всем, желавшим ее купить, и вся жизнь которых проходила в плутовстве и грабежах. С того момента, как он был взят в плен, он не произнес ни одного слова, так что захватившие его даже не знали, к какой нации он принадлежит.

Принц посмотрел на него с чрезвычайным недоверием.

— Какой ты нации? — спросил он.

Пленный произнес несколько слов на иностранном языке.

— Ага! Он, кажется, испанец. Говорите вы по-испански, Граммон?

— По правде сказать, монсеньер, очень плохо.

— А я совсем не говорю, — со смехом сказал принц. — Господа, — прибавил он, обращаясь к окружающим, — не найдется ли между вами кто-нибудь, кто говорил бы по-испански и согласился быть переводчиком?

— Я, монсеньер, — ответил Рауль.

— А, вы говорите по-испански?

— Я думаю, достаточно для того, чтобы исполнить приказание вашего высочества в настоящем случае.

Все это время пленный стоял с самым равнодушным и невозмутимым видом, словно вовсе не понимал, о чем идет речь.

— Монсеньер спрашивает вас, какой вы нации,— произнес молодой человек на чистейшем кастильском наречии.

— Ich bin ein Deutscher¹,— отвечал пленный.

— Что он бормочет? — воскликнул принц.— Что это еще за новая тарбарщина?

— Он говорит, что он немец, монсеньер,— отвечал Рауль.— Но я в этом сомневаюсь, так как акцент у него плохой и произношение неправильное.

— Значит, вы говорите и по-немецки? — спросил принц.

— Да, монсеньер,— отвечал Рауль.

— Достаточно, чтобы допросить его на этом языке?

— Да, монсеньер.

— Допросите его в таком случае.

Рауль начал допрос, который только подтвердил его предположение. Пленный не понимал или делал вид, что не понимает вопросов Рауля, а Рауль тоже плохо понимал его ответы, представлявшие какую-то смесь фламандского и эльзасского наречий. Тем не менее, несмотря на все усилия пленного увернуться от настоящего допроса, Рауль понял наконец по его произношению, к какой нации он принадлежит.

— Non siete spagnuolo,— сказал он,— non siete tedesco, siete italiano².

Пленный вздрогнул и закусил губу.

— Ага, это и я понимаю отлично,— сказал принц Конде,— и раз он итальянец, то я буду продолжать допрос сам. Благодарю вас, виконт,— продолжал он, смеясь,— отныне я назначаю вас своим переводчиком.

Но пленник был так же мало расположен отвечать на итальянском языке, как и на других. Он хотел одного — увернуться от вопросов, и потому делал вид, что не знает ничего: ни численности неприятеля, ни имени командующего, ни направления, в котором движется армия.

— Хорошо,— сказал принц, который понял причину этого неведения.— Этот человек был схвачен во время грабежа и убийства. Он мог бы спасти свою жизнь, если бы отвечал на вопросы, но он не хочет говорить. Увести его и расстрелять.

Пленник побледнел. Два солдата, сопровождавшие его, взяли его под руки и повели к двери, между тем как принц обратился к маршалу де Граммону и, казалось, уже забыл о данном им приказании.

Дойдя до порога, пленник остановился. Солдаты, знавшие только данный им приказ, хотели силой вести его дальше.

— Одну минуту,— сказал вдруг пленный по-французски,— я готов отвечать, монсеньер.

— Ага! — воскликнул принц, рассмеявшись.— Я знал, что этим

¹ Я немец (англ.).

² Вы не испанец и не немец, а итальянец (итал.).

кончится. Мне известен отличный способ развязывать языки. Молодые люди, воспользуйтесь им, когда сами будете командовать.

— Но под условием, — продолжал пленный, — чтобы ваше высокочество обещали даровать мне жизнь.

— Честное слово дворянина, — сказал принц.

— В таком случае спрашивайте меня, монсеньер.

— Где армия перешла Лис?

— Между Сен-Венаном и Эром.

— Кто командует армией?

— Граф Фуонсальданыя, генерал Бек и сам эрцгерцог.

— Какова ее численность?

— Восемнадцать тысяч человек при тридцати шести орудиях.

— Куда она наступает?

— На Ланс.

— Вы видите, господа? — воскликнул принц с торжествующим видом, обращаясь к маршалу де Граммону и другим офицерам.

— Да, монсеньер, — сказал маршал, — вы угадали все, что только может угадать человеческий ум.

— Призовите Ле Плеси, Бельевра, Вилькье и д'Эрлака, — сказал принц. — Соберите войска, находящиеся по эту сторону Лиса, и пусть они будут готовы выступить сегодня ночью: завтра, по всей вероятности, мы нападём на неприятеля.

— Но, монсеньер, — заметил маршал де Граммон, — подумайте о том, что если мы даже соберем все наши наличные силы, то у нас будет едва тринадцать тысяч человек.

— Господин маршал, — возразил принц, бросая на де Граммона особенный, ему одному свойственный взгляд, — малыми армиями выигрываются большие сражения.

Затем он обернулся к пленному.

— Увести этого человека и не спускать с него глаз. Его жизнь зависит от тех сведений, которые он нам сообщил: если они верны, он получит свободу; если же нет, он будет расстрелян.

Пленного увели.

— Граф де Гиш, — продолжал принц, — вы давно не виделись с вашим отцом. Оставайтесь при нем. А вы, — обратился он к Раулю, — если не очень устали, то следуйте за мной.

— Хоть на край света, монсеньер! — пылко воскликнул Рауль, успевший уже проникнуться восхищением к этому молодому полководцу, казавшемуся ему столь достойным своей славы.

Принц улыбнулся. Он презирал лесть, но очень ценил горячность.

— Пойдемте, сударь, — сказал он, — вы хороший советчик, в этом мы только что убедились. Завтра мы увидим, каковы вы в деле.

— А что вы мне прикажете сейчас, монсеньер? — спросил маршал.

— Оставайтесь, чтобы принять войска, я сам явлюсь за ними или дам вам знать через курьера, чтобы вы их привели. Двадцать гвардейцев на лучших лошадях — вот все, что мне сейчас нужно для конвоя.

— Этого очень мало, — заметил маршал.

— Достаточно, — возразил принц. — У вас хорошая лошадь, господин де Бражелон?

— Моя лошадь была убита сегодня утром, монсеньер, и я пока взял лошадь моего слуги.

— Выберите себе лошадь из моей конюшни. Только не стесняйтесь! Возьмите ту, которая покажется вам лучшей. Сегодня вечером она, может быть, вам понадобится, а завтра уже наверно.

Рауль не заставил повторять себе предложение дважды; он знал, что истинная учтивость по отношению к начальнику, в особенности если этот начальник — принц, — повиноваться немедленно и беспрекословно. Он прошел в конюшню, выбрал себе андалузского, буланой масти коня, сам оседлал и взнуздal его, — так как Атос советовал ему в серьезных случаях не доверять никому этого важного дела, — и явился к принцу.

Принц уже садился на коня.

— Теперь, сударь, — сказал он Раулю, — дайте письмо, которое вы привезли.

Рауль подал письмо принцу.

— Держитесь близ меня, — сказал тот.

Затем принц дал шпоры, зацепил поводья за луку седла (как он делал всегда, когда желал иметь руки свободными), распечатал письмо г-жи де Лонгвиль и помчался галопом по дороге в Ланс. Рауль и небольшой конвой следовали за ним. Между тем нарочные с приказом собрать войска неслись карьером по всем направлениям.

Принц читал письмо на скаку.

— Сударь, — сказал он через несколько минут, — мне пишут о вас много лестного; я со своей стороны могу сказать вам только, что за это короткое время успел составить о вас еще лучшее мнение.

Рауль поклонился.

Между тем по мере их приближения к Лансу пушечные выстрелы раздавались все ближе и ближе. Принц глядел в сторону этих выстрелов пристальным взглядом хищной птицы. Казалось, его взор проникал сквозь чащу деревьев, закрывавших от него горизонт.

Время от времени ноздри принца расширялись, словно он торопился вдохнуть запах пороха, и он дышал так же тяжело, как его лошадь.

Наконец пушечный выстрел раздался совсем близко, очевидно, до поля сражения оставалось не больше мили. Тут, за поворотом дороги, показалась деревушка Оней.

Жители ее были в большом смятении. Слухи о жестокости испанцев распространились повсюду и нагнали на всех страх. Женщины бежали из деревни в Витри, и на месте осталось только несколько мужчин.

Завидев принца, они поспешили к нему. Один из них узнал его.

— Ах, монсеньер, — сказал он, — вы прогоните этих испанских бездельников и лотарингских грабителей?

— Да, — отвечал принц, — если ты согласишься служить мне проводником.

— Охотно, монсеньер. Куда прикажете, ваше высочество, проводить вас?

— На какое-нибудь возвышенное место, откуда я мог бы видеть Ланс и его окрестности.

— О, в таком случае я знаю, что вам нужно.

— Я могу довериться тебе, ты хороший француз?

— Я старый солдат, был при Рокруа, монсеньер.

— Ах,— сказал принц, подавая крестьянину свой кошелек,— вот тебе за Рокруа. Что же, нужна тебе лошадь или ты предпочитаешь идти пешком?

— Пешком, монсеньер, пешком; я все время служил в пехоте. Кроме того, я намерен вести ваше высочество по таким дорогам, где вам самим придется спешиться.

— Хорошо, едем,— сказал принц,— не будем терять времени.

Крестьянин побежал вперед и в ста шагах от деревни свернул на узенькую дорожку, теряющуюся в глубине красивой долины. Около полумили продвигались они под прикрытием деревьев. Выстрелы раздавались так близко, что, казалось, каждую секунду мимо может просвистать ядро. Наконец им попала тропинка, уводившая в сторону от дороги и извивавшаяся по склону горы. Проводник направился по этой тропинке, пригласив принца следовать за ним. Тот сошел с коня, приказал одному из адъютантов и Раулю сделать то же, а остальным ждать его, держась настороже, и начал взбираться по тропинке.

Минут через десять они достигли развалин старого замка на вершине холма, откуда открывался широкий вид на окрестности. Всего в четверти мили от них виден был Ланс, защищающийся из последних сил, а перед ним вся неприятельская армия.

Принц одним взглядом окинул всю местность от Ланса до Вими. В одно мгновение в голове его созрел весь план сражения, которое должно было на следующий день вторично спасти Францию от нашествия. Он вынул карандаш, вырвал из записной книжки листок и написал на нем:

«Любезный маршал!

Через час Ланс будет во власти неприятеля. Явитесь ко мне и приведите всю армию. Я буду в Вандене и сам расположу ее на позициях. Завтра мы отберем Ланс и разобьем неприятеля».

Затем, обратившись к Раулю, сказал:

— Сударь, скачите во весь опор к господину де Граммону и передайте ему эту записку.

Рауль поклонился, взял записку, быстро спустился с горы, вскочил на лошадь и помчался галопом.

Четверть часа спустя он явился к маршалу.

Часть войска уже прибыла, другую часть ожидали с минуты на минуту.

Маршал де Граммон принял командование над всей наличной пехотой и кавалерией и направился по дороге к Вандену, оставив герцога де Шатильона дожидаться остальной армии.

Вся артиллерия была уже в сборе и выступила тотчас же.

Было семь часов вечера, когда маршал явился в назначенный пункт, где принц уже ожидал его. Как и предвидел Конде, Ланс был занят неприятелем почти немедленно вслед за отъездом Рауля.

Прекращение канонады возвестило об этом событии.

Стали дожидаться ночи. В сгущающейся темноте все прибывали затребованные принцем войска. Был отдан приказ не бить в барабаны и не трубить в трубы.

В девять часов совсем стемнело, но слабый сумеречный свет еще озарял равнину. Принц стал во главе колонны, и она безмолвно двинулась в путь.

Пройдя деревню Оней, войска увидели Ланс. Несколько домов были объяты пламенем, и до солдат доносился глухой шум, возвещавший об агонии города, взятого приступом.

Принц назначил каждому его место. Маршал де Граммон должен был командовать левым флангом, опираясь на Мерикур; герцог де Шатильон находился в центре, а сам принц занимал правое крыло, впереди деревни Оней. Во время битвы диспозиция войск должна была остаться той же. Каждый, проснувшись на следующее утро, будет у же там, где ему надлежало действовать.

Передвижение войск произошло в глубоком молчании и с замечательной точностью. В десять часов все были уже на местах, а в половине одиннадцатого принц объехал позиции и отдал приказы на следующий день.

Помимо других распоряжений, особое внимание начальства было обращено на три приказа, за точным соблюдением которых оно должно было весьма строго следить. Первое — чтобы отдельные отряды сообразовались друг с другом и чтобы кавалерия и пехота шли в одну линию, сохраняя между собой первоначальные расстояния. Второе — чтобы в атаку шли не иначе как шагом. И третье — ждать, чтобы неприятель первый начал стрельбу.

Графа де Гиша принц предоставил в распоряжение его отца, оставив Бражелона при себе, но молодые люди попросили разрешения провести эту ночь вместе, на что принц охотно дал свое согласие.

Для них была поставлена палатка около палатки маршала. Хотя они провели утомительный день, ни тому, ни другому не хотелось спать.

Канун битвы — важный и торжественный момент даже для старых солдат, а тем более для молодых людей, которым предстояло впервые увидеть это грозное зрелище.

Накануне битвы думается о тысяче вещей, которые до того были забыты, а теперь приходят на память. Накануне битвы люди, до тех пор равнодушные, становятся друзьями, а друзья — почти братьями.

Естественно, что если в душе таится более нежное чувство, оно в такой момент достигает наибольшей силы.

Можно было предположить, что каждый из молодых людей переживал подобные чувства, потому что через минуту они уже сидели в разных углах палатки и писали что-то, положив бумагу себе на колени. Послания были длинные, и все четыре страницы, одна за другой, покрывались мелким убористым почерком.

Когда письма были наконец написаны, каждое было вложено в два конверта, так что узнать имя особы, которой адресовалось пись-

мо, можно было, только разорвав первый конверт. Затем с улыбкой они обменялись письмами.

— На случай, если со мной произойдет беда,— сказал Бражелон, передавая свое письмо другу.

— На случай, если я буду убит,— сказал Гиш.

— Будьте покойны,— в один голос ответили оба.

Затем они обнялись по-братски, завернулись в свои плащи и заснули тем безмятежным молодым сном, каким спят птицы, дети и цветы.

Глава 38

ОБЕД НА СТАРЫЙ ЛАД

Второе свидание бывших мушкетеров было не столь торжественным и грозным, как первое. Атос, со свойственной ему мудростью, решил, что лучше и скорее всего они сойдутся за столом; в то время как его друзья, зная его благопристойность и трезвость, не решались и заикнуться об одной из тех веселых пирушек, какие они некогда устраивали в «Еловой Шишке» или у «Еретика», он первый предложил собраться за накрытым столом и повеселиться с непринужденностью, некогда поддерживавшей в них доброе согласие и единодушие, за которое их справедливо называли неразлучными друзьями.

Предложение это всем понравилось, в особенности д'Артаньяну, которому очень хотелось воскресить веселые дни молодости с их кутежами и дружными беседами. Его тонкий живой ум давно не находил себе удовлетворения, питаясь, по его выражению, лишь низкосортной пищей. Портос, готовившийся стать бароном, был рад случаю поучиться у Атоса и Арамиса хорошему тону и светским манерам. Арамис не прочь был узнать у д'Артаньяна и Портоса новости Пале-Рояля и вновь расположить к себе, на всякий случай, преданных друзей, не раз, бывало, выручавших его своими непобедимыми и верными шпагами в стычках с врагами.

Только Атос ничего не ждал от других, а повиновался лишь чувству чистой дружбы и голосу своего простого и великого сердца.

Условились, что каждый укажет свой точный адрес и по зову одного из них все соберутся в знаменитом своей кухней трактире «Отшельник» на Монетной улице. Первая встреча была назначена на ближайшую среду, на восемь часов вечера.

В этот день четверо друзей явились с замечательной точностью в назначенное время, хотя подошли с разных сторон. Портос пробовал новую лошадь; д'Артаньян сменился с дежурства в Лувре; Арамис приехал после визита к одной из своих духовных дочерей в этом квартале; Атосу же, поселившемуся на улице Генего, было до трактира рукой подать. И все, к общему изумлению, встретились у две-

рей «Отшельника», Атос появился от Нового моста, Портос — с улицы Руль, д'Артаньян — с улицы Фосе-Сен-Жермен-л'Оксеруа, наконец, Арамис — с улицы Бетизи.

Первые приветствия, которыми обменялись старые друзья, были несколько натянутыми — именно потому, быть может, что каждый старался вложить в свои слова побольше чувства. Пирушка началась довольно вяло. Видно было, что д'Артаньян принуждает себя смеяться, Атос — пить, Арамис — рассказывать, а Портос — молчать. Атос первый заметил общую неловкость и приказал, в качестве верного средства, подать четыре бутылки шампанского.

Когда он, со свойственным ему спокойствием, отдал это приказание, лицо гасконца сразу прояснилось, а морщины на лбу Портоса разгладились. Арамис удивился. Он знал, что Атос не только не пьет больше, но чувствует почти отвращение к вину.

Его удивление еще более увеличилось, когда он увидел, что Атос налил себе полный стакан вина и выпил его залпом, как в былые времена. Д'Артаньян сразу же наполнил и опрокинул свой стакан. Портос и Арамис чокнулись. Бутылки мигом опустели. Казалось, собеседники спешили отделаться от всяких задних мыслей.

В одно мгновение это великолепное средство рассеяло последнее облачко, которое еще омрачало их сердца. Четыре приятеля сразу стали говорить громче, перебивая друг друга, и расположились за столом, как кому казалось удобнее. Вскоре — вещь неслыханная! — Арамис расстегнул два крючка своего камзола. Увидав это, Портос расстегнул на своем все до последнего.

Сражения, дальние поездки, полученные и нанесенные удары были вначале главной темой разговоров. Затем перешли к глухой борьбе, которую им некогда приходилось вести против того, кого они называли теперь «великим кардиналом».

— Честное слово, — воскликнул, смеясь, Арамис, — мне кажется, мы довольно уже хвалили покойников. Позлословим теперь немного насчет живых. Мне бы хотелось посплетничать о Мазарини. Разрешите?

— Конечно, — вскричал д'Артаньян со смехом, — расскажите! Я первый буду аплодировать, если ваш рассказ окажется забавным.

— Мазарини, — начал Арамис, — предложил одному вельможе, союза с которым он домогался, прислать письменные условия, на которых тот готов сделать ему честь вступить с ним в соглашение. Вельможа, который не имел большой охоты договариваться с этим пустомелей, тем не менее скрепя сердце написал свои условия и послал их Мазарини. В числе этих условий было три, не понравившихся последнему, и он предложил принцу за десять тысяч экую отказаться от них.

— Ого! — вскричали трое друзей. — Это не слишком-то щедро, и он мог не бояться, что его поймают на слове. Что же сделал вельможа?

— Он тотчас же послал Мазарини пятьдесят тысяч ливров с просьбой никогда больше не писать ему и предложил дать еще двадцать тысяч, если Мазарини обяжется никогда с ним не разговаривать.

- Что же Мазарини? Рассердился? — спросил Атос.
- Приказал отколотить посланного? — спросил Портос.
- Взял деньги? — спросил д'Артаньян.
- Вы угадали, д'Артаньян, — сказал Арамис.

Все залились таким громким смехом, что явился хозяин гостиной и спросил, не надо ли им чего-нибудь.

Он думал, что они дерутся.

Наконец общее веселье стихло.

— Разрешите пройтись насчет Бофора? — спросил д'Артаньян. — Мне ужасно хочется.

— Пожалуйста, — ответил Арамис, великолепно знавший, что хитрый и смелый гасконец никогда ни в чем не уступит ни шагу.

— А вы, Атос, разрешите?

— Клянусь честью дворянина, мы посмеемся, если ваш анекдот забавен.

— Я начинаю. Господин де Бофор, беседуя с одним из друзей принца Конде, сказал, что со времени размолвки Мазарини с парламентом у него вышло столкновение с Шавиньи и что, зная привязанность последнего к новому кардиналу, он, Бофор, близкий по своим взглядам к старому кардиналу, основательно оттузил Шавиньи. Собеседник, зная, что Бофор горяч на руку, не очень удивился и поспешил передать этот рассказ принцу. История получила огласку, и все отвернулись от Шавиньи. Тот тщетно пытался выяснить причину такой к себе холодности, пока наконец кто-то не решился рассказать ему, как поразило всех то, что он позволил Бофору оттузить себя, хотя тот и был принцем. «А кто сказал, что Бофор поколотил меня?» — спросил Шавиньи. «Он сам», — был ответ. Доискались источника слуха, и лицо, с которым беседовал Бофор, подтвердило под честным словом подлинность этих слов. Шавиньи, в отчаянии от такой клеветы и ничего не понимая, объявляет друзьям, что он скорее умрет, чем снесет это оскорбление. Он посылает двух секундантов к принцу спросить того, действительно ли он сказал, что оттузил Шавиньи. «Сказал и готов повторить еще раз, потому что это правда», — отвечал принц. «Монсеньер, — сказал один из секундантов, — позвольте заметить вашему высочеству, что побои, нанесенные дворянину, одинаково позорны как для того, кто их получает, так и для того, кто их наносит. Людовик Тринадцатый не хотел, чтобы ему прислуживали дворяне, желая сохранить право бить своих лакеев». — «Но, — удивленно спросил Бофор, — кому были нанесены побои и кто говорил об ударах?» — «Но ведь вы сами, монсеньер, заявляете, что побили...» — «Кого?» — «Шавиньи». — «Я?» — «Разве вы не сказали, что оттузили его?» — «Сказал». — «Ну, а он отрицает это». — «Вот еще! Я его изрядно оттузил. И вот мои собственные слова, — сказал герцог де Бофор со своей обычной важностью: — Шавиньи, вы заслуживаете глубочайшего порицания за помощь, оказываемую вами такому пройдохе, как Мазарини. Вы...» — «А, монсеньер, — вскричал секундант, — теперь я понимаю: вы хотели сказать — отделал?» — «Оттузил, отделал, не все ли равно, — разве это не одно и то же? Все эти ваши сочинители слов ужасные педанты».

Друзья много смеялись над филологической ошибкой Бофора, словесные промахи которого были так часты, что вошли в поговорку.

Было решено, что партийные пристрастия раз навсегда изгоняются из дружеских сборищ и что д'Артаньян и Портос смогут вволю высмеивать принцев с тем, что Атосу и Арамису будет дано право в свою очередь честить Мазарини.

— Право, господа,— сказал д'Артаньян, обращаясь к Арамису и Атосу,— вы имеете полное основание недолюбливать Мазарини, потому что, клянусь вам, и он с своей стороны вас не особенно жалует.

— В самом деле? — сказал Атос.— Ах, если бы мне сказали, что этот мошенник знает меня по имени, то я попросил бы перекрестить меня заново, чтобы меня не заподозрили в знакомстве с ним.

— Он не знает вас по имени, но знает по вашим делам. Ему известно, что какие-то два дворянина принимали деятельное участие в побеге Бофора, и он велел разыскать их, ручаюсь вам в этом.

— Кому велел разыскать?

— Мне.

— Вам?

— Да, еще сегодня утром он прислал за мной, чтобы спросить, не разузнал ли я что-нибудь.

— Об этих дворянах?

— Да.

— И что же вы ему ответили?

— Что я пока еще ничего не узнал, но зато собираюсь обедать с двумя лицами, которые могут мне кое-что сообщить.

— Так и сказали? — воскликнул Портос, и все его широкое лицо расплылось в улыбку.— Bravo! И вам ни чуточку не страшно, Атос?

— Нет,— отвечал Атос.— Я боюсь не розысков Мазарини.

— Чего же вы боитесь? Скажите,— спросил Арамис.

— Ничего, по крайней мере в настоящее время.

— А в прошлом? — спросил Портос.

— А в прошлом — это другое дело,— произнес Атос со вздохом.— В прошлом и будущем.

— Вы боитесь за вашего юного Рауля? — спросил Арамис.

— Полно! — воскликнул д'Артаньян.— В первом деле никто не гибнет.

— Ни во втором,— сказал Арамис.

— Ни в третьем,— добавил Портос.— Впрочем, даже убитые иной раз воскресают: доказательство — наше присутствие здесь.

— Нет, господа,— сказал Атос,— не Рауль меня беспокоит: он будет вести себя, надеюсь, как подобает дворянину, а если и падет, то с честью. Но вот в чем дело: если с ним случится несчастье, то...

Атос провел рукой по своему бледному лбу.

— То?.. — спросил Арамис.

— То я усмотрю в этом возмездие.

— А,— произнес д'Артаньян,— я понимаю, что вы хотите сказать.

— Я тоже,— сказал Арамис.— Но только об этом не надо думать, Атос: что прошло, тому конец.

— Я ничего не понимаю,— заявил Портос.

— Армантьерское дело,— шепнул ему д'Артаньян.

— Армантьерское дело? — переспросил Портос.

— Ну, помните, миледи...

— Ах да,— сказал Портос,— я совсем забыл эту историю.

Атос посмотрел на него своим глубоким взглядом.

— Вы забыли, Портос? — спросил он.

— Честное слово, забыл,— ответил Портос,— это было давно.

— Значит, это не тяготит вашу совесть?

— Нисколько! — воскликнул Портос.

— А вы что скажете, Арамис?

— Если уж говорить о совести, то этот случай кажется мне подчас очень спорным.

— А вы, д'Артаньян?

— Признаться, когда мне вспоминаются эти ужасные дни, я думаю только об оконеченшем теле несчастной госпожи Бонасье. Да,— прошептал он,— я часто сожалею о несчастной жертве, но никогда не мучаюсь угрызениями совести из-за ее убийцы.

Атос недоверчиво покачал головой.

— Подумайте о том,— сказал ему Арамис,— что если вы признаете божественное правосудие и его участие в делах земных, то, значит, эта женщина была наказана по воле божьей. Мы были только орудиями, вот и все.

— А свободная воля, Арамис?

— А что делает судья? Он тоже волен судить или оправдать и осуждает без боязни. Что делает палач? Он владыка своей руки и казнит без угрызений совести.

— Палач...— прошептал Атос, словно остановившись на каком-то воспоминании.

— Я знаю, что это было ужасно,— сказал д'Артаньян,— но если подумать, сколько мы убили англичан, ларошельцев, испанцев и даже французов, которые не причинили нам никакого зла, а только целились в нас и промахивались или скрещивали с нами оружие менее ловко и удачно, чем мы, если подумать об этом, то я, со своей стороны, оправдываю свое участие в убийстве этой женщины, даю вам честное слово.

— Теперь, когда вы мне всё напомнили,— сказал Портос,— я точно вижу перед собой всю эту сцену: миледи стояла вон там, где сейчас вы, Атос (Атос побледнел); я стоял вот так, как д'Артаньян. При мне была шпага, острая, как дамасский клинок... Помните, Арамис, вы часто называли эту шпагу Бализардой... И знаете что? Клянусь вам всем троим, что, если бы не подвернулся тут палач из Бетюна...— кажется, он был из Бетюна?...— да, да, именно из Бетюна...— да, так вот, я сам отрубил бы голову этой злодейке, и рука моя не дрогнула бы. Это была ужасная женщина.

— А в конце концов,— сказал Арамис тем философски безразличным тоном, который он усвоил себе, вступив в духовное звание, и в котором было больше безбожия, чем веры в бога,— в конце концов, зачем думать об этом? Что сделано, то сделано. В смертный час мы покаемся в этом грехе, и господь лучше нашего рассудит,

был ли это грех, преступление или доброе дело. Раскаиваться, говорите вы? Нет, нет! Клянусь честью и крестом, если я и раскаиваюсь, то только потому, что это была женщина.

— Самое успокоительное,— сказал д'Артаньян,— что от всего этого не осталось и следа.

— У нее был сын,— произнес Атос.

— Да, да, я помню,— отвечал д'Артаньян,— вы сами говорили мне о нем. Но кто знает, что с ним случилось. Конец змее, конец и змеенышу. Не воображаете ли вы, что лорд Винтер воспитал это отродье? Лорд Винтер осудил бы и сына так же, как осудил мать.

— В таком случае,— сказал Атос,— горе Винтеру, ибо ребенок-то ни в чем не повинен.

— Черт меня побери, ребенка, наверное, нет в живых! — воскликнул Портос.— Если верить д'Артаньяну, в этой ужасной стране такие туманы...

Несколько омрачившиеся собеседники готовы были улыбнуться такому соображению Портоса, но в этот миг на лестнице послышались шаги, и кто-то постучал в дверь.

— Войдите,— сказал Атос.

Дверь отворилась, и появился хозяин гостиницы.

— Господа,— сказал он,— какой-то человек спешно желает видеть одного из вас.

— Кого? — спросили все четверо.

— Того, кого зовут графом де Ла Фер.

— Это я,— сказал Атос.— А как зовут этого человека?

— Гримо.

Атос побледнел.

— Уже вернулся! — произнес он.— Что же могло случиться с Бражелоном?

— Пусть он войдет,— сказал д'Артаньян,— пусть войдет.

Гримо уже поднялся по лестнице и ждал у дверей. Он вбежал в комнату и сделал трактирщику знак удалиться.

Тот вышел и закрыл за собой дверь. Четыре друга ждали, что скажет Гримо. Его волнение, бледность, потное лицо и запыленная одежда показывали, что он привез какое-то важное и ужасное известие.

— Господа,— произнес он наконец,— у этой женщины был ребенок, и этот ребенок стал мужчиной. У тигрицы был детеныш, тигр вырвался и идет на вас. Берегитесь.

Атос с меланхолической улыбкой взглянул на своих друзей. Портос стал искать у себя на боку шпагу, которая висела на стене. Арамис схватился за нож. Д'Артаньян поднялся с места.

— Что ты хочешь сказать, Гримо? — воскликнул д'Артаньян.

— Что сын миледи покинул Англию, что он во Франции и едет в Париж, если еще не приехал.

— Черт возьми! — вскричал Портос.— Ты уверен в этом?

— Уверен,— отвечал Гримо.

Воцарилось долгое молчание.

Гримо, едва державшийся на ногах, в изнеможении опустился на стул.

Атос налил стакан шампанского и дал ему выпить.

— Что же, — в конце концов сказал д'Артаньян, — пусть себе живет, пусть едет в Париж, мы не таких еще видавали. Пусть является.

— Да, конечно, — произнес Портос, любовно поглядев на свою шпагу, — мы ждем его, пусть пожалует.

— К тому же это всего-навсего ребенок, — сказал Арамис.

— Ребенок! — воскликнул Гримо. — Знаете ли вы, что сделал этот ребенок? Переодетый монахом, он выведал всю историю, исповедуя бетюнского палача, а затем, после исповеди, узнав все, он вместо отпущения грехов вонзил палачу в сердце вот этот кинжал. Смотрите, на нем еще не обсохла кровь — еще двух суток не прошло, как он вынут из раны.

С этими словами Гримо положил на стол кинжал, оставленный монахом в груди палача.

Д'Артаньян, Портос и Арамис сразу вскочили и бросились к своим шпагам.

Один только Атос продолжал спокойно и задумчиво сидеть на месте.

— Ты говоришь, что он одет монахом, Гримо?

— Да, августинским монахом.

— Как он выглядит?

— По словам трактирщика, он моего роста, худой, бледный, со светло-голубыми глазами и светловолосый.

— И... он не видел Рауля? — спросил Атос.

— Напротив, они встретились, и виконт сам привел его к постели умирающего.

Атос встал и, не говоря ни слова, снял со стены свою шпагу.

— Однако, господа, — воскликнул д'Артаньян с деланным смехом, — мы, кажется, начинаем походить на девчонок. Мы, четыре взрослых человека, которые не моргнув глазом шли против целых армий, мы дрожим теперь перед ребенком!

— Да, — сказал Атос, — но этот ребенок послан самую судьбой.

И они все вместе поспешно покинули гостиницу.

еперь попросим читателя переправиться через Сену и последовать за нами в монастырь кармелиток на улице св. Якова.

Утро. Часы бьют одиннадцать. Благочестивые сестры только что отслужили мессу за успех оружия Карла I. Из церкви вышли женщина и молодая девушка, обе одетые в черное, одна — как вдова, другая — как сирота, и направились в свою келью. Войдя туда, женщина преклонила колени на деревянную крашеную скамеечку перед распятием, а молодая девушка стала поодаль, опершись на стул, и заплакала.

Женщина, видно, была когда-то хороша собой, но слезы преждевременно ее состарили. Молодая девушка была прелестна, и слезы делали ее еще прекрасней. Женщине можно было дать лет сорок, а молодой девушке не более четырнадцати.

— Господи,— молилась женщина,— спаси моего мужа, спаси моего сына и возьми мою печальную и жалкую жизнь.

— Боже мой,— прошептала молодая девушка,— спаси мою мать.

— Ваша мать ничего не может для вас сделать в этом мире, Генриэтта,— сказала, обратясь к ней, молившаяся женщина.— У вашей матери нет более ни трона, ни мужа, ни сына, ни средств, ни друзей. Ваша мать, бедное дитя мое, покинута всеми.

С этими словами женщина упала в объятия быстро подбежавшей дочери и сама разразилась рыданиями.

— Матушка, будьте тверды! — успокаивала ее девушка.

— Ах, королям приходится тяжело в эту годину,— произнесла мать, опустив голову на плечо своей дочери.— И никому нет до нас дела в этой стране, каждый думает только о своих делах. Пока ваш брат был здесь, он еще поддерживал меня, но он уехал и не может даже подать вести о себе ни мне, ни отцу. Я заложила последние драгоценности, продала все свои вещи и ваши платья, чтобы заплатить жалованье слугам, которые иначе отказывались сопровождать его. Теперь мы вынуждены жить за счет монахинь. Мы нищие, о которых заботится бог.

— Но почему вы не обратитесь к вашей сестре, королеве? — спросила молодая девушка.

— Увы, моя сестра королева более не королева. Ее именем правит другой. Когда-нибудь вы поймете это.

— Тогда обратитесь к вашему племяннику, королю. Хотите, я поговорю с ним? Вы ведь знаете, как он меня любит, матушка.

— Увы, мой племянник пока только называется королем, и, как вы знаете,— Ла Порт много раз говорил нам это,— он сам терпит лишения во всем.

— Тогда обратимся к богу,— сказала молодая девушка, опускаясь на колени возле матери.

Эти две молящиеся рядом женщины были дочь и внучка Генриха IV, жена и дочь Карла I Английского.

Они уже кончали свою молитву, когда в дверь кельи тихонько постучала монахиня.

— Войдите, сестра,— сказала старшая из женщин, вставая с колен и отирая слезы.

Монахиня осторожно приотворила дверь.

— Ваше величество благоволит простить меня, если я помешала ее молитве,— сказала она,— в приемной ждет иностранец; он прибыл из Англии и просит разрешения вручить письмо вашему величеству.

— Письмо? Может быть, от короля! Известия о вашем отце, без сомнения! Слышите, Генриэтта?

— Да, матушка, слышу и надеюсь.

— Кто же этот господин?

— Дворянин лет сорока или пятидесяти.

— Как его зовут? Он сказал свое имя?

— Лорд Винтер.

— Лорд Винтер! — воскликнула королева. — Друг моего мужа! Впустите его, впустите.

Королева бросилась навстречу посланному и с жаром схватила его за руку.

Лорд Винтер, войдя в келью, преклонил колени и вручил королеве письмо, вложенное в золотой футляр.

— Ах, милорд! — воскликнула королева. — Вы приносите нам три вещи, которых мы давно уже не видали: золото, преданность друга и письмо от короля, нашего супруга и повелителя.

Лорд Винтер в ответ только поклонился; волнение не давало ему произнести ни слова.

— Милорд, — сказала королева, указывая на письмо, — вы понимаете, что я спешу узнать содержание этого письма.

— Я удаляюсь, ваше величество, — отвечал лорд Винтер.

— Нет, останьтесь, — сказала королева, — мы прочтем письмо при вас. Разве вы не понимаете, что мне надо о многом вас расспросить?

Лорд Винтер отошел в сторону и молча стал там.

Между тем мать и дочь удалились в амбразуру окна и, обнявшись, начали жадно читать следующее письмо:

«Королева и дорогая супруга!

Дело близится к развязке. Все войска, которые мне сохранил бог, собрались на поле около Несби, откуда я наспех пишу это письмо. Здесь я ожидаю армию моих возмущившихся подданных, чтобы в последний раз сразиться с ними. Если мне удастся победить, борьба затянется; если меня победят, то я погиб окончательно. Я желал бы в этом последнем случае (увы, в нашем положении надо все предвидеть!) попытаться достигнуть берегов Франции. Но примут ли там, захотят ли там принять несчастного короля, который послужит пагубным примером в стране, уже волнуемой гражданскою смутю? Ваш ум и ваша любовь будут моими советчиками. Податель этого письма на словах передаст вам то, что я не решаюсь доверить возможным случайностям. Он объяснит вам, чего я жду от вас. Ему же

я поручаю передать детям мое благословение и выразить вам чувство безграничной любви, моя королева и дорогая супруга».

Письмо это было подписано вместо «Карл, король» — «Карл, пока еще король».

Винтер, следивший за выражением лица королевы при чтении этого грустного послания, заметил все же, что ее глаза загорелись надеждой.

— Пусть он перестанет быть королем! — воскликнула королева. — Пусть он будет побежден, изгнан, осужден, лишь бы остался жив! Увы, трон в наши дни слишком опасный пост, чтобы я желала моему супругу занимать его. Однако, милорд, говорите, — продолжала королева, — только не скрывайте ничего. В каком положении король? Так ли оно безнадежно, как ему представляется?

— Увы, государыня, его положение еще безнадежнее, чем он сам думает. Его величество слишком великодушен, чтобы замечать ненависть, слишком благороден, чтобы угадывать измену. Англия охвачена безумием, и, боюсь, прекратить его можно только пролив потоки крови.

— А лорд Монтроз? — спросила королева. — До меня дошли слухи о его больших и быстрых успехах, о победах, одержанных при Инверлешах, Олдоне, Олфорте и Килсите. После этого, как я слышала, он двинулся к границам, чтобы соединиться с королем.

— Да, государыня, но на границе его встретил Лесли. Монтроз испытал судьбу своими сверхъестественными деяниями, и удача изменила ему. Разбитый при Филиппо, Монтроз должен был распустить остатки своих войск и бежать, переодевшись лакеем. Теперь он в Бергене, в Норвегии.

— Да хранит его бог! — произнесла королева. — Все же утешительно, что человек, столько раз рисковавший своею жизнью ради нас, находится в безопасности. Теперь, милорд, я знаю настоящее положение короля. Оно безнадежно. Но скажите, что вы должны передать мне от моего царственного супруга?

— Ваше величество, — отвечал лорд Винтер, — король желает, чтобы вы постарались узнать истинные намерения короля и королевы по отношению к нему.

— Увы! Вы сами знаете, — сказала королева, — король еще ребенок, а королева — слабая женщина. Все в руках Мазарини.

— Неужели он хочет сыграть во Франции ту же роль, какую Кромвель играет в Англии?

— О нет. Это изворотливый и хитрый итальянец, который, быть может, и мечтает о преступлении, но никогда на него не решится. В противоположность Кромвелю, на стороне которого обе палаты, Мазарини в своей борьбе с парламентом находит поддержку только у королевы.

— Тем более для него оснований помочь королю, которого преследует парламент.

Королева с горечью покачала головой.

— Если судить по его отношению ко мне, — сказала она, — то кардинал не сделает ничего, а, может быть, даже будет против нас.

Наше пребывание во Франции уже тяготит его, а тем более будет тяготить его присутствие короля. Милорд,— продолжала Генриэтта, грустно улыбнувшись,— тяжело и даже стыдно признаться, но мы провели зиму в Лувре без денег, без белья, почти без хлеба и часто вовсе не вставали с постели из-за холода.

— Ужасно! — воскликнул лорд Винтер.— Дочь Генриха Четвертого, супруга короля Карла! Отчего же, ваше величество, вы не обратились ни к кому из нас?

— Вот какое гостеприимство оказывает королеве министр, у которого король хочет просить гостеприимства для себя.

— Но я слышал, что поговаривали о браке между принцем Уэльским и принцессой Орлеанской,— сказал лорд Винтер.

— Да, одно время я на это надеялась. Эти дети полюбили друг друга, но королева, покровительствовавшая вначале их любви, изменила свое отношение, а герцог Орлеанский, который вначале содействовал их сближению, теперь запретил своей дочери и думать об этом союзе. Ах, милорд,— продолжала королева, не утирая слез,— лучше бороться, как король, и умереть, как, может быть, умрет он, чем жить из милости, подобно нам.

— Мужайтесь, ваше величество,— сказал лорд Винтер.— Не отчаивайтесь. Подавить восстание в соседнем государстве — в интересах французской короны, ибо во Франции тоже неблагоприятно. Мазарини — государственный человек и поймет, что необходимо оказать помощь королю Карлу.

— Но уверены ли вы,— с сомнением сказала королева,— что вас не опередили враги короля?

— Кто, например? — спросил лорд Винтер.

— Разные Джойсы, Приджи, Кромвели.

— Портные, извозчики, пивовары! О ваше величество, я надеюсь, что кардинал не собирается вступать в союз с подобными людьми.

— А кто он сам? — сказала королева Генриэтта.

— Но ради чести короля, чести королевы...

— Хорошо. Будем надеяться, что он сделает что-нибудь ради их чести. Преданный друг всегда красноречив, милорд, и вы почти успокоили меня. Подайте мне руку, и отправимся к министру.

— Ваше величество,— возразил лорд Винтер, склоняясь перед королевой,— вы оказываете мне слишком большую честь.

— Но что, если он откажет,— сказала королева Генриэтта, оставившись,— а король проиграет битву?

— Тогда его величество найдет приют в Голландии, где, как я слышал, находится его высочество принц Уэльский.

— А может ли король рассчитывать, что у него много таких слуг, как вы, чтобы помочь ему спастись?

— Увы, немного, ваше величество,— сказал лорд Винтер,— но мы все предусмотрели, и я явился за союзниками во Францию.

— За союзниками! — произнесла королева, качая головой.

— Ваше величество,— возразил лорд Винтер,— только бы мне найти моих старых друзей, и я ручаюсь за успех.

— Хорошо, милорд,— произнесла королева с мучительным сом-

нением человека, долго находившегося в несчастии.— Едемте — и да услышит вас бог.

Королева села в карету. Лорд Винтер, верхом, в сопровождении двух лакеев, поехал рядом.

Глава 40

ПИСЬМО КРОМВЕЛЯ

ту минуту, как королева Генриэтта выезжала из монастыря кармелиток, направляясь в Пале-Рояль, какой-то всадник сошел с коня у ворот королевского дворца и объявил страже, что имеет сообщить нечто важное кардиналу Мазарини.

Хотя кардинал и был очень труслив, все же доступ к нему был сравнительно легок: он часто нуждался в разных указаниях и сведениях со стороны. Действительные затруднения начинались не у первой двери; да и вторую тоже можно было легко пройти, но зато у третьей, кроме караула и лакеев, всегда бодрствовал верный Бернуин, цербер¹, которого нельзя было умилостивить никакими словами, как и нельзя было околдовать никакой веткой, хотя бы золотой².

Итак, каждый, кто просил или требовал у кардинала аудиенции, у третьей двери должен был подвергнуться форменному допросу.

Всадник, привязав свою лошадь к решетке двора, поднялся по главной лестнице и обратился к караулу в первой зале.

— Проходите дальше,— отвечали, не поднимая глаз, караульные, занятые игрою кто в карты, кто в кости и очень довольные случаем показать, что лакейские обязанности их не касаются.

Незнакомец прошел в следующую залу. Эта зала охранялась мушкетерами и лакеями.

Незнакомец повторил свой вопрос.

— Есть у вас бумага, дающая право на аудиенцию? — спросил один из придворных лакеев, подходя к просителю.

— У меня есть письмо, но не от кардинала Мазарини.

— Войдите и спросите господина Бернуина,— сказал служитель и отворил дверь в третью комнату.

Случайно ли в этот раз, или это было его обычное место, но за дверью как раз стоял сам Бернуин, который, конечно, все слышал.

— Я, сударь, тот, кого вы ищете,— сказал он.— От кого у вас письмо к его высокопреосвященству?

— От генерала Оливера Кромвеля,— отвечал вновь прибывший.—

¹ Цербер — в античной мифологии сторожевой пес у дверей преисподней.

² Мотив народной французской сказки — в ней герой околдовывает стража при помощи золотой ветки.

Сообщите это его высокопреосвященству и спросите, может он меня принять или нет.

Он стоял с мрачным и гордым видом, свойственным пуританам.

Бернуин, осмотрев молодого человека испытующим взглядом с ног до головы, вошел в кабинет кардинала и передал ему слова незнакомца.

— Человек с письмом от Оливера Кромвеля? — переспросил кардинал. — А как он выглядит?

— Настоящий англичанин, монсеньер, светловолосый с рыжеватым оттенком, скорее рыжий, с серо-голубыми, почти серыми глазами; воплощенная надменность и непреклонность.

— Пусть он передаст письмо.

— Монсеньер требует письмо, — сказал Бернуин, возвращаясь из кабинета в приемную.

— Монсеньер получит письмо только от меня, из рук в руки, — отвечал молодой человек, — а чтобы вы убедились, что у меня действительно есть письмо, вот оно, смотрите.

Бернуин осмотрел печать и, увидев, что письмо действительно от генерала Оливера Кромвеля, повернулся, чтобы снова войти к Мазарини.

— Прибавьте еще, — сказал ему молодой человек, — что я не простой гонец, а чрезвычайный посол.

Бернуин вошел в кабинет и через несколько секунд возвратился.

— Войдите, сударь, — сказал он, отворяя дверь.

Все эти хождения взад и вперед были необходимы Мазарини, чтобы оправиться от волнения, вызванного в нем известием о письме Кромвеля. Но, несмотря на всю пронизательность, он все-таки не мог догадаться, что заставило Кромвеля вступить с ним в сношения.

Молодой человек показался на пороге его кабинета, держа шляпу в одной руке, а письмо в другой.

Мазарини встал.

— У вас, сударь, — сказал он, — есть верительное письмо ко мне?

— Да, вот оно, монсеньер, — отвечал молодой человек.

Мазарини взял письмо, распечатал его и прочел:

«Господин Мордаунт, один из моих секретарей, вручит это верительное письмо его высокопреосвященству кардиналу Мазарини в Париже; кроме того, у него есть другое, конфиденциальное письмо к его преосвященству.

Оливер Кромвель».

— Отлично, господин Мордаунт, — сказал Мазарини, — давайте мне это другое письмо и садитесь.

Молодой человек вынул из кармана второе письмо, вручил его кардиналу и сел.

Кардинал, занятый своими мыслями, взял письмо и некоторое время держал его в руках, не распечатывая. Чтобы сбить посланца с толку, он начал, по своему обыкновению, его выспрашивать, вполне убежденный по опыту, что мало кому удастся скрыть от него что-либо, когда он начинает расспрашивать, глядя в глаза собеседнику.

— Вы очень молоды, господин Мордаунт,— сказал он,— для трудной роли посла, которая не удастся иногда и самым старым дипломатам.

— Монсеньер, мне двадцать три года, но ваше преосвященство ошибается, считая меня молодым. Я старше вас, хотя мне и недостает вашей мудрости.

— Что это значит, сударь? — спросил Мазарини.— Я вас не понимаю.

— Я говорю, монсеньер, что год страданий должен считаться за два, а я страдаю уже двадцать лет.

— Ах так, я понимаю,— сказал Мазарини,— у вас нет состояния, вы бедны, не правда ли?

И он подумал про себя: «Эти английские революционеры сплошь нищие и неотесанные мужлань».

— Монсеньер, мне предстояло получить состояние в шесть миллионов, но у меня его отняли.

— Значит, вы не простого звания? — спросил Мазарини с удивлением.

— Если бы я носил свой титул, я был бы лордом; если бы я носил свое имя, вы услышали бы одно из самых славных имен Англии.

— Как же вас зовут?

— Меня зовут Мордаунт,— отвечал молодой человек кланяясь. Мазарини понял, что посланец Кромвеля хочет сохранить инкогнито.

Он помолчал несколько секунд, глядя на посланца с еще большим вниманием, чем вначале.

Молодой человек казался совершенно бесстрастным.

«Черт бы побрал этих пуритан,— подумал Мазарини,— все они точно каменные».

Затем он спросил:

— Но у вас есть родственники?

— Да, есть один, монсеньер.

— Он, конечно, помогает вам?

— Я три раза являлся к нему, умоляя о помощи, и три раза он приказывал лакеям прогнать меня.

— О боже мой, дорогой господин Мордаунт! — воскликнул Мазарини, надеясь своим притворным состраданием завлечь молодого человека в какую-нибудь ловушку.— Боже мой! Как трогателен ваш рассказ! Значит, вы ничего не знаете о своем рождении?

— Я узнал о нем очень недавно.

— А до тех пор?

— Я считал себя подкидышем.

— Значит, вы никогда не видали вашей матери?

— Нет, монсеньер, когда я был ребенком, она три раза заходила к моей кормилице. Последний ее приход я помню так же хорошо, как если бы это было вчера.

— У вас хорошая память,— произнес Мазарини.

— О да, монсеньер,— сказал молодой человек с таким выражением, что у кардинала пробежала дрожь по спине.

— Кто же вас воспитывал? — спросил Мазарини.

— Кормилица-француженка; когда мне исполнилось пять лет, она прогнала меня, так как ей перестали платить за меня. Она назвала мне имя моего родственника, о котором ей часто говорила моя мать.

— Что же было с вами потом?

— Я плакал и просил милостыню на улицах, и один протестантский пастор из Кингстона взял меня к себе, воспитал на протестантский лад, передал мне все свои знания и помог мне искать родных.

— И ваши поиски...

— Были тщетны. Все открылось благодаря случаю.

— Вы узнали, что случилось с вашей матерью?

— Я узнал, что она была умерщвлена этим самым родственником при содействии четырех его друзей. Несколько ранее выяснилось, что король Карл Первый отнял у меня дворянство и все мое имущество.

— А, теперь я понимаю, почему вы служите Кромвелю. Вы ненавидите короля?

— Да, монсеньер, я его ненавижу! — сказал молодой человек.

Мазарини был поражен тем, с каким дьявольским выражением произнес Мордаунт эти слова. Обычно от гнева лица краснеют из-за прилива крови, лицо же молодого человека окрасилось желчью и стало смертельно бледным.

— Ваша история ужасна, господин Мордаунт, — сказал Мазарини, — и очень меня тронула. К счастью для вас, вы служите очень могущественному человеку. Он должен помочь вам в ваших поисках. Ведь нам, власть имущим, нетрудно получить любые сведения.

— Монсеньер, хорошей ищейке достаточно показать малейший след, чтобы она распутала его до конца.

— А не хотите ли вы, чтобы я поговорил с этим вашим родственником? — спросил Мазарини, которому очень хотелось приобрести друга среди приближенных Кромвеля.

— Благодарю вас, монсеньер, я поговорю с ним лично.

— Но вы, кажется, говорили, что он обошелся с вами дурно?

— Он обойдется со мною лучше при следующей встрече.

— Значит, у вас есть средство смягчить его?

— У меня есть средство заставить себя бояться.

Мазарини посмотрел на молодого человека, но молния, сверкнувшая в его глазах, заставила кардинала потупиться; затрудняясь продолжать подобный разговор, он вскрыл письмо Кромвеля.

Мало-помалу глаза молодого человека снова потускнели и стали бесцветны, как всегда; глубокая задумчивость охватила его. Прочитав первые строки, Мазарини решился украдкой взглянуть на своего собеседника, чтобы убедиться, не следит ли тот за выражением его лица: однако Мордаунт, по-видимому, был вполне равнодушен.

— Плохо поручать дело человеку, который занят только своими делами, — пробормотал кардинал, чуть заметно пожав плечами. — Посмотрим, однако, что в этом письме.

Вот подлинный текст письма:

«Его высокопреосвященству
монсеньеру кардиналу Мазарини.

Я желал бы, монсеньер, узнать ваши намерения в отношении нынешнего положения дел в Англии. Оба государства слишком близкие соседи, чтобы Францию не затрагивало положение дел в Англии, точно так же как и нас затрагивает то, что происходит во Франции. Англичане почти единодушно восстали против тирании короля Карла и его приверженцев. Поставленный общественным доверием во главе этого движения, я лучше, чем кто-либо, вижу его характер и последствия. В настоящее время я веду войну и намерен дать королю Карлу решительную битву. Я ее выиграю, так как на моей стороне надежды всей нации и благоволение божие. Когда я выиграю эту битву, то королю уже не на что будет рассчитывать ни в Англии, ни в Шотландии, и если он не будет захвачен в плен или убит, то постарается переправиться во Францию, чтобы нанять себе войска и раздобыть оружие и деньги. Франция уже дала приют королеве Генриетте и этим, без сомнения, помимо своей воли поддержала очаг неугасающей гражданской войны на моей родине. Но королева Генриетта — дочь французского короля, и Франция обязана была дать ей приют. Что же касается короля Карла, то это другое дело: приютив его и оказав ему поддержку, Франция тем самым выразила бы свое неодобрение действиям английского народа и повредила бы столь существенно Англии, и в частности намерениям того правительства, которое Англия предполагает у себя установить, что подобное отношение было бы равнозначным открытию враждебных действий...»

Дойдя до этого места, Мазарини, встревоженный оборотом, который принимало письмо, снова оторвался от чтения и украдкой взглянул на молодого человека.

Тот по-прежнему был погружен в свои размышления.
Мазарини вернулся к письму.

«...Поэтому мне необходимо знать, монсеньер, чего мне надлежит в настоящем случае ждать от Франции. Хотя интересы этого государства и Англии направлены в противоположные стороны, тем не менее они более близки, чем это можно было бы предположить. Англия нуждается во внутреннем спокойствии, чтобы довести до конца дело своего освобождения от короля. Франция нуждается в таком же спокойствии, чтобы укрепить трон своего юного монарха. Как вам, так и нам нужен внутренний мир, которому мы уже близки благодаря энергии нашего нового правительства.

Ваши нелады с парламентом, ваши несогласия с принцами, которые сегодня борются за вас, а завтра против вас, упорство народа, руководимого коадьютором, председателем парламента Бланменилем и советником Бруселем, весь этот беспорядок, господствующий во всех отраслях управления, должен побудить вас опасаться возможности войны, ибо тогда Англия, воодушевленная новыми идеями, может заключить союз с Испанией, которая уже ищет этого союза. Поэтому я полагаю, монсеньер, зная ваше благоразумие и то исклю-

чительное положение, которое вы занимаете вследствие сложившихся обстоятельств, что вы предпочтете обратить все силы на внутреннее устройство Франции и предоставите новому английскому правительству сделать то же. Этот ваш нейтралитет должен состоять именно в том, что вы удалите короля Карла с французской территории и не будете помогать ни оружием, ни деньгами, ни войсками этому королю, совершенно чуждому вашей стране.

Мое письмо вполне конфиденциально, почему я его и посылаю с человеком, пользующимся моим особым доверием. Ваше высокопреосвященство оценит соображение, заставившее меня послать это письмо раньше, чем обратиться к мерам, которые будут мною приняты в зависимости от обстоятельств. Оливер Кромвель полагает, что голос разума дойдет скорее до такого выдающегося ума, каким обладает кардинал Мазарини, чем до королевы, женщины безусловно твердой, но исполненной пустых предрассудков относительно рождения и своей божественной власти.

Прощайте, монсеньер. Если в течение двух недель я не получу ответа, то буду считать это письмо недействительным.

Оливер Кромвель».

— Господин Мордаунт,— сказал кардинал громким голосом, словно для того, чтобы разбудить замечтавшегося посла,— мой ответ на это письмо будет тем удовлетворительнее для генерала Кромвеля, чем больше я буду уверен, что никто о нем не узнает. Ожидайте ответа в Булони и обещайте мне отправиться туда завтра утром.

— Обещаю вам это, монсеньер,— отвечал Мордаунт.— Но сколько же дней я должен буду ожидать ответа вашего преосвященства?

— Если вы не получите его в течение десяти дней, можете ехать. Мордаунт поклонился.

— Я еще не кончил, сударь,— сказал Мазарини.— Ваши личные дела меня глубоко тронули. Кроме того, письмо генерала Кромвеля делает вас, как посла, лицом значительным в моих глазах. Еще раз спрашиваю вас: не могу ли я для вас что-нибудь сделать?

Мордаунт подумал мгновенье, видимо колеблясь; затем решился что-то сказать, но в эту минуту поспешно вошел Бернуин, наклонился к уху кардинала и шепнул ему:

— Монсеньер, королева Генриэтта в сопровождении какого-то английского дворянина только что прибыла в Пале-Рояль.

Мазарини подскочил в кресле; это не ускользнуло от внимания молодого человека и заставило его удержаться от признания.

— Сударь,— сказал ему кардинал,— вы поняли меня, не так ли? Я назначил вам Булонь, так как мне кажется, что выбор французского города для вас безразличен. Если вы предпочитаете другой город, назовите его сами. Но вы легко поймете, что, подверженный всяческим воздействиям, от которых я уклоняюсь лишь благодаря осторожности, я хотел бы, чтобы о вашем пребывании в Париже никто не знал.

— Я уеду, монсеньер,— сказал Мордаунт, делая несколько шагов к той двери, в которую вошел.

— Нет, не сюда, не сюда! — торопливо воскликнул кардинал.— Пройдите, пожалуйста, через эту галерею, оттуда вы легко выйдете

на лестницу. Я хотел бы, чтобы никто не видел, как вы выйдете, так как наше свидание должно остаться тайной.

Мордаунт последовал за Бернуином, который проводил его в соседнюю залу и передал курьеру, указав ему дверь, через которую надлежало выйти.

Затем Бернуин поспешил вернуться к своему господину, чтобы ввести к нему королеву Генриэтту, уже проходившую через стеклянную галерею.

Глава 41

МАЗАРИНИ И КОРОЛЕВА ГЕНРИЭТТА

Кардинал встал и поспешно пошел навстречу английской королеве. Он встретил ее посреди стеклянной галереи, примыкавшей к его кабинету.

Мазарини тем охотнее выказывал свою почтительность к этой королеве, лишенной королевского блеска и свиты, что не мог не чувствовать своей вины за проявляемую им скупость и бессердечие.

Просители умеют придавать своему лицу любое выражение, и дочь Генриха IV улыбалась, идя навстречу тому, кого она презирала и ненавидела.

«Скажите,— подумал Мазарини,— какое кроткое лицо! Уж не пришла ли она занять у меня денег?»

При этом он бросил беспокойный взгляд на крышку своего сундука и даже повернул камнем вниз свой перстень, так как блеск великолепного алмаза привлекал внимание к его руке, белой и красивой. На беду, этот перстень не обладал свойством волшебного кольца Гигеса¹, которое делало своего владельца невидимым, когда он его поворачивал.

А Мазарини очень хотелось стать в эту минуту невидимым, так как он догадывался, что королева Генриэтта явилась к нему с просьбой. Раз уж королева, с которой он так плохо обходился, пришла с улыбкой вместо угрозы на устах, то ясно, что она явилась в качестве просительницы.

— Господин кардинал,— сказала царственная гостья,— я думала сначала поговорить с королевой, моей сестрой, о деле, которое привело меня к вам, но потом решила, что политика скорее дело мужское.

— Государыня,— ответил Мазарини,— поверьте, я глубоко смущен этим лестным для меня предпочтением вашего величества.

«Он чересчур любезен,— подумала королева,— неужели он догадался?»

¹ Гигес — по греческим преданиям, был лидийским пастухом и при помощи своего волшебного кольца захватил царский престол.

Они вошли в кабинет. Кардинал предложил королеве кресло и, усадив ее, сказал:

— Приказывайте самому почтительному из ваших слуг.

— Увы, сударь,— возразила королева,— я разучилась приказывать и научилась просить. Я являюсь к вам с просьбой и буду бесконечно счастлива, если вы исполните ее.

— Я слушаю вас, ваше величество,— сказал Мазарини.

— Господин кардинал,— начала королева Генриэтта,— дело идет о той войне, которую мой супруг, король, ведет против своих возмущившихся подданных. Но, может быть, вы не знаете,— прибавила королева с грустной улыбкой,— что в Англии сражаются и что в скором времени война примет еще более решительный характер.

— Я ничего не знаю, ваше величество,— поспешно сказал кардинал, сопровождая свои слова легким пожатием плеч.— Увы, наши собственные войны поглощают все время и внимание такого слабого и неспособного министра, как я.

— В таком случае, господин кардинал, могу вам сообщить, что Карл Первый, мой супруг, готовится к решительному бою. В случае неудачи (Мазарини повернулся в кресле) — надо все предвидеть,— продолжала королева,— в случае неудачи он желает удалиться во Францию и жить здесь в качестве частного лица. Что вы на это скажете?

Кардинал внимательно ее выслушал, причем ни один мускул на его лице не дрогнул и не выдал испытываемых им чувств. Его улыбка осталась такой же, как всегда: притворной и льстивой. Когда королева кончила, он сказал своим вкрадчивым голосом:

— Ваше величество, думаете ли вы, что Франция, сама находящаяся сейчас в состоянии бурного волнения, может служить спасительной пристанью для низвергнутого короля? Корона и так непрочно держится на голове короля Людовика Четырнадцатого. По силам ли будет ему двойная тяжесть?

— Я-то, кажется, была не очень обременительна,— перебила королева с горькой улыбкой.— Я не прошу, чтобы для моего супруга сделали больше, чем было сделано для меня. Вы видите, мы очень скромные властители.

— О, вы — это другое дело,— поспешно вставил кардинал, чтобы не дать договорить королеве.— Вы — дочь Генриха Четвертого, этого замечательного, великого короля...

— Что, однако же, не мешает вам отказать в гостеприимстве его зятю, не так ли, сударь? А вы должны были бы вспомнить, что когда-то этот замечательный, великий король, изгнанный так же, как, быть может, будет изгнан мой муж, просил помощи у Англии, и Англия не отказала ему. А ведь королева Елизавета не приходилась ему племянницей.

— Рессато!¹ — воскликнул Мазарини, сраженный этой простой логикой.— Ваше величество не понимает меня и плохо истолковывает

¹ Виноват! (итал.).

мои намерения; это, должно быть, оттого, что я плохо объясняюсь по-французски.

— Говорите по-итальянски, сударь. Королева Мария Медичи, наша мать, научила нас этому языку раньше, чем кардинал, ваш предшественник, отправил ее умирать в изгнании. Если бы этот замечательный, великий король Генрих, о котором вы сейчас говорили, был жив, он бы немало удивился тому, что столь глубокое преклонение перед ним может сочетаться с отсутствием сострадания к его семье.

Крупные капли пота выступили на лбу Мазарини.

— О, это почитание и преклонение так велики и искренни, ваше величество, — продолжал Мазарини, не пользуясь разрешением королевы переменить язык, — что если бы король Карл Первый — да хранит его бог от всякого несчастья! — явился во Францию, то я предложил бы ему свой дом, свой собственный дом. Но увы, это было бы ненадежное убежище. Когда-нибудь народ сожжет этот дом, как он сжег дом маршала д'Анкра¹. Бедный Кончино Кончини! А между тем он желал только блага Франции.

— Да, монсеньер, так же как и вы, — с иронией произнесла королева.

Мазарини, сделав вид, что не понял этой двусмысленности, им же самим вызванной, продолжал оплакивать судьбу Кончино Кончини.

— Но все же, монсеньер, — произнесла королева с нетерпением, — что вы мне ответите?

— Ваше величество, — заговорил Мазарини еще ласковей, — разрешите мне дать вам совет. Но, конечно, прежде чем взять на себя эту смелость, я повергаю себя к вашим стопам, готовый сделать все, что вам будет угодно.

— Говорите, сударь, — отвечала Генриэтта. — Такой мудрый человек, как вы, несомненно даст мне хороший совет.

— Поверьте мне, ваше величество, король должен защищаться до самого конца.

— Он это и делает, сударь, и последнее сражение, которое он намерен дать, располагая значительно меньшими силами, чем его противник, доказывает, что он не собирается сдаваться без боя. Но все же, если он будет побежден...

— Что же, ваше величество, в этом случае — я понимаю, что слишком смело с моей стороны давать советы вашему величеству, — но, по-моему, король не должен покидать своего государства. Отсутствующих королей скоро забывают. Если он удалится во Францию, его дело пропало.

— Но, — сказала королева, — если таково ваше мнение и вы действительно принимаете участие в моем муже, окажите ему хоть какую-нибудь помощь: я продала все до последнего брильянта. У меня нет больше ничего, вы это знаете лучше, чем кто бы то ни было, сударь. Если бы у меня оставалась хоть какая-нибудь драгоценность,

¹ Кончини именовался маршалом д'Анкротом.

то я бы купила на нее дров, и мы с дочерью не страдали бы от холода зимой.

— Ах, государыня,— воскликнул Мазарини,— вы, ваше величество, не знаете, чего требуете от меня. Король, прибегающий к иноземным войскам, чтобы вернуть себе трон, тем самым признается, что он не ищет больше поддержки в любви своих подданных.

— Перейдемте к делу, господин кардинал! — воскликнула королева, которой надоело следить за этим изворотливым умом в лабиринте слов, в котором он и сам запутался.— Ответьте мне, да или нет: пошлете ли вы помощь королю, если он останется в Англии? Окажете ли вы ему гостеприимство, если он явится во Францию?

— Ваше величество,— отвечал кардинал с деланной искренностью,— я надеюсь доказать вам, насколько я вам предан и как сильно я желаю помочь вам в деле, которое вы принимаете так близко к сердцу. После этого, я думаю, ваше величество, вы перестанете сомневаться в моем усердии служить вам.

Королева кусала губы, с трудом сдерживая нетерпение.

— Итак,— сказала она наконец,— что же вы намерены делать? Говорите же!

— Я тотчас же пойду посоветоваться с королевой, затем мы немедленно внесем этот вопрос на обсуждение парламента.

— С которым вы во вражде, не так ли? Вы поручите Бруселю сделать доклад по этому вопросу? Довольно, господин кардинал, довольно. Я понимаю вас. Впрочем, я не права. Идите в парламент; ведь от этого парламента, враждебного королям, дочь великого Генриха Четвертого, которого вы так почитаете, получила единственную помощь, благодаря которой она не умерла от голода и холода в эту зиму.

С этими словами королева встала, величественная в своем негодовании.

Кардинал с мольбой протянул к ней руки.

— Ах, ваше величество, ваше величество, как плохо вы меня знаете!

Но королева Генриэтта, даже не обернувшись в сторону того, кто проливал эти лицемерные слезы, вышла из кабинета, сама открыла дверь и, пройдя мимо многочисленной охраны его преосвященства, толпы придворных, спешивших к нему на поклон, и всей роскоши враждебного двора, подошла к одиноко стоявшему лорду Винтеру и взяла его под руку. Несчастливая королева, уже почти развенчанная, перед которой всё еще склонялись из этикета, могла опереться только на одну эту руку.

— Ну что ж,— сказал Мазарини, оставшись один,— это мне стоило большого труда, да и не легкую пришлось играть роль. Но я все-таки не сказал ничего ни одному, ни другому. Однако это. Крэмбелль — жестокий гонитель королей; сочувствуй его министрам, если только он когда-нибудь заведет их.

Бернуин вошел.

— Пусть посмотрят, во дворце ли еще тот стриженный молодой человек в черном камзоле, которого вы недавно вводили ко мне.

Бернуин вышел. Во время его отсутствия кардинал занялся своим кольцом; он снова повернул его камнем вверх, протер алмаз, полюбился его игрой, и так как оставшаяся на реснице слеза застирала ему зрение, он качнул головой, чтобы стряхнуть ее.

Бернуин возвратился вместе с Коменжем, который был в карауле.

— Монсеньер,— сказал Коменж,— когда я провожал молодого человека, о котором спрашивает ваше преосвященство, он подошел к стеклянной двери галереи и с удивлением посмотрел через нее на что-то, должно быть на картину Рафаэля, которая висит против дверей, задумался и затем спустился по лестнице. Если не ошибаюсь, он сел на серую лошадь и выехал из ворот дворца. Но разве монсеньер не идет к королеве?

— Для чего?

— Господин де Гито, мой дядя, только что сказал мне, что у ее величества есть известия из армии.

— Хорошо, я поспешу к королеве.

В эту минуту явился Вилькье, посланный королевой за кардиналом.

Коменж сказал правду. Мордаунт действительно поступил так, как он рассказывал. Проходя по галерее, параллельной большой стеклянной галерее, он увидел лорда Винтера, ожидавшего, чтобы королева Генриэтта закончила свои переговоры.

Молодой человек сразу остановился, но вовсе не потому, что его поразила картина Рафаэля, а словно пригвожденный чем-то ужасным, увиденным в галерее. Глаза его расширились, по телу пробежала дрожь. Казалось, он вот-вот перескочит через стеклянную преграду, отделяющую его от врага, и если бы Коменж мог видеть, с каким выражением ненависти глаза молодого человека были устремлены на лорда Винтера, то он ни на минуту не усомнился бы в том, что этот английский дворянин — смертельный враг лорда.

Но Мордаунт остановился. Он, по-видимому, размышлял; потом, вместо того чтобы уступить первоначальному порыву и прямо подойти к Винтеру, он медленно сошел вниз по лестнице, опустив голову, вышел из дворца, сел в седло, а на углу улицы Ришелье остановил лошадь и устремил взоры на ворота дворца, ожидая появления кареты королевы.

Ждать ему пришлось недолго, так как королева пробыла у Мазарини не более четверти часа; но эти четверть часа ожидания показались ему целой вечностью.

Наконец тяжеловесная колымага, называвшаяся в те времена каретой, с грохотом выехала из ворот; лорд Винтер по-прежнему сопровождал ее верхом и, наклоняясь к дверце, разговаривал с королевой.

Лошади рысью направились к Лувру, и карета въехала в ворота. Уезжая из монастыря кармелиток, королева Генриэтта велела своей дочери отправиться в Лувр и ждать ее в этом дворце, где они жили так долго и который покинули потому лишь, что собственная бедность казалась им еще тяжелее среди раззолоченных зал.

Мордаунт последовал за экипажем и, увидев, что он скрылся под темными арками дворца, отъехал в сторону, прижался вместе с ло-

шадью к стене, на которую падала тень, и замер неподвижно среди барельефов Жана Гужона, сам похожий на конную статую. Тут он стал ждать, как ждал у Пале-Рояля.

Глава 42

КАК НЕСЧАСТНЫЕ ПРИНИМАЮТ ИНОГДА СЛУЧАЙ ЗА ВМЕШАТЕЛЬСТВО ПРОВИДЕНИЯ

— **С**то же, ваше величество? — спросил лорд Винтер, когда королева отослала своих слуг.

— Случилось то, что я предвидела, милорд.

— Он отказывается?

— Разве я не говорила вам этого заранее?

— Кардинал отказывается принять короля, Франция отказывается в гостеприимстве несчастному государю! Но ведь это неслыханно, ваше величество!

— Я не сказала — Франция, милорд; я сказала — кардинал, а он даже не француз.

— Но как же королева, видели ли вы ее?

— Это бесполезно, — сказала королева Генриэтта, печально качая головой, — королева никогда не скажет «да», если кардинал сказал «нет». Разве вы не знаете, что этот итальянец ведет все дела, как внутренние, так и внешние? Скажу вам более: я нисколько не удивлюсь, если окажется, что Кромвель опередил нас. Кардинал имел смущенный вид, разговаривая со мной, но он твердо стоял на своем отказе. А потом, заметили вы это оживление, эту беготню, эти озабоченные лица в Пале-Рояле? Уж не получены ли какие-нибудь известия, милорд?

— Только не из Англии, ваше величество. Я так спешил, что, по-моему, невозможно было опередить меня. Я выехал всего три дня назад, чудом пробрался через армию пуритан и поехал с моим слугой Тони на почтовых, а этих лошадей мы купили уже здесь, в Париже. Кроме того, прежде чем рискнуть на что-нибудь, король подождет ответа вашего величества, в этом я уверен.

— Вы сообщите ему, милорд, — сказала королева печально, — что я ничего не могу для него сделать, что я выстрадала не меньше его, а даже больше, и вынуждена есть сухой хлеб в изгнании и просить гостеприимства у притворных друзей, которые смеются над моими слезами. Королю же придется пожертвовать своей жизнью и умереть, как и подобает королю. Я поеду к нему и умру вместе с ним.

— Ваше величество, — воскликнул лорд Винтер, — вы предаетесь отчаянию! Быть может, у нас еще остается надежда.

— У нас нет больше друзей, милорд. Во всем свете у нас нет иного друга, кроме вас. Боже мой, боже мой! — воскликнула Ген-

риэтта, подняв глаза к небу, — неужели ты взял к себе все благородные сердца, какие только были на земле?

— Надеюсь, что нет, ваше величество, — задумчиво ответил лорд Винтер, — я уже говорил вам о тех четверых людях.

— Но что могут сделать четыре человека?

— Четыре преданных человека, четыре человека, готовых умереть, могут многое, поверьте мне, ваше величество, и те, о которых я говорю, многое сделали когда-то.

— Где же эти четыре человека?

— Вот этого-то я и не знаю. Уже более двадцати лет как я потерял их из виду, но каждый раз, как король был в опасности, я думал о них.

— Эти люди были вашими друзьями?

— В руках одного из них была моя жизнь, и он подарил мне ее. Я не знаю, остался ли он моим другом, но я, по крайней мере, с тех пор ему друг.

— Эти люди во Франции, милорд?

— Полагаю, что да.

— Назовите их. Может быть, я слышала их имена и помогу вам отыскать их.

— Один из них назывался шевалье д'Артаньян.

— О, милорд, если не ошибаюсь, шевалье д'Артаньян состоит лейтенантом гвардии. Я слышала это имя, но будьте с ним осторожны; я боюсь, он вполне предан кардиналу.

— Это было бы величайшим несчастьем, — сказал лорд Винтер, — я готов думать, что над нами действительно тяготееет проклятие.

— Но остальные, — возразила королева, ухватившись за эту последнюю надежду, как хватается потерпевший кораблекрушение за обломок корабля, — остальные трое, милорд...

— Имя второго я слышал случайно, так как, прежде чем сразиться с нами, эти четыре дворянина сказали нам свои имена. Второго звали граф де Ла Фер. Что касается остальных двух, то, так как я привык называть их вымышленными именами, я забыл настоящие.

— Боже мой! Между тем так необходимо было бы отыскать их, — сказала королева, — раз вы говорите, что эти достойные дворяне могли бы быть полезны королю.

— О да! — воскликнул лорд Винтер. — Это те самые люди. Выслушайте меня, ваше величество, и постарайтесь вспомнить, не слышали ли вы о том, как королева Анна Австрийская была однажды спасена от величайшей опасности, какой когда-либо подвергалась королева?

— Да, в пору ее любовной интриги с Бекингэмом, какая-то история с алмазами.

— Совершенно верно. Эти люди и спасли тогда королеву. Невольно горько улыбеьсь при мысли, что если имена этих людей вам неизвестны, то только потому, что о них позабыла королева, королева, которой следовало бы сделать их первыми сановниками государства.

— Надо отыскать их, милорд. Но что могут сделать четыре человека, или даже, вернее, трое? Повторяю вам, на д'Артаньяна нельзя рассчитывать.

— Одной доблестной шпагой будет меньше, но у нас останется еще три, не считая моей. Четыре преданных человека около короля, чтобы оберегать его от врагов, поддерживать в бою, помогать советами, сопровождать во время бегства,— этого достаточно, конечно, не для того, чтобы сделать его победителем, но чтобы спасти его, если он будет побежден, и помочь ему переправиться через море. Что бы там ни говорил Мазарини, но, достигнув берегов Франции, ваш царственный супруг найдет убежище и приют, как находят их морские птицы в бурю.

— Ищите, милорд, ищите этих дворян, и если вы их разыщете, если они согласятся отправиться с вами в Англию, я подарю каждому из них по герцогству в тот день, когда мы вернем себе трон, и, кроме того, столько золота, сколько потребуется, чтобы купить Уайтхолский дворец. Ищите же, милорд, ищите, заклинаю вас!

— Я охотно бы искал их, ваше величество,— отвечал лорд Винтер,— и, без сомнения, нашел бы, но у меня так мало времени. Ваше величество, вы, конечно, не забыли, что король ждет вашего ответа, и ждет с трепетом.

— В таком случае мы погибли! — воскликнула королева в порыве отчаяния.

В это мгновение отворилась дверь, и появилась принцесса Генриэтта. При виде ее королева, с великим героизмом матери, нашла в себе силы подавить слезы и сделала знак лорду Винтеру переменить разговор.

Как ни старалась она скрыть свое волнение, оно не ускользнуло от внимания молодой девушки. Она остановилась на пороге, вздохнула и обратилась к матери:

— Отчего вы без меня всегда плачете, матушка?

Королева постаралась улыбнуться.

— Вот, милорд,— сказала она вместо ответа,— я все же кое-что выиграла с тех пор, как почти перестала быть королевой: мои дети теперь зовут меня матерью, а не государыней.

Затем она обратилась к дочери.

— Чего вы хотите, Генриэтта? — спросила она.

— Матушка, какой-то всадник только что прибыл в Лувр и просит разрешения засвидетельствовать вашему величеству свое почтение; он прибыл из армии и говорит, что у него есть письмо к вам от маршала де Граммона.

— Ах,— обратилась королева к Винтеру,— это один из преданных нам людей. Но вы замечаете, дорогой милорд, как плохо нам служат. Моя дочь должна сама докладывать о посетителях и вводить их!

— Ваше величество, пощадите,— сказал лорд Винтер,— вы разбиваете мне сердце.

— Кто этот всадник, Генриэтта? — спросила королева.

— Я видела его в окно; это молодой человек лет шестнадцати, его зовут виконт де Бражелон.

Королева с улыбкой кивнула головой. Молодая принцесса отворила дверь, и на пороге появился Рауль.

Он сделал три шага к королеве и преклонил колено.

— Государыня, — сказал он, — я привез вашему величеству письмо от моего друга графа де Гиша, который сообщил мне, что имеет честь состоять в числе преданных слуг вашего величества. Письмо это содержит важное известие вместе с выражением его глубокого почтения.

При имени графа де Гиша краска залила щеки молодой принцессы. Королева строго взглянула на нее.

— Ведь вы сказали мне, что письмо от маршала де Граммона, Генриэтта? — сказала она.

— Я так думала, ваше величество, — пролепетала принцесса.

— Это моя вина, ваше величество, — сказал Рауль, — я действительно велел доложить, что прибыл от маршала де Граммона. Но он ранен в правую руку и не мог писать сам, поэтому граф де Гиш служил ему секретарем.

— Значит, было сражение? — спросила королева, знаком предлагая Раулю подняться.

— Да, ваше величество, — отвечал молодой человек, вручая письмо подошедшему лорду Винтеру, который передал его королеве.

Услышав о том, что произошло сражение, молодая принцесса открыла было рот, чтобы задать вопрос, который, без сомнения, мучил ее, но удержалась, и только румянец понемногу сбежал с ее щек.

Королева заметила ее волнение, и материнское сердце, видимо, все поняло, так как она снова обратилась к Раулю.

— С молодым графом де Гишем не случилось никакого несчастья? — спросила она. — Ведь он не только один из наших преданных слуг, как он сказал вам, он также и один из наших друзей.

— Нет, ваше величество, — отвечал Рауль, — напротив, в этот день он покрыл себя славой и был удостоен большой чести: сам принц обнял его на поле битвы.

Принцесса захлопала в ладоши, но тотчас же, устыдившись столь явного выражения своей радости, отвернулась и наклонила лицо к вазе с розами, делая вид, что вдыхает их аромат.

— Посмотрим, что нам пишет граф, — сказала королева.

— Я имел честь доложить вашему величеству, что он пишет от имени своего отца.

— Да, сударь.

Королева распечатала письмо и прочла:

«Ваше величество!

Будучи лишен возможности сам писать вам вследствие раны, полученной мною в правую руку, я пишу вам рукой моего сына, который, как вы знаете, столь же преданный слуга ваш, как и его отец, и сообщая вам, что мы выиграли битву при Лансе. Эта победа, очевидно, усилит влияние Мазарини и королевы на дела всей Европы. Пусть ваше величество, если только вам угодно выслушать мой совет, воспользуется этим, чтобы добиться у правительства помощи вашему

августейшему супругу. Виконт де Бражелон, который будет иметь честь вручить вам это письмо, друг моего сына, недавно спасший, по всей видимости, ему жизнь. Это дворянин, которому ваше величество может вполне довериться, в случае если вам угодно будет передать мне какой-нибудь приказ устно или письменно.

Имею честь оставаться с глубоким почтением.

Маршал де Граммон».

Когда королева читала то место письма, где говорилось об услуге, оказанной графу Раулем, тот не мог удержаться, чтобы не взглянуть в сторону молодой принцессы, и заметил, как в ее глазах промелькнуло выражение бесконечной к нему признательности. Не было никакого сомнения: дочь короля Карла I любила его друга.

— Битва при Лансе выиграна, — сказала королева. — Какие счастливые: они выигрывают битвы! Да, маршал де Граммон прав, это улучшит положение их дел, но я боюсь, что это несколько не поможет нам; скорее, быть может, повредит! Вы привезли самые свежие новости, сударь, — продолжала королева, — и я очень благодарна вам за то, что вы поспешили мне их доставить. Без вас, без этого письма, я узнала бы их только завтра, может быть, даже послезавтра, узнала бы последнюю в Париже.

— Ваше величество, — сказал Рауль, — Лувр — второй дворец, в котором получено это известие. Еще никто не знает о битве. Я обещал графу де Гишу вручить вашему величеству это письмо прежде даже, чем обниму своего опекуна.

— Ваш опекун тоже де Бражелон? — спросил лорд Винтер. — Я знал когда-то одного Бражелона, жив ли он еще?

— Нет, сударь, он умер, и от него-то, кажется, мой опекун, его близкий родственник, унаследовал землю и это имя.

— А как зовут вашего опекуна? — спросила королева, невольно принимая участие в красивом юноше.

— Граф де Ла Фер, ваше величество, — ответил молодой человек, склоняясь перед королевой.

Лорд Винтер вздрогнул от удивления, а королева с радостью посмотрела на него.

— Граф де Ла Фер! — воскликнула она. — Не это ли имя вы мне называли?

Винтер не мог поверить своим ушам.

— Граф де Ла Фер! — воскликнул он в свою очередь. — О сударь, отвечайте мне, умоляю вас: не тот ли это дворянин, которого я знал когда-то? Красивый и смелый, он служил в мушкетерах Людовика Тринадцатого, и теперь ему должно быть лет сорок семь, сорок восемь?

— Да, сударь, именно так.

— Он служил под вымышленным именем?

— Да, под именем Атоса. Еще недавно я слышал, как его друг д'Артаньян называл его этим именем.

— Это он, ваше величество, это он! Слава богу! Он в Париже? — спросил он Рауля.

Затем, снова обратясь к королеве, сказал:

— Надейтесь, надейтесь — само провидение за нас, раз оно помогло мне найти этого смелого дворянина таким чудесным образом. Где же он живет, сударь? Скажите, прошу вас.

— Граф де Ла Фер живет на улице Генего, в гостинице «Карл Великий».

— Благодарю вас, сударь. Предупредите этого достойного друга, чтобы он был дома: я сейчас явлюсь обнять его.

— Сударь, я с удовольствием исполню вашу просьбу, если ее величеству угодно будет отпустить меня.

— Идите, господин виконт де Бражелон, — сказала королева, — и будьте уверены в нашем к вам расположении.

Рауль почтительно склонился перед королевой и принцессой, поклонился лорду Винтеру и вышел.

Королева и лорд Винтер продолжали некоторое время разговаривать вполголоса, чтобы молодая принцесса не могла слышать, но эта предосторожность была совершенно излишней, так как принцесса была всецело поглощена своими мыслями.

Когда Винтер собрался уходить, королева сказала ему:

— Послушайте, милорд, я сохранила этот алмазный крест, оставшийся мне от матери, и эту звезду святого Михаила, полученную мною от мужа. Они стоят около пятидесяти тысяч ливров. Я поклялась скорее умереть от голода, чем расстаться с этими вещами. Но теперь, когда эти две драгоценности могут принести пользу моему супругу и его защитникам, ими надо пожертвовать. Возьмите их и, если для вашего предприятия понадобятся деньги, продайте их без колебания, милорд. Но если вы найдете средство сохранить их мне, то знайте, милорд, я почту это за величайшую услугу, какую только может оказать королеве дворянин, и тот, кто в дни благополучия принесет мне их, будет благословен мною и моими детьми.

— Ваше величество, — отвечал лорд Винтер, — вы имеете во мне самого преданного слугу. Я немедленно отнесу в надежное место эти вещи, которые ни за что не взял бы, если бы у нас оставалось хоть что-нибудь от нашего имущества: но наши имения конфискованы, наличные деньги иссякли, и мы тоже вынуждены отдавать последнее. Через час я буду у графа де Ла Фер, а завтра, ваше величество, вы получите положительный ответ.

Королева протянула лорду Винтеру руку, которую тот почтительно поцеловал. Затем она обернулась к дочери.

— Милорд, — сказала она, — вам поручено передать что-то этой девочке от ее отца.

Лорд Винтер недоумевал, не понимая, что хочет сказать королева.

Тогда принцесса Генриэтта, краснея и улыбаясь, подошла к нему и подставила лоб.

— Скажите моему отцу, — сказала она, — что, король или беглец, победитель или побежденный, могущественный или бедняк, он всегда найдет во мне самую покорную и преданную дочь.

— Я знаю это, ваше высочество, — сказал лорд Винтер, коснувшись губами лба Генриэтты.

Затем он вышел. Проходя один, без провожатых, по просторным, темным и пустынным покоем, этот царедворец, пресыщенный пятидесятилетним пребыванием при дворе, не мог удержаться от слез.

Глава 43

Дядя и племянник

луга Винтера ожидал его у ворот с лошадьми. Лорд сел на лошадь и задумчиво направился домой, время от времени оглядываясь на мрачный фасад Лувра. Вдруг он заметил, что от дворцовой ограды отделился всадник и поехал за ними, держась на некотором расстоянии. Лорд Винтер вспомнил, что еще раньше видел подобную же тень — при выезде из Пале-Рояля.

Его слуга, ехавший в нескольких шагах сзади, тоже заметил всадника и с беспокойством на него поглядывал.

— Тони,— произнес лорд Винтер, знаком подозвав к себе слугу.

— Я здесь, ваша светлость.

И слуга поехал рядом со своим господином.

— Заметили вы человека, который следует за нами?

— Да, милорд.

— Кто это?

— Не знаю, но он следует за вашей светлостью от самого Пале-Рояля, остановился у Лувра, дождался вашего выхода и опять поехал за нами.

«Какой-нибудь шпион кардинала,— подумал лорд Винтер.— Сделаем вид, что не замечаем этого надзора».

Лорд Винтер пришпорил лошадь и углубился в лабиринт улиц, ведущих к его гостинице, расположенной около Маре. Лорд жил долгое время на Королевской площади и теперь опять поселился близ своего старого жилища.

Незнакомец пустил свою лошадь в галоп.

Винтер остановился у гостиницы и поднялся к себе, решив не терять из виду шпиона. Но, кладя на стол шляпу и перчатки, он вдруг увидел в зеркале, висевшим над столом, человеческую фигуру, появившуюся на пороге.

Он обернулся. Перед ним стоял Мордаунт.

Лорд Винтер побледнел и замер на месте. Мордаунт стоял у дверей неподвижный и грозный, как статуя Командора.

Несколько мгновений царило ледяное молчание.

— Сударь,— произнес наконец лорд Винтер,— я, кажется, дал уже вам ясно понять, что это преследование мне надоело. Удалитесь, или я позову слуг, чтобы вас выгнали, как в Лондоне. Я вам не дядя, я вас не знаю.

— Ошибаетесь, дядюшка,— ответил Мордаунт своим хриплым и насмешливым голосом.— На этот раз вы меня не выгоните, как сделали это в Лондоне. Не посмеете. Что же касается того, племянник я вам или нет,— вы, пожалуй, призадумаетесь, прежде чем отрицать это теперь, когда я узнал кое-что, чего не знал год назад.

— Мне нет дела до того, что вы узнали,— сказал лорд Винтер.

— О, вас это очень касается, дядюшка, я уверен, да и вы сами сейчас согласитесь со мной,— прибавил Мордаунт с улыбкой, от которой у его собеседника пробежала по спине дрожь.— В первый раз, в Лондоне, я явился, чтобы спросить вас, куда девалось мое состояние. Во второй раз я явился, чтобы спросить вас, чем запятнано мое имя. В этот раз я являюсь к вам, чтобы задать вопрос, еще страшней прежних. Я являюсь, чтобы сказать вам, как господь сказал первому убийце: «Каин, что сделал ты с братом своим Авелем?» Милорд, что сделали вы с вашей сестрой, которая была моей матерью?

Лорд Винтер отступил перед огнем его пылающих глаз.

— С вашей матерью? — произнес он.

— Да, с моей матерью, милорд,— ответил молодой человек, твердо кивнув головой.

Лорд Винтер сделал страшное усилие над собой и, почерпнув в своих воспоминаниях новую пищу для ненависти, воскликнул:

— Узнавайте сами, несчастный, что с нею случилось, вопрошайте преисподнюю; быть может, там вам ответят.

Молодой человек сделал несколько шагов вперед и, став лицом к лицу перед лордом Винтером, скрестил на груди руки.

— Я спросил об этом у бетюнского палача,— произнес он глухим голосом, с лицом, побелевшим от боли и гнева,— и бетюнский палач ответил мне.

Лорд Винтер упал в кресло, словно пораженный молнией, и тщетно искал слов для ответа.

— Да, не так ли? — продолжал молодой человек.— Это слово все объясняет. Оно — ключ, отмыкающий бездну. Моя мать получила наследство от мужа, и вы убили мою мать. Мое имя обеспечивало за мной право на отцовское состояние, и вы лишили меня имени, а отняв у меня имя, вы присвоили и мое состояние. После этого неудивительно, что вы не узнаете меня, неудивительно, что вы отказываетесь признать меня. Конечно, грабителю непристойно называть своим племянником человека, им ограбленного, и убийце непристойно называть своим племянником того, кого он сделал сиротой.

Слова эти произвели действие, обратное тому, которого ожидал Мордаунт. Лорд Винтер вспомнил, какое чудовище была миледи. Он встал, спокойный и суровый, сдерживая своим строгим взглядом яростный взгляд молодого человека.

— Вы хотите проникнуть в эту ужасную тайну, сударь? — сказал он.— Извольте. Узнайте же, какова была та женщина, отчета о которой вы требуете у меня. Эта женщина, без сомнения, отравила моего брата и, чтобы наследовать мое имущество, намеревалась умертвить и меня. Я могу это доказать. Что вы на это скажете?

— Я скажу, что это была моя мать!

— Она заставила человека, до тех пор справедливого и доброго, заколоть герцога Бекингэма. Что вы скажете об этом преступлении, доказательства которого я также имею?

— Это была моя мать!

— Вернувшись во Францию, она отравила в монастыре августинок в Бетюне молодую женщину, которую любил ее враг. Не докажет ли вам это преступление справедливость возмездия? У меня есть доказательства этого преступления.

— Это была моя мать! — с еще большей силой вскричал молодой человек.

— Наконец, отягченная убийствами и развратом, ненавистная всем и более опасная, чем кровожадная пантера, она пала под ударами людей, никогда раньше не причинявших ей ни малейшего вреда, но доведенных ею до отчаяния. Ее гнусные поступки повинны в том, что эти люди стали ее судьями, и тот палач, которого вы видели и который, по вашему мнению, рассказал вам все, должен был рассказать, как он дрожал от радости, что может отомстить за позор и самоубийство своего брата. Падшая девушка, неверная жена, чудовищная сестра, убийца, отравительница, губительная для всех людей, знавших ее, для народов, у которых она находила приют, она умерла, проклятая небом и землей. Вот какова была эта женщина.

Из груди Мордаунта вырвалось давно сдерживаемое рыдание. Краска залила его бледное лицо. Он стиснул кулаки, лицо его покрылось потом, и волосы поднялись, как у Гамлета.

— Замолчите, сударь! — вскричал он в ярости. — Это была моя мать. Я не хочу знать ее беспутства, ее пороков, ее преступлений. Я знаю, что у меня была мать и что пятеро мужчин, соединившись против одной женщины, скрытно, ночью, тайком убили ее, как низкие тусы. Я знаю, что вы были в их числе, сударь, вы, мой дядя, были там, вы, как и другие, и даже громче других, сказали: «Она должна умереть». Предупреждаю вас, слушайте хорошенько, и пусть мои слова врежутся в вашей памяти, чтобы вы их никогда не забывали. В этом убийстве, которое лишило меня всего, отняло у меня имя, сделало меня бедняком, превратило в развращенного, злого и беспощадного человека, в нем я потребую отчета прежде всего у вас, а затем и у ваших сообщников, когда я их найду.

С ненавистью в глазах, с пеной у рта, протянув руку вперед, Мордаунт сделал еще один угрожающий шаг к лорду Винтеру.

Тот, положив руку на эфес шпаги, сказал с улыбочкой человека, привыкшего в течение тридцати лет играть жизнью и смертью:

— Вы хотите убить меня? В таком случае я признаю вас своим племянником, ибо вы, значит, и в самом деле достойный сын своей матери.

— Нет, — отвечал Мордаунт, сделав нечеловеческое усилие, чтобы ослабить страшно напрягшиеся мускулы всего тела. — Нет, я не убью вас, теперь по крайней мере, ибо без вас мне не открыть остальных. Но когда я их найду, то трепещите, сударь: я заколол бетюнского палача, заколол его без всякой жалости и сострадания, а он был наименее виновным из всех вас.

С этими словами молодой человек вышел и спустился по лестнице, с виду настолько спокойный, что никто не обратил на него внимания. На нижней площадке он прошел мимо Тони, стоявшего у перил и готового по первому зову своего господина кинуться к нему.

Но лорд Винтер не позвал его. Подавленный, ошеломленный, он остался стоять на месте, напряженно вслушиваясь. Только услышав топот удалявшейся лошади, он упал на стул и сказал:

— Слава богу, что он знает только меня.

Глава 44

ОТЕЦ И СЫН

то время как у лорда Винтера происходила эта ужасная сцена, Атос сидел в своей комнате у окна, облокотившись на стол, подперев голову руками, и, не спуская глаз с Рауля, жадно слушал рассказ молодого человека о его приключениях в дороге и о подробностях сражения.

Красивое, благородное лицо Атоса говорило о неизъяснимом счастье, какое он испытывал при рассказе об этих первых, таких свежих и чистых впечатлениях. Он упивался звуками молодого взволнованного голоса, как сладкой мелодией. Он забыл все, что было мрачного в прошлом и туманного в будущем. Казалось, приезд любимого сына обратил все опасения в надежды. Атос был счастлив, счастлив, как никогда еще.

— И вы принимали участие в этом большом сражении, Бражелон? — спросил бывший мушкетер.

— Да.

— И бой был жестокий, говорите вы?

— Принц лично водил войска в атаку одиннадцать раз.

— Это великий воин, Бражелон!

— Это герой! Я не терял его из виду ни на минуту. О, как прекрасно называться принцем Конде и со славой носить это имя!

— Спокойный и блистательный, не так ли?

— Спокойный, как на параде, и блистательный, как на балу. Мы пошли на врага; нам запрещено было стрелять первыми, и с мушкетями наготове мы двинулись к испанцам, которые занимали возвышенность. Подойдя к неприятелю на тридцать шагов, принц обернулся к солдатам. «Дети, — сказал он, — вам придется выдержать жестокий залп; но затем, будьте уверены, вы легко разделаетесь с ними». Была такая тишина, что не только мы, но и враги слышали эти слова. Затем, подняв шпагу, он скомандовал: «Трубите, трубы!»

— Отлично, при случае вы поступите так же, не правда ли, Рауль?

— Сомневаюсь, сударь, это было слишком прекрасно, слишком величественно. Когда мы были уже всего в двадцати шагах от неприятеля, их мушкеты опустили на наших глазах, сверкая на

солнце, точно одна блестящая линия. «Шагом, дети, шагом,— сказал принц,— наступает пора».

— Было вам страшно, Рауль? — спросил граф.

— Да,— простодушно сознался молодой человек,— я почувствовал какой-то холод в сердце, и при команде «пли», раздавшейся по-испански во вражеских рядах, я закрыл глаза и подумал о вас.

— Правда, Рауль? — спросил Атос, сжимая его руку.

— Да, сударь. В ту же минуту раздался такой залп, будто разверзся ад, и те, кто не был убит, почувствовали жар пламени. Я открыл глаза, удивляясь, что не только не убит, но даже не ранен. Около трети людей эскадрона лежали на земле изувеченные, истекающие кровью. В этот миг мой взгляд встретился со взглядом принца. Я думал уже только о том, что он на меня смотрит, прищипил лошадь и очутился в неприятельских рядах.

— И принц был доволен вами?

— По крайней мере, он так сказал, когда поручил мне сопроводить в Париж господина Шатильона, посланного, чтобы сообщить королеве известие о победе и доставить захваченные знамена. «Отправляйтесь,— сказал мне принц,— неприятель не соберется с силами раньше двух недель. До тех пор вы мне не нужны. Поезжайте, обвините тех, кого вы любите и кто вас любит, и скажите моей сестре, герцогине де Лонгвиль, что я благодарю ее за подарок, который она мне сделала, прислав вас». И вот я поехал,— добавил Рауль, глядя на графа с улыбкой, полной любви,— я думал, что вы будете рады видеть меня.

Атос привлек к себе молодого человека и крепко поцеловал в лоб, как целовал бы молодую девушку.

— Итак, Рауль,— сказал он,— вы теперь на верном пути. Ваши друзья — герцоги, крестный отец — маршал Франции, начальник — принц крови, и в первый же день по возвращении вы были приняты двумя королевами. Для новичка это великолепно.

— Ах да, сударь! — воскликнул Рауль.— Вы напомнили мне об одной вещи, о которой я чуть не забыл, торопясь рассказать вам о своих подвигах. У ее величества королевы Англии был какой-то дворянин, который очень удивился и обрадовался, когда я произнес ваше имя. Он назвал себя вашим другом, спросил, где вы остановились, и скоро явится к вам.

— Как его зовут?

— Я не решился спросить его об этом, сударь. Хотя он объясняется по-французски в совершенстве, но по его произношению я предполагаю, что это англичанин.

— А! — произнес Атос и наклонил голову, как бы стараясь припомнить.

Когда он поднял глаза, то, к своему изумлению, увидел человека, стоящего в двери и растроганно смотрящего на него.

— Лорд Винтер! — воскликнул он.

— Атос, мой друг!

Оба дворянина крепко обнялись. Затем Атос взял гостя за обе руки и пристально посмотрел на него.

— Но что с вами, милорд? — спросил он. — Вы, кажется, столь же опечалены, сколь я обрадован.

— Да, мой друг. Скажу даже больше: именно ваш радостный вид увеличивает мои опасения.

С этими словами лорд Винтер осмотрелся кругом, точно ища места, где бы им уединиться. Рауль понял, что друзьям надо поговорить наедине, и незаметно вышел из комнаты.

— Ну вот мы и одни, — сказал Атос. — Теперь поговорим о вас.

— Да, пока мы одни, поговорим о нас обоих, — повторил лорд Винтер. — Он здесь.

— Кто?

— Сын миледи.

Атос вздрогнул при этом слове, которое, казалось, преследовало его, как роковое эхо; он поколебался мгновение, затем, слегка нахмурив брови, спокойно сказал:

— Я знаю это.

— Вы это знаете?

— Да. Гримо встретил его между Бетюном и Аррасом и примчался предупредить меня о том, что он здесь.

— Значит, Гримо видел его?

— Нет, но он присутствовал при кончине одного человека, который видел его.

— Бетюнского палача! — воскликнул лорд Винтер.

— Вы уже знаете об этом? — спросил Атос с удивлением.

— Этот человек сейчас сам был у меня, — отвечал лорд Винтер, — и сказал мне все. Ах, друг мой, как это было ужасно! Зачем мы не уничтожили вместе с матерью и ребенка?

Атос, как все благородные натуры, никогда не выдавал своих тяжелых переживаний. Он таил их в себе, стараясь пробуждать в других только бодрость и надежду. Казалось, его личная скорбь претворялась в его душе в радость для других.

— Чего вы боитесь? — сказал он, побеждая рассудком инстинктивный страх, охвативший его в первый момент. — Разве мы не в силах защищаться? Затем, разве этот молодой человек стал профессиональным убийцей, хладнокровным злодеем? Он мог убить бетюнского палача в порыве ярости, но теперь его гнев утолен.

Лорд Винтер грустно улыбнулся и покачал головой.

— Значит, вы забыли, чья кровь течет в нем? — сказал он.

— Ну, — возразил Атос, стараясь в свою очередь улыбнуться, — во втором поколении эта кровь могла утратить свою свирепость. К тому же, друг мой, провидение предупредило нас, чтобы мы были осторожны. Нам остается только ждать. А теперь, как я уже сказал, поговорим о вас. Что привело вас в Париж?

— Важные дела, о которых вы узнаете со временем. Но что я слышал от ее величества английской королевы! Д'Артаньян сторонник Мазарини? Простите меня за откровенность, друг мой; я не хочу оскорблять имени кардинала и всегда уважал ваше мнение: неужели и вы преданы этому человеку?

— Д'Артаньян состоит на службе,— сказал Атос,— он солдат и повинуется существующей власти. Д'Артаньян не богат и должен жить на свое жалованье лейтенанта. Такие богачи, как вы, милорд, во Франции редки.

— Увы! — произнес лорд Винтер.— В настоящую минуту я так же беден и даже беднее его. Но вернемся к вам.

— Хорошо. Вы хотите знать, не мазаринист ли я? Нет, тысячу раз нет. Вы тоже извините меня за откровенность, милорд.

Лорд Винтер встал и крепко обнял Атоса.

— Благодарю вас, граф,— сказал он,— благодарю за это радостное сообщение. Вы видите, что я счастлив, я почти помолодел. Да, значит, вы не мазаринист! Отлично. Впрочем, иначе не могло и быть. Но простите мне еще один вопрос: свободны ли вы?

— Что вы понимаете под словом «свободен»?

— Я спрашиваю: не женаты ли вы?

— Ах, вот что! Нет,— ответил Атос, улыбаясь.

— Этот молодой человек, такой красивый, такой изящный и элегантный...

— Это мой воспитанник, который даже не знает своего отца.

— Превосходно. Вы все тот же Атос, великодушный и благородный.

— О чем бы вы хотели еще спросить, милорд?

— Портос и Арамис по-прежнему ваши друзья?

— И д'Артаньян тоже, милорд. Нас по-прежнему четверо друзей, преданных друг другу. Но когда дело доходит до того, служить ли кардиналу или бороться против него, иначе говоря, быть мазаринистом или фрондером, мы остаемся вдвоем.

— Арамис на стороне д'Артаньяна? — спросил лорд Винтер.

— Нет,— отвечал Атос,— Арамис делает мне честь разделять мои убеждения.

— Можете ли вы устроить мне встречу с этим вашим другом, таким милым и умным?

— Конечно, когда только вы пожелаете.

— Он изменился?

— Он стал аббатом, вот и все.

— Вы пугаете меня. Его положение, наверно, заставляет его отказываться от всяких рискованных предприятий.

— Напротив,— сказал Атос, улыбаясь,— с тех пор, как он стал аббатом, он еще более мушкетер, чем прежде. Вы увидите настоящего Галаора¹. Хотите, я пошлю за ним Рауля?

— Благодарю вас, граф, в этот час его может не оказаться дома, но раз вы полагаете, что можете ручаться за него...

— Как за самого себя.

— Не согласитесь ли вы привести его завтра в десять часов на Луврский мост?

— Ага! — произнес Атос с улыбкой.— У вас дуэль?

¹ Герой старинных рыцарских романов, образец доблести.

— Да, граф, и прекрасная дуэль; дуэль, в которой и вы примете участие, я надеюсь.

— Куда мы пойдем, милорд?

— К ее величеству королеве Англии, которая поручила мне представить ей вас, граф.

— Ее величество знает меня?

— Я знаю вас.

— Вот загадка,— произнес Атос.— Но все равно, раз вы знаете, как она разгадывается, с меня довольно. Не окажете ли вы мне честь отужинать со мной, милорд?

— Благодарю вас, граф,— отвечал лорд Винтер.— Признаюсь, посещение этого молодого человека отбило у меня аппетит и, вероятно, прогонит сон. С какою целью явился он во Францию? Во всяком случае не для того, чтобы встретиться со мной, так как он не знал о моем путешествии. Этот молодой человек пугает меня, от него надо ждать кровавых дел.

— А что он делает в Англии?

— Он один из самых ярких сектантов, сторонников Оливера Кромвеля.

— Кто привлек его на сторону Кромвеля? Ведь его отец и мать были, кажется, католиками.

— Ненависть, которую он питает к королю.

— К королю?..

— Да, король объявил его незаконнорожденным, отнял у него имения и запретил ему носить имя Винтера.

— Как же он теперь зовется?

— Мордаунт.

— Пуританин, и вдруг, переодетый монахом, путешествует один по дорогам Франции!

— Переодетый монахом, говорите вы?

— Да, вы не знали этого?

— Я знаю только то, что он сам сказал мне.

— Да, именно в этом платье он принял исповедь,— да простит мне господь, если я богохульствую,— исповедь бетюнского палача.

— Теперь я обо всем догадываюсь: он послан Кромвелем.

— К кому?

— К Мазарини. И королева верно угадала, что нас опередили. Теперь для меня все ясно. До свиданья, граф, до завтра.

— Ночь темна,— сказал Атос, видя, что лорд Винтер встревожен более, чем хочет показать,— а у вас, может быть, нет с собою слуги?

— Со мной Тони, славный малый, хоть и простак.

— Эй, Оливен, Гримо, Блезуа, возьмите мушкеты и позовите господина виконта.

Блезуа был тот рослый малый, полулакей, полукрестьянин, которого мы видели в замке Бражелон, когда он пришел доложить, что обед подан; Атос дал ему прозвище по имени его родины¹.

¹ Блезуа — то же, что Блуа, название французской провинции.

Через пять минут явился Рауль.

— Виконт,— сказал Атос,— вы проводите милорда до его гостиницы. Никому не позволяйте приближаться к нему в пути.

— О граф,— произнес лорд Винтер,— за кого вы меня принимаете!

— За иностранца, который не знает Парижа,— отвечал Атос,— и которому виконт покажет дорогу.

Лорд Винтер пожал ему руку.

— Гримо,— сказал затем Атос,— ты пойдешь впереди и, смотри, остерегайся монаха.

Гримо вздрогнул, затем кивнул головой и стал спокойно дожидаться отправления в путь, с безмолвным красноречием поглаживая приклад своего мушкета.

— До завтра, граф,— сказал Винтер.

— До завтра, милорд.

Маленький отряд направился к улице св. Людовика. Оливен дрожал, как Созий¹, при каждом проблеске неверного света. Блезуа был довольно спокоен, так как не предполагал никакой опасности. Тони, ни слова не знавший по-французски, шел молча, озираясь по сторонам.

Лорд Винтер и Рауль шли рядом и разговаривали.

Гримо, согласно приказанию Атоса, шел впереди с факелом в одной руке и мушкетом в другой. Дойдя до гостиницы лорда Винтера, он постучал в дверь кулаком и, когда дверь открыли, молча поклонился милорду.

Назад шли в том же порядке. Проницательный взгляд Гримо не заметил ничего подозрительного, кроме какой-то тени, которая притаилась на углу улицы Генего и набережной. Ему показалось, что он уже раньше заметил этого ночного согладата.

Гримо бросился к нему, но не успел настигнуть: человек, как тень, скрылся в маленький переулок, а входить в него Гримо счел неразумным.

Атосу было сообщено об успехе экспедиции, и, так как было уже десять часов вечера, все разошлись по своим комнатам.

На другое утро, открыв глаза, граф увидел Рауля у своего изголовья. Молодой человек, уже совершенно одетый, читал новую книгу Шапелена².

— Вы уже встали, Рауль? — удивился граф.

— Да,— отвечал молодой человек, немного смутившись,— я плохо спал.

— Вы, Рауль, вы плохо спали? Значит, вы были чем-то озабочены? — спросил Атос.

— Вы скажете, сударь, что я слишком тороплюсь вас покинуть; ведь я приехал только вчера, но...

— Разве у вас только два дня отпуска, Рауль?

¹ Трусливый раб в популярной в XVI и XVII вв. комедии римского писателя Плавта «Амфитрион».

² Французский поэт XVII в.

— Нет, у меня десять дней отпуска, и я собираюсь не в армию. Атос улыбнулся.

— Так куда же,— спросил он,— если только это не тайна, виконт? Вы теперь почти взрослый, ибо участвовали уже в сражении и приобрели право бывать где вам угодно, не спрашиваясь у меня.

— Никогда, сударь! — воскликнул Рауль. — Пока я буду иметь счастье называть вас своим покровителем, я не признаю за собой права освободиться от опеки, которой я так дорожу. Мне только хотелось провести один день в Блуа. Вы смотрите на меня, вы готовы смеяться надо мной?

— Нет,нисколько,— сказал Атос, подавляя вздох,— нет, я не смеюсь, виконт. Вам хочется побывать в Блуа, это ведь так естественно.

— Значит, вы мне разрешаете? — воскликнул Рауль радостно.

— Конечно, Рауль.

— И вы не сердитесь в душе?

— Совсе нет. Почему бы мне сердиться на то, что доставляет вам удовольствие?

— Ах, сударь, как вы добры! — воскликнул Рауль и хотел было броситься на шею Атосу, но из почтительности удержался.

Атос сам раскрыл ему объятия.

— Итак, я могу сейчас отправиться?

— Если угодно, хоть сейчас.

Рауль сделал несколько шагов к двери, но остановился.

— Сударь,— сказал он,— я подумал об одной вещи: рекомендательным письмом к принцу я ведь обязан герцогине де Шеврез, которая была так добра ко мне.

— И вы должны поблагодарить ее, не так ли, Рауль?

— Да, мне кажется. Но, впрочем, я поступлю так, как решите вы.

— Поезжайте мимо особняка Люинь, Рауль, и спросите, не может ли герцогиня принять вас. Мне приятно видеть, что вы не забываете правил вежливости. Вы возьмете с собой Гримо и Оливена.

— Обоих? — удивился Рауль.

— Да, обоих.

Рауль поклонился и вышел.

Когда дверь за ним затворилась и его веселый и звонкий голос, звавший Гримо и Оливена, послышался на дворе, Атос вздохнул.

«Скоро же он меня покидает! — подумал он, покачав головою.— Ну что ж, он повинуется общему закону. Такова природа человека — он стремится вперед. Очевидно, он любит этого ребенка. Но вдруг он будет любить меня меньше оттого, что любит других?»

Атос должен был сознаться, что не ожидал такого скорого отъезда; но радость Рауля наполнила и сердце Атоса.

В десять часов все было готово к отъезду. В то время как Атос смотрел на Рауля, садившегося на коня, к нему явился слуга от герцогини де Шеврез.

Герцогиня приказала сообщить графу де Ла Фер, что она узнала о возвращении своего молодого протеже, о его поведении на поле сражения и хотела бы лично его поздравить.

— Передайте герцогине, — сказал Атос, — что виконт уже садился на лошадь, чтобы отправиться в особняк Люинь.

Затем, дав еще раз наставления Гримо, Атос сделал знак Раулю, что он может ехать.

Хорошенько обдумав все, Атос пришел к заключению, что, пожалуй, отъезд Рауля из Парижа в такое время даже к лучшему.

Глава 45

ЕЩЕ ОДНА КОРОЛЕВА ПРОСИТ О ПОМОЩИ

Атос решил с утра предупредить Арамиса и послал с письмом Блезуа, единственного слугу, оставшегося при нем.

Блезуа застал Базена в тот момент, когда тот надевал свой стихарь: он в этот день служил в соборе Богоматери.

Атос наказал Блезуа постараться лично повидать Арамиса. Блезуа, долговязый и простодушный малый, помнивший только данное ему приказание, спросил аббата д'Эрбле и, несмотря на уверения Базена, что того нет дома, так настаивал, что Базен вышел из себя. Блезуа, видя перед собой человека, одетого в церковное платье, предположил, что под такой одеждой скрываются христианские добродетели, то есть терпение и снисходительность, а потому, несмотря на возражения Базена, хотел пройти в комнаты.

Но Базен, сразу превращавшийся в слугу мушкетера, как только начинал сердиться, схватил метлу и отколотил Блезуа, приговарывая:

— Вы оскорбили церковь, мой друг, вы оскорбили церковь!

В эту минуту дверь, ведущая в спальню, осторожно приоткрылась, и показался Арамис, потревоженный непривычным шумом.

Базен почтительно опустил метлу одним концом вниз (он видел, как привратник в соборе ставит так свою алебарду), а Блезуа, укоризненно взглянув на «цербера», вынул из кармана письмо и подал его Арамису.

— От графа де Ла Фер? — спросил Арамис. — Хорошо.

Затем он ушел к себе, не спросив даже о причине шума.

Блезуа печально вернулся в гостиницу «Карла Великого». На вопрос Атоса о данном ему поручении Блезуа рассказал, что с ним случилось.

— Дурень, — сказал Атос, смеясь, — ты, значит, не сказал, что явился от меня?

— Нет, сударь.

— А что сказал Базен, когда узнал, что ты мой слуга?

— Ах, сударь, он передо мной всячески извинялся и заставил меня выпить два стакана прекрасного муската с превосходным пеньем; но все-таки он чертовски груб. А еще причетник, тьфу!

«Ну,— подумал Атос,— раз Арамис получил мое письмо, то он явится, как бы он ни был занят».

В десять часов Атос, с обычной своей точностью, был на Луврском мосту. Там он встретился с лордом Винтером, подошедшим одновременно с ним.

Они подождали около десяти минут.

Лорд Винтер начал опасаться, что Арамис не придет вовсе.

— Терпение,— сказал Атос, не спускавший глаз с улицы Бак, которая вела к мосту,— терпение, вот какой-то аббат дает тумака прохожему, а теперь раскланивается с женщиной. Это, наверное, Арамис.

Действительно, это был он. Молодой горожанин, зазевавшийся на ворон, наскочил на Арамиса и забрызгал его грязью. Арамис, недолго думая, ударом кулака отшвырнул его шагов на десять. В это же время проходила одна из его духовных дочерей, и, так как она была молода и хороша собой, Арамис приветствовал ее самой любезной улыбкой.

Через минуту Арамис подошел к ним.

Встреча его с лордом Винтером была, конечно, самая сердечная.

— Куда же мы пойдем? — спросил Арамис.— Что, у нас дуэль, что ли, черт возьми? Я не захватил с собою шпаги, и мне придется вернуться за нею домой.

— Нет,— отвечал лорд Винтер,— мы посетим английскую королеву.

— А, отлично,— произнес Арамис.— А какая цель этого посещения? — спросил он шепотом у Атоса.

— По правде сказать, не знаю; может быть, от нас потребуют засвидетельствовать что-нибудь.

— Не по тому ли проклятому делу? — сказал Арамис.— В таком случае мне не чересчур хочется идти; нас, наверное, там проберут, а я не люблю этого, с тех пор как сам пробираю других.

— Если бы это было так,— сказал Атос,— то уж никак не лорд Винтер вел бы нас к ее величеству: ему бы тоже досталось, ведь он был с нами.

— Ах да, это правда. Ну, идем.

Достигнув Лувра, лорд Винтер прошел вперед один; впрочем, у дверей был только один привратник. При дневном свете Атос, Арамис и сам лорд Винтер заметили, как ужасно запущено жилище, которое скарденная благотворительность кардинала предоставила несчастной королеве. Огромные залы, лишенные мебели, покрытые трещинами стены, на которых местами еще блестела позолота лепных украшений, окна, неплотно закрывающиеся, а то и без стекол, полы без ковров, нигде ни караула, ни лакеев — вот что бросилось в глаза Атосу. Он обратил на это внимание своего спутника, молча толкнув его локтем и указывая глазами на окружающую их нищету.

— Мазарини живет лучше,— сказал Арамис.

— Мазарини почти король,— возразил Атос,— а королева Генриетта уже почти не королева.

— Если бы вы пожелали остричь, Атос,— сказал Арамис,— то, право, я уверен, превзошли бы беднягу Вуатюра.

Атос улыбнулся.

Королева ждала их с явным нетерпением, так как едва они вошли в зал, смежный с ее комнатой, она сама появилась на пороге, чтобы встретить их — своих новых придворных, посланных ей судьбой в несчастье.

— Войдите, господа, — сказала она. — Добро пожаловать.

Они вошли и остались стоять. Королева знаком пригласила их сесть, и Атос первый подал пример повиновения. Он был серьезен и спокоен, но Арамис был вне себя: его возмущало бедственное положение королевы, то тут, то там его взор встречал все новые следы нищеты.

— Вы любуетесь окружающей меня роскошью? — спросила королева Генриэтта, окидывая комнату грустным взглядом.

— Прошу прощения у вашего величества, — отвечал Арамис, — но я не могу скрыть своего негодования, видя, как при французском дворе обходятся с дочерью Генриха Четвертого.

— Ваш друг не военный? — спросила королева у лорда Винтера.

— Это аббат д'Эрбле, — отвечал тот.

Арамис покраснел.

— Ваше величество, — сказал он, — я аббат, это верно, но не по своей склонности. Я никогда не чувствовал призвания к рясе. Моя сутана держится только на одной пуговице, и я всегда рад стать снова мушкетером. Сегодня утром, не зная, что мне предстоит честь представиться вашему величеству, я вырядился в это платье, но тем не менее ваше величество найдет во мне человека, который, как самый преданный слуга, исполнит всякое ваше приказание.

— Шевалье д'Эрбле, — заметил лорд Винтер, — один из тех доблестных мушкетеров его величества короля Людовика Тринадцатого, о которых я рассказывал вашему величеству. А это благородный граф де Ла Фер, — продолжал лорд Винтер, обернувшись к Атосу, — высокая репутация которого хорошо известна вашему величеству.

— Господа, — сказала королева, — несколько лет тому назад у меня было дворянство, армия и казна; по одному моему знаку все это было готово к моим услугам. Вы, вероятно, поражены тем, что меня окружает теперь. Чтобы привести в исполнение план, который должен спасти мне жизнь, у меня есть только лорд Винтер, с которым нас связывает двадцатилетняя дружба, — и вы, господа, которых я вижу в первый раз и знаю только как своих соотечественников.

— Этого достаточно, — сказал Атос с глубоким поклоном, — если жизнь трех людей может спасти вашу.

— Благодарю вас, господа, — сказала королева. — Вот письмо, которое король прислал мне с лордом Винтером. Читайте.

Атос и Арамис стали отказываться.

— Читайте, — повторила королева.

Атос стал читать вслух уже известное нам письмо, в котором Карл спрашивал, будет ли ему предоставлено убежище во Франции.

— Ну, и что же? — спросил Атос, дочитав письмо.

— Ну, и он отказал, — сказала королева.

Друзья обменялись презрительной усмешкой.

— А теперь, сударыня, что надо сделать? — спросил Атос.

— Значит, вы испытываете сожаление к моим бедствиям? — сказала королева растроганно.

— Я имею честь просить ваше величество указать мне и господину д'Эрбле, чем мы можем послужить вам; мы готовы.

— Ах, у вас действительно благородное сердце! — горячо воскликнула королева, а лорд Винтер посмотрел на нее, как бы желая сказать: «Разве я не ручался за них?»

— Ну, а вы, сударь? — спросила королева у Арамиса.

— А я, сударыня, — ответил тот, — я всегда без единого вопроса последую за графом всюду, куда он пойдет, даже на смерть; но если дело коснется службы вашему величеству, то, — прибавил он, глядя на королеву с юношеским жаром, — я постараюсь обогнать графа.

— Вот, господа, — сказала королева, — если вы согласны оказать услугу несчастной королеве, покинутой всем миром, что надо сделать. Король сейчас один, если не считать нескольких дворян, которых он каждый день боится потерять; он окружен шотландцами, которым не доверяет, хотя он сам шотландец. С тех пор как лорд Винтер его покинул, я умираю от страха. Может быть, я прошу у вас слишком многого, тем более что не имею никакого права просить. Но молю вас, поезжайте в Англию, проберитесь к королю, будьте его друзьями, охраняйте его, держитесь около него во время битвы, следуйте за ним в дом, где он живет и где ежечасно строятся козни, более опасные, чем пули и мечи, — и взамен этой жертвы, которую вы мне принесете, я обещаю не награду, — нет, это слово может оскорбить вас, — я обещаю любить вас как сестра и оказывать вам предпочтение перед всеми другими, кроме моего мужа и детей, клянусь в этом!..

И королева медленно и торжественно подняла глаза к небу.

— Ваше величество, — спросил Атос, — когда нам отправляться?

— Значит, вы согласны! — радостно воскликнула королева.

— Да, ваше величество. Мы принадлежим вам душой и телом. Но только ваше величество слишком милостивы, обещая нам дружбу, которой мы не заслуживаем.

— О, — воскликнула королева, тронутая до слез. — Вот первый проблеск радости и надежды за последние пять лет. Спасите моего мужа, спасите короля, и хотя вас не соблазняет земная награда за такой прекрасный поступок, позвольте мне надеяться, что я еще увижу вас и смогу лично отблагодарить. Нет ли у вас каких-нибудь пожеланий? Отныне я ваш друг, и так как вы займетесь моими делами, то я должна позаботиться о ваших.

— Я могу только просить ваше величество молиться за нас, — отвечал Атос.

— А я, — сказал Арамис, — одинок, и мне некому больше служить, как вашему величеству.

Королева дала им поцеловать свою руку, а затем тихо сказала лорду Винтеру:

— Если у вас не хватит денег, милорд, то не задумывайтесь ни минуты, сломайте оправу драгоценностей, которые я вам дала, выньте камни и продайте их какому-нибудь ростовщику. Вы получите за них пятьдесят или шестьдесят тысяч ливров. Истратьте их, если будет

нужно. Благородные люди должны быть обставлены так, как они того заслуживают, то есть по-королевски.

У королевы было приготовлено два письма: одно — написанное ею, а другое — ее дочерью Генриэттой. Оба письма были адресованы королю Карлу. Одно письмо она дала Атосу, другое Арамису, чтобы каждому было с чем представиться королю, если обстоятельства их разлучат. Затем все трое вышли.

Сойдя вниз, лорд Винтер остановился.

— Идите, господа, в свою сторону, — сказал он, — я пойду в свою, чтобы не возбуждать подозрений, а вечером в девять часов встретимся у ворот Сен-Дени. Мы поедем на моих лошадях, а когда они выбьются из сил — на почтовых. Еще раз благодарю вас, дорогие друзья, от своего имени и от имени королевы.

Они пожали друг другу руки. Лорд Винтер отправился домой по улице Сент-Оноре, Арамис и Атос пошли вместе.

— Ну что, — сказал Арамис, когда они остались одни, — что вы скажете об этом деле, дорогой граф?

— Дело скверное, — отвечал Атос, — очень скверное.

— Но вы взялись за него с жаром.

— Как и всегда взялся бы за любое благородное дело, дорогой д'Эрбле. Короли сильны дворянством, но и дворяне сильны при королях. Будем поддерживать королевскую власть, этим мы поддерживаем самих себя.

— Нас там убьют, — сказал Арамис. — Я ненавижу англичан, они грубы, как и все люди, пьющие пиво.

— Разве лучше остаться здесь, — возразил Атос, — и отправиться в Бастилию или в казематы Венсенской крепости за содействие побегу герцога де Бофора? Право, Арамис, нам жалеть нечего, уверяю вас. Мы избежим тюрьмы и поступим как герои; выбор нетруден.

— Это верно. Но в каждом деле, мой дорогой, надо начинать с вопроса, очень глупого, я это знаю, но неизбежного: есть ли у вас деньги?

— Около сотни пистолей, которые прислал мой арендатор накануне нашего отъезда из Бражелона; из них мне половину надо оставить Раулю: молодой дворянин должен жить достойным образом. Значит, у меня около пятидесяти пистолей. А у вас?

— У меня? Я уверен, что если выверну все карманы и обшарю все ящики, то не найду и десяти луидоров. Счастье, что лорд Винтер богат.

— Лорд Винтер в настоящее время разорен, так как его доходы получает Кромвель.

— Вот когда барон Портос пригодился бы, — заметил Арамис.

— Вот когда пожалеешь, что д'Артаньян не с нами, — сказал Атос.

— Какой толстый кошелек!

— Какая доблестная шпага!

— Соблазним их!

— Нет, Арамис, эта тайна принадлежит не нам. Поверьте мне, мы не должны никого посвящать в нее. Кроме того, поступив так, мы показали бы, что не полагаемся на свои силы. Пожалеем про себя, но не будем об этом говорить вслух.

— Вы правы. Чем вы займетесь до вечера? Мне-то придется похлопотать — надо отложить два дела.

— А можно отложить эти два дела?

— Черт возьми, приходится!

— Какие же это дела?

— Во-первых, нанести удар шпагой коадьютору, которого я встретил вчера у госпожи Рамбуле и который вздумал разговаривать со мной каким-то странным тоном.

— Фи, ссора между духовными лицами! Дуэль между союзниками!

— Что делать, дорогой граф! Он забияка, и я тоже; он вечно вертится у дамских юбок, я тоже; ряса тяготит его, и мне, признаться, она надоела. Иногда мне даже кажется, что он Арамис, а я коадьютор, так много между нами сходства. Этот Созий мне надоел, он вечно заслоняет меня. К тому же он бестолковый человек и погубит наше дело. Я убежден, что если бы я дал ему такую же оплеуху, как сегодня утром тому горожанину, что забрызгал меня, это сильно бы изменило состояние дел.

— А я, дорогой Арамис,— спокойно ответил Атос,— думаю, что это изменило бы только состояние лица господина де Реца. Поэтому послушайте меня, оставим все как оно есть; да теперь ни вы, ни он не принадлежите более самим себе: вы принадлежите английской королеве, а он — Фронде. Итак, если второе дело, которое вы должны отложить, не важнее первого...

— О, второе дело очень важное.

— В таком случае выполняйте его сейчас.

— К несчастью, не в моей власти выполнить его, когда мне хотелось бы. Оно назначено на вечер, попозже.

— А, понимаю,— сказал Атос с улыбкой,— в полночь?

— Почти.

— Что же делать, дорогой друг, это дело из таких, которые можно отложить, и вы его отложите, тем более что по возвращении у вас будет достаточное оправдание...

— Да, если я вернусь.

— А если не вернетесь, то не все ли вам равно? Будьте же благоразумным, Арамис. Вам уже не двадцать лет, друг мой.

— К великому моему сожалению. О, если бы мне было только двадцать лет!

— Да,— произнес Атос,— сколько глупостей вы бы тогда еще наделали! Однако нам пора расстаться. Мне надо еще сделать два визита и написать письмо. Зайдите за мной в восемь часов, а лучше давайте поужинаем вместе в семь?

— Отлично,— сказал Арамис.— Мне надо сделать двадцать визитов и написать столько же писем.

На этом они расстались. Атос нанес визит госпоже де Вандом, расписался в числе посетителей у герцогини де Шеврез и написал д'Артаньяну следующее письмо:

«Дорогой друг, я уезжаю с Арамисом по важному делу. Хотел бы проститься с вами, но не имею времени. Помните, я пишу вам, чтобы еще раз подтвердить вам свою любовь.

Рауль поехал в Блуа и ничего не знает о моем отъезде; присматривайте за ним в мое отсутствие сколько можете, и если в течение трех месяцев от меня не будет известий, то скажите ему, чтобы он вскрыл запечатанный пакет на его имя, который он найдет в Блуа в моей бронзовой шкатулке. Посылаю вам ключ от нее.

Обнимите Портоса от имени Арамиса и моего. До свиданья, а может быть, прощайте».

Письмо это он послал с Блезуа.

В условленный час Арамис явился. Он был одет для дороги, со шпагой на боку — той старой шпагой, которую он так часто обнажал и которую теперь особенно стремился обнажить.

— Вот что, — сказал он, — я думаю, напрасно мы уезжаем так, не оставив хоть несколько прощальных строк Портосу и д'Артаньяну.

— Все уже сделано, дорогой друг, — ответил Атос, — я подумал об этом и простился с ними за вас и за себя.

— Вы удивительный человек, дорогой граф, — воскликнул Арамис, — вы ничего не забываете!

— Ну что, вы примирились с нашим путешествием?

— Вполне, и теперь, обдумав все, я даже рад, что покидаю Париж на это время.

— И я тоже, — сказал Атос. — Я только жалею, что не мог обнять д'Артаньяна, но этот дьявол хитер и, наверное, догадался бы о наших планах.

Они кончали ужинать, когда вернулся Блезуа.

— Сударь, вот ответ от господина д'Артаньяна, — сказал он.

— Но ведь я не просил ответа, дурак, — возразил Атос.

— Я и не ждал ответа, но он велел вернуть меня и вручил мне вот это.

С этими словами Блезуа подал маленький, туго набитый, звенящий кожаный мешочек.

Атос раскрыл его и сначала вынул оттуда следующую записку: «Дорогой граф!

Лишние деньги в путешествии не помешают, в особенности если путешествие затевается месяца на три. Вспомнив наши прежние тяжелые времена, посылаю вам половину моих наличных денег: это из тех, что мне удалось вытянуть у Мазарини, поэтому умоляю вас, не тратьте их на какое-нибудь уж очень дрянное дело.

Я никак не верю тому, чтобы мы могли вовсе больше не увидаться. С вашим сердцем и вашей шпагой пройдешь везде. Поэтому до свиданья, а не прощайте. Рауля я полюбил с первой встречи как родного сына. Тем не менее, искренне молю небо, чтобы мне не пришлось стать ему отцом, хотя я и гордился бы таким сыном.

Ваш д'Артаньян.

P. S. Само собой разумеется, что пятьдесят луидоров, которые я вам посылаю, предназначаются как вам, так и Арамису, как Арамису, так и вам».

Атос улыбнулся, и его красивые глаза затуманились слезой. Значит, д'Артаньян, которого он всегда любил, любит его по-прежнему, хотя и стал мазаринистом!

— Честное слово, тут пятьдесят луидоров, — сказал Арамис, высыпая деньги из кошелька на стол, — и все с портретом Людовика Тринадцатого! Что вы намерены с ними делать, граф, оставите или отошлете обратно?

— Конечно, оставлю, Арамис. Даже если б я не нуждался в деньгах, и то оставил бы их. Что предлагается от чистого сердца, надо принимать с чистым сердцем. Возьмите себе двадцать пять, а остальные двадцать пять дайте мне.

— Отлично. Я очень рад, что вы одного мнения со мной. Ну что же, в дорогу?

— Хоть сейчас, если желаете. Но разве вы не берете с собой слугу?

— Нет, этот дуралей Базен имел глупость, как вы знаете, сделаться причетником в соборе и теперь не может отлучиться.

— Хорошо, вы возьмете Блезуа, который мне не нужен, так как у меня есть Гримо.

— Охотно, — ответил Арамис.

В эту минуту Гримо появился на пороге.

— Готово, — произнес он со своей обычной краткостью.

— Итак, едем, — сказал Атос.

Лошади были действительно уже оседланы, слуги тоже готовы были тронуться в путь.

На углу набережной они повстречали запыхавшегося Базена.

— Ах, сударь, — воскликнул он, — слава богу, что я поспел как раз вовремя.

— В чем дело?

— Господин Портос только что был у вас и оставил вам вот это, сказав, что надо передать вам спешно и непременно до вашего отъезда.

— Хорошо, — сказал Арамис, принимая от Базена кошелек. — Что же это такое?

— Подождите, господин аббат, у меня есть письмо.

— Я уже сказал тебе, что если ты еще раз назовешь меня иначе чем шевалье, я тебе все кости переломаяю! Давай письмо!

— Как же вы будете читать? — спросил Атос. — Ведь здесь темно, как в погребке.

— Сейчас, — сказал на это Базен и, вынув огниво, зажег витой огарок, которым зажигал свечи в соборе.

Арамис распечатал письмо и прочел:

«Дорогой д'Эрбле!

Я узнал от д'Артаньяна, передавшего мне привет от вас и от графа де Ла Фер, что вы отправляетесь в экспедицию, которая продолжится месяца два или три. Так как я знаю, что вы не любите просить у друзей, то предлагаю вам сам. Вот двести пистолей, которыми вы можете располагать и которые вы возвратите когда вам будет угодно. Не бойтесь стеснить меня: если мне понадобятся деньги, я могу послать за ними в любой из моих замков. В одном Брасье у меня лежат двадцать тысяч ливров золотом. Поэтому если я не посылаю вам больше, то только из опасения, что большую сумму вы откажетесь принять. Обращаюсь к вам потому, что, как вы знаете, я немного робею невольно перед графом де Ла Фер, хотя люблю его от всего сердца.

То, что я предлагаю вам, само собой разумеется, я предлагаю и ему.

Преданный вам, в чем, надеюсь, вы не сомневаетесь,

дю Валлон де Брасье де Пьерфон».

— Ну,— промолвил Арамис,— что вы на это скажете?

— Я скажу, дорогой д'Эрбле, что было бы почти грешно сомневаться в провидении, имея таких друзей.

— Итак?

— Итак, разделим пистолы Портоса, как мы разделили уже луидоры д'Артаньяна.

Дележ был произведен при свете витой свечки Базена, и оба друга отправились дальше.

Через четверть часа они были у ворот Сен-Дени, где лорд Винтер уже ожидал их.

Глава 46

ГДЕ ПОКАЗЫВАЕТСЯ, ЧТО ПЕРВЫЙ ПОРЫВ —
ВСЕГДА САМЫЙ ПРАВИЛЬНЫЙ

рое друзей поехали по пикардийской дороге, хорошо им знакомой и вызвавшей у Атоса и Арамиса немало ярких воспоминаний из времен их молодости.

— Если бы Мушкетон был с нами,— сказал Атос, когда они достигли того места, где у них был спор с каменщиками,— как бы он задрожал, проезжая здесь. Вы помните, Арамис? Ведь это здесь он получил знаменитую пулю.

— Честное слово, я не осудил бы его,— отвечал Арамис,— меня самого дрожь пробирает при этом воспоминании; посмотрите, вон за тем деревом место, где я думал, что мне пришел конец.

Поехали дальше.

Скоро и Гримо кое-что припомнил. Когда проезжали мимо той гостиницы, где когда-то они вместе со своим господином учинили такой великолепный разгром, Гримо подъехал к Атосу и, указывая на отдушину погреба, сказал:

— Колбасы!

Атос рассмеялся. Собственная юношеская проделка показалась ему теперь такой же забавной, как если бы ему рассказали о чужой.

Проведя в пути два дня и ночь, под вечер, при великолепной погоде, прибыли они в Булонь, в те времена почти пустынный город, расположенный весь на возвышенности; того, что называется теперь «нижним городом», еще не существовало. Булонь была мощной крепостью.

— Господа,— сказал лорд Винтер, когда они подъехали к воротам,— поступим так же, как в Париже: въедем порознь, чтобы не возбуждать подозрений. Я знаю здесь один трактир; он мало посещается, и хозяин его предан мне всей душой. Туда я и направлюсь, там должны быть для меня письма, а вы поезжайте в любую гостиницу, например

в гостиницу «Шпаги Великого Генриха». Отдохните и через два часа будьте на пристани; наше судно, наверное, нас ожидает.

Так и порешили. Винтер продолжал свой путь вдоль наружного вала, чтобы въехать в город через другие ворота, оба же друга въехали в те ворота, перед которыми они находились. Проехав шагов двести, они увидели гостиницу, о которой говорил Винтер.

Лошадей покормили, не расседывая; слуги сели ужинать, так как было уж поздно; господа, торопившиеся на судно, велели им прийти на пристань, запретив разговаривать с кем бы то ни было. Это запрещение касалось, конечно, только Блезуа, потому что для Гримо оно уже давно стало излишним.

Атос и Арамис направились в гавань. Их запыленная одежда, а также известная непринужденность в манерах и движениях, по которой всегда можно отличить людей, привыкших к путешествиям, привлекли внимание нескольких гуляющих. На одного из них, по-видимому, появление Арамиса и Атоса произвело особенно сильное впечатление.

Этот человек, на которого и они обратили внимание по тем же причинам, по каким их самих замечали другие, одиноко ходил взад и вперед по дамбе. Увидя их, он уже не спускал с них глаз и, видимо, горел желанием заговорить с ними. Он был молод и бледен, с очень светлыми глазами, которые могут, как глаза тигра, загораться любым отражаемым цветом; его походка, несмотря на медленность и неуверенность при поворотах, была тверда и смела; одет он был во все черное и довольно ловко носил длинную шпагу.

Выйдя на дамбу, Атос и Арамис остановились посмотреть на небольшую лодку, вполне снаряженную и привязанную к свае.

— Это, без сомнения, наша,— сказал Атос.

— Да,— отвечал Арамис,— а вон то судно готовится к отплытию и, вероятно, отвезет нас по назначению. Только бы лорд Винтер не заставил себя ждать. Здесь оставаться совсем не весело: не видно ни одной женщины.

— Тише,— произнес Атос,— нас слушают.

Действительно, бледный молодой человек, который уже несколько раз проходил мимо двоих друзей, пока они рассматривали лодку, услышав имя лорда Винтера, остановился. Правда, это могло быть случайностью, так как лицо его сохраняло полное равнодушие.

— Господа,— обратился он к ним, поклонившись очень вежливо и непринужденно,— простите мне мое любопытство, но вы, кажется, приехали из Парижа или, во всяком случае, не здешние?

— Да, мы из Парижа, сударь,— ответил Атос так же вежливо.— Чем могу служить?

— Не будете ли вы так добры сказать мне, сударь,— продолжал молодой человек,— правда ли, что кардинал Мазарини уже больше не министр?

— Вот странный вопрос,— произнес Арамис.

— Он и министр и не министр,— отвечал Атос.— Половина Франции старается его прогнать, но разными интригами и обещаниями он привлек на свою сторону другую половину; это может продолжаться очень долго, как вы сами понимаете.

— Итак, сударь,— сказал незнакомец,— он не бежал и не находится в тюрьме?

— Нет, по крайней мере, в настоящее время.

— Крайне вам признателен, господа, за вашу любезность,— произнес молодой человек, отходя.

— Что вы скажете об этом допросчике? — спросил Арамис.

— Я скажу, что это либо скучающий провинциал, либо шпион, собирающий сведения.

— И вы так отвечали ему?

— Я не имел основания поступить иначе. Он был вежлив со мной, и я был вежлив с ним.

— Но все же, если это шпион...

— Что же может сделать шпион? Теперь не времена Ришелье, когда по одному подозрению запирались гавани.

— Все-таки вы напрасно так отвечали ему,— сказал Арамис, провояжая глазами молодого человека, фигура которого понемногу скрывалась за дюнами.

— А вы,— возразил Атос,— забываете, что сами поступили еще более неосторожно, произнеся имя лорда Винтера. Разве вы не заметили, что этот молодой человек остановился именно тогда, когда услышал его имя?

— Тем более следовало предложить ему идти своей дорогой, когда он обратился к вам.

— То есть затеять ссору? Я опасюсь ссор, когда меня где-нибудь ждут — ведь и ссора может меня задержать. Кроме того, давайте-ка я вам кое в чем признаюсь: мне самому хотелось рассмотреть молодого человека поближе.

— Для чего?

— Арамис, вы будете смеяться надо мной. Арамис, вы скажете, что я вечно твержу одно и то же, что мне мерещится со страху...

— Но в чем же дело?

— На кого похож этот молодой человек?

— С какой стороны? С хорошей или с дурной? — спросил, смеясь, Арамис.

— С дурной, и настолько, насколько мужчина может иметь сходство с женщиной?

— А, черт возьми! — воскликнул Арамис.— Вы заставляете меня призадуматься. Нет, конечно, дорогой друг, вам не мерещится, и я сам вижу, что вы правы. Этот тонкий впалый рот, эти глаза, которые словно повинуются только рассудку, а не сердцу... Это какой-нибудь ублюдок миледи.

— Вы смеетесь, Арамис?

— Просто по привычке. Ибо, клянусь вам, я не более вашего хотел бы встретить этого змееныша на нашей дороге.

— Вот и Винтер! — воскликнул Атос.

— Отлично. Теперь недостает только наших лакеев, они что-то запаздывают,— замечил Арамис.

— Нет,— возразил Атос,— я уже вижу их. Они идут в двадцати

шагах позади милорда. Я узнал Гримо по его длинным ногам и задранной вверх голове. Тони несет наши карабины.

— Значит, мы отплываем в ночь? — спросил Арамис, оглядываясь на запад, где от солнца оставалось уже только золотистое облачко, понемногу таявшее в море.

— Вероятно, — отвечал Атос.

— Вот дьявол, — произнес Арамис, — я и днем-то недолюбиваю море, а ночью тем более. Этот шум волн, рев ветра, ужасная качка... Признаюсь, я предпочел бы сидеть сейчас в монастыре в Нуази.

Атос улыбнулся своей печальной улыбкой, думая, очевидно, совсем о другом, и направился навстречу лорду Винтеру.

Арамис последовал за ним.

— Что же с вашим другом? — спросил Арамис. — Он похож на одного из тех грешников в дантовском аду, которым сатана свернул шею и которые смотрят на свои пятки. Какого черта он все оглядывается?

Заметив их тоже, лорд Винтер ускорил шаг и подошел к ним с необычайной поспешностью.

— Что с вами, милорд? — спросил Атос. — Отчего вы так запыхались?

— Нет, ничего, — отвечал лорд Винтер, — только когда я проходил мимо дюн, мне показалось...

Он опять оглянулся. Атос посмотрел на Арамиса.

— Однако едемте, — воскликнул лорд Винтер, — едемте, лодка, вероятно, уже ожидает нас, а вот и наше судно стоит на якоре. Видите вы его? Я хотел бы уже быть на борту.

Он опять оглянулся.

— Вы забыли что-нибудь? — спросил Арамис.

— Нет, я просто озабочен.

— Он видел его, — шепнул Арамису Атос.

Тем временем они подошли к лестнице, у которой стояла лодка. Лорд Винтер велел сначала сойти слугам с оружием и носильщикам с багажом, а уж затем стал спускаться сам.

В эту минуту Атос заметил человека, который шел по берегу параллельно дамбе и спешил к противоположному концу гавани, расположенному шагах в двадцати от них, как будто намереваясь оттуда следить за их отъездом.

Хотя уже стемнело, Атосу все же показалось, что это тот самый человек, который обращался к нему с вопросами.

«Ого, — подумал он про себя, — уж не шпион ли это в самом деле и не собирается ли он помешать нашему отъезду?»

— Видимо, он замышляет что-то против нас, — сказал Атос. — Мы все-таки отчалим, а когда будем в открытом море, пусть пожалеет к нам.

С этими словами Атос вскочил в лодку, которая сразу отошла от причала и стала быстро удаляться под ударами весел четырех сильных гребцов.

Молодой человек между тем продолжал идти по берегу, немного обгоняя лодку. Она должна была пройти по узкому проходу между

концом дамбы, где находился только что засветившийся маяк, и скалой, торчавшей на берегу. Издали они видели, как молодой человек взбирался на эту скалу, чтобы оказаться над лодкой, когда она будет проходить мимо.

— Решительно, этот молодой человек — шпион, — сказал Арамис Атосу.

— Какой молодой человек? — спросил лорд Винтер, обращившись к ним.

— Да тот, который все ходил сзади, заговорил с нами и теперь ожидает нас вон там. Вы видите?

Лорд Винтер посмотрел в ту сторону, куда указывал Арамис. Маяк ярко освещал проход, по которому они плыли, нависавшую скалу и на ней фигуру молодого человека, стоявшего с обнаженной головой и скрещенными руками.

— Это он! — воскликнул лорд Винтер, хватая Атоса за руку. — Это он! Мне уже раньше показалось, что я узнал его, и я не ошибся.

— Кто он? — спросил Арамис.

— Сын миледи, — отвечал Атос.

— Монах! — воскликнул Гримо.

Молодой человек услышал эти слова. Можно было подумать, что он хочет броситься вниз, до того он свесился со скалы.

— Да, это я, дядюшка! — крикнул он. — Я, сын миледи! Я, монах! Я, секретарь и друг Кромвеля! И я знаю теперь вас и ваших спутников!

В лодке было три человека безусловно храбрых, в мужестве которых никто бы не усомнился. Но все же, услышав этот голос, увидев это лицо, они почувствовали, как дрожь пробежала по их спинам. А у Гримо волосы поднялись дыбом и обильный пот выступил на лбу.

— Ага, — сказал Арамис, — так это племянник, это монах, сын миледи, как он сам говорит!

— Увы, да, — прошептал лорд Винтер.

— Хорошо, подождите, — сказал Арамис.

И с ужасным хладнокровием, появлявшимся у него в решительные минуты, он взял один из мушкетов, что держал Тони, зарядил его и прицелился в человека, стоявшего на скале, подобно ангелу тьмы.

— Стреляйте! — крикнул Гримо вне себя.

Атос схватил дуло карабина и не дал выстрелить.

— Черт бы вас побрал! — вскричал Арамис. — Я так хорошо в него прицелился. Я всадил бы ему пулю прямо в грудь.

— Довольно того, что мы убили мать, — глухо произнес Атос.

— Его мать была негодяйка, причинившая зло всем нам и нашим близким.

— Да, но сын ничего нам не сделал.

Гримо, привставший было, чтобы увидеть результат выстрела, махнул рукой и в отчаянье опустился на скамью.

Молодой человек разразился хохотом.

— А, так это вы! — крикнул он. — Это вы, теперь-то я вас знаю!

Его резкий смех и грозные слова пронесли над лодкой и, унесенные ветром, замерли в отдаленье.

Арамис содрогнулся.

— Спокойствие,— сказал Атос.— Что за черт! Или мы перестали быть мужчинами?

— Ну, нет,— возразил Арамис,— только ведь это истинный демон. Спросите дядю, не был ли я прав, собираясь освободить его от такого милого племянника?

Винтер ответил только вздохом.

— Все было бы кончено,— продолжал Арамис.— Право, Атос, я боюсь, что из-за вашего благоразумия я сделал порядочную глупость. Атос взял лорда Винтера под руку и, стараясь переменить разговор, спросил:

— Когда мы прибудем в Англию?

Но лорд Винтер не расслышал его слов и ничего не ответил.

— Послушайте, Атос,— сказал Арамис,— может быть, еще не поздно? Смотрите, он все еще там.

Атос нехотя обернулся: ему, очевидно, было тягостно смотреть на этого молодого человека. Действительно, тот все еще стоял на скале, озаренный светом маяка.

— Но что он делает в Булони? — спросил рассудительный Атос, всегда доискивавшийся причин и мало заботившийся о следствиях.

— Он следил за мной, он следил за мной,— сказал лорд Винтер, на этот раз услышав слова Атоса, так как они совпали с его мыслями.

— Если бы он следил за вами, мой друг,— возразил Атос,— он знал бы о нашем отъезде; а по всей вероятности, он, напротив, явился сюда раньше нас.

— Ну, тогда я ничего не понимаю! — произнес англичанин, качая головой, как человек, считающий бесполезной борьбу с сверхъестественными силами.

— Положительно, Арамис,— сказал Атос,— мне кажется, что я напрасно удержал вас.

— Молчите,— сказал Арамис,— я бы заплакал сейчас, если бы умел.

Гримо что-то глухо ворчал, словно разъяренный зверь.

В это время их окликнули с судна. Лоцман, сидевший у руля, ответил, и лодка подошла к шлюпу.

В одну минуту пассажиры, их слуги и багаж были на борту. Капитан ждал только их прибытия, чтобы отойти. Едва они вступили на палубу, как судно снялось с якоря и направилось в Гастингс, где им предстояло высадиться.

В эту минуту три друга невольно еще раз оглянулись на скалу, на которой по-прежнему виднелась грозная тень.

Затем, в ночной тишине, до них долетел угрожающий голос:

— До свиданья, господа, увидимся в Англии!

о оживление, которое королева Генриэтта заметила во дворце и причину которого она тщетно пыталась разгадать, было вызвано лансской победой. Вестником этой победы принц Конде послал герцога де Шатильона, немало ей содействовавшего; ему же было поручено развесить под сводами собора Богоматери двадцать два знамени, взятых у лотарингцев и испанцев.

Известие это имело самое важное значение: борьба с парламентом разрешалась в пользу двора. Вводя без соблюдения должной формы налоги, вызывавшие протест парламента, правительство заявляло, что они необходимы для поддержания чести Франции, и сулило победы над неприятелем. А так как после битвы при Нордлингене не случилось ничего, кроме неудач, то парламенту легко было требовать объяснений у Мазарини по поводу этих побед, вечно обещаемых и все откладываемых на будущее. Но на этот раз ожидания сбылись, был одержан успех, и успех полный. Поэтому всем было ясно, что двор празднует двойную победу: победу над внешним врагом и победу над врагами внутренними. Даже юный король, получив это известие, воскликнул:

— Ага, господа парламентские советники, послушаем, что вы скажете теперь!

За эти слова королева прижала к сердцу своего царственного сына, высокомерный и своевольный нрав которого так хорошо соответствовал ее собственному.

В тот же вечер был созван совет, на который пригласили: маршала де Ла Мельера и г-на де Вильруа, потому что они были мазаринистами; Шавиньи и Сегье, потому что они ненавидели парламент, а также Гито и Коменжа, потому что они были преданы королеве.

Что было решено на этом совете, осталось тайной. Узнали только, что в ближайшее воскресенье в соборе Богоматери состоится торжественная месса по случаю победы при Лансе.

Поэтому в следующее воскресенье парижане проснулись в веселом настроении. Благодарственная месса в те времена была большим событием; тогда не злоупотребляли такими торжественными церемониями, и они производили подобающее впечатление. Даже солнце, казалось, принимало участие в торжестве; оно ослепительно сверкало, золотя мрачные башни собора, уже переполненного огромными толпами народа. Самые темные улицы Старого города приняли праздничный вид, и вдоль набережных вытянулись длинные вереницы горожан, ремесленников, женщин и детей, направляющихся в собор Богоматери, подобно реке, текущей вспять к своим истокам.

Лавки были пусты, дома заперты. Всякому хотелось посмотреть на молодого короля, на его мать и на пресловутого кардинала Мазарини, которого все до того ненавидели, что никто не хотел лишиться себя случая на него полюбоваться.

Полнейшая свобода царила среди этой бесчисленной народной массы. Всякие мнения высказывались открыто, и, если можно так выразиться, в народе трезвонили о бунте, а тысячи колоколов со всех церквей трезвонили о мессе. Порядок в городе поддерживался самими горожанами. Ничьи угрозы не мешали единодушному проявлению всеобщей ненависти и не замораживали брань на устах.

Все же около восьми часов утра полк гвардии королевы, под командой Гито и его помощника и племянника Коменжа, с трубачами и барабанщиками впереди, стал развертываться между Пале-Роялем и собором. Горожане, всегда падкие до военной музыки и блестящих мундиров, спокойно смотрели на этот маневр.

Фрике нарядился в этот день по-праздничному и под предлогом флюса, которым он мгновенно обзавелся, засунув за щеку бесчисленное количество вишневых косточек, получил от своего начальника Базена отпуск на целый день. Сначала Базен ему отказал: он был не в духе, во-первых, оттого, что Арамис уехал, не сказав ему куда, затем потому, что был вынужден прислуживать на мессе по случаю победы, которой он сам никак не мог радоваться. Базен, как мы знаем, был фрондер, и если бы при подобном торжестве причетник мог отлучиться, как простой мальчик из хора, то Базен, конечно, обратился бы к архиепископу с той же просьбой, с какой обратился к нему Фрике. Итак, сначала он отказал наотрез. Но тогда, на глазах Базена, опухоль Фрике так выросла в объеме, что стала угрожать чести всего хора, который был бы, несомненно, опозорен таким уродством. Базен, в конце концов, хотя и ворча, уступил. Едва выйдя из собора, Фрике выплюнул всю свою опухоль и сделал в сторону Базена один из тех жестов, которые обеспечивают за парижскими мальчишками превосходство над мальчишками всего мира. Он, понятно, освободился и от своих обязанностей в трактире под предлогом, что ему надо прислуживать на мессе в соборе.

Итак, Фрике был свободен, и, как мы уже сказали, он нарядился в самое роскошное свое платье. Главным украшением его особы была шапка, один из тех не поддающихся описанию колпаков, которые представляют нечто среднее между средневековым беретом и шляпой времен Людовика XIII. Этот замечательный головной убор смастерила ему мать: по прихоти ли, или за нехваткой одинаковой ткани, она мало заботилась о подборе красок; и потому это чудо шляпочного искусства семнадцатого века было с одной стороны желтое с зеленым, а с другой — белое с красным. Но Фрике, вообще любивший разнообразие в тонах, только гордился этим.

Отделавшись от Базена, Фрике бегом направился к Пале-Роялю и прибежал туда как раз в ту минуту, когда из ворот дворца выходил гвардейский полк. Так как Фрике явился сюда для того, чтобы насладиться зрелищем и послушать музыку, то он сейчас же присоединился к музыкантам и начал маршировать рядом с ними, сначала изображая барабанный бой с помощью двух грифельных досок, затем подражая губами звукам трубы с искусством, которое не раз доставляло ему похвалу любителей подражательной музыки.

Этого развлечения хватило от заставы Сержантов до Соборной площади, и Фрике все время испытывал истинное наслаждение. Но когда полк пришел на место и роты вошли в Старый город и, развернувшись, построились до самого конца улицы св. Христофора, вблизи улицы Кокатри, где жил советник Брусель, Фрике вспомнил, что он еще не завтракал, и задумался над тем, куда бы ему направить свои стопы для выполнения этого важного акта в программе дня. По зрелом размышлении он решил поесть за счет советника Бруселя.

Поэтому он пустился бегом, запыхавшись, прибежал к дому советника и стал стучать в дверь.

Ему отворила его мать, старая служанка Бруселя.

— Что тебе надо, бездельник, — спросила она, — почему ты не в соборе?

— Я был там, мамаша Наннета, — ответил Фрике, — но я видел, что там происходят вещи, о которых следовало бы предупредить господина Бруселя. И с разрешения господина Базена, — вы ведь знаете господина Базена, нашего причетника? — я пришел сюда, чтобы поговорить с господином Бруселем.

— Что же ты хочешь сказать господину Бруселю, обезьяна?

— Я хочу поговорить с ним лично.

— Этого нельзя: он работает.

— Ну, я подожду, — сказал Фрике, которого это устраивало тем лучше, что он знал, как использовать свое время.

С этими словами он быстро поднялся по ступеням крыльца, обогнав Наннету.

— Что ж тебе надо, наконец, от господина Бруселя? — спросила она.

— Я хочу сказать ему, — отвечал ей Фрике, крича во всю глотку, — что с той стороны идет целый гвардейский полк. А так как все говорят, что двор настроен против господина Бруселя, то я пришел предупредить, чтобы он был настороже.

Брусель услышал слова юного плута и, растроганный таким усердием, спустился в нижний этаж; он действительно работал у себя в кабинете, во втором этаже.

— Мой друг, — сказал он, — что нам за дело до гвардейского полка? Ты, верно, с ума сошел, что поднял такой переполох? Разве ты не знаешь, что эти господа всегда так делают и что по пути короля всегда выстраивают рядами этот полк?

Фрике изобразил на своем лице удивление и начал мять в руках свою шапку.

— Ничего нет удивительного, что вы это знаете, господин Брусель, вам ведь известно все, — сказал он, — но я, клянусь богом, ничего не знал и думал услужить вам. Не сердитесь на меня за это, господин Брусель.

— Напротив, мой милый, напротив, твое усердие мне нравится. Наннета, — обратился Брусель к служанке, — достаньте-ка абрикосы, которые прислала нам госпожа де Лонгвиль из Нуази, и дайте полдюжины вашему сыну вместе с краюхой свежего хлеба.

— Ах, благодарю вас,— воскликнул Фрике,— благодарю вас. Я как раз очень люблю абрикосы.

Брусель прошел к своей жене и попросил подать ему завтрак. Было половина десятого. Советник подошел к окну. Улица была совершенно пустынна, но издали доносился, подобно морскому прибою, глухой шум народа, толпы которого, волна за волной, затопляли площадь и улицы вокруг собора Богоматери.

Шум этот еще усилился, когда явился д'Артаньян с ротой мушкетеров и расположился у входа в собор, чтобы держать караул. Он предложил Портосу воспользоваться случаем посмотреть церемонию, и Портос приехал на лучшей из своих лошадей, в парадной форме, в качестве почетного мушкетера, каким некогда был д'Артаньян. Сержант роты, старый солдат времен испанских войн, узнал в Портосе своего бывшего товарища и сообщил своим подчиненным о высоких заслугах этого великана, гордости прежних мушкетеров Тревиля. Поэтому Портоса встретили не только радушно — на него смотрели с восхищением.

В десять часов пушечный выстрел из Лувра возвестил о выезде короля. Позади гвардейцев, неподвижно стоявших с мушкетами в руках, толпа заколыхалась, как колышутся деревья, когда буйный вихрь склоняет и теребит их верхушки. Наконец в раззолоченной карете показался король с королевой. За ними следовали в десяти каретах придворные дамы, чины королевского дома и весь двор.

— Да здравствует король! — закричали со всех сторон.

Юный король важно выглянул из окна кареты, сделал довольно приветливое лицо и даже чуть приметно кивнул головой, что еще более усилило крики толпы.

Процессия подвигалась вперед очень медленно, и на переезд от Лувра к площади Собора ей понадобилось около получаса. Здесь все прибывшие один за другим вошли под обширные своды сумрачного храма, и богослужение началось.

В то время, как члены двора занимали свои места в соборе, карета, украшенная гербами Коменжа, выделилась из вереницы придворных экипажей и медленно отъехала в конец улицы св. Христофора, совершенно безлюдной. Здесь четыре гвардейца и полицейский офицер, сопровождавшие эту тяжеловесную колымагу, вошли в нее, затем полицейский офицер опустил шторы и сквозь предусмотрительно проделанное отверстие стал глядеть вдоль улицы, словно поджидая кого-то.

Все были заняты церемонией, так что ни карета, ни предосторожности, принятые сидевшими в ней, не привлекли ничего внимания.

Только зоркий глаз Фрике мог бы их заметить, но Фрике лакомился своими абрикосами, примостившись на карнизе одного из домов в ограде собора. Оттуда он мог видеть короля, королеву и Мазарини, а мессу слушать так, как если бы он сам прислуживал в соборе.

К концу богослужения королева, заметив, что Коменж стоит около нее, ожидая подтверждения приказа, данного перед отъездом из Лувра, сказала вполголоса:

— Ступайте, Коменж, и да поможет вам бог.

Коменж тотчас же вышел из собора и направился по улице св. Христофора. Фрике, заметив такого великолепного офицера в сопровождении двух гвардейцев, из любопытства отправился за ними — тем охотнее, что богослужение почти тотчас кончилось и король с королевой уже садились в карету.

Как только Коменж показался в конце улицы Кокатри, сидевший в карете полицейский офицер сказал два слова кучеру. Тот тронул лошадей, и колымага подъехала к дому Бруселя. Как раз в ту же минуту к дверям подошел Коменж; он постучался.

Фрике стоял за спиной Коменжа, поджидая, когда откроют дверь.

— Ты что тут делаешь, плут? — спросил его Коменж.

— Жду, чтобы войти к господину Бруселю, господин офицер, — ответил Фрике с тем простодушным видом, какой умеют принимать при случае парижские мальчишки.

— Значит, он здесь живет? — спросил Коменж.

— Да, сударь.

— А который этаж он занимает?

— Весь дом, — отвечал Фрике, — это его дом.

— Но где же он сам обыкновенно находится?

— Работает он во втором этаже, а завтракает и обедает в нижнем. Сейчас он, вероятно, обедает, так как уже полдень.

— Хорошо.

В это время дверь отворили, и на вопрос Коменжа лакей ответил, что Брусель дома и сейчас действительно обедает. Коменж пошел вслед за лакеем, а Фрике пошел вслед за Коменжем.

Брусель сидел за столом со своей семьей. Напротив него сидела его жена, по обеим сторонам — две дочери, а в конце стола — сын Бруселя, Лувьер; с ним мы уже познакомились, когда с советником случилось на улице несчастье, после которого он уже успел вполне оправиться. Чувствуя теперь себя совершенно здоровым, он лакомился великолепными фруктами, присланными ему г-жой де Лонгвиль.

Коменж, удержав за руку лакея, собиравшегося уже открыть дверь и доложить о нем, сам отворил ее и застал эту семейную картину.

При виде офицера Брусель немного смутился, но, видя, что тот ему вежливо поклонился, встал и ответил на поклон.

Несмотря, однако, на эту обоюдную вежливость, на лицах женщин отразилось беспокойство. Лувьер побледнел и с нетерпением ожидал, чтобы офицер объяснился.

— Сударь, — сказал Коменж, — я к вам с приказом от короля.

— Отлично, сударь, — отвечал Брусель, — какой же это приказ?

И он протянул руку.

— Мне поручено арестовать вас, сударь, — сказал Коменж тем же тоном и с прежней вежливостью, — и если вам угодно будет поверить мне на слово, то вы избавите себя от труда читать эту длинную бумагу и последуете за мной.

Если бы среди этих добрых людей, мирно собравшихся за столом, ударила молния, это произвело бы меньшее потрясение. Брусель задрожал и отступил назад. В те времена быть арестованным по милости короля было ужасной вещью. Лувьер бросился было к своей

шпаге, лежавшей на стуле в углу комнаты, но взгляд Бруселя, сохранившего самообладание, удержал его от этого отчаянного порыва. Госпожа Брусель, отделенная от мужа столом, залилась слезами, а обе молодые девушки бросились отцу на шею.

— Идемте, сударь, — сказал Коменж. — Поторопитесь: надо повиноваться королю.

— Но, сударь, — возразил Брусель, — я болен и не могу идти под арест в таком состоянии; я прошу отсрочки.

— Это невозможно, — отвечал Коменж, — приказ ясен и должен быть исполнен немедленно.

— Невозможно! — воскликнул Лувьер. — Берегитесь, сударь, не доводите нас до крайности.

— Невозможно! — раздался крикливый голос в глубине комнаты.

Коменж обернулся и увидел там Наннету, с метлой в руках. Глаза ее злобно горели.

— Добрейшая Наннета, успокойтесь, — сказал Брусель, — прошу вас.

— Быть спокойной, когда арестовывают моего хозяина, опору, защитника, отца бедняков? Как бы не так! Плохо вы меня знаете! Не угодно ли вам убраться? — закричала она Коменжу.

Коменж улыбнулся.

— Послушайте, сударь, — сказал он, обращаясь к Бруселю, — заставьте эту женщину замолчать и следуйте за мной.

— Заставить меня замолчать? Меня?! Меня?! — кричала Наннета. — Как бы не так! Уж не вы ли заставите? Руки короткие, королевский петушок. Мы сейчас посмотрим!

Тут Наннета подбежала к окну, распахнула его и закричала таким пронзительным голосом, что его можно было услышать с паперти собора:

— На помощь! Моего хозяина арестовывают! Советника Бруселя арестовывают! На помощь!

— Сударь, — сказал Коменж, — отвечайте мне немедленно: угодно вам повиноваться или вы собираетесь бунтовать против короля?

— Я повинуюсь, я повинуюсь, сударь! — воскликнул Брусель, стараясь освободиться от объятий дочерей и удерживая взглядом сына, всегда готового поступить по-своему.

— В таком случае, — сказал Коменж, — велите замолчать этой старухе.

— А! Старухе! — вскричала Наннета.

И она принялась вопить еще сильнее, вцепившись обеими руками в переплет окна.

— На помощь! Помогите советнику Бруселю! Его хотят арестовать за то, что он защищал народ! На помощь!

Тогда Коменж схватил Наннету в охапку и потащил прочь от окна. Но в ту же минуту откуда-то с антресолей другой голос завопил фальцетом:

— Убивают! Пожар! Разбой! Убивают Бруселя! Бруселя режут!

Это был голос Фрике. Почувствовав поддержку, Наннета с новой силой принялась вторить ему.

В окнах уже начали появляться головы любопытных. Из глубины улицы стал сбегаться народ, привлеченный этими криками, сначала по одному, по два человека, затем группами и, наконец, целыми толпами. Все видели карету, слышали крики, но не понимали, в чем дело. Фрике выскочил из антресолей прямо на крышу кареты.

— Они хотят арестовать господина Брюсея! — закричал он. — В карете солдаты, а офицер наверху.

Толпа начала громко роптать, подбираясь к лошадям. Два гвардейца, оставшиеся в сенях, поднялись наверх, чтобы помочь Коменжу, а те, которые сидели в карете, отворили ее дверцы и скрестили пики.

— Видите? — кричал Фрике. — Видите? Вот они!

Кучер повернулся и так хлестнул Фрике кнутом, что тот завыл от боли.

— Ах ты, чертов кучер, — закричал он, — и ты туда же? Погоди-ка!

Он снова вскарабкался на антресоли и оттуда стал бомбардировать кучера всем, что попадалось под руку.

Несмотря на враждебные действия гвардейцев, а может быть именно вследствие их, толпа зашумела еще больше и придвинулась к лошадям. Самых буйных гвардейцы заставили отступить ударами пик.

Шум все усиливался; улица не могла уже вместить зрителей, стекавшихся со всех сторон. Под напором стоящих позади пространство, отделявшее толпу от кареты и охраняемое страшными пиками солдат, все сокращалось. Солдат, стиснутых точно живой стеной, придавили к ступицам колес и стенкам кареты. Повторные крики полицейского офицера: «Именем короля!» не оказывали никакого действия на эту грозную толпу и только, казалось, еще больше раздражали ее. Внезапно на крик: «Именем короля!» прискакал всадник. Увидев, что военным приходится плохо, он врезался в толпу со шпагой в руках и оказал гвардейцам неожиданную помощь.

Это был юноша лет пятнадцати — шестнадцати, бледный от гнева. Он, так же как и гвардейцы, спешился, прислонился спиной к дышлу, поставил перед собой лошадь как прикрытие, вынул из седельной кобуры два пистолета и, засунув их за пояс, начал наносить удары шпагой с ловкостью человека, привыкшего владеть таким оружием.

В течение десяти минут этот молодой человек один выдерживал натиск толпы.

Наконец появился Коменж, подталкивая вперед Брюсея.

— Разобьем карету! — раздались крики в толпе.

— Помогите! — кричала старая служанка.

— Убивают! — вторил ей Фрике, продолжая осыпать гвардейцев всем, что ему попадало под руку.

— Именем короля! — кричал Коменж.

— Первый, кто подойдет, ляжет на месте! — крикнул Рауль и, видя, что его начинают теснить, кольнул острием своей шпаги какого-то верзилу, чуть было его не задавившего. Почувствовав боль, верзила с воплем отступил.

Это действительно был Рауль. Возвращаясь из Блуа, где — как он и обещал графу де Ла Фер — провел только пять дней, он решил взглянуть на торжественную церемонию и направился кратчайшим путем к собору. Но на углу улицы Кокатри толпа увлекла его за собой. Услышав крик: «Именем короля!» и вспомнив завет Атоса, он бросился сражаться за короля, помогать его гвардейцам, которых теснила толпа.

Коменж почти втолкнул в карету Бруселя и сам вскочил вслед за ним. В то же мгновение сверху раздался выстрел из аркебузы. Пуля прострелила шляпу Коменжа и раздробила руку одному из гвардейцев. Коменж поднял голову и сквозь дым увидел в окне второго этажа угрожающее лицо Лувьера.

— Отлично, сударь, — крикнул Коменж, — я еще поговорю с вами!

— И я также, сударь, — отвечал Лувьер, — еще посмотрим, кто из нас поговорит громче.

Фрике и Наннета продолжали вопить; крики, звук выстрела, опьяняющий запах пороха произвели на толпу свое действие.

— Смерть офицеру! Смерть! — загодела она.

Толпа бросилась к карете.

— Еще один шаг, — крикнул тогда Коменж, подняв шторки, чтобы все могли видеть внутренность кареты, и приставив к груди Бруселя шпагу, — еще один шаг, и я заколю арестованного. Мне приказано доставить его живым или мертвым, я привезу его мертвым, вот и все.

Раздался ужасный крик. Жена и дочери Бруселя с мольбой протягивали к народу руки.

Народ понял, что этот бледный, но очень решительный на вид офицер поступит как сказал. Угрозы продолжались, но толпа отступила.

Коменж велел раненому гвардейцу сесть в карету и приказал другим закрыть дверцы.

— Гони во дворец! — крикнул он кучеру, еле живому от страха.

Кучер стегнул лошадей, те рванулись вперед, и толпа расступилась. Но на набережной пришлось остановиться. Карету опрокинули, толпа сбила с ног лошадей, смяла, давила их.

Рауль, пеший, — он не успел вскочить на лошадь, — устал, так же как и гвардейцы, наносить удары плашмя и начал действовать острием своей шпаги, как они острием своих пик. Но это страшное, последнее средство только разжигало бешенство толпы. Там и сям начали мелькать дула мушкетов и клинки рапир; раздалось несколько выстрелов, сделанных, без сомнения, в воздух, но эхо которых все же заставляло все сердца биться сильнее; из окон в солдат бросали чем попало. Раздавался голос, которые слышишь лишь в дни восстаний, показались лица, которые видишь только в кровавые дни. Среди ужасного шума все чаще слышались крики: «Смерть гвардейцам!», «В Сену офицера!» Шляпа Рауля была измята, лицо окровавлено; он чувствовал, что не только силы, но и сознание начинает оставлять его; перед его глазами носился какой-то красный туман, и сквозь этот туман он видел сотни рук, с угрозой протянутых к нему и готовых схватить его, упали он только. Коменж в опрокинутой карете рвал на себе волосы от ярости. Гвардейцы не могли подать никакой помощи, им приходилось защи-

щаться самим. Казалось, все погибло и толпа вот-вот разнесет в клочки лошадей, карету, гвардейцев, приспешников королевы, а может быть, и самого пленника, как вдруг раздался хорошо знакомый Раулю голос, и широкая шпага сверкнула в воздухе. В ту же минуту толпа заколыхалась, расступилась, и какой-то офицер в форме мушкетера, все сбивая с ног, опрокидывая, нанося удары направо и налево, подскакал к Раулю и подхватил его как раз в тот момент, когда юноша готов был упасть.

— Черт возьми! — вскричал офицер. — Неужели они убили его? В таком случае горе им!

И он обернулся к толпе с таким грозным и свирепым видом, что самые ярые бунтовщики попятились, давя друг друга, а многие покатались в Сену.

— Господин д'Артаньян, — прошептал Рауль.

— Да, черт побери! Собственной персоной и, кажется, к счастью для вас, мой юный друг! Эй, вы, сюда! — крикнул он, поднявшись на стременах и подняв шпагу, голосом и рукой подзывая поневоле отставших от него мушкетеров. — Разогнать всех! Бери мушкеты, заряжай, целься!

Услышав это приказание, толпа стала таять так быстро, что сам д'Артаньян не мог удержаться от гомерического смеха.

— Благодарю вас, д'Артаньян, — сказал Коменж, высовываясь до половины из опрокинутой кареты. — Благодарю также вас, молодой человек. Ваше имя? Мне надо назвать его королеве!

Рауль уже собирался ответить, но д'Артаньян поспешно шепнул ему на ухо:

— Молчите, я отвечу за вас.

Затем, обернувшись к Коменжу, сказал:

— Не теряйте времени, Коменж, вылезайте из кареты, если можете, и велите подать вам другую.

— Но откуда же?

— Черт подери, да возьмите первую, которую встретите на Новом мосту; сидящие в ней будут чрезвычайно счастливы, я полагаю, одолжить свою карету для королевской службы.

— Но, — возразил Коменж, — я не знаю...

— Идите скорее, иначе через пять минут все это мужичье вернется со шпагами и мушкетами. Вас убьют, а вашего пленника освободят. Идите. Да вот как раз едет карета.

Затем, снова наклонившись к Раулю, он шепнул:

— Главное, не говорите моего имени.

Молодой человек посмотрел на него с удивлением.

— Хорошо, я бегу за ней, — крикнул Коменж, — а если они вернутся, стреляйте.

— Нет, ни в коем случае, — возразил д'Артаньян. — Наоборот, пусть никто и пальцем не шевельнет. Если сейчас сделать хоть один выстрел, за него придется слишком дорого расплачиваться завтра.

Коменж, взяв четырех гвардейцев и столько же мушкетеров, побежал за каретой. Он высадил седоков и привел экипаж.

Но когда пришлось переводить Брюсея из разбитой кареты в другую, народ, увидев того, кого он называл своим благодетелем, поднял неистовый шум и снова надвинулся.

— Проезжайте! — крикнул д'Артаньян. — Вот десять мушкетеров, чтобы сопровождать вас, а я оставлю себе двадцать, чтобы сдерживать толпу. Проезжайте, не теряя ни одной минуты. Десять человек к Коменжу!

Десять человек отделились от отряда, окружили новую карету и помчались галопом.

Когда карета скрылась, крики усилились. Более десяти тысяч человек столпились на набережной, на Новом мосту и в ближайших улицах.

Раздалось несколько выстрелов. Один мушкетер был ранен.

— Вперед! — скомандовал д'Артаньян, кусая усы.

И с двадцатью мушкетерами он ринулся на всю эту массу народа, которая отступила в полном беспорядке. Один только человек остался на месте с аркебузой в руке.

— А, — сказал этот человек, — это ты! Ты хотел убить его?! погоди же!

Он прицелился в д'Артаньяна, карьером несшегося на него.

Д'Артаньян пригнулся к шее лошади. Молодой человек выстрелил, и пуля сбила перо на шляпе д'Артаньяна. Лошадь, мчавшаяся во весь опор, налетела на безумца, пытавшегося остановить бурю, и отбросила его к стене. Д'Артаньян круто осадил свою лошадь, и в то время как мушкетеры продолжали атаку, он с поднятой шпагой повернулся к человеку, сбитому им с ног.

— Ах, сударь! — воскликнул Рауль, вспомнив, что он видел молодого человека на улице Кокатри. — Пощадите его: это его сын.

Рука д'Артаньяна, готовая нанести удар, повисла в воздухе.

— А, вы его сын? — сказал он. — Это другое дело.

— Я сдаюсь, сударь, — произнес Лувьер, протягивая д'Артаньяну свою разряженную аркебузу.

— Нет, нет, не сдавайтесь, черт возьми! Напротив, бегите, и как можно скорее. Если я вас захвачу, вас повесят.

Молодой человек не заставил повторять этот совет. Он проскользнул под шеей лошади и исчез за углом улицы Генего.

— Вы вовремя удержали мою руку, — сказал д'Артаньян Раулю, — не то ему пришел бы конец. И, право, узнав потом, кто он, я очень бы пожалел об этом.

— Ах, сударь, — произнес Рауль, — позвольте мне поблагодарить вас не только за этого бедного парня, но и за себя: я сам был на волосок от смерти, когда вы подоспели.

— Бросьте, бросьте, молодой человек, не утруждайте себя речами.

И д'Артаньян достал из кобуры фляжку с испанским вином.

— Глотните-ка вот этого, — сказал он Раулю.

Рауль отхлебнул вина и собрался снова благодарить д'Артаньяна.

— Дорогой мой, — возразил ему тот, — мы поговорим об этом после.

Затем, видя, что мушкетеры очистили набережную от Нового моста до набережной св. Михаила и возвращаются обратно, он поднял шпагу вверх, чтобы они ускорили шаг.

Мушкетеры рысью подъехали к нему; тотчас же с другой стороны подъехали те десять человек, которых он послал с Коменжем.

— Ну,— произнес д'Артаньян, обращаясь к ним,— не случилось ли еще чего-нибудь?

— Ах, сударь,— отвечал сержант,— опять поломка! Проклятая карета!

д'Артаньян пожал плечами.

— Нет, проклятое дурачье,— сказал он.— Уж если выбираешь карету, так выбирай прочную, а карета, в которой хотят везти арестованного Бруселя, должна выдержать десять тысяч человек.

— Что прикажете, господин лейтенант?

— Примите отряд и отведите его в казармы.

— Значит, вы поедете один?

— Конечно! Не думаете ли вы, что мне нужен конвой?

— Но...

— Отправляйтесь.

Мушкетеры удалились, д'Артаньян остался вдвоем с Раулем.

— Ну как, болит у вас что-нибудь? — спросил он.

— Да, сударь. У меня голова тяжелая и словно в огне.

— Что же такое с вашей головой? — сказал д'Артаньян, снимая с Рауля шляпу.— А, контузия.

— Да, кажется, мне попали в голову цветочным горшком.

— Канальи! — воскликнул д'Артаньян.— Но на вас шпоры? Вы были верхом?

— Да, я сошел с лошади, чтобы защищать господина Коменжа, и ее кто-то захватил. Да вот и она.

Действительно, в эту минуту показалась лошадь Рауля, на которой скакал галопом Фрике, размахивая своей четырехцветной шапкой и крича:

— Брусель! Брусель!

— Эй, стой, плут! — крикнул ему д'Артаньян.— Давай сюда лошадь.

Фрике услышал, но сделал вид, что слова не дошли до него, и хотел продолжать свой путь.

д'Артаньян собирался было погнаться за ним, но потом решил не оставлять Рауля одного. Поэтому он ограничился только тем, что вынул из кобуры пистолет и взвел курок.

У Фрике было острое зрение и тонкий слух; заметив движение д'Артаньяна и услышав щелканье курка, он сразу остановил лошадь.

— Ах, это вы, господин офицер,— произнес он, подъезжая.— Право, я очень рад, что вас встретил.

д'Артаньян внимательно посмотрел на Фрике и узнал в нем мальчишку с улицы Лоцильщикова.

— А, это ты, плут! — сказал он.— Иди-ка сюда.

— Да, это я, господин офицер,— отвечал Фрике с самым невинным видом.

— Значит, ты переменял занятие? Ты не поешь больше в хоре и не прислуживаешь в трактире, а крадешь лошадей, а?

— Ах, господин офицер, как можете вы так говорить? — воскликнул Фрике. — Я искал владельца этой лошади, молодого красивого дворянина, храброго, как Цезарь... — Тут он сделал вид, что только что заметил Рауля. — Да вот, если не ошибаюсь, и он. Сударь, вы не забудете меня, не правда ли?

Рауль опустил руку в карман.

— Что вы хотите сделать? — спросил его д'Артаньян.

— Дать этому славному мальчику десять ливров, — отвечал Рауль, вынимая из кармана пистоль.

— Десять пинков в живот, — сказал д'Артаньян. — Убирайся, плут, и помни, что я знаю, где тебя искать.

Фрике, не рассчитывавший отделаться так дешево, в два прыжка пролетел с набережной на улицу Дофина и скрылся из виду. Рауль сел на свою лошадь, и они вместе с д'Артаньяном, оберегавшим его как сына, поехали шагом по направлению к Тиктонской улице.

Всю дорогу они слышали вокруг себя глухой ропот и отдаленные угрозы, но при виде этого офицера, такого воинственного, и его внушительной шпаги, висевшей на темляке у него под рукой, все расступались.

Они доехали без всяких приключений до гостиницы «Козочка».

Красотка Мадлена сообщила д'Артаньяну, что Планше вернулся и привез Мушкетона, который геройски перенес операцию извлечения пули и чувствует себя так хорошо, как только позволяет рана.

Д'Артаньян велел позвать Планше, но, сколько его ни звали, ответа не было: Планше скрылся.

— Ну, так давайте вина! — приказал д'Артаньян.

Когда вино было подано и они снова остались вдвоем, д'Артаньян обратился к Раулю.

— Вы довольны собой, не так ли? — сказал он, с улыбкой глядя в глаза юноши.

— Конечно, — отвечал Рауль. — Мне кажется, я исполнил свой долг. Разве я не защищал короля?

— А кто вам сказал, что надо защищать короля?

— Это мне сказал граф де Ла Фер.

— Да, короля. Но сегодня вы защищали не короля, а Мазарини, что не одно и то же.

— Однако, сударь...

— Вы сделали ужасный промах, молодой человек. Вы вмешались не в свое дело.

— Но вы же сами...

— Я — это другое дело: я должен повиноваться своему капитану. А ваш начальник — это принц Конде. Запомните это: других начальников у вас нет. Хорош молодой безумец, готовый стать мазаринистом и помогающий арестовать Брюсея! Молчите об этом, по крайней мере, а то граф де Ла Фер будет вне себя.

— Значит, вы думаете, что граф де Ла Фер рассердился бы на меня?

— Думаю ли я? Да я в этом уверен! Не будь этого, я бы только поблагодарил вас, потому что, в сущности, вы потрудились для нас. Сейчас не ему, а мне приходится бранить вас, и поверьте, это вам дешевле обойдется. Впрочем,— продолжал д'Артаньян,— я только пользуюсь правом, которое ваш опекун передал мне, дорогой мой мальчик.

— Я не понимаю вас, сударь.

Д'Артаньян встал, вынул из письменного стола письмо и подал его Раулю.

Рауль пробежал письмо, и взгляд его затуманился.

— О боже мой! — воскликнул он, поднимая свои красивые глаза, влажные от слез, на д'Артаньяна.— Граф уехал из Парижа, не подавшись со мной!

— Он уехал четыре дня тому назад.

— Но, судя по письму, он подвергается смертельной опасности?

— Вот еще выдумали! Он подвергается смертельной опасности! Будьте спокойны. Он уехал по делу и скоро вернется. Надеюсь, вы не имеете ничего против того, что я временно буду вашим опекуном?

— Конечно, нет, господин д'Артаньян! — воскликнул Рауль.— Вы такой благородный человек, и граф де Ла Фер так вас любит!

— Что же, любите и вы меня также; я не буду вам докучать, но при условии, что вы будете фрондером, мой юный друг, и ярым фрондером.

— А могу я по-прежнему видаться с госпожой де Шеврез?

— Конечно, черт возьми! И с коадьютором и с госпожой де Лонгвиль. И если бы здесь был милейший Брусель, которого вы так опростачливо помогли арестовать, то я сказал бы вам: извинитесь поскорей перед господином Бруселем и поцелуйте его в обе щеки.

— Хорошо, сударь, я буду вас слушаться, хотя и не понимаю вас.

— Нечего тут и понимать. А вот,— продолжал д'Артаньян, обернувшись к двери,— и господин дю Валлон, который является в порядке разодранной одежде.

— Да, но зато я ободрал немало шкур взамен,— возразил Портос, весь в поту и в пыли.— Эти бездельники хотели отнять у меня шпагу. Черт возьми! — продолжал гигант с обычным спокойствием.— Какое волнение в народе! Но я уложил на месте больше двадцати человек эфесом своей Бализарды. Глоток вина, д'Артаньян!

— Рассудите нас,— сказал гасконец, наливая Портосу стакан до краев.— Когда выпьете, вы скажете нам ваше мнение.

Портос осушил стакан одним глотком, поставил его на стол и вытер усы.

— О чем? — спросил он.

— Да вот господин Бражелон,— отвечал д'Артаньян,— во что бы то ни стало хотел помочь аресту Бруселя, и я с трудом удержал его от защиты Коменжа.

— Черт возьми! — произнес Портос.— Что сказал бы опекун, если бы узнал это?

— Вы видите! — воскликнул д'Артаньян.— Нет, фрондируйте, мой друг, фрондируйте и помните, что я заменяю графа во всем.

Он звякнул своим кошельком, затем, обратясь к Портосу, спросил:

— Вы поедете со мной?

— Куда? — отвечал Портос, наливая себе второй стакан вина.

— Засвидетельствовать наше почтение кардиналу.

Портос проглотил второй стакан с таким же спокойствием, как и первый, взял шляпу, оставленную им на стуле, и последовал за д'Артаньяном.

Рауль же, совершенно ошеломленный тем, что он слышал, остался дома, так как д'Артаньян запретил ему выходить из комнаты, пока волнение в народе не уляжется.